

(.22) + (.1)
X-172

М.Ш. Халилов

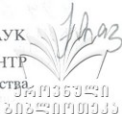
ISBN 5-7133-0103-3

ГРУЗИНСКО- ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы

М.Ш. Халилов

ГРУЗИНСКО- ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 811.353.1
ББК 81.2Гру
Х17

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РНФ)
проект № 03-04-161490

Ответственный редактор
доктор филологических наук профессор И.Х. Абдуллаев

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор М.Е. Алексеев
кандидат филологических наук доцент Я.Г. Тестелец

Халилов М.Ш. Грузинско-дагестанские языковые контакты / М.Ш. Халилов; Отв. ред. И.Х. Абдуллаев. – М.: Наука, 2004. – 286 с. – ISBN 5-02-032680-1 (в пер.)

Монография представляет собой первый опыт историко-лингвистического исследования грузинско-дагестанских языковых контактов. В ней изучены пути и способы проникновения грузинских заимствований, уточнен объем грузинского лексического вклада в дагестанские языки и дагестанских языков – в грузинский, дана классификация грузинизмов по тематическому, структурно-морфологическому и хронологическому основаниям. Исследованы способы фонетического, морфологического, синтаксического и лексико-семантического освоения грузинизмов, прослежены черты фонетико-морфологического влияния грузинского языка на контактировавшие с ним дагестанские языки. Выявлены и описаны восточные, армянские, греческие, романские и русские заимствования, проникшие в дагестанские языки через грузинское языковое посредство. Рассмотрены также дагестанизмы в грузинском языке.

Для языковедов и всех тех, кто интересуется историей этноязыковых процессов на Кавказе.

Khalilov M.Sh. Georgian-Daghestanian linguistic contacts / M.Sh. Khalilov; Editor-in-chief I.Ch. Abdullaev. – M.: Nauka, 2004. – 286 p. – ISBN 5-02-032680-1

The monograph is the first experience of historical and linguistic research of Georgian-Daghestanian language contacts. The ways of inculcation of Georgian adoptions are studied here; the volume of Georgian lexical contribution into Daghestanian languages and Daghestanian languages into the Georgian language is defined more precisely. The classification of Georgian words according to subject, structural, morphological and chronological characteristics is given. The ways of phonetic, morphological, syntactical and lexical-semantic assimilation of Georgian words are investigated in the monograph. The features of phonetic and morphological influence of the Georgian language on Daghestanian languages, being in contact with it, are revealed. The adoptions from Oriental, Armenian, Greek, Roman and Russian languages, which were inculcated into Daghestanian languages through the Georgian language, are described. The Daghestanian words in the Georgian language are also examined in the book.

The monograph is intended for linguists and all the readers who interested in the history of the ethno-linguistic processes in the Caucasus.

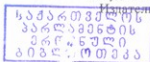
По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-032680-1

© Халилов М.Ш., 2004

© Художественное оформление.

Издательство "Наука", 2004

ინგლისტიკის
ინსტიტუტი

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся лингвист и кавказовед XX столетия В.И. Абаев более полувека тому назад, подчеркивая необходимость создания “сравнительной лексикологии кавказских языков”, обращал внимание кавказоведов на межкавказские языковые связи, на так называемый межкавказский лексический фонд. Здесь он имел в виду не многочисленные общие для кавказских языков ориентализмы, а лексические, фонетические и другие элементы, появившиеся в результате межгрупповых связей самих кавказских языков.

В дагестанском (и кавказском) языкознании до сего времени главное внимание уделяли и уделяют влиянию восточных и русского языков. Вопрос же о влиянии соседних языков и о взаимоотношениях кавказских и дагестанских языков меж собою оставался неисследованным.

Для дагестанских языков важным представляется вопрос о контактах с языками ближайших соседей, в частности с грузинским языком. В этой связи настоящая монографическая работа М.Ш. Халилова является весьма актуальной и важной для дагестанского языкознания и представляет собой первый серьезный опыт рассмотрения лингвоареальных контактов между дагестанскими и грузинскими языками.

Выбор темы не случаен. Грузинско-дагестанские связи уходят в глубь истории. В грузинской историографии дагестанцы (*лекли*) выступают не только как ближайшие соседи грузин, но и как родственные народы (дети *Леклос-а*, брата *Картлос-а* – праотца грузин).

Именно грузинская историография сохранила для потомков древнейшее название дагестанских народов – этноним *лекл-и*, который стал впоследствии источником целого ряда этнотопонимов (*Лакз, Лакзи, Лазги, Лезги, Лезгин*).

Естественно, эти древнейшие связи не могли не найти отражения в дагестанских языках. Именно выявлению контактно-

го характера элементов, лингвистическому аспекту грузинско-дагестанских связей и посвятил свое исследование М.Ш. Халилов.

Проблема рассматривается на большом фактическом материале с привлечением обширной специальной литературы по разным аспектам грузинско-дагестанских взаимодействий в строгой хронологической последовательности. При этом подробно освещается каждый временной срез.

Автор в своей работе приводит значительный лексический и грамматический материал, показывающий существование с древнейших времен грузинско-дагестанских языковых связей. Широко используемая в данном исследовании научная литература, в том числе и на грузинском языке, к сожалению, не всегда дается в дагестановедческих работах.

В монографии с необходимой полнотой рассмотрен весь спектр контактов между грузинским и дагестанскими языками. Соответственно контакты дифференцированы как грузинско-аварские, грузинско-цезские, грузинско-южнолезгинские.

Очень хорошо даны стратификация и хронология грузинизмов в дагестанских языках – с древнейших времен вплоть до наших дней (ср. речь кварельских аварцев с грузинской общественно-политической терминологией), а также география бытования грузинизмов в дагестанских языках – от запада к востоку (зоны контакта грузинского и дагестанских языков) они “затухают” и становятся меньше (например, в лакском, даргинском), но все же имеют место.

Важным для исследуемой проблемы следует считать тезис о том, что влияние не было односторонним, оно носило обоюдный характер. Автором привлечен убедительный материал, свидетельствующий о наличии дагестанских (или проникших *via Dagestanica*) элементов в восточных диалектах грузинского языка, в особенности в речи ингилойцев. Вероятно, дальнейшие изыскания выявят в этом плане немало интересного (ср. в этой связи высказанное академиком А.С. Чикобава мнение о дагестанском происхождении грузинских слов *ах* ‘подсека, чащоба’ и *важ-и* ‘парень, сын’).

Монография М.Ш. Халилова открывает хорошие перспективы для дальнейших лингвоареальных исследований взаимодействия дагестанских языков с северо- и западнокавказскими языками. В этом отношении представляют интерес контакты дагестанских и нахских, дагестанских и кумыкского языков (в последнем случае – не в плане выявления тюркизмов-кумыкизмов в дагестанских языках, а с точки зрения контактологии, взаимовлияния и приобретения кумыкским языком ряда дагестанских черт). Самостоятельное значение имеет и словарь грузинизмов в кав-

казских языках, приложенный к работе. Он не является простым приложением к монографии, а настоящим словарем дагестанских грузинизмов.

Работа, несомненно, интересна и для исследования процессов взаимовлияния самих дагестанских языков – процессов конвергенции и межгрупповых контактов.

Монография М.Ш. Халилова будет “работать”. Она представляет большой интерес для дагестановедов, занимающихся вопросами исторической лексикологии и лингвоареальных исследований на материале дагестанских и кавказских языков, и будет способствовать дальнейшему развитию подобных изысканий.

И.Х. Абдуллаев

ВВЕДЕНИЕ

Изучение языковых контактов на конкретном материале имеет важнейшее значение для выяснения общих закономерностей и специфических особенностей взаимодействия родственных и неродственных языков, возникающего в процессе экономических и культурных связей народов, поскольку оно оказывает определенное (в ряде случаев весьма существенное) влияние и на структуру контактирующих языков.

Из-за совершенно недостаточной изученности и вместе с тем чрезвычайной актуальности этой проблемы в настоящее время исследования в области языковых контактов привлекают к себе пристальное внимание лингвистов. “Повышенный интерес к вопросам древних исторических контактов, к проблеме субстрата и взаимовлияния разносистемных языков объясняется тем, что сравнительно-историческое и сравнительно-сопоставительное изучение родственных и неродственных языков открывает широкий простор для общетеоретических выводов, а это, в сочетании с этнографическими и археологическими находками, помогает в значительной степени освещению многих сторон истории языков” (Туманян 1977: 47).

Не приходится сомневаться в том, что Кавказ, имеющий богатейшую этническую, культурную и языковую историю, составляет в высшей степени интересный объект для изучения взаимодействия его языков. Несмотря на широкое признание этого обстоятельства и даже наличие отдельных публикаций соответствующего плана, лингвоареальные исследования на Кавказе все еще не стали предметом целенаправленной работы кавказоведов. Между тем они существенны не только с собственно лингвистической точки зрения (достаточно сказать в этом плане, что они имеют прямое отношение к гипотезе о наличии на Кавказе некоторого языкового союза), но и с точки зрения культурно-исторической. Сейчас очевидно, что одну из важнейших задач кавказоведения в этом плане составляет выявление внутригрупповых и межгрупповых языковых доминант, т.е. наиболее престиж-

ных в каждом отдельно взятом ареале языков, оказывавших воздействие на остальные. Среди последних наиболее значительное место принадлежит грузинскому языку, длительные ареальные контакты которого с другими языками Закавказья и Кавказа оставили в них многочисленные следы.

Исследование результатов многовековых контактов дагестанских и грузинского языков, нашедших отражение в их фонетике, морфологии и особенно в лексике, представляет несомненный интерес как в плане кавказоведения, т.е. с точки зрения дагестановедения и картвелистики, так и в плане теории языкознания.

Вопросы грузинско-дагестанских языковых контактов в лингвистической литературе до последнего времени не служили предметом систематического изучения. В силу этого рассматриваемая проблема получила в кавказоведении лишь фрагментарное освещение, а в монографическом плане вообще не исследована. Изучение грузинского вклада в дагестанские языки и дагестанского — в грузинский даст возможность сделать обстоятельные выводы прежде всего в лингвистическом плане. В частности, оно позволит выявить линии формальной, т.е. фонетико-морфологической адаптации, а также семантического переосмысления в заимствованиях, установить их примерные хронологические рамки и т.д. Исследование этих вопросов представляет собой актуальную проблему, связанную с насущными задачами ареального и сравнительно-исторического изучения кавказских языков, а также с более широкими теоретическими и практическими потребностями кавказоведения. С другой стороны, оно способно пролить свет на экстралингвистические аспекты исторического взаимодействия народов Кавказа; это тем более ценно ввиду очевидного недостатка в документированном материале по истории региона.

Монография представляет собой первый опыт историко-лингвистического исследования грузинско-дагестанских языковых контактов. Она отнюдь не претендует на полное освещение совокупности всех вопросов, связанных с грузинско-дагестанскими языковыми контактами. Ее целью является установление наиболее общих следствий этих контактов, а также определение роли и места лексических и других элементов ареальной природы в структуре грузинского и дагестанских языков. На основании полевых материалов, некоторых письменных источников, археологических и исторических данных (экстралингвистических факторов) в работе предпринята попытка систематизировать имеющийся материал и нарисовать обобщенную картину грузинско-дагестанских языковых контактов с глубокой древности до наших дней. Для достижения этой цели необходимо:

1) установить типы грузинско-дагестанских языковых контактов и их разновидности, отметить некоторые отличительные особенности грузинско-дагестанских языковых контактов в сравнении с арабско-, иранско- и тюркско-дагестанскими;

2) изучить пути и способы проникновения грузинских заимствований в дагестанские языки;

3) уточнить объем грузинского лексического вклада в дагестанские языки и дагестанских – в грузинский;

4) дать классификацию дагестанских грузинизмов по тематическому, структурно-морфологическому и хронологическому параметрам (в последнем случае следует также установить основные экстралингвистические стимулы, обусловившие их проникновение). Под грузинизмами подразумеваются как собственно картвельские лексические элементы, так и слова, вошедшие в дагестанские языки через грузинское посредство;

5) исследовать способы фонетического, морфологического, синтаксического и лексико-семантического освоения грузинизмов в дагестанских языках;

6) проследить черты фонетико-морфологического влияния грузинского языка на контактировавшие с ним дагестанские языки;

7) выявить и описать восточные, армянские, русские, греческие и романские заимствования, проникшие в дагестанские языки через грузинское языковое посредство;

8) рассмотреть дагестанизмы грузинского языка.

Настоящее исследование – это первая в дагестановедении работа, выполненная с позиций современной теории лингвистических контактов, в которой используются диахронический и синхронный подходы к анализу рассматриваемых языковых явлений, позволяющие осуществить “переход от живого наблюдения актуальных процессов взаимодействия языков к реконструкциям аналогичных процессов, которые, предполагается, могли иметь место в прошлом – по их лингвистическим результатам и с учетом исторических условий более ранних эпох” (Десницкая 1977: 98). В ней содержится попытка проследить историю грузинско-дагестанских языковых контактов и охарактеризовать их экстралингвистические предпосылки, результаты, основные особенности. Она является, по существу, первым опытом всестороннего изучения в монографическом плане многовековых ареальных связей грузинского и дагестанских языков, их структурных черт, имеющих контактную природу, пролить свет на соответствующие явления, касающиеся лексики, фонетики и морфологии дагестанских языков и их диалектов.

Монография характеризуется рядом особенностей. Во-первых, следует подчеркнуть, что она мыслится как дагестановедческая, вызванная настоятельными нуждами дагестанского языкознания. Во-вторых, в отличие от ряда ставших своеобразным реотипом исследований по описанию грузинизмов в этнических дагестанских и других кавказских языках, в настоящем исследовании поставлена не только проблема выявления и описания элементов грузинского происхождения на уровне лексики, фонетики и морфологии дагестанских языков, но и проблема их примерной хронологизации и т.д. В-третьих, в ней наряду с обобщением разрозненных фактических данных, приводимых в специальной литературе, выявлен и дополнительный материал.

Исследование грузинско-дагестанских лингвистических контактов имеет важное научно-теоретическое и практическое значение. Материалы грузинского и дагестанских языков, рассматриваемые в плане ареальной лингвистики, вносят свой вклад в разработку проблемы проницаемости языковой структуры явлениями контактного порядка. Они обогатят общую теорию взаимодействия языков конкретными фактами и положениями, скорректируют с лингвистической точки зрения некоторые выводы, достигнутые в процессе изучения истории культуры народов Кавказа.

Результаты исследования могут найти практическое применение, в частности, в сравнительно-исторических исследованиях, поскольку анализ лексических и грамматических параллелей грузинского и дагестанских языков создаст возможность отграничения совокупности иноязычных явлений от исконных. Работа внесет свою лепту и в этимологическую разработку лексики дагестанских языков, в частности, в связи с возникающей задачей составления их этимологических словарей. Кроме того, полученные выводы могут быть учтены в изучении ареальных взаимоотношений языков Кавказа в целом.

Работа может быть использована для построения исторической лексикологии дагестанских языков и как пособие для чтения курсов по кавказским языкам на соответствующих факультетах вузов республик Северного Кавказа.

В зависимости от исследуемого материала и конкретных целей исследования в работе применяются различные методы. Основными здесь являются ареальный, сравнительно-исторический, синхронно-описательный, сопоставительный и статистический.

Разработка данной проблемы связана с рядом трудностей: во-первых, с практическим отсутствием серьезной научной традиции в этой области как в дагестановедении, так и в картве-

листике; во-вторых, они обуславливаются фрагментарностью имеющихся в распоряжении исследователей материалов.

При исследовании грузинско-дагестанских языковых контактов мы опирались не столько на данные, представленные в разных лингвистических работах, сколько на новые, богатые по содержанию и разнородные по характеру материалы, собранные автором, в частности записанные им во время полевых экспедиций в 1987–1992 гг. в Кварельский район Республики Грузия и в Тляратинский и Цунтинский районы Республики Дагестан. Особое внимание уделялось фактическим источникам как по грузинскому, прежде всего его кахетинскому и ингилойскому диалектам, так и по дагестанским письменным и бесписьменным языкам и некоторым их диалектам. В ходе исследования были обработаны данные этимологических, толковых, переводно-толковых двуязычных и других видов словарей грузинского и дагестанских языков, имевшихся в нашем распоряжении (Абуладзе 1979; Гукасян 1974; Датикашвили 1953, 1959, 1967; Климов 1964; Марр 1913; Ростиашвили 1978; Саидов 1967; Саидов, Микаилов 1951; Серебряков 1962; Хайдаков 1973; Фенрих, Сарджвеладзе 1990; Кибрик, Кодзасов 1988, 1990; Николаев, Старостин 1994 и др.), а также многочисленные двуязычные национально-русские словари по андоцезским и лезгинским бесписьменным языкам, изданные (Халилов 1995, 1999, 2001; Магомедова 1999; Магомедова, Халидова 2001) и подготовленные к публикации сотрудниками Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадавы Дагестанского научного центра РАН. Был также использован текстовой, в частности фольклорный, материал грузинского и некоторых дагестанских языков. При рассмотрении дагестанских грузинизмов приводятся по возможности их аналоги в абхазско-адыгских, нахских, осетинском и некоторых других языках. В ряде случаев в связи с недостатком источников мы пользовались ретроспективным сравнительно-историческим методом изложения отдельных вопросов.

В процессе работы мы исходили из теоретических положений, выдвинутых в трудах отечественных и зарубежных исследователей языковых контактов и языковых союзов.

Впервые общие вопросы ареальных взаимоотношений кавказских языков рассматриваются в монографических исследованиях Г.А. Климова “Кавказские языки” (1965), “Введение в кавказское языкознание” (1986: 171–202). В последнем особенно подробно сопоставлены межгрупповые лексические параллелизмы нахско-дагестанских и картвельских, а также абхазско-адыгских и картвельских языков. Приведены примеры общего лексического фонда всех групп кавказских языков, обусловленного

фактором контакта. Наличие лексических параллелизмов в некоторых областях словаря, по Г.А. Климову, – это не результат воздействия картвельских языков, а следствие влияния на кавказский языковой мир со стороны языков-преемников древних цивилизаций Передней Азии. Отмечается также наличие современного соприкосновения. Такими естественными зонами соприкосновения носителей картвельских и нахско-дагестанских языков являются северные и восточные районы Грузии (Хевсуретия, Пшавия, Тушетия и частично Кахетия), северо-западные регионы Азербайджана. В процессе такого контакта народов этих регионов в структуру соприкасающихся языков проникали лексические и другие заимствования.

В этой же монографии содержатся краткие характеристики приграничных с Грузией дагестанских ареалов – аварско-цезского и южнолезгинского, – имевших более тесные контакты с грузинским языком. Г.А. Климов отмечает, что в результате укрепления экономических, политических и культурных связей между Грузией и Западным Дагестаном начиная с XI в. усиливаются грузинско-дагестанские языковые контакты, вследствие чего в дагестанские языки проникает большое число грузинизмов. Лексические проникновения он связывает также с ростом распространения двуязычия. Наряду с грузинизмами, зафиксированными в контактировавших дагестанских языках, приводятся отдельные примеры дагестанизмов, в том числе удинизмов, аваризмов и цезизмов, в грузинском литературном языке, а также в его ингилойском и кахетинском диалектах. Нельзя не подчеркнуть также один из главных тезисов автора о необходимости систематического исследования кавказских языков в ареальном плане. В том же аспекте некоторые широкораспространенные лексические параллели нахско-дагестанских и картвельских языков рассмотрены в специальной статье Г.А. Климова (1972: 349–355). Здесь отмечаются такие лексемы, как *mčladi* ‘кукурузный чурек’, *soklo/zoklo* ‘гриб’, *grdemli* ‘наковальня’, *klaklali* ‘грецкий орех’. В качестве заимствований из нахско-дагестанских языков в картвельские он рассматривает следующие лексемы: груз. *ობოლი* ‘сирота’; мегр. *კველა*, чан. *კლუი*, сван. *კვיל* ‘маленькая скамья’; груз. *კლუჩი* ‘желудок’, *გვარტი* ‘дождевая бурка’, *მღივი* ‘плот’. В статье отмечены и некоторые другие словарные общности картвельских и нахско-дагестанских языков, пути становления которых менее ясны.

Заметный след в изучении некоторых сторон грузинско-дагестанских, в частности грузинско-авароандоцезских, языковых контактов оставил в ряде статей и монографических исследований известный дагестановед Т.Е. Гудава.

Примечательна его работа “Сравнительный анализ глагольных основ аварского и андийских языков” (1959), где сопоставление в некоторых случаях приводится на материале картвельских (точнее, грузинского) языков, которые имеют аналогичные основы или некоторые звуковые соответствия с аварскими лексемами.

В статье Т.Е. Гудава “О грузинско-аварских встречах” (1954а: 701–707) сопоставлен целый ряд аварских и грузинских лексем, в том числе звукоподражательного и звуко-символического характера. Рассматриваются некоторые аваризмы в грузинском и грузинизмы в аварском, а также приводится целый ряд общих для обоих языков слов, восходящих, по мнению автора, к общекавказскому лексическому фонду.

В обобщающей монографии “Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков” (1979) Т.Е. Гудава отмечает, что система согласных цезских (дидойских) языков близка к консонантной системе грузинского (точнее, древнегрузинского) языка. Автор считает, что грузинская фонетика повлияла на фонетическую систему цезских языков. В качестве иллюстрации такого воздействия называется абруптивный **пI**, который сравнительно широко представлен в языках цезской подгруппы. В работе приведены некоторые лексические грузинизмы, зафиксированные автором.

Отдельные стороны грузинско-аварских языковых контактов освещаются в капитальном труде Ш.И. Микаилова “Очерки аварской диалектологии” (1959). В разделе “Анцухский диалект” автор рассматривает грузинские лексические элементы в ташском и чадаколюбском говорах анцухского диалекта. Как видно из монографии, не все говоры анцухского диалекта имели прямой контакт с грузинским, т.е. с его кахетинским диалектом: ташский и чадаколюбский говоры контактировали непосредственно с кахетинским, а батлухский, анцросухнадинский и томуринский – с азербайджанским языком. Как грузинизмы квалифицируются и собственные мужские и женские имена, представленные в андалальском диалекте аварского языка. К антропонимам грузинского происхождения отнесены *Илутлай*, *Тамарай*, *Гылитла*, *Гьерекли*, *Тидур*, *Абаш* и др. Не вызывает сомнений и вывод автора о том, что “глубокие исследования основного словарного состава аварского языка дадут богатый материал для освещения этой области (заимствованного словаря. – М.Х.) аварской лексикологии” (Микаилов 1959: 129).

Вопросы лексических и грамматических параллелей между отдельными дагестанскими и картвельскими языками нашли отражение в трудах И.В. Мегрелидзе, В.Т. Топуриа, В.Н. Пан-

чвидзе, О.И. Кахадзе, Г.Х. Ибрагимова, А.А. Ахмедова и К.Ш. Микаилова.

Так, например, И.В. Мегрелидзе в статье “Из истории дидойско-грузинских языковых взаимоотношений” (1934: 168–184) рассматривает некоторые лексические параллели дидойского (дидойского) и грузинского языков (цез. *гъаб* ‘железо’ – *გაბი* ‘забор’, *керу* ‘река’ – *გელე* ‘маленькая река’, *мочи* ‘земля’ – *მიწა* ‘земля’, *хъидо* ‘стена’ – *კედელი* ‘стена’, *агъуа* ‘камень’ – *აგური* ‘кирпич’, *керу* ‘ущелье’ – *ჩკერი/ჩხერი* ‘водопад’). Отдельные словарные единицы подвергнуты этимологическому анализу.

Далее И.В. Мегрелидзе отмечает, что в цезских картвелизмах отражены фонетические особенности древнегрузинского состояния (например, сохранение фонем *хъ*, *ви*, *й*). По его мнению, это указывает на то, что цезы знали грузинский язык с древнейших времен, подтверждением чего являются сохранившиеся в бесписьменном дидойском языке фонетические элементы древнегрузинского и среднегрузинского языков, отсутствующие в современном грузинском. Эти и другие вопросы языковых взаимоотношений цезских и грузинского языков затрагиваются и в других его лингвистических работах (Мегрелидзе 1942: 175–188; 1955а: 211–222; 1959: 191–198, и т.д.). Однако из работ И.В. Мегрелидзе не вырисовывается достаточно четкой картины грузинско-цезских контактов, в частности, приводимый в них материал допускает и иные объяснения.

Лексические и грамматические параллели лакского и картвельских языков в тезисном плане освещает В.Т. Топуриа (1941: 15–16).

Сопоставительный анализ удинского и картвельского морфологического инвентаря находим в статье В.Н. Панчвидзе “Морфологические встречи удинского языка с грузинско-картвельскими языками” (1946: 359–370).

Выявлению грузинско-лезгинских параллелей посвящена статья О.И. Кахадзе “Грузинско-лезгинские лексические встречи” (1988: 342–348). Как отмечает автор, для нескольких обособленно стоящих грузинских слов находятся параллели в лезгинских языках (ср.: лезг. *дуркун* ‘почка’, *нагъв* ‘слеза’, ‘желчь’, *пац* ‘лапа’). По мнению О.И. Кахадзе, источником соответствующих слов в грузинском является ныне вымерший кавказско-албанский (агванский) язык.

Лексические встречи цахурского и грузинского языков характеризуются в статье Г.Х. Ибрагимова “Цахурско-грузинские лексические параллели” (1977: 201–208). Согласно автору, источником таких параллелей послужили как генетическое родство, так

и их взаимовлияние, а также общность экономических и культурных контактов с другими народами.

В первой части статьи Г.Х. Ибрагимов рассматривает лексические единицы общекавказского уровня, далее даны звуко-подражательные слова, общие для цахурского и рутульского. В третьей группе приводятся грузинские заимствования в цахурском и цахурские слова, проникшие в грузинский язык. Наряду с этими параллелями рассматриваются цахурско-грузинские словарные общности, заимствованные из арабского, иранских и тюркских языков. В конце статьи делаются некоторые обобщения. Ценным является то, что дан большой лексический материал обоих языков, хотя он не подвергнут фонетическому и морфологическому анализу. Некоторые положения автора спорны, а иногда и неверны. Так, например, ряд грузинизмов (*класри* 'бочка', *тебиши* 'тарелка', *цихе* 'крепость' и др.) считается им по происхождению цахурским. Ср. также мнение автора о том, что "для грузинского языка как в исконной, так и заимствованной лексике в ряде случаев характерно усечение конечного согласного... при сохранении финального согласного в грузинском регулярно наращивается вокал" (Ибрагимов 1977: 208). Здесь, на наш взгляд, налицо обратный процесс. Именно для цахурского языка характерен закрытый тип слога в ауслaute, и поэтому в заимствованиях, в том числе и в грузинизмах, наблюдается наращение консонанта или усечение исходного гласного, ср.: *борани* 'паром' > цах. *боран*, *мамаци* 'храбрый' > цах. *malmydц* 'трус', *самаре* 'могила' > цах. *самарев* 'котлован', *цихе* 'крепость' > цах. *цихей* 'крепость' и др. Цахурские, а также рутульские грузинизмы отмечены и в последующих монографических исследованиях автора (Ибрагимов 1978; 1990).

Вопрос о совпадении грамматических форм в личных местоимениях I и II лица обоих чисел в цезских и грузинском языках освещается в статье А.А. Ахмедова и К.Ш. Микаилова "О некоторых разрядах местоимений в гинухском языке" (1983: 267–272). Причины подобного совпадения в указанных языках авторы объясняют тысячелетним сосуществованием в условиях адстрата цезских и грузинского языков и сильным влиянием последнего на эволюцию цезских. В другой статье К.Ш. Микаилов (1987: 161–162) обращает внимание на то, что маркировка именительного падежа специальным аффиксом **-ав** (**-ай**, **-аб//иб**) в аварских именах существительных произошла под влиянием грузинского языка.

Во многих исследованиях кавказоведов приводятся грузинские лексические элементы в качестве примеров заимствованного пласта лексики или при сравнительном анализе исконной лек-

сики. Так, например, удинские грузинизмы рассматриваются в работах Е.Ф. Джейранишвили (1971), В.Н. Панчвидзе (1972), В.Л. Гукасяна (1974), Т.Т. Сихарулидзе (1990); аварско-цезские грузинизмы – в работах Ш.И. Микаилова (1959), Е.А. Бокарева (1959), Г.И. Мадиевой (1965), М.Г. Исаева (1975), М.Ш. Халилова (1989), И.А. Исакова (1991), Х.Г. Иванишвили (1991). Цезские грузинизмы – у А.М. Асланова (1965, 1982). Цезские грузинизмы фиксируются в изданных словарях М.Ш. Халилова (Бежтинско-русский словарь, Цезско-русский словарь), И.А. Исакова, М.Ш. Халилова (Гунзибско-русский словарь) и подготовленных к изданию – И.А. Исакова, М.Ш. Халилова (Гинухско-русский словарь) и Н.С. Джидалаева (Хваршинско-русский словарь). В качестве сопоставительного материала некоторые дагестанские грузинизмы отмечены С.М. Хайдаковым в его “Сравнительно-сопоставительном словаре дагестанских языков” (1973), Г.А. Климовым и М.Ш. Халиловым – в “Словаре кавказских языков: Сопоставление основной лексики” (2003).

Некоторые этимологические изыскания в области дагестанского и грузинского словаря проводятся в исследованиях Г.А. Климова и К.Ш. Микаилова. Так, Г.А. Климовым в статье “О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков” (1972) рассматривается этимология отдельных дагестанизмов в грузинском и грузинизмов в дагестанских языках. Лексические встречи картвельских и дагестанских языков затрагиваются и в “Этимологическом словаре картвельских языков” (Климов 1964).

К.Ш. Микаилов в статье “Несколько грузинских этимологий” (1977: 158–163) дает анализ ряда грузинских слов, таких как *барбацц* ‘шататься, нетвердо стоять на ногах, пьяная походка’; *цомла* ‘немного, мало’; *клюдрачла* ‘плутовка’, *чланчури* ‘венгерка (сорт сливы)’, *кларак* ‘сливочное масло’. По мнению К.Ш. Микаилова, эти слова в грузинском языке являются аваризмами, т.е. заимствованными из аварского языка. Однако с выводами автора об их аварском происхождении нелегко согласиться.

В двух статьях К.Ш. Микаилова – “К истории названий ранних металлов в картвельских языках” (1999а) и “Картвельские этимологии. IV. Некоторые термины родства и свойства” (1999б) – дается этимология рассматриваемых групп слов в картвельских языках.

Фонетическое и морфологическое освоение бежтинских грузинизмов и их семантическое переосмысление рассмотрены в статье Г.А. Климова и М.Ш. Халилова (1987). Здесь также дается подробная предметно-тематическая классификация грузинских лексических элементов.

Топонимы и, в частности, микротопонимы грузинского происхождения на географической карте Дагестана освещаются в ряде исследований: К.Ш. Микаилов (1979), М.Р. Гасанов (1979; 1986б), Г.Х. Ибрагимов (1990), И.Г. Магомедов (1973), Халилов (1981б), Х.Г.Иванишвили (1991) и др.

Более подробно эти и другие работы, связанные с проблемой грузинско-дагестанских языковых контактов, анализируются в соответствующих главах настоящего исследования.

Как видно из проведенного выше обзора, грузинско-дагестанские языковые контакты освещены пока лишь фрагментарно. Необходима систематизация известного материала, вовлечение нового и рассмотрение его с некоторой единой точки зрения. Соответственно возникает необходимость исследования проблемы в монографическом плане.

За основу используемой в настоящей работе транскрипции принята стандартная кавказоведческая транскрипция на русской графической основе с рядом дополнений и изменений. Сравнимые лексические элементы грузинского и других языков приводятся также в русской транскрипционной записи (см. ЕИКЯ: Таблицы гласных и согласных кавказских языков).

Глава I

ИЗ ИСТОРИИ
ГРУЗИНСКО-ДАГЕСТАНСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

77/337.196
3

Для наиболее полного раскрытия древней истории многовековых языковых контактов между дагестанскими и грузинским языками необходимо осветить хотя бы вкратце историю грузинско-дагестанских взаимоотношений. В данной главе предполагается рассмотреть исторический фон социально-экономических, общественно-политических и этнокультурных взаимоотношений грузин и дагестанцев, обусловивших активное взаимодействие их языков и культур. Выдвинутые вопросы намечается осветить конкретно-исторически, учитывая непрямолинейный характер многовекового развития этих народов и разный уровень интенсивности их многогранных этнокультурных и экономических связей. Это, в свою очередь, позволит более конкретно подойти к решению специальных лингвистических проблем, без учета которых нельзя раскрыть основные вопросы языковых связей.

Между народами Кавказа в течение длительного исторического периода существовали экономические, политические и культурные взаимоотношения. Дагестан, имеющий богатую и древнюю историю и являющийся самым многонациональным уголком регионом Кавказа, играл важную роль в этих взаимоотношениях.

Народы Дагестана, наряду с азербайджанцами, чеченцами и др., являются ближайшими соседями грузинского народа. В процессе исторического развития они жили, поддерживая тесные отношения как между собой, так и с соседними народами, в частности грузинами.

Исторические взаимоотношения между Грузией и Дагестаном в специальной научной литературе, как в грузинской, так и

в дагестанской, освещены сравнительно неплохо. Основнополагающие принципы грузинско-дагестанских взаимоотношений были заложены в трудах И.А. Джавахишвили (1913; 1930), Н.А. Бердзенишвили (1950), С.Н. Джанашиа (1988), Г.А. Меликишвили (1952; 1959), А. Иванова (1977). Отдельные стороны этих контактов были освещены в исследованиях Т.Г. Папуашвили (1982), Т.Д. Боцвадзе (1968), Д.Г. Мегреладзе (1953), Г.И. Лежава (1940), В.Н. Гамрекели (1957; 1972; 1977), А.И. Шахвелишвили (1983), Р.О. Шмерлинга (1969) и др.

Вопросы дагестанско-грузинских исторических связей отражены в работах ученых-дагестановедов: М.Р. Гасанова (1968а, 1986б; 1991), Е.И. Крупнова (1960), Д.М. Атаева (1958; 1964б), А.Р. Шихсаидова (1957), Д.М. Магомедова (1982), А.А. Марианова (2000) и др. Наиболее полно изучен данный вопрос в монографических исследованиях М.Р. Гасанова.

Отдельные вопросы дагестанско-грузинских исторических взаимоотношений получили освещение в обобщающих трудах "Очерки истории Дагестана" (1957), "История Дагестана" (1967), "История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в." (1988), "История Грузии" (1963) и др.

Специальное исследование данной проблемы не входит в сферу нашей работы, тем более что развиваемая здесь концепция целиком строится на базе вышеназванных исторических исследований. Не претендуя на полный охват всех сторон грузинско-дагестанских взаимоотношений, на основании имеющихся источников, а также на основе их критического анализа попытаемся дать общую картину этих контактов на протяжении многих веков.

С античных времен Кавказ и, в особенности, территория Дагестана известны как один из разноплеменных уголков мира, который античные авторы отмечают наличием многочисленных этнических групп. По их данным, здесь жили албанцы, леги, гаргары, гели, лупены, андаки и др. Из древнегрузинских письменных источников также видно, что «горные районы восточной Грузии были частично заселены племенами, родственными "кавказионам" (племена бацбийско-кистинской и дагестанской групп)» (Меликишвили 1959: 294). Следовательно, в древности имелись условия для более тесного соприкосновения и общения населения Дагестана и Грузии. Отдельные исследователи считают грузинские и северокавказские племена родственными (Цулая 1979: 3; 1987: 175).

Взаимоотношения между народами Дагестана и Грузии проявились прежде всего в торгово-экономической и политической областях. Политико-экономические отношения благоприятно

ятно воздействовали на культурную сферу, в том числе и на языковую.

Дагестанцы издавна поддерживали тесные экономические контакты с Грузией. В наиболее тесных связях с Грузией, особенно с восточной ее частью, находились аварцы, удины, цахуры, дзодойцы (цезы).

Разные пути связывали Дагестан с Грузией, но наиболее важные в экономическом и военно-стратегическом отношении пролегали через перевалы Кавказского хребта, главные из которых проходили через Кодорский и Вантлашетский. Благодаря своему экономическому и стратегическому значению эти пути были известны и античным авторам (Страбон 1947: 220; Птолемей 1948: 247). Древнегрузинские авторы также отмечают пути, связывающие Дагестан с соседними народами. Так, древнегрузинский автор "Матиане Картлиса" упоминает о маршруте, проходившем через Лекетию (Матиане Картлиса 1982: 47). Здесь, видимо, речь идет о Кодорском перевале, по которому проходила дорога во внутреннюю Кахетию.

"Одна из дорог, известная в документах под названием Аваро-Кахетинской, – пишет М.Р. Гасанов, – считалась самой удобной для общения горцев Дагестана с восточногрузинским населением. Дорога шла по краям ущелий рек Койсу, Хван-ор и Ганжа-ор. Значение дорог, ведущих из Западного Дагестана через Кодорский и Вантлашетский перевалы в Грузию, особенно возросло в XVIII–XIX вв. Экономически горцам было выгодно пользоваться этими путями. Например, от Бежта до Порт-Петровска расстояние составляло около трехсот километров, а от Бежты до первого грузинского села было всего 50 км. Жители многих районов Дагестана и поныне эти дороги связывают с населением Грузии, и теперь древние пути продолжают жить" (1979: 105). Отмечены и другие торговые пути, по которым осуществлялась связь между Дагестаном и Грузией.

Экономические связи Дагестана и Грузии были разносторонними. Эти связи расширились в эпоху бронзы. Как отмечают М.Г. Гаджиев и С.Н. Корневский, "в Закавказье металлические изделия великентской коллекции имеют аналоги в Сачхери (вторая половина III тыс. до н. э.), погребениях алазано-беденской и триалетской культур" (1984: 26).

Археологические материалы свидетельствуют о том, что в последней трети II тыс. до н. э. в отдельных регионах Грузии наблюдается быстрый процесс развития земледелия и ремесла, особенно медно-бронзовой металлургии, продукция которой вывозилась в соседние страны. Дагестан получал из Грузии некоторые виды орудий труда. Кроме предметов вооружения и орудий

труда, дагестанское население получало из Закавказья и предметы украшения (Гасанов 1991: 17).

В эпоху железа экономические контакты дагестанских племен с грузинскими еще больше расширяются (Крупинов 1960: 343).

Значительную роль в расширении экономических контактов сыграло возникновение в начале I тыс. до н.э. Урарту — царского государства. Через него население Кавказа поддерживало связи с древнейшими цивилизациями Востока (Пиотровский 1939: 6; Авдиев 1948: 15). Дагестанско-грузинские отношения оживились еще больше в связи с тем, что некоторые районы Грузии входили в состав Урарту. Торговые связи продолжали активизироваться и в скифскую эпоху (Погребова 1984).

Установившиеся еще в античную эпоху экономические связи дагестанского населения с закавказскими народами не прерывались и в средневековье. Отмечая экономические связи дагестанцев с внешним миром в раннее средневековье, В.Г. Гаджиев пишет, что “народы Дагестана оказались втянутыми в оживленную международную торговлю, причем они не только экспортировали свои товары. Различного рода товары Серира (Авария), оружие и ювелирные изделия Зирихгерана, ковры, паласы, шерсть из Табасарана и Лакза, шелк из Ширвана привозились в Дербент и оттуда вывозились на Русь и в страны Востока” (1964: 144).

Экономические контакты с Грузией поддерживало и население северных районов Дагестана. Об этом свидетельствуют археологические материалы Галлинского, Верхнечириуртовского и других могильников Дагестана (Атаев 1959а: 177–198). Это же подтверждают и письменные источники. По словам Б. Вахушти, горцы Дагестана с древнейших времен спускались в Кахетию, оттуда “вывозили жизненные припасы, одежду и все потребное для себя” (1904: 131).

Значительную роль в экономических отношениях играли торгово-ремесленные центры Дагестана, в частности Дербент и Семендер (Кудрявцев, Шихсаидов 1979: 136).

Вместе с тем, как отмечает М.Р. Гасанов, “в развитии местной и внешней торговли не уступали городам и крупные населенные пункты, расположенные во внутренней части Дагестана, такие как Кубачи, Кумух, Бежта, Ахты, Рутул и др. Поскольку Дербент, Варачан, Семендер, вообще приморская часть Дагестана часто попадали во власть иноземных завоевателей и оказывались оторванными от внутренних районов Дагестана, вышеуказанные торгово-ремесленные центры имели особое значение в развитии внутренней и внешней торговли Дагестана. Почти все они были расположены на древних торговых путях Дагестана, по

которым дагестанское население общалось между собой и с населением соседних областей – Грузией, Азербайджаном и Чечено-Ингушетией” (1968а: 8).

Археологические исследования показывают, что аул Бежта представлял собой крупный торгово-ремесленный центр Дагестана, связанный как с внутренними районами Дагестана, так и с соседними областями, особенно с Восточной Грузией (Атаев 1964б).

По свидетельствам античных, а вслед за ними и средневековых авторов, в Дагестане имелись все условия для производства разных изделий из шерсти. Овцеводство, развитое в горных местностях Дагестана, где расположены прекрасные альпийские пастбища, являлось важной базой не только для производства ковров, бурок, но и сукна и других шерстяных тканей.

Роль Дагестана в экономических связях Грузии с народами северных территорий возросла в IX–X вв. (Якубовский 1948: 255) – в период существования Хазарского каганата.

Экономические связи Дагестана с Грузией становятся наиболее тесными в XI – начале XIII в. (Гасанов 1991: 32). В этот период феодальная Грузия достигает высокого уровня экономического развития. Во всех отношениях – экономическом, политическом и культурном – Грузия становится одной из ведущих стран Кавказа и Передней Азии.

Большое значение для укрепления связей имело отходничество дагестанских кустарей и ремесленников, широко развивавшееся в XVI–XVIII вв. Лудильщики, деревообработчики, каменщики, шапочники, а также представители многих других кустарно-ремесленных профессий ежегодно расходились по торгово-промышленным центрам Закавказья, возвращаясь домой лишь в сезон сельскохозяйственных работ. Многие по несколько лет жили в городах и крупных селах Грузии. Так, в Тбилиси в начале XVIII в. существовала крупная колония ремесленников-дагестанцев, преимущественно лакцев. В лесах Тушетии дагестанцы изготавливали деревянную посуду и продавали ее в Сигнахи. Работали дагестанцы и по найму в сельском хозяйстве. Животноводы издревле перегоняли свои стада на зимние пастбища в Кахетию, в Заалазанскую долину и Азербайджан. Здесь возводились временные и постоянные жилые помещения и кошары, мельницы, производились распахка и сенокосение. “Богнадальцы, капуцинцы, анцухцы, дидойцы и др. жители Западного Дагестана, – отмечает Д.М. Магомедов, – уже к началу XIX века имели в Кахетии достаточно крупные поселения, в некоторых из них было до 50–80 жилых построек, что превышало поселения на их собственной территории” (1982: 36).

Особую роль в развитии дагестанско-грузинских экономических взаимоотношений играли дагестанские горцы, которые переселились в Грузию до XIX в. и обосновались на постоянное жительство в восточной части Кахетии. В первой половине XIX в. продолжался процесс переселения дагестанских горцев в Кахетию, причем в значительном количестве.

В дальнейшем рассматриваемые экономические связи еще больше расширяются и углубляются. Возрастает посредническая роль Грузии во взаимоотношениях народов Дагестана с другими народами. Экономические контакты народов Дагестана и Грузии содействовали дальнейшему подъему их производительных сил и тесному политическому сближению, а также усилению культурных контактов между народами.

Дагестанско-грузинские экономические связи развивались не в одинаковой степени на всех этапах. Значительной помехой на этом пути была раздробленность Грузии и междоусобные войны. Кроме того, отрицательную роль в развитии торгово-экономических связей играли нашествия иноземных завоевателей, а также возникавшие между правителями Дагестана и Грузии феодальные распри, которые отвлекали трудовой народ от мирных занятий. В целом же торгово-экономические связи народов Дагестана и Грузии носили регулярный характер и отражали интересы дагестанского и грузинского населения.

Политические взаимоотношения Дагестана и Грузии, развивавшиеся на основе экономических, восходят к глубокой древности. Они способствовали дальнейшему экономическому сближению, а также культурному взаимовлиянию народов.

Наиболее тесными эти политические связи были в период, когда народы Дагестана входили в состав Кавказской Албании, а Иберийское Картлийское царство представляло собой довольно сильное политическое объединение (Гасанов 1991: 37).

Связи с соседними горными областями имели важное значение для сохранения политической независимости Картлийского царства, и в то же время давали возможность укрепить и держать под контролем экономически и стратегически важные пути, идущие с Северного Кавказа на юг.

По данным античных авторов, дагестанские горцы представляли собой внушительную силу на Кавказе. Правители Иберии использовали их для борьбы с иноземными завоевателями. В свою очередь Иберия сыграла важнейшую роль в сохранении политической независимости народов Дагестана.

В I–II вв. Иберийское государство значительно расширило свои границы. В сфере его влияния оказались отдельные племена соседней Албании.

В III–IV вв. политические связи, по сравнению с предыдущим периодом, несколько ослабевают. Это связано с ухудшением внешнеполитического положения Иберии, вызванным усилением Ирана. Однако взаимовыгодные дагестанско-грузинские связи хотя и ослабли, но не прекратились (История Грузии, 1963: 57).

“Внутриполитические и внешнеполитические успехи Картлийского царства, – пишет М.Р. Гасанов, – как и прежде, во многом зависели от контактов Иберии с горцами Северного Кавказа и Дагестана, и грузинские правители, распространяя в этот период христианскую религию, хотели усилить свое влияние на горцев Дагестана. Вместе с тем, распространение христианской религии явилось важным этапом в развитии дагестанско-грузинских взаимоотношений” (1991: 38–39).

Очагами распространения христианской религии на юге Дагестана являлись средневековая Албания и Армения, а на западе подобную роль играла Грузия (Шихсаидов 1957: 55).

В VII–VIII вв. грузинские правители неоднократно пытались распространить свое влияние на западнодагестанское население, и это им время от времени удавалось (Картлис Цховреба 1955: 243–244). Крайне скудны письменные сведения о проникновении христианства в Западный Дагестан, т.е. аварские районы и район Цахура. Однако наличие широких политических связей с Грузией делает вполне вероятным проникновение сюда христианских элементов еще до X в. (Шихсаидов 1957: 62).

Важным этапом в развитии взаимоотношений между народами Дагестана и Грузии является период, связанный с образованием многонационального грузинского феодального государства (XI – начало XIII в.). Этот период характеризуется совместной борьбой грузин и дагестанцев против иноземных завоевателей, в частности против турок-сельджуков (Гасанов 1991: 41). Грузинские правители использовали дагестанских горцев как наемную военную силу, наряду с остальными народами Северного Кавказа (Анчабадзе, Цинцадзе 1966: 30).

В сфере политического влияния в этот период, кроме горских племен Кавказа (Осетии, Чечено-Ингушетии), оказались и некоторые западнодагестанские горцы. Как отмечает Р.М. Гасанов, “вхождение Дидоэтии на некоторое время в состав Грузинского царства способствовало дальнейшему усилению связей между грузинскими и западнодагестанскими народностями, через них и с остальными дагестанскими горцами. Однако влияние грузинского царства на земли Западного Дагестана было кратковременным” (1991: 43).

Следует отметить, что дагестанско-грузинские политические взаимоотношения не всегда были мирными и временами преры-

вались набегами, войнами правителей Дагестана и Грузии. Грузинские правители неоднократно пытались распространить свое влияние на Дагестан. Попытки покорить горцев Восточной Грузии – хевсур, тушин и др. – предпринимали и дагестанские правители, в частности владетели Серира (Аварии). Так, например, Гущетия была подчинена аварскому нуцалу (Бакиханов 1991: 51).

Историческая обстановка на Кавказе в XII – начале XIII в., усиление Грузинского царства благоприятствовали дальнейшему распространению христианства в западных районах Дагестана.

В Дагестане обнаружено значительное количество христианских памятников, из них более или менее сохранился храм Датуна (Шмерлинг 1969: 211–218). Подобные храмы были и в других районах Дагестана.

Таким образом, археологические памятники, дополняя данные средневековых письменных источников, еще раз свидетельствуют о распространении христианской религии среди значительной массы населения Дагестана уже в X в. Памятники материальной культуры, подкрепляя и дополняя отрывочные данные письменных источников, указывают, что христианство в некоторых районах Дагестана удержалось до XIV–XV вв. (Шиллинг 1945: 17–20).

Следы христианства в Дагестане сохранились в течение столетий господства ислама. Еще в 1814 г. Г.Ю. Клапрот писал, что “большая часть лезгинских (т.е. дагестанских. – М.Х.) племен ныне принадлежит к суннитской секте ислама, но все же среди них имеются многие, кто живет без религии или же у которых обнаруживаются почти угасшие следы христианства, почитания древних церквей, скал и деревьев” (1814: 117).

«В эпоху, когда Нагорный Дагестан, – пишет Д.Г. Мегреладзе, – испытывал культурно-политическое влияние равнинной Грузии, лезгинско-грузинские (дагестанско-грузинские. – М.Х.) отношения не носили характера “лекианоба”» (1953: 5). А начиная с XVI в. некоторые дагестанские феодалы и старшины стали совершать набеги на соседнюю Грузию. Горские феодалы нуждались в дополнительных источниках существования, одним из которых и явилась своеобразная форма хозяйства, выразившаяся в систематическом грабеже более состоятельных соседних народов в целях добывания необходимого прожиточного минимума (Мегреладзе 1953: 5). Однако следует отметить, что некоторые исследователи рассматривали набеги как основное занятие дагестанцев на всех этапах истории, обвиняя всех горцев поголовно в разбое (Гамрекели 1972).

Со стороны дагестанских алимов отношение к “лекианобе” было разное. Некоторые оправдывали набеги на земли “невер-

ных”, считая это богоугодным делом. Ряд алимов, в частности Абубакар Аймакинский, Давуд Усишинский, осуждали и считали набеги противоречащими исламу.

Политические взаимоотношения народов Дагестана и Грузии становились тесными в период угрозы иноземного вторжения. Благодаря важному географическому расположению в торговом пути Древнего Востока и античного мира Кавказ издавна привлекал внимание крупных держав, и здесь не раз сталкивались их интересы. Поэтому народам Дагестана и Грузии пришлось бороться не с одним, а с многочисленными завоевателями – греческими, римскими, персидскими, арабскими, турецкими, татаро-монгольскими и др. Борьба народов Дагестана и Грузии против иноземных завоевателей имела важное значение для сохранения политической независимости этих народов; кроме того, она влияла на ход многих международных процессов, связанных с историей Кавказа и Ближнего Востока. С другой стороны, внешнеполитическая обстановка на Кавказе, в Передней Азии во многом предопределяла взаимоотношения народов Дагестана и Грузии (Гасанов 1991: 64).

После присоединения к России Дагестана и Грузии в XIX в. создаются условия для более тесных связей между различными районами Кавказа. В составе России взаимоотношения народов Дагестана и Грузии крепили и развивались.

Культура дагестанцев, имеющая глубокие и самобытные черты, как культура любого народа, никогда не развивалась изолированно от соседних народов. Дагестанские горцы поддерживали тесные связи с населением Северного Кавказа и Закавказья. Влияние закавказской культуры на дагестанскую было значительным и разносторонним. Грузинская культура проникала в страну гор прямо и опосредованно. Ее благотворное дыхание, независимо от состояния межгосударственных отношений, никогда не угасало.

О культурных контактах дагестанского населения с грузинским в древнейшую эпоху свидетельствуют археологические материалы. Как отмечает М.Г. Гаджиев, “на протяжении почти всего исторически обозримого периода на Северо-Восточном Кавказе одни археологические культуры сменялись другими, причем даже генетически слабо связанными друг с другом, но определенное единство материальной культуры, своеобразие этого региона сохраняются на всех этапах его исторического развития” (1985: 19). Но это отнюдь не привело к прекращению культурных связей населения Дагестана и Грузии, на что указывают археологические памятники – украшения, орудия труда, оружие, отличающиеся большой близостью к западнокавказским формам (Марковин 1959; Круглов 1958).

На взаимовлияние древних культур народов Дагестана и Грузии указывают и другие памятники. И.В. Мегрелидзе в западных районах Дагестана, в частности Дидо, обнаружил значительное количество статуэток, являющихся аналогами грузинских памятников (1951: 288).

В художественной культуре древнего Кавказа и Грузии Дагестана и Грузии, основное место занимают изображения животных. Чаще всего это фигурки лошади, жеребенка, змеи, оленя и т.д. «Важным составным компонентом первобытной идеологии населения Кавказа, — пишет Я.В. Доманский, — был тотемизм, т.е. вера в обязательную связь человека, родового коллектива с каким-либо животным и растением, иногда неодушевленным предметом, даже явлением природы» (1984: 79).

Общее в искусстве Дагестана и Грузии обнаруживается и в орнаменте. Древний сюжет грузинского народного орнамента «древо жизни», широко распространенный в этнографической действительности, перекликается с дагестанскими мотивами (Маммаев 1989: 55).

На культурные взаимоотношения народов Дагестана и Грузии указывают также типы жилищ. Как утверждает археолог В.Г. Котович, появление поселений в приморских районах, на вершине естественных холмов и распространение на значительной территории горного Дагестана крупноплановых жилищ связано с передвижением из Закавказья племен — носителей куро-араксской и энеолитической культуры (1964: 185, 197). Весьма характерны для Кавказа дома-крепости, которые составляют, по существу, один тип жилища. Дома-крепости, сложившиеся в древние времена, встречаются как в Дагестане, так и в горной части Грузии (Кобычев, Робакидзе 1967: 31).

О древних культурных связях свидетельствуют и фольклорные произведения. В фольклоре разных народов выявляются не только черты типологического сходства, возникающие независимо от заимствований и влияний, но и факты обогащения фольклора одного народа за счет приобретений идейно-эстетических ценностей из фольклорной сокровищницы других народов.

Зарождение фольклорных связей Грузии и Дагестана обусловлено географической близостью и общностью древней истории и общественно-политической жизни народов.

Самые распространенные грузинские образы стали достоянием дагестанских фольклорных произведений. Большой популярностью здесь пользовалось имя Шота Руставели. Широко известная сказка «Влюбленный Амир» представляет «фольклорное прочтение», переделку содержания знаменитой поэмы Ш. Руставели. Такова же судьба другого замечательного памятника —

“Абесалом и Этери”. Лакское сказание “Абесалом и Этери” почти полностью повторяет содержание грузинского текста. Сюжеты грузинских народных сказок встречаются и в бежтинских сказках. Своеобразное отражение в фольклоре дагестанцев получила деятельность и личность царицы Тамары, с которой связаны яркие страницы истории средневековой Грузии. В поэзии Дагестана бытуют произведения, где красота и ум грузинской царицы коллективным творцом преподносятся как образец. Сохранились также легенды и предания, воссоздающие образ царицы (Абакарова 1985: 80–81). Однако ее имя у некоторых народов ассоциировалось с жестокостью и тиранией. Так, дидойцам царица причинила немало бед, иначе не сохранилось бы старинное проклятие, распространенное среди цезов: “Пусть поразит тебя камень царицы Тamar!” (Мегрелидзе 1942: 182).

Древняя грузинская культура обогатила устнопоэтическое творчество дагестанских народов. В то же время следует отметить и то, что влияние было, в известной степени, обоюдным, на что указывают отдельные источники, содержащие наиболее показательные и очевидные примеры. В Грузии были широко известны предания и легенды дагестанцев, в частности, замечательные памятники “Хочбар”, “Камалил Башир” (Алиханова 1985: 130–140) и др. В поэме “Кровная месть” В. Пшавела широко использовал сюжет “Хочбар” – шедевра народного ума и таланта.

Грузия, связанная с культурными областями тогдашнего цивилизованного мира, надо полагать, играла посредническую роль в культурных взаимоотношениях Дагестана со странами Ближнего Востока.

Другими факторами, способствовавшими дальнейшему расширению дагестанско-грузинских связей, явились возникновение Колхидского, Иберийского государств на территории Грузии и Албанского на территории Дагестана и Азербайджана (Гасанов 1991: 68–69).

Культура Грузии оказывала влияние и на дагестанскую архитектуру. Зодчие Дагестана, как полагают искусствоведы, должны были быть знакомы с архитектурными орнаментами Грузии и Армении. Грузинские летописцы отмечают строительство храмов в различных частях Дагестана в период правления Тамары. В этой связи уместно привести слова академика С.Н. Джанашиа, писавшего, что “памятники грузинской архитектуры имеются не только к югу от Кавказского хребта, но и к северу от него” (1947: 49).

Культурные контакты обнаруживаются в результате исследований керамических изделий. Как указывает Г.С. Читая, грузинская керамика, выявляя типологическое единство внутри себя

и тесную связь с древнегрузинской керамикой, вместе с тем показывает и связи ее с керамикой Северного Кавказа и Передней Азии (1956: 235).

На культурные связи указывают и другие предметы материальной культуры. Например, одним из общепризнанных элементов национальной одежды является обувь с "носком". В этой связи Г.С. Читая отмечает, что «обувь с характерной особенностью имеет параллели с обувью некоторых дагестанских народов. Ее, кожаную и шерстяную, находим у цахуров, анцухцев, джумурцев, капучинцев и кубачинцев. Ареал ее распространения – преимущественно южный Дагестан, территория, некогда входившая в состав древней Албании. Грузинская и дагестанская обувь с "носком" имеет параллели в древневосточных, хурритских и тешуб-хеттских памятниках» (1940: 315). Кроме того, многие предметы быта Дагестана обнаруживают сходство с грузинскими.

В период расцвета и могущества Грузинского царства (XI–XIII вв.) культурные взаимоотношения народов Дагестана и Грузии усиливаются, что особенно отразилось на их языках. В.И. Абаев отмечает, что «в языке самым лучшим, самым чутким показателем всякого рода культурных отношений и влияний является, как известно, лексика» (1949: 294). Действительно, языки цезской группы, среди других дагестанских, испытывали сильное влияние грузинского языка. Довольно обширен лексический материал, служащий для обозначения различных элементов материальной культуры и ее связи с грузинской материальной культурой.

«Поскольку некоторые этнические группы Западного Дагестана, – пишет М.Р. Гасанов, – в период усиления Грузинского царства подпали под влияние последнего, то надо полагать, что проникновение в западнодагестанские (цезские. – М.Х.) языки ряда терминов из грузинского языка относится к этой эпохе» (1991: 72). Проникновение в некоторые дагестанские языки церковных терминов (ср. *сакъдари* 'церковь', *гъудело* 'священник', *клубо* 'гроб' и др.) связано с деятельностью христианских, в основном грузинских, миссионеров. В последующие века, особенно XVIII в., процесс взаимопроникновения лексических элементов, преимущественно в дагестанские языки, усиливается.

Как неотъемлемую часть культуры народов Дагестана и Грузии, сближающую их, следует рассматривать духовную культуру, а конкретнее танцы, музыку и песни. Популярнейшая пляска "картули" ранее была известна в Грузии под названием "лекури", т.е. "лезгинка" (Беляев 1963: 276). Родиной лезгинки, по мнению исследователей, является Дагестан, где были созданы классические образцы этого танца, позже перенесенные во все соседние

области (Ханукаев, Плодкин 1948: 12–13). Общее прослеживается в музыкальных инструментах, в песнях и мелодиях дагестанских горцев и грузин (Асланикашвили 1964: 27).

Памятники художественной резьбы по камню и дереву в Дагестане имеют аналоги среди образцов художественной резьбы Грузии X–XIII вв., близкие им по мотивам и технике исполнения. Резьба по дереву и камню в Дагестане носит чисто орнаментальный характер. На развитие камнерезного искусства Дагестана значительное влияние оказала Грузия (Дебилов 1966: 123).

Проникая в западнодагестанские районы из восточной Грузии, христианство способствовало развитию письменности и искусства религиозной направленности. Распространение христианства объективно помогало расширению культурных связей. По словам академика С.Н. Джанашиа, “вместе с христианством на Северный Кавказ переходит и грузинская культура” (Дидебулидзе 1983: 47).

Следствием расширившихся культурных связей явилось распространение грузинской письменности среди части западнодагестанского населения. В отдельных аулах Дагестана обнаруживаются надписи, сделанные не по-грузински, а на местном языке, но грузинскими буквами заглавного эпиграфического шрифта; их насчитывается около 50 единиц (Мурадян 1977).

Распространение грузинской письменности в Дагестане предположительно можно отнести к XII–XIV вв. С чем же связано использование грузинского языка некоторой частью дагестанцев? В этом плане, как было отмечено, основным путем внедрения грузинской письменности в среду западных дагестанцев была их христианизация посредством Грузии. Вместе с христианской религией грузины приобщают горцев к своему богатому языку, который к этому времени получил большое признание и распространение (Дидебулидзе 1983: 87). По словам академика Н.А. Бердзенишвили, “в VIII–X вв. значение грузинского литературного языка сильно возросло. Уже в IX веке в Картли, в Тао-Кларджети, в Кахетии и Абхазии единственным языком письменности, государственного делопроизводства, гражданских взаимоотношений и церкви являлся грузинский язык. Посредством христианства грузинский язык перешел на Северный Кавказ, в первую очередь в среду черкесов и алан” (1950: 15).

В тот же период в Дагестане были сделаны попытки приспособить грузинский алфавит к аварскому языку. Это видно из рукописных и эпиграфических памятников, представляющих большую научную ценность, написанных на аварском и древнегрузинском языках. На территории Аварии найдено множество памятников с грузинско-аварскими надписями (Д.М. Атаев). Одним из

первых, найденных в Хунзахе в 1904 г., был камень с древнегрузинской надписью (Такайшвили 1904: 63). В 1923 г. в стене одного из жилых домов обнаружен камень с частью надписи древнегрузинским шрифтом. По мнению академика Н.Я. Марра, надпись древнеалбанская, выполненная грузинскими буквами (1925a: 14).

Особого внимания заслуживают надписи, дешифрованные А.С. Чикобава и Т.Е. Гудава, свидетельствующие о культурных связях между Дагестаном и Грузией. Первая надпись, высеченная на кресте из белого тесаного камня, сделана церковным уставным письмом "мтаврული" (грузинская часть) и грузинским церковным строчным "нусхури" (аварская часть). Как отмечал А.С. Чикобава, "по характеру письма памятник нужно отнести к XIII–XIV вв. и, во всяком случае, не позднее XV века" (1940: 325).

Т.Е. Гудава (1954) дешифровал две надписи, найденные в местечке Галла (близ Гиничуть) и сел. Хунзах, Хунзахского района Республики Дагестан. Первая надпись сделана на камне, на котором вырезан крест. Язык и алфавит (смешанный "мргловани" и "нусхури") надписи грузинские. В переводе читается она так: "Крест Христа. Господи, помилуй душу Чахути". По мнению Т.Е. Гудава, имя Чахути местного происхождения. Вторая надпись (крест, высеченный из известняка) является двуязычной – грузинско-аварской. Алфавит текста грузинский (смешанный "мргловани" и "нусхури"). Она очень похожа на грузинско-аварскую надпись, опубликованную А.С. Чикобава, и, по всей видимости, датируется не позднее XIV в. В своей статье Т.Е. Гудава отвергает мнение М.-С.Д. Саидова, считающего надписи делом "вольноотпущенных грузин" (1948). Как утверждает Т.Е. Гудава, "такое мнение противоречит как палеографической стороне, так и ряду исторических сведений. Достаточно сказать, что историки соседних народов сохранили прямые сведения о христианстве в нагорном Дагестане (в грузинских источниках также упоминается даже хунзахский (аварский) католикос Окропири, т.е. "Златоуст"). Следы христианства обнаруживаются в некоторых аварских выражениях второй надписи, например: *gyatlan k'vo* 'воскресенье', букв. 'церковный день' (1954).

Таким образом, эпиграфические памятники, подкрепляя данные письменных источников, неопровержимо свидетельствуют о распространении грузинской письменности на значительной территории Дагестана.

О культурно-исторических связях народов Дагестана и Грузии свидетельствуют и данные ономастики. В период распространения христианства среди дагестанцев были очень употребительными грузинские имена типа *Илутай* (Илья), *Тамар/Тамарай*

(Тамара), *Переكلي* (Ираклий), *Гандуник* (Андроник), *Клуцканти* (Константин), *Харитлон* (Харитон), *Илишу* (Елпесей), *Георги* (Георгий) и другие. Некоторые топонимы, появившиеся на географической карте Дагестана, восходят к грузинскому языку.

В последующие века дагестанско-грузинские культурные взаимоотношения усиливаются и расширяются, прежде всего отражаясь в области материальной культуры. На культурные связи указывают также жанры устного народного творчества, духовная культура, данные лексики этих языков. Значительная роль в культурных взаимоотношениях принадлежала учебным заведениям г. Тифлиса, в которых готовились специалисты из представителей местных кавказских народов. Возрастает роль грузинских и дагестанских поэтов, писателей и ученых в развитии дагестанско-грузинских связей.

Культурные связи с Грузией способствовали развитию контактов дагестанского населения в области культуры не только с народами Северного Кавказа, Закавказья, но также и со странами Ближнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы.

Глава II

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ НА КАВКАЗЕ

Теория языковых контактов – сравнительно новая отрасль языкознания, интенсивно развивающаяся в последние несколько десятилетий. Языковые контакты представляют собой общелингвистическую проблему, изучение которой имеет важное значение для выяснения общих закономерностей истории языков. Эта теория находит все более эффективное применение в исследованиях языковых изменений на конкретном материале.

Как известно, взаимодействие родственных и неродственных языков, возникающее в условиях экономических, политических и культурных связей двух или нескольких этносов, оказывает известное влияние на лексику и структуру контактирующих языков. Исследования такого плана могут дать особенно много ценных фактов тогда, когда объектом изучения являются ареалы, где в течение длительного времени происходили сложные и разнообразные этногенетические процессы, в которых участвовали родственные и неродственные народы. В этом плане кавказский ареал представляет собой, несомненно, большой интерес. На Кавказе представлены индоевропейские, тюркские, семитские, кавказские языки, различные по своему происхождению и разнообразные по структуре. В этом отношении очень актуально и весьма интересно изучение ареальных взаимоотношений внутри кавказских языков, в частности контактов между дагестанскими и грузинским.

Типологические и особенно генетические исследования по кавказским языкам имеют определенные традиции, однако работы по ареальным разысканиям выглядят значительно скромнее. И поэтому описание языковых взаимоотношений составляет программную работу на будущее. Все же имели место некоторые попытки освещения лингвистических связей на внутригрупповом

и межгрупповом уровне, а также исследовались проблемы внешних ареальных связей кавказских языков.

Для освещения грузинско-дагестанских ареальных взаимоотношений необходимо хотя бы вкратце остановиться на истории изучения языковых контактов на Кавказе в целом.

Начиная с 50-х годов XX столетия отмечена активизация работ по лингвистическим связям на Кавказе. В этом плане в несколько более выгодном положении находится картвелистика, так как контакты картвельских языков с северокавказскими и другими изучены сравнительно неплохо.

Проблема внешних связей картвельских языков получила более менее полное освещение в кавказоведении. Как известно, картвельская семья контактировала не только с автохтонными кавказскими, но армянским, иранскими, тюркскими и другими языками. Следы этих взаимоотношений сохранились в основном в виде лексических проникновений, датируемых разными периодами. Большая часть заимствований по происхождению считается ранней. Особый интерес представляют многочисленные, очень древние индоевропейско-картвельские (Климов 1984) и индоевропейско-севернокавказские (Старостин 1988) лексические параллели.

Иранские лексические элементы в картвельских языках являются результатом многовекового политического и культурно-исторического общения различных ираноязычных народов с Грузией. Они восходят как к древне-, так и, особенно, к средне- и новоиранской языковой эпохе. И наличие их в картвельских языках объясняют тем, что некоторые элементы усваивались общекартвельским до его дифференциации (Андроникашвили 1966).

Из иранской семьи в наиболее тесных и непрерывных взаимоотношениях с картвельскими и другими кавказскими языками находился осетинский. Говоря об осетинском воздействии, следует отметить, что оно, по-видимому, ограничивается словарными заимствованиями. Лексика осетинского происхождения отмечена в грузинском языке и его горских диалектах (Абаев 1956; Дзидзигури 1977 и др.) и сванском (Климов 1963). Вместе с тем выявлены лексические вкрапления грузинского происхождения и в осетинском (Техов 1977; Тедеева 1983). В исследованиях последних нескольких десятилетий обращено внимание на осетино-грузинские семантические схождения (Ахвледиани 1960: 194–210; Абаев 1973: 27–34). Такую близость в семантике объясняют следствием особо длительных и тесных взаимоотношений.

Ареальные связи нахско-дагестанской ветви с осетинским, естественно, оставили определенный отпечаток на языках и

ограничиваются в основном лексическими заимствованиями. Имея непосредственные контакты с аланами, вайнахи заимствовали большое число словарных единиц, а количество наречий в осетинском незначительно (Абаев 1959: 89–119). Сравнительно малочисленны аланизмы в дагестанских языках (Миквилов 1972: 333–338; Абдуллаев 1972; 1992: 95 и др.). Специально в монографическом плане рассматриваются осетинские адыгейзмы (Балкаров 1965).

Армяно-картвельские культурные связи, по всей видимости, начались еще до нашей эры и продолжают непрерывно по сей день. Вполне естественно поэтому, что они оставили заметный след в лексике этих языков. По своему происхождению картвельские арменизмы восходят к древнеармянской и новоармянской эпохам и, соответственно, армянские картвелизмы относятся к древнегрузинскому, среднегрузинскому и, в большей части, новогрузинскому периодам. Есть основание думать, что на раннем этапе с армянским контактировала преимущественно занская (лазо-мегрельская) ветвь картвельских языков (Капанцян 1975).

Лексические элементы армянского в грузинском и грузинского в армянском исследовались Г.Б. Джаукяном (1973: 91–95), И.В. Абуладзе (1976: 126–129, 228–237) и др. Выявлены и описаны общие слова в грузинском и армянском (Абуладзе 1976: 109–125, 130–134), а также совместные заимствования, восходящие к греческому, среднеперсидскому, арабскому и другим источникам. Вместе с тем на материале армянского и грузинского установлена идентичность фонемного инвентаря (Деетерс 1926: 47–82; Йоб 1977 и др.), а также выявлены многочисленные параллелизмы в сфере морфологии.

В сравнении с иранизмами и арменизмами, грузинские тюркизмы, по-видимому, являются более поздними. Данный пласт лексики в грузинском сравнительно многочислен и охватывает в основном область культурного словаря. Впервые в монографическом плане наиболее полно и подробно лексические взаимоотношения азербайджанского и грузинского языков освещены А.Г. Нуриевым (1983); в работе автор выявляет и описывает азербайджанские слова в грузинском. Грузинизмы в азербайджанском, а также азербайджанизмы в грузинском даются в небольшой статье С.С. Джикия (1957: 207–218) и в монографическом исследовании А.М. Асланова (1989: 115–119). Грузинские лексические элементы в азербайджанском, а также на уровне одного дманисского говора описаны в статьях В.Т. Джангидзе (1957: 237–242; 1967: 128–129).

В словарном фонде грузинского языка зафиксировано около 300 лексем азербайджанского (*resp.* тюркского) происхождения.

Что же касается воздействия грузинского языка на азербайджанский, то оно гораздо слабее (Асланов 1989: 118).

Заметное лексическое влияние азербайджанского, кумыкского, карачаево-балкарского языков ощутимо и в других языках Кавказа (Хабичев 1980; Мусукаев 1984; Бусеитов 1985: 139–155 и др.), в том числе и дагестанских (Джидалаев 1972; Гукасян 1973; 1978; Кубатов 1973; Эфендиев 1973; Асланов 1989 и др.).

В лингвистической науке известны факты интенсивных контактов между языками различной групповой принадлежности. Достаточно вспомнить, например, мегрельско-абхазские, сванско-адыгейские, грузинско-нахские, грузинско-аварские, грузинско-цезские, грузинско-южнолезгинские, адыгско-нахские, адыгско-дагестанские ареальные взаимосвязи. Однако следует отметить, что “в целом масштабы межгруппового взаимодействия кавказских языков представляются, по крайней мере на современной ступени его изученности, сравнительно ограниченными” (Климов 1986: 175).

К довольно ранней эпохе относят начало контактов между картвельскими и абхазско-адыгскими языками. И, соответственно, обнаруживаются многочисленные отложения лексического характера и незначительные взаимопроникновения морфологического инвентаря.

Вопросы сванско-адыгейских (черкесских) языковых встреч рассматривают С.Н. Джанашиа (1940, 1959), К.Д. Дондуа (1975: 126–149) и др. А морфологические встречи абхазского языка с картвельскими освещаются в статье А.С. Чикобава (1942: 149–168), который отмечает, что в мегрельском и лазском из абхазского усвоены несколько превербов со значением направления. Предполагается, что мегрельский словообразовательный аффикс наречий *-ac* проник в абхазский язык в форме *-(ə)ε*. По мнению Т.Е. Гудава, в мегрельском и лазском заимствован послелог *-x(a)* (1947: 193–196). На материале мегрельского и абхазско-адыгских языков выявлены общие идиоматические единицы (Гамкрелидзе, Мачавариани 1965: 252).

Многочисленны словарные мегрелизмы и грузинизмы в абхазском и абхазизмы в мегрельском (некоторое их число налицо также в грузинском и лазском). Довольно подробный список сванизмов, мегрелизмов и грузинизмов приводят в абхазском А.К. Шагиров (1989: 139–153), в кабардино-черкесском М.А. Хабичев (1980: 142–143), а картвельские лексические элементы в убыхском отмечает К.В. Ломтатидзе (1974: 93–94). Некоторые абхазско-адыгско-картвельские лексические параллели рассматриваются в этимологическом плане (Климов 1969: 286–295) и т.д.

В целом один из несколько лучше изученных аспектов рассматриваемого взаимодействия составляют нахско-грузинские контакты. Почти все языки и диалекты нахской ветви имели и имеют ареальные связи с грузинским, а бацбийский язык и кистинский диалект чеченского языка, носители которых проживают на территории Грузии с XVI в., продолжают интенсивно контактировать с грузинским, т.е. с некоторыми его диалектами. Следы нахско-грузинского взаимовлияния отражены на всех языковых уровнях, в частности в фонетике, морфологии, синтаксисе и, особенно, в лексике. Наиболее значительное грузинское влияние ощутимо на бацбийский и кистинский словарные фонды (Дешериев 1953; Алироев И.А. 1962; Алироев И.Ю. 1972; 1978 и др.). Налицо также значительное количество грузинизмов и в других нахских языках и их диалектах (Арсаханов 1959; Мациев 1973; Алироев И.А. 1975), многие из которых, как отмечают исследователи, являются более ранними, чем бацбийско-кистинские, так как они сильно видоизменились в фонетическом плане. Подробный список нахских грузинизмов приводят Т.Б. Гониашвили (1940: 575–632) и А.Л. Чинчараули (1975: 210–214). Однако Т.Б. Гониашвили придерживается той точки зрения, что часть слов, входивших в этот список, обусловлена не ареальным контактом, а предполагаемым родством картвельских и нахских языков.

Наряду с массовыми словарными заимствованиями грузинизмов в некоторых нахских языках, особенно в бацбийском, обнаруживают морфологические элементы контактного характера. Грузинское воздействие в бацбийском распространяется соответственно и на отдельные словообразовательные аффиксы (Дешериев 1953: 13; Чрелашвили 1963: 153–155). Появление здесь личного спряжения, а также развитие некоторых грамматических явлений, неизвестных остальным нахским языкам, связывают с грузинским влиянием (Дешериев 1953: 322–328). Под влиянием грузинского в бацбийском наблюдаются весьма интересные факты лексической и морфологической интерференции (Чрелашвили 1977: 138–152 и др.).

В то время как грузинские лексические элементы встречаются во всех нахских языках и диалектах, нахские словарные единицы представлены исключительно в восточногрузинских диалектах, и их специально рассматривают А.Л. Чинчараули (1975: 210–214) и И.Ю. Алироев (1978: 199). Отмечены также единичные лексические вкрапления нахско-дагестанского происхождения, зафиксированные в письменных памятниках древнегрузинского языка (Климов 1986: 184; К.Т. Чрелашвили и др.).

Некоторые исследователи считают генетически общими для нахских и картвельских языков такие нахские лексемы, как *буо* 'сноха', *майра* 'муж', *деца* 'тетя', *нана* 'мать', *нус* 'сноха', *меца* 'муха', *ка* 'баран-производитель', *ча* 'медведь', *гау* 'огонь' (Алироев 1978: 185–187). Среди постулируемой Абаириевым так называемой генетической общей нахско-картвельской лексики, по нашему мнению, иногда приводятся лексемы, восходящие к разным языковым источникам. Например, *оболи* 'сирота' для картвельских языков является иноязычным словом, т.е. заимствованным из нахско-дагестанских языков (Климов 1986: 184). Лексема *нус* 'невеста', в свою очередь, является в кавказских языках индоевропеизмом (Абаев 1973: 100; Климов 1986: 129, 203) и др.

Невозможно отрицать и факты межгруппового взаимодействия северокавказских языков. Их ареальные взаимоотношения имеют очень древнюю историю. Однако, в отличие от вышерассмотренных контактов остальных кавказских языков с внешним и внутренним миром, лингвистические связи между абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими ветвями исследованы недостаточно. И даже имеющиеся некоторые попытки их освещения носят явно фрагментарный характер, и то на уровне лексики адыгейского и дагестанских (Балкаров 1964) и адыгейского и вейнахских (Балкаров 1966) языков. Специально подвергаются анализу лексические связи абазинского языка с кабардино-черкесским. Здесь же выделяется заимствованный кабардино-черкесский пласт лексики в абазинском (Ионова 1982). Воздействие адыгских языков на абхазский отмечено на уровне лексики (Шагиров 1962: 56–57). В целом же вопросы взаимовлияния языков народов Западного Кавказа монографически исследованы М.А. Хабичевым (1980).

И, наконец, по-прежнему остается актуальной проблема изучения таких ареальных доминант, как грузинский в картвельской языковой области, адыгская речь в абхазско-адыгской, кумыкский и аварский в нахско-дагестанской. Весьма важны исследования родственных дагестанских языков в условиях взаимовлияния и взаимопроникновения. Исследования такого характера до сих пор не стали предметом специального изучения, хотя на их необходимость указывалось в литературе [см. Предисловие А.С. Чикобава к работе (Гудава 1964: 6)]. Правда, имеются отдельные попытки освещения конвергентных процессов (Абдуллаев 1989: 87–90).

Даже на основе такого беглого анализа литературы вырисовывается общая картина истории изучения ареальных контактов на Кавказе. Однако с полным основанием можно сказать, что

тысячелетние лингвистические связи кавказских языков на межгрупповом и внутригрупповом уровне в пределах данного региона, а также их взаимоотношения с внешним миром не нашли достаточно полного освещения на разных уровнях языковой структуры. И поэтому из-за большой совокупности нерешенных задач в сфере изучения ареальных взаимоотношений данная проблема остается актуальной и имеет чрезвычайное значение для разработки, по существу, нового направления кавказоведческих исследований. В этом плане предпринятая в настоящей работе попытка освещения контактов на уровне грузинско-дагестанских языков в какой-то степени восполнит пробел.

Теория языковых контактов обогатилась многими интересными исследованиями отечественных и зарубежных лингвистов, внесших свою лепту в эту область языкознания: В.И. Абаева, И.К. Белододе, Р.А. Будагова, У. Вайрайха, Е.М. Верещагина, Б.В. Горнунга, М.М. Гухман, А.В. Десницкой, Ю.Д. Дешериева, О. Есперсена, Г.А. Климова, К.Е. Майтинской, А. Мартине, А. Мейе, А.А. Реформатского, В.Ю. Розенцвейга, А.М. Рота, Б.А. Серебренникова, Э. Хаугена, А.С. Чикобава, В.Н. Ярцевой и др. Однако до сих пор в лингвистической науке существуют не только спорные, противоречивые, а порой и абсолютно противоположные суждения по поводу того, какие отношения следует включать, например, в понятие "языковые контакты", каковы типы межъязыковых отношений, или попытки некоторых авторов сузить понятие "языковые контакты" до представлений о субстратных отношениях. В литературе нередко встречается смешение дефиниций заимствования и заимствованного слова, лексического заимствования и лексического проникновения и т.д., т.е. наблюдается разноречивость в употреблении и понимании ряда терминов, а некоторые из них нуждаются в уточнении и разъяснении. Для рассмотрения истории грузинско-дагестанских ареальных взаимоотношений необходимо особое внимание уделить понятийному аппарату, используемому в лингвистической науке.

Рассмотрим доминантные термины, относящиеся к понятийному аппарату языкового взаимодействия.

Как было отмечено выше, в литературе существуют различные мнения по поводу основного понятия "языковые контакты". Так, У. Вайрайх (1979), Э. Хауген (1958: 771), В.Ю. Розенцвейг (1963) понимают "языковые контакты" как использование двух или более языков одними и теми же индивидуумами. Этим самым рассмотрение межъязыковых отношений они сужают до анализа явлений билингвизма и полилингвизма, т.е. не проводят различия между билингвизмом как процессом языковых контактов и их результатом (Рот 1973: 5).

Термин “языковые контакты”, который вслед за А. Мартине и У. Вайнрайхом стали применять многие лингвисты, призван заменить понятие “смешение языков”, введенное в языкознание Г. Шухардтом в полемике с концепцией об органической сущности языка. “Понятие смешения языков, – пишет В.Ю. Розенцвейг – оказалось неприемлемым не только для таких лингвистов, как Уитней, Мейе, Сепир, не допускавших мысли о смешении грамматического строя, точнее морфологии двух языков, но и для других ввиду неопределенности этого понятия” (Розенцвейг 1972а: 6). Однако этот термин, как и термин “взаимное влияние” языков, продолжает употребляться и по сей день (Росетти 1972: 112).

По содержанию термина “языковой контакт” и “двуязычие” высказывались разные мнения. Некоторые лингвисты считают двуязычие результатом языковых контактов (Хауген 1958: 62; Мартине 1972: 3; Розенцвейг 1972а: 8; Филин 1972: 15). Существуют и противоположные суждения. Так, М.М. Михайлов считает, что “двуязычие – это сам процесс контактирования языков... по существу, контактирование языков – явление вторичное” (Михайлов 1972: 197).

В кавказоведении существует более или менее определенное мнение по поводу разграничения понятий “языковые контакты” и “двуязычие”. Так, Ю.Д. Дешериев (1953), В.Л. Гукасян (1973), В.Т. Джангидзе (1978), Н.С. Джидалаев (1982) и многие другие отмечают, что двуязычие с разной степенью интенсивности возникает в результате языковых контактов и что оно не возникает в течение короткого времени, а является следствием длительного контактирования двух языков и диалектов.

Мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые полагают, что двуязычие возникает в результате ареального контакта, и считаем, что определенная ситуация контактирования языков и языковых единиц (диалектов и говоров) порождает соответствующий вид двуязычия, что двуязычие есть продукт языкового контакта.

Встречаются также попытки сузить понятие “языковые контакты” до представлений о субстратных явлениях (Будагов 1958: 395). А некоторые исследователи (Есперсен 1930; Серебренников 1955; Опельбаум 1971 и др.) дают более широкое толкование этому понятию.

При решении вопроса классификации типов и видов языковых контактов взгляды исследователей еще больше расходятся из-за различия в критериях классификации. Такая классификация проведена в работах Б.В. Горнунга, Л.И. Баранниковой, В.И. Розенцвейга и других, и при этом они опираются на интралингвистические (внутриязыковые) факторы.

Другие ученые, например Б.А. Серебренников, при классификации типов основными считают критерии, основывающиеся на экстралингвистических факторах (1957).

Третья группа исследователей (А.М. Рот, Е.В. Офельбаум, Ю.О. Жлуктенко) в своих определениях типов языковых контактов пытается объединить критерии, вытекающие как из экстра-, так и из интралингвистических факторов, но при этом решающими признает первые. Так, А.М. Рот, исходя из экстралингвистических критериев, предлагает следующую классификацию: 1) внутренние и 2) внешние контакты. Внутренние дифференцируются на маргинальные (пограничные) и интрарегиональные (1969: 4–5).

Если остановиться на грузинско-дагестанских связях, то выясняется, что взаимодействие некоторых сопредельных дагестанских языков и приграничных с Дагестаном диалектов грузинского языка происходило в основном путем маргинального контактирования. Однако нельзя исключить случаи, когда языковые контакты возникали при естественном двуязычии, т.е. контактировании дагестанских языков и диалектов на одной и той же территории с диалектами грузинского в историческом прошлом. Такое внутрорегиональное контактирование аварско-цезских языков с грузинским имеет место и в настоящее время. Связи носителей разных дагестанских и грузинского языков осуществлялись, главным образом, путем непосредственного их общения.

В лингвистической литературе, посвященной проблемам языковых контактов, особенно много противоречивых взглядов и противоположных выводов связано с одним из важнейших вопросов – вопросом динамики лингвистической интерференции и глубины проницаемости структурных уровней контактирующих языков.

Так, У.Д. Уитней отмечает, что в процессе взаимодействия языков заимствуются в первую очередь слова (главным образом, имена), затем суффиксы, флексии и, наконец, фонемный инвентарь (1881: 1–26). По К.Ш. Прицвальду, эта градация выглядит следующим образом: словарный состав, фонемный строй, словообразование, синтаксис и собственные имена (1938: 52–72). А. Мейе утверждает, что грамматические системы контактирующих языков непроницаемы (1921: 82). Б.А. Серебренников, в целом отрицая проницаемость морфологического уровня, обратил внимание исследователей на некоторые закономерности динамики лингвистической интерференции (1955: 10–24).

Другим вопросом, вокруг которого также идут споры лингвистов, является проблема заимствования. Она также еще не получила всестороннего освещения, хотя ей посвящено довольно

большое количество работ как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Недостаточность разработки данной проблемы выражается хотя бы в том, что в литературе до настоящего времени нет однозначного толкования термина “заимствование” (Бутина 1971: 57). Причем часто под ним понимается простое перемещение слов и отдельных грамматических явлений из одного языка в другой.

В этой связи Э.Ахунзянов отмечает, что «в существующей научной литературе наблюдается смешение, неразграничение таких терминов, как “заимствование”, “заимствованное слово”, “иноязычное слово”, которое может привести к путанице. А между тем нередко они употребляются в синонимическом значении, несмотря на то что не имеют однозначного соответствия. Бесспорно, термин “заимствование” по значению гораздо шире, нежели термин “заимствованное слово”, а этот последний не может рассматриваться как равнозначный по отношению к термину “иноязычное слово» (1968: 6–7).

В кавказском языкознании освещению этого вопроса не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания. Чаще всего кавказоведы, занимающиеся проблемами языковых контактов, термины “заимствование”, “заимствованное слово”, “иноязычное слово” употребляют параллельно, как синонимы. Однако некоторые исследователи (например, И.Ю. Алироев) эти понятия разграничивают, хотя и не всегда последовательно. На наш взгляд, названные термины следует различать, так как они имеют разное содержание. Термин “заимствование” характеризуется более широким значением, подразумевая перемещение различных уровней языка (элементы фонетики, морфологии, синтаксиса и особенно лексики) из одного языка в другой. “Под заимствованием, – пишет Ю.Д. Дешериев, – обычно понимают проникновение лексических и иных элементов из одного языка в другой” (1966: 106). “Заимствованное слово” имеет более узкое значение по отношению к понятию “заимствование”, и его следует понимать как проникновение и функционирование какого-либо слова из другого языка прямо или опосредованно. “Иноязычное слово”, в нашем понимании, не всегда является равнозначным термину “заимствованное слово”, так как оно содержит в себе двойное значение. Во-первых, иноязычное слово можно понимать как заимствованный из другого языка лексический элемент, во-вторых, это слово какого-либо языка, еще не освоенное.

И, наконец, в лингвистической литературе, к сожалению, до сих пор не разграничивают такие понятия, как “лексические проникновения” и “лексические заимствования”. Здесь же следует отметить, что некоторые исследователи вместо понятия “лекс-

ческое заимствование" употребляют термин "звуковое заимствование", под которым они подразумевают заимствование гнешней, звуковой, оболочки иноязычного слова (Кленин 1991:94).

Как пишет А.М.Рот, «заимствование нового названия приводит к тому, которое становится синонимом "старого" названия, и в результате лексическим проникновением. Лексические проникновения усваиваются путем борьбы новой, проникшей номинации с исконной лексемой. В процессе этой конкурентной борьбы происходит изменение качества семантической структуры исконной лексики. Исконное слово теряет из своей сферы как раз столько, сколько захватывает его синоним. Лексические проникновения во многих случаях захватывают полностью всю сферу значений исконного слова, которое, будучи избавленным от коммуникативной функции, умирает» (1973: 13).

Усвоение проникновений происходит только в условиях маргинальных и внутрирегиональных контактов. В контактировавших дагестанских языках, особенно в цезских, отмечаются случаи лексических проникновений, которые будут отмечены ниже.

Используя эти и другие теоретические положения по проблемам языковых контактов, попытаемся раскрыть историю грузинско-дагестанских языковых контактов.

Глава III

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУЗИНСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Не приходится сомневаться в том, что Кавказ, имеющий богатейшую этническую, культурную историю, располагая множеством разных в структурно-типологическом и генетическом отношении языков, которые развивались во взаимодействии друг с другом, представляет в высшей степени интересный объект для изучения данного процесса. Несмотря на широкое признание этого обстоятельства (Церетели 1965: 49) и даже наличие отдельных публикаций соответствующего характера (Балкаров 1965; Меретуков 1974; Йоб 1977; Хабичев 1980; Тедеева 1983; Шагиров 1989 и др.), лингвоареальные исследования на Кавказе все еще не стали предметом целенаправленной работы кавказоведов. Между тем они существенны не только с собственно лингвистической точки зрения, но и с точки зрения культурно-исторической. В этой связи можно согласиться с выводом И.О. Гецадзе: "...как с точки зрения пространственного размещения большого количества самобытных языков, так и разнообразия распространения языковых явлений кавказская ареальная лингвистика представляет собой... один из уникальных объектов для дальнейших лингвогеографических наблюдений" (1977: 106; 1980: 201).

В современном кавказоведении существует два совершенно противоположных взгляда на проблему генетического родства кавказских языков. Представители первого направления (Г.В. Церетели, А.Г. Шанидзе, Г.С. Ахвледиани, Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани, Г.А. Климов, А.Е. Кибрик и др.) отрицают их родство. При этом они ведут поиск общих черт между тремя языковыми семьями и гипотетически допускают ареальное единство кавказских языков.

Представители второго направления (А.С. Чикобава, В.Г. Топурия, Г.В. Рогова, К.В. Ломтатидзе, Ю.Д. Дешериев и др.) считают доказанным их генетическое родство и весьма скептически относятся к вопросам исследования ареальных взаимоотношений этих групп семей и к понятию языкового союза: хотя теория языкового союза получила широкое признание и распространение.

Как известно, языковой союз – это “особый тип ареально-исторической общности языков, характеризующийся определенным количеством сходных структурных и материальных признаков, приобретенных в результате длительного и интенсивного контактного конвергентного развития в пределах единого географического пространства” (Нерозник 1990: 617).

Понятие “кавказский языковой союз” в составе автохтонных и сопредельных языков Кавказа, встречающееся в лингвистической литературе, не получило серьезного обоснования (Климов 1986: 173), хотя оно было выдвинуто еще в работах С.Н. Трубецкого (1928: 18), В. Полака (1950: 402–405), Э. Локера (1963), В. Пизани (1959: 85) – последний считает, что языковой союз находится на стадии становления. В этом плане В. Полак (1946) даже допускает существование в прошлом некоторого более широкого славянско-кавказского языкового союза и сравнивает славянские слова с картвельскими, общедагестанскими, а иногда с цезскими.

Однако, как пишет Г.А. Климов, “констатация кавказского языкового союза станет возможной только на основе выявления совокупности его структурных признаков, сложившихся в ходе конвергентного процесса, что по существу составляет программу на будущее” (1986: 174).

Исследование ареальных взаимоотношений, и в том числе грузинско-дагестанских лингвистических связей, в которых в какой-то степени будут выявлены структурные и материальные общности контактного характера, на наш взгляд, возможно, станет шагом вперед в направлении признания наличия некоего языкового союза в пределах кавказского региона.

В условиях сильно пересеченного языкового ландшафта современного Кавказа здесь естественно различать взаимодействие не только его автохтонных и неавтохтонных языков, но и внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие автохтонных языков, что имеет особенно глубокие основания. Во всяком случае сейчас довольно очевидно, что одну из важнейших задач кавказоведения в этом плане составляет выяснение внутригрупповых и межгрупповых доминант (Климов 1986: 178–179). Среди последних наиболее значительное место принадлежит грузинскому языку, длительные ареальные контакты которого с другими языка-

ми Закавказья и Северного Кавказа оставили многочисленные следы.

Важно с самого начала подчеркнуть далеко не односторонний, а, как правило, обоюдный характер языкового взаимодействия. И если, скажем, литературная форма того или иного доминантного языка может не содержать каких-либо включений из соседних, то его диалектные формы сплошь и рядом их имеют. Показательно, в частности, что грузинский язык уже с древнейшей поры знает подобные включения не только из других картвельских, но и из нахско-дагестанских языков (ср.: др.-груз. *хе* - 'дерево' < нахск. *хе*-; др.-груз. *хь(р)дал* 'кобыла' < нахск. *хьадал*; др.-груз. *обол* 'сирота' < авар., цезск. *гьобол* 'гость, чужестранец' и др.).

Исходя из реальной картины межгруппового соприкосновения картвельских (и прежде всего грузинского) языков с их соседями, можно выделить четыре основных региона – абхазско-адыгский, чечено-ингушский, аварско-цезский и южнолезгинский ареалы, хотя языковые контакты здесь происходили разновременно и имели неодинаковые экстралингвистические предпосылки. Уже из самого наличия двух отчетливо разграниченных ареалов межгруппового соприкосновения кавказских языков – картвельско-абхазско-адыгского и картвельско-нахско-дагестанского – можно предполагать бывшее взаимодействие картвельской семьи с обеими северокавказскими. Для более отдаленного прошлого можно, по-видимому, предполагать, по крайней мере в полосе горских грузинских диалектов, и действие фактора субстрата (Ф.Г. Утургаидзе).

Субстратными элементами в некоторых восточногрузинских диалектах считают: в тушинском – изменение вокалической и консонантной системы (долгие гласные, фонемный статус ларингального *ъ* и т.д.); кальки с послелогом *-тана* из нахских аналогов; система нахских окончаний в географических названиях; грамматические изменения, связанные с появлением фонемы *ъ* и др. (Ф.Г. Утургаидзе); в кахетинском – образование числительного 'сто' по вигезимальному принципу (ср. лит. груз. *аси* – ках. *хутоци*), образование отдельных глагольных форм и т.д. (Мартыросов, Имнайшвили 1956); в ингилойском – дезаффрикатизация: *дз > з*, *дж > ж* (Джангидзе 1978). Сюда же следует отнести более разветвленную систему локативов в горских грузинских диалектах (ср. аблатив типа *сепелчи-ит* 'из села'). О тысячелетнем процессе непосредственного проникновения сюда грузинских племен и ассимиляции аборигенов свидетельствуют также и сохранившиеся некоторые топонимические и микропонимические названия нахско-дагестанского происхождения (Шанидзе 1972: 105 и др.).

Ощутимое ареальное воздействие грузинского на остальные языки Кавказа, в том числе и на дагестанские, начинается, вероятнее всего, с I тыс. н.э. В XI столетии в связи с укреплением центральной государственной власти его воздействие усиливается.

Науке известны факты интенсивных контактов грузинских языков с другими. Достаточно упомянуть зафиксированные факты грузинско-удинских языковых контактов на территории бывшей Кавказской Албании, мегрельско-абхазские, сванско-осетинские, грузинско-нахские и другие ареальные связи. В целом вопрос о взаимодействии дагестанских языков, в частности аварско-цезских и лезгинских, с грузинским в научной литературе не нашел достаточного освещения, хотя каждый отдельный имевший место в истории процесс контакта требует самостоятельного исследования. Несколько лучше изучены нахско-грузинские и абхазско-мегрельские языковые контакты.

В истории грузинско-дагестанских языковых контактов можно выделить два основных этапа взаимодействия – до и после XVIII в. Если оставить в стороне заслуживающую специального рассмотрения гипотезу о нахско-дагестанской субстратной подоснове грузинских горских диалектов Восточной Грузии, существующую со времен Н.Я. Марра, то естественно думать, что на первом этапе, особенно на начальной его стадии, контакты были слабыми. Влияние грузинской культуры усиливается лишь в XI–XIII вв., когда Грузия достигает высокого уровня культурного, политического и экономического развития. Второй этап (XVIII–XX вв.) отличается тем, что связи между обоими регионами становятся более тесными и, соответственно, усиливаются языковые контакты. Этот период отличается интенсивностью взаимопроникновения лексических и других языковых единиц и большей степенью проникновения грузинских лексических элементов в дагестанские языки. Следует отметить, что если в течение почти всего исторически засвидетельствованного периода языковые контакты в основном носили маргинальный характер, то в последнее столетие контакты были и интрарегиональными. На втором этапе нередко происходит повторное заимствование лексем, при котором они заимствуются уже из новогрузинского языка. Отдельные слова подвергаются соответствующим фонетическим и морфологическим изменениям, в результате чего в дагестанских языках они начинают произноситься близко к нормам новогрузинского языка.

Основными аспектами, которые следует учитывать при рассмотрении грузинских заимствований, являются: установление факта проникновения, определение направления заимствования и его хронологических рамок.

Для определения источника заимствования прежде всего необходимо установить направленность и степень интенсивности экономических и культурных связей грузинского и дагестанских народов в разные периоды.

Доминантными критериями при выявлении в данном случае грузинских элементов являются следующие:

1. Семантическое сужение или выделение исходного и производного значения слов. Это дает основание считать в какой-то мере вероятным, что слово перешло из грузинской среды в один из дагестанских языков.

2. Оформление воспринимаемых из грузинского языка слов в соответствии с фонетическими системами дагестанских языков для удобства произношения, т.е. субституция звуков по признаку максимального сходства.

3. Выявление морфологической структуры слова. Если в грузинском оно представляет собой определенное морфологическое образование и без труда членится на морфемы, а в одном из контактирующих дагестанских языков воспринимается как цельная единица, то очевидно, что оно имеет грузинское происхождение.

4. Реконструкция слова на уровне праязыковой общности для одной семьи. Так, например, если грузинский лексический элемент проходит на уровне пракартвельского единства и вместе с тем наличествует в одном или в нескольких контактирующих дагестанских языках, то, бесспорно, он воспринят в каком-либо дагестанском языке из грузинского.

При комбинированном учете всех этих критериев решение вопроса о факте установления заимствования из грузинского языка получает более полную научную достоверность.

И, наконец, весьма важно определение хронологического уровня иноязычных элементов. При этом в качестве вспомогательных средств выступают разные лингвистические и экстралингвистические факторы. Необходимо также учитывать и культурно-историческую ретроспективу, контролирующую семантические реконструкции, т.е. нельзя игнорировать данные истории культуры – показания археологии, этнографии.

Таким образом, грузинская (или грузинизированная) лексика, выявляемая при этимологизации слов, важна для реконструкции языковой истории как языка-источника, так и языка-рецептора.

Как известно, условиями, благоприятствующими заимствованию, являются официальный статус и больший или меньший социальный престиж обоих языков, находящихся в контакте. Престиж определяется объемом коммуникативных функций, давностью литературных традиций, социальным положением носителей языка. Так, языки с широкими функциями и давними литера-

турными традициями имеют и более высокий социальный престиж, оказывают большое влияние на другие языки. В этом плане на Кавказе особо важную роль играл грузинский язык. Это связано с тем, что в интересующую нас эпоху (XIII-XIV вв.) грузинский язык был одним из важнейших звеньев культурно-духовного общения между грузинами и дагестанцами.

Грузинский язык, в отличие от дагестанских языков, имеет богатую литературную традицию начиная с V в., в XI-XV вв. он получил распространение и за пределами Грузии. Дагестанцы, как и многие народы Северного Кавказа, не имеющие своей письменности, пользовались алфавитом соседних народов. В отдельных аулах Дагестана обнаруживаются надписи, сделанные не по-грузински, а на местном языке, но грузинским алфавитом заглавного эпиграфического шрифта.

В этой связи П.М. Мурадян отмечает, что "в период объединенного грузинского царства, особенно в XII-XIII вв., ареал влияния грузинской культуры был значительно шире, подготавливая почву для христианской миссионерской деятельности в этом регионе. Умножение числа христианских культовых сооружений в Аварии, например, было непосредственным следствием влияния грузинской культуры. Естественно, в таких условиях и надписи высекались на доступном для христианской общины языке — древнегрузинском" (1977: 281).

В течение определенного периода истории языковых контактов носители многих дагестанских языков в силу повседневных жизненных потребностей были двуязычными. Факторами возникновения двуязычия в условиях Дагестана явились: торгово-экономические связи, отходничество, потребность межнационального общения в условиях чрезвычайного многоязычия, а также проникновения христианства в Западный Дагестан (XI-XIV вв.). Можно допустить, что грузинский язык в какой-то степени когда-то выполнял функцию не только языка межнационального общения, но и межэтнического общения, например между цезами (дидойцами); многие представители старшего поколения и в настоящее время знают грузинский язык. Поэтому представляется вполне естественным, что именно в цезских языках налицо обилие грузинизмов. Вероятно, в прошлом двуязычие носило частичный характер.

На втором этапе языковые контакты усилились в связи с тем, что некоторые народности Западного Дагестана переселились в Кахетию. В это время возникают условия для интенсивных языковых контактов в ситуации двуязычия. Начиная примерно с конца XIX и начала XX столетия грузинские дагестанцы, находясь в повседневном общении с грузинами, овладевают грузин-

ским языком (по сведениям Вахушти, до XV в. "леки и дидойи знали грузинский язык. Тамерлан силой обратил их в магометанство и приказал им не читать более книг грузинских, не учиться грузинской грамоте и не говорить на грузинском языке" (Вахушти 1904: 133). По объективным причинам общественный уровень грузинского языка более, чем какого-либо другого, развит в Грузии. Он является языком государственным, языком науки и искусства, телевидения и радио и т.д. и выполняет функцию языка межнационального общения. В частности, эту функцию он выполняет и в Кахетии – в регионе распространения бежтинцев, гунзибцев, анцухцев, удин и др. (Правда, языком общения с анцухцами для бежтинцев и гунзибцев служит аварский, для бежтинцев и гунзибцев таким языком межэтнического общения является бежтинский.) К этому времени можно отнести появление у них двуязычия (частичного – в начальной стадии, а в настоящее время – полного).

Как известно, в зависимости от того, какой из двух находившихся в контакте языковых коллективов был двуязычным, можно установить и направление соответствующего воздействия. В нашем случае двуязычной была определенная часть бежтинцев, гунзибцев, аварцев и удин. В этот период с еще большей интенсивностью продолжается процесс лексических заимствований из грузинского языка. Как результат языковых контактов можно рассматривать также выработку в двуязычном коллективе навыков произношения чуждых родному языку, но характерных для второго языка звуков и звукокомплексов и отражение этих навыков в фонетической системе родного языка. Наряду с этим в некоторые цезские языки проникают отдельные грамматические явления, которые описываются в главе "Фонетико-морфологическое влияние грузинского языка на некоторые дагестанские языки".

В настоящее время грузинские бежтинцы, гунзибцы и анцухцы, живущие в Кварельском районе Республики Грузия, не владеют грузинским языком "в совершенстве". Им свободно владеют только мужчины и женщины, занятые в производстве, и молодежь, а женщины-домохозяйки и дети младшего школьного возраста грузинский знают слабо, дети дошкольного возраста с ним совершенно незнакомы (языками общения в семье служат соответственно бежтинский, гунзибский языки и анцухский диалект аварского языка, и дети учатся говорить на своих родных языках; степень владения грузинским языком зависит от их социального и возрастного статуса).

Речь грузинских аварцев, особенно речь молодого поколения, насыщена многочисленными грузинизмами, которые, однако, да-

леко не всегда входят в их активный словарь, т.е. не являются твердо установившимися заимствованиями.

Совершенно иная картина наблюдается в этом плане у октомберских удин. Утратив всякую связь с варташенскими и ниджскими удинами и оказавшись в полной изоляции после своего переселения в Кахетию в 1922 г., они полностью перешли на грузинский язык. Теперь для них грузинский является основным средством общения и им владеют все – мужчины, женщины, дети и старики. Лишь представители старшего поколения пока еще помнят родной язык. В настоящее время здесь уже завершается процесс полного перехода октомберских удин на грузинский язык, причем процессы интерференции носят явно интенсивный характер и заслуживают специального исследования.

Стоит подчеркнуть, что в этих языках наблюдаются факты вытеснения исконных слов, относящихся к основному словарному фонду. Так, например, некоторые подобные лексемы вытеснены грузинизмами в бежтинском, гунзибском и октомберском говоре удинского языка. Однако сохранение основного исконного словарного фонда в первых двух языках обязано более частому общению грузинских бежтинцев и гунзибцев с их сородичами в Дагестане, обусловленному их территориальной близостью. В этих языках грузинские заимствования употребляются в речи параллельно с исконными словами. Двухязычный индивид из этой среды стремится к тому, чтобы располагать для каждого элемента выражения одного языка эквивалентом в другом языке. Для имен эти эквиваленты создаются путем заимствования или калькирования. Так, путем калькирования у двухязычных бежтинцев, гунзибцев, анцухцев и удин возникли новые именные синонимы – имена существительные и устойчивые словосочетания.

Итак, мы попытались вкратце охарактеризовать состояние двухязычия среди носителей некоторых дагестанских языков, сохраняющих устойчивые и поныне контакты с грузинами (в частности, с кахетинцами). Обрисовать же картину языковой ситуации среди дагестанцев в более ранние периоды представляется весьма затруднительным, хотя и имеются отдельные сведения о распространении грузинского языка в прошлом. Как видно из вышеизложенного, среди цезов двухязычными являются носители восточноцезских языков, а среди аварцев – часть представителей анцухского диалекта, имевшая более интенсивные контакты, чем другое авароязычное население. За исключением октомберских удин, народы южнолезгинского ареала в настоящее время грузинским языком не владеют.

Рассмотрим теперь грузинско-дагестанские языковые связи по отдельным регионам, в зависимости от чего выделяются гру-

зинско-аварские, грузинско-цезские и грузинско-южнолезгинские зоны взаимодействия. Среди них наиболее тесные и длительные контакты удостоверяются для грузинского и цезских, грузинского и удинского языков, что нашло отражение в многочисленных заимствованиях в области лексики и частично в фонетике и морфологии. Видимо, по традиции в ряде исследований отмечается наличие языковых контактов аваро-андо-цезских языков с грузинским в целом. На самом деле андийские языки ни в историческом прошлом, ни в более позднее время не имели прямого контакта с грузинским языком, что видно на примере немногочисленных грузинских лексических элементов. В андийских языках представлены только опосредованные грузинизмы, число которых не превышает пяти. Поэтому следовало бы обозначить эту связь как контакты между аварско-цезскими и грузинским языками.

Начало ощутимых аварско-грузинских языковых контактов восходит, по-видимому, к XI–XIII вв., когда Грузия начала активно распространять христианство. Широко известно, что в развитом средневековье влияние грузинского языка на аварский было заметным. В этой связи К.Ш. Микаилов пишет, что “в указанные периоды христианская Грузия с престолом на востоке ее, т.е. близко к Аварии, влияла на пограничные зоны последней. Речь идет о таких аварских ареалах, как Гидатль, Хунзах, Анцух, Карах, Андалал, где мы и сегодня находим следы этого миссионерско-политического внедрения самого различного характера. (...) Аварский язык в IX–XIV вв. подвергся сильнейшему воздействию на него грузинского языка” (1987: 161).

Вместе с тем некоторая часть аварцев – носители закатальского и джарского (чарского) диалектов, локализовавшиеся в Белоканском и Закатальском районах Азербайджана, – начиная с XVI в., хотя хронологические рамки заселения данной территории уходят в глубь веков (Магомедов 1986: 114), имела контакты с носителями ингилойского диалекта, что подтверждают обнаруженные в них прямые и опосредованные лексические заимствования из последнего, а также следы предполагаемого влияния в области фонетики на ингилойский диалект со стороны аварских диалектов (Чикобава 1977: 16).

Если в целом вся Авария имела с Грузией наиболее тесные контакты в основном в XI–XIV вв., то пограничная зона расселения анцухцев поддерживала эти связи с более раннего времени. Следы этих взаимоотношений отчетливо сохранились в анцухском диалекте. “Одни из анцухских говоров, – пишет Ш.И. Микаилов, – носят отпечаток сильного влияния соседнего с юга азербайджанского языка, другие – ташский и чадаколюбский гово-

ры – имели тесные связи с носителями грузинского языка. Это объясняется тем, что носители первых экономически тяготели к Азербайджану, а вторых – к Грузии... Состав заимствованных слов анцухского диалекта отличается наличием грузинских и азербайджанских слов, которых нет в общеварском словаре. Встречаются слова, общие с соседними бежтинским и другими языками андо-дидойской группы. Отмеченные в анцухском диалекте грузинские заимствования за пределами анцухского диалекта не встречаются. Редкие из них могут встретиться на территории карахского диалекта” (1959: 51, 123).

Грузинизмы в анцухском диалекте довольно многочисленны и охватывают самые разнообразные сферы человеческой деятельности, которые хронологически можно отнести к более поздним периодам. Некоторые грузинизмы вытеснили из словарного фонда исконно аварские слова, ср.: анц. *кудару* ‘кувшин’ (авар. лит. *gleretl*; в некоторых говорах андалальского диалекта встречается слово *кудару* в значении ‘кувшинчик для намаза’), *glamlam* (авар. лит. *микьур*) ‘персик’, *klarametlu* (авар. лит. *цезл*) ‘черепаца’.

Как полагают, в аварском языке наличествуют и древние заимствования из грузинского. Их вхождение в язык было следствием особых условий общественно-политического развития как народа, так и его языка (Микаилов 1959: 129). Материал для освещения этой области аварской лексики могут дать только дальнейшие, более глубокие исследования аварского диалектного словаря.

Безусловно, аварско-грузинские языковые контакты не были односторонними. Некоторые аварские лексические элементы проникли и в грузинский язык, особенно в его кахетинский и ингилойский диалекты. В этом направлении уже имеются отдельные опыты выявления аваризмов в грузинском языке (Гудава 1954а: 701–707; Микаилов 1977: 158–163; Чикобава 1987: 10).

Среди дагестанских народов и народностей только цезы (дидойцы) имели и имеют непрерывные тесные контакты с грузинами. Тот факт, что картвелы вступили в контакт с цезами не позднее рубежа новой эры, подкрепляется таким известным обстоятельством, что уже у Плиния Старшего (20–30-е годы н.э.) и Птолемея (160 г. н.э.) обозначение цезов встречается в характерной для грузинских адъективов форме (ср. груз. *дидон-и* ‘цезы’, *дидоур-и* ‘цезский, дидойский’; Климов 1986: 160). В грузинской исторической хронике “Жизнь картлийских царей” Леонтия Мровели в связи с различными событиями предшествовавшей эпохи неоднократно упоминается пограничная с Кахетией область Дидоэти

и ее обитатели – дидойцы, т.е. носители цезских языков (Шуля 1979: 30, 33, 38, 64, 69).

Контакты цезских языков с кахетинским и тушинским диалектами грузинского языка, то усиливаясь, то ослабевая, продолжают на протяжении около двух тысячелетий. Влияние грузинского языка усиливается в XI–XIII вв., когда Грузинское Царство достигает высокого культурного, политического и экономического уровня развития, а также в связи с началом распространения христианской религии в Западном Дагестане. Как следует думать, особенно тесные языковые связи устанавливаются к XVII–XVIII вв. На территории расселения цезов, входившей в состав Грузии, появляются топонимические названия грузинского происхождения, которые до сих пор сохранились на географической карте региона.

Если в начальный период языковые контакты носили в основном маргинальный характер, то на наиболее позднем этапе (XVII–XX вв.) наряду с маргинальными имели место и интравегиональные связи. Соответственно, на этом этапе появляются условия для полного двуязычия.

Важно отметить, что не все цезские языки имели в равной степени интенсивные контакты с грузинским. Если их восточноцезская ветвь – бежтинский и гунизбский – находилась в тесном соприкосновении с кахетинским диалектом, то западноцезская – гинухский и цезский – имела менее тесный контакт с тушинским и частично кахетинским диалектами. Это видно из заимствованного пласта лексики данных языков: в бежтинском и гунизбском он намного больше (почти в два-три раза), чем в гинухском и цезском. Хваршинский язык, среди остальных членов цезской подгруппы, представленный на территории Цумадинского района Дагестана, так же как и андийские языки, не имел тесного контакта с грузинским. Поэтому в хваршинском число грузинизмов, по-видимому, не превышает и десяти.

Наличие более тесных языковых контактов подтверждает большое количество зафиксированных в цезских языках, в отличие от языков аварского и южнолезгинского ареалов, лексических и некоторых грамматических заимствований. По нашим подсчетам, ныне в них насчитывается более 300 лексических грузинизмов, относящихся почти всецело к области культурного словаря (названия растений, названия животных, термины сельского хозяйства, названия домашней утвари, одежды, тканей; названия орудий труда, хозяйственных построек, названия продуктов питания и т.д.).

Что же касается обратного воздействия цезских языков на грузинский, то оно едва ощутимо.

Наиболее интересная этнолингвистическая ситуация сложилась в ходе многовековых ареальных контактов грузинского языка с некоторыми из лезгинских языков – цахурским, рутульским и удинским.

В отличие от цезских языков, воздействие грузинского языка на южнолезгинский ареал ограничивается, по-видимому, лексическими заимствованиями. Их особенно много в удинском, значительная часть населения которого в течение нескольких столетий была связана с Грузией в силу конфессионального единства. Общие для цахурского и рутульского языков лексические грузинизмы в своем древнем пласте обязаны удинскому посредству, хотя факт непосредственного соприкосновения цахурского языка с грузинским в северо-западном Азербайджане трудно считать недавним.

Вместе с тем можно допустить, что некоторые древние арменизмы, грузинизмы и ориентализмы проникли в цахурский и рутульский языки через удинское языковое посредство, так как исторически в пределах Восточного Кавказа именно удинский (точнее – староудинский) – древний язык Кавказской Албании – был наиболее престижным (намного позднее аналогичную роль среди языков аваро-андо-цезской языковой группы начал играть аварский язык).

Кавказская Албания имела единый для всех албано-удинских племен общий язык, который с большой вероятностью можно считать староудинским (около 430 г. н.э. была создана агванская, т.е. староудинская письменность), при всей диалектной разобщенности албанцев он должен был служить своеобразным междиалектным койнэ (Гукасян 1973: 46).

Данный язык функционировал в качестве общенародного языка для кавказских албанцев. На этом письменном языке имела оригинальную литературу, переводились книги (особенно религиозные), функционировали школы, отправлялась церковная служба и т.д. Однако в результате арабского нашествия и последующего господства арабо-мусульманской администрации в Албании прекратили существование албанская письменность, албанская литература (Гукасян 1973: 47).

В дальнейшем в силу исторических, социально-экономических, политических событий и других объективных обстоятельств начался интенсивный процесс перехода албанцев, и в частности удин, на тюркский язык (Гукасян 1973: 47). Некоторая часть удин, в настоящее время населяющих села Варташен и Нидж, Куткашенского района Азербайджана, и Октомбери, Кварельского района Грузии, сохранила свой удинский язык и культуру. Она сохраняет тесные контакты с грузинами и ныне.

В удинском языке, особенно в его октомберском говоре, многочисленны лексические заимствования из грузинского языка. На наш взгляд, варташенские и ниджские грузинизмы хронологически являются более ранними, так как должны были проникнуть в эти диалекты на более раннем этапе языковой истории и, соответственно, претерпели существенные фонетические изменения. Вместе с тем отмечено немалое число удинизмов и в грузинском языке, а именно в его ингилойском диалекте, носители которого проживают в северо-западном регионе Азербайджана – в Кахском, Закатальском и Белоканском районах. Налицо также следы воздействия удинского языка и на другие восточногрузинские диалекты. По крайней мере, один из удинизмов, по-видимому, имеется в литературном грузинском языке: *боквен-и* ‘пах’ при удинском *бухъун* ‘живот, брюхо’ (Климов 1986: 187). “Некоторые явления в фонетике и морфологии ингилойского диалекта, – пишет А.Г. Шанидзе, – носят совершенно исключительный характер... Все это накладывает особую печать на ингилойский и значительно удаляет его от других грузинских диалектов” (1915: 345).

Лексические параллелизмы ингилойского диалекта и удинского языка отражают сферу традиционного жизненного уклада ингилойцев. Некоторые из них встречаются в цахурском и рутульском, а также в отдельных дагестанских языках. В ингилойских удинизмах наряду с отдельными субстантивами встречаются некоторые наречия и местоимения, хотя последние обычно не заимствуются (Джангидзе 1978: 178).

Исходя из лингвистического материала и с учетом экстралингвистических факторов, азербайджанскими кавказоведами выдвинута гипотеза о возникновении ингилойского диалекта грузинского языка в результате переключения на грузинский язык значительной части удиноязычного населения из конфессиональных соображений. Она находит поддержку и в антропологических исследованиях – ингилойцы по антропологическому типу отличаются от восточногрузинского населения и фактически не отличаются от удин (Абдушелишвили 1965: 462). Несомненно, данная гипотеза представляет большой интерес и ее адекватная оценка должна, в частности, основываться на результатах исследования грузинско-удинского языкового взаимодействия в пределах исторической Агвани.

Кроме лексических заимствований, в ингилойском диалекте обнаруживаются такие характерные черты фонетики некоторых дагестанских языков, как почти полное отсутствие аффрикат *дз*, *дж*, процесс спирализации *в > в* (гласный) в начальной позиции, процесс геминации согласных, появление консонантного

приступа в словах с вокалическим анлаутом, возникновение мягкого л', гласный раздел скопления согласных в начале слова и т.д. (Имнайшвили 1966: 162; Чикобава 1977: 16; Джангидзе 1978: 187; Климов 1986: 187). Если исходить из упомянутой гипотезы, то эти фонетические особенности ингульского диалекта можно рассматривать как явления субстратного происхождения.

Цахурцы и рутульцы как древние племена Кавказской Албании также имели непосредственные контакты с грузинами восточного региона. Эти взаимоотношения продолжались и в последующие века и носили в основном маргинальный характер. Как и некоторые представители дагестанских народностей (аварцы, лакцы, удины), цахурцы и рутульцы также контактировали с ингилойцами. Эти связи, соответственно, отразились в языках народов. Прежде всего, следы таких взаимовлияний отчетливо выразились в лексике. Следует отметить, что цахурский язык имел более тесный контакт с грузинским, нежели рутульский, о чем свидетельствует наличие большого числа грузинизмов в цахурском. Цахурский язык, так же как и удинский, играл роль посредника. Так, некоторые грузинские лексические элементы вошли в рутульский язык, а также закатальский диалект аварского и закатальско-кахские говоры азербайджанского языка через цахурское языковое посредство (Асланов 1965: 18; 1982: 39–40).

В остальных дагестанских языках, не имевших прямого контакта с грузинским, зафиксированы отдельные случаи лексических проникновений.

Итак, выше была предпринята попытка вкратце обрисовать картину грузинско-дагестанских языковых контактов по отдельным дагестанским регионам, в результате чего выделены и охарактеризованы грузинско-аварский, грузинско-цезский и грузинско-южнолезгинский ареалы. Более подробно лингвистические взаимосвязи и взаимовлияния на большом языковом материале будут освещены в последующих главах настоящей работы.

Основной слой дагестанских грузинизмов составляет лексика, заимствованная в более поздний период: новогрузинский период (XVIII–XX вв.) – время самых интенсивных контактов. Однако некоторые из них восходят к среднегрузинскому (XII–XVII вв.) или даже древнегрузинскому (V–XI вв.) периодам. Ввиду отсутствия исторических письменных памятников по дагестанским литературным языкам и, тем более, по многочисленным бесписьменным весьма трудно хотя бы приблизительно датировать их проникновение или дать глубокий, всесторонний анализ этого сложного процесса. Однако можно установить некоторые их хронологические рамки.

Отнесение некоторых грузинизмов, например, к древнему или новому периоду возможно по фонетическим признакам. Фонема *хъ* была характерна для древнегрузинского языка. В ряде дагестанских грузинизмов она сохранилась: *венахъи* 'виноградник', *тохъи* 'мотыга', *гатохъна* 'прополка' (Безин, 1991). Источником этих заимствований не является современная абхазо-абхазский диалект, с которым граничат цезские языки, так как в кахетинском, как и в современном литературном грузинском, отсутствует фонема *хъ* (она сохранилась преимущественно в горских диалектах грузинского языка, не соприкасающихся с дагестанскими), хотя их источником мог быть и старокахетинский.

Некоторые удинские грузинизмы хронологически можно отнести к более древнему периоду. Это можно предположить, исходя из того, что наиболее ранние заимствования из грузинского языка в удинском могли претерпеть сильные фонетические изменения. Установить их примерную хронологию можно, связывая лингвистические факты с некоторыми экстралингвистическими (проникновение христианства, период расцвета феодальной Грузии, период жизни дагестанской диаспоры в Грузии и т.д.). Например, некоторые термины сельского хозяйства и животноводства, на наш взгляд, являются наиболее древними заимствованиями, поскольку картвелы, как известно, издревле занимались земледелием и животноводством. Давность некоторых грузинизмов можно, вероятно, установить по степени их распространенности. Термины христианской религии вошли в некоторые цезские языки в период активного проникновения христианства в Западный Дагестан (XI–XIV вв.). Всесторонние исследования словарного фонда всех дагестанских языков дадут в этом плане богатый материал.

Вместе с тем, налицо и следы обратного влияния некоторых дагестанских языков на грузинский, особенно на восточногрузинские диалекты. В грузинском литературном языке их число значительно ниже. К примеру, в дополнение к вышеуказанному можно назвать следующие слова: *битла* (хевсур.) 'пятилетний тур' < *билъо* (цезск.) 'олень вообще', или же *турк/умели* (груз.) 'почка' < *туркун/дуркун* (лезг.), *навгъели/нагъвели* (груз.) 'желчь' < *нев* (таб.), *нагъв* (лезг., рут.), *негъв* (агул.) и т.д. (Кахадзе 1988: 342–348).

Большинство заимствований в дагестанских языках являются прямыми, хотя встречаются и опосредованные. Из числа картвельских с дагестанскими контактировал грузинский, точнее его кахетинский, а также ингилойский диалекты (сведения Вахушти о том, что Сванетия простиралась некогда до Дидоэтии, т.е. до страны цезов, нуждаются в проверке). Прямыми являются заимствования в цезские, в анухский и закатальский диалекты авар-

ского языка, а также в рутульский, цахурский и удинский. А к опосредованным относятся лексические элементы, проникшие в дагестанские и другие соседние языки и диалекты, не имевшие непосредственного соприкосновения, через посредство контактировавших языков. К опосредованным, видимо, можно отнести отдельные проникновения в чамалинском, багвалинском и тиндинском, вошедшие через чеченское или цезское посредство, или грузинизмы закатальско-кахских говоров, проникшие, как правило, через цахурское посредство, а также некоторые грузинизмы, вошедшие в кумыкский диалект через нахское языковое посредство. Ср.: *zoklo* (багв.), *sekly* (чам.), *ḡekly* (тинд.) 'гриб'; *mluklu* 'бурдюк' (зак.-ках.) < *mlukluy* (цах.), *zapel/capel* (зак.-ках.) 'бук' < *ḡipel* (цах.), *sikḡiy* (зак.-ках.) 'суслик' < *ḡikḡiy* (цах.) 'белка'; *zabr* (терк. кум. яз.) 'лейка' < *zabr* (нахск.).

Как известно, в дагестанской ветви многочисленны заимствования из арабского, иранских, тюркских, армянского, русского и других языков. Некоторые из них восходят непосредственно к форме источника, а другие – опосредованно, в частности, в ходе грузинско-дагестанских языковых контактов. Например, в цезские некоторые восточные, армянские, русские, греческие и романские слова вошли через посредство грузинского языка. В языки южнолезгинского ареала, в частности в рутульский, цахурский и др., некоторые арменизмы, возможно, проникли опосредованно – через грузинский язык. В удинский арменизмы проникали непосредственно в силу конфессиональной общности.

Установить, какие арабские, иранские, русские и тюркские элементы были заимствованы через грузинский язык (разграничение прямых заимствований от опосредованных), а также отделить цахурские грузинизмы от среднеперсидского и армянского материала не всегда легко. Сравним некоторые трудные случаи размежевания: *saklan* ~ *saklani* 'ларь'. Столь же сложные случаи, по-видимому, составляют: *lavash* (арм.) 'лаваш'; *kḡa(v)urma* 'жаркое', *lahḡ/lalḡ* 'тухлый' (тюрк.) и т.д. Как нам кажется, наиболее надежным критерием в этом плане может служить фонетический облик этих слов, который в грузинском подвергается специфической адаптации.

Следовательно, непосредственным источником для многих опосредованных заимствований служил грузинский, а их конечными источниками являются вышеназванные языки Кавказа, Ближнего Востока и Европы.

Грузинский язык оказался посредником при заимствовании арабских (*capluni* 'мыло', *makḡratleli* 'ножницы', *batlul/matlu* 'гусь', *mutaka* 'валик для тахты'), иранских (*ormo* 'яма, канал', *ḡloshklu* 'вышка, башня', *horbali* 'пшеница', *mlabaklu* 'под-

нос', эшмакли 'демон, черт', плеранги 'комбинация'), тюркских (архийанат 'надолго', отахи 'комната', багъи 'сад', бали 'ре-решня', албали 'вишня', шаби 'квасцы'), армянских (кюрклили 'сорт грецкого ореха с твердой скорлупой', кочлу 'катушка', варди 'роза', тудж 'чугун', тликли 'бурдюк', цинде 'чудак, носок' (ср. арм. циндакк), бурдо 'скирда'), русских (картофель 'картофель', тлипи 'тиф', мешокли 'мешок', палатло 'пальто', тлачкля/клячкля 'тачка', клонлостло 'капуста' и т.д.), греческих (нави 'лодка', краметли 'черепица', гьазри 'воздух'), латинского (палло 'клин') слов. По поводу лексемы палло В.И. Рогова отмечает следующее: "В грузинском словаре Сулхан-Саба Орбелиани указан ряд слов романского (французского) происхождения. Одним из таких слов, усвоенным, наверно, устным путем, является груз. палло 'кол, столбик'. И.А. Джавахишвили источником для груз. палло считает лат. palus 'кол, столбик' (1930: 320). Обращает на себя внимание тот факт, что чанский вариант этого слова паллу имеет конечный гласный у, идентичный с латинским palus" (Рогова 1978: 122). Более подробно об иноязычной лексике, заимствованной через грузинское посредство, см. в главе IV "Классификация грузинских лексических элементов в дагестанских языках" (раздел "Хронологическая стратификация").

И последнее. Существенно отметить, что нередко одни и те же грузинские лексические элементы повторяются во множестве различных языков Кавказа – дагестанских, нахских, абхазско-адыгских, карачаево-балкарском, осетинском и других, что свидетельствует об однотипном влиянии грузинского языка на дагестанские и остальные кавказские языки.

Таким образом, из общей характеристики языковых взаимоотношений в регионе видно, что грузинско-дагестанские контакты, продолжавшиеся около двух тысячелетий, носили в целом довольно активный и непрерывный характер. Результаты этих контактов отразились почти на всех уровнях контактировавших языков.

Итак, перед исследователями очерченной здесь проблематики открывается обширное поле деятельности для дальнейшего разностороннего и более углубленного анализа языковых фактов. По существу, перед нами одно из важнейших направлений лингвоареальных исследований на Кавказе, которые в своей совокупности должны пролить свет на вопрос о возможном языковом союзе в пределах этого региона. Имеются основания утверждать, что некоторые из результатов изучения контактного взаимодействия языков в регионе представляют определенный интерес и для теории ареальной лингвистики. Вполне очевидна ценность этого материала и в плане возможности целого ряда выводов экстралингвистического порядка.

Глава IV

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРУЗИНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Как известно, самую существенную часть (в количественном и качественном отношении) иноязычного вклада в язык составляют лексические заимствования. Различаются три типа последних: самостоятельные заимствования, кальки и семантические заимствования. Все они характерны и для дагестанских грузинизмов, однако среди них словарные заимствования наиболее многочисленны и разнообразны, что позволяет классифицировать их по следующим тематическим группам и подгруппам.

В количественном отношении заимствованная грузинская лексика в различных дагестанских языках представлена не одинаково. В аваро-андо-цезской языковой группе ее пласт наиболее значителен в цезских (в большей степени в бежтинском, гунзибском), а также в анцухском диалекте аварского языка, а в лезгинской языковой группе – в цахурском и удинском. Сравнительно малочисленна она в закатальском диалекте аварского языка, гинухском, цезском и хваршинском, а также рутульском, лакском и некоторых других. В остальных языках Дагестана – в даргинском и восточнолезгинском – случаи ее фиксации единичны. В некоторых дагестанских языках грузинизмы в настоящее время представляют собой замкнутый, почти не пополняющийся пласт лексики. Что же касается бежтинского, гунзибского, удинского и аварского языков, в той или иной мере представленных и на территории Грузии, то их лексика продолжает постоянно и интенсивно обогащаться за счет грузинизмов. Общее их число, равно как и число иноязычных слов, проникших в эти языки через грузинское посредство, составляет примерно 600 лексем.

Остановимся подробнее на тематической классификации грузинизмов в дагестанских языках.

Наиболее распространенной классификацией иноязычных слов является предметная или тематическая (предметно-тематическая), позволяющая делать выводы и предположения о сферах воздействия языка-источника на язык-рецептор, а также о характере употребления заимствований. В силу этого во многих исследованиях, посвященных заимствованиям, такая классификация исходит именно из сферы их употребления.

Грузинские элементы проникли в лексические подсистемы дагестанских языков, отражающие самые различные сферы человеческой деятельности и окружающего мира. Вместе с названиями конкретных предметов здесь представлены лексемы, передающие отвлеченные и другие понятия. В лексику некоторых дагестанских языков вошли и так называемые экзотизмы, прежде всего – слова, служащие для обозначения специфических особенностей быта и жизни грузинского народа: *марани* 'винный погреб', *питри* 'омела', *пурчна* 'очистка виноградной лозы от растений', *нигози* 'ореховая приправа', *клубо* 'гроб', *гзудело* 'священник'.

Анализ заимствованной грузинской лексики в дагестанских языках позволил выделить следующие тематические группы и подгруппы слов по сфере их употребления.

1. Имена существительные

1. Общественно-политическая терминология: а) административно-юридические термины; б) названия, связанные с торгово-денежными отношениями; в) слова, связанные с играми и военным делом; г) абстрактная и религиозная терминология; д) социальные термины; е) названия дней недели и месяцев.

2. Лексика, связанная с человеком: а) слова, связанные с чертами характера, физическими особенностями и моралью; б) обозначения профессии, должности, рода занятий; в) номенклатура родства и свойства; г) названия некоторых болезней.

3. Лексика, связанная с сельским хозяйством и другими промыслами: а) термины земледелия и огородничества; б) термины скотоводства и овцеводства; в) лексика охоты и рыболовства; г) обозначения орудий труда, инструментов и их частей.

4. Лексика, связанная с окружающей природой: а) наименования географических понятий и различных природных явлений; б) названия полезных ископаемых (металлов, драгоценных камней).

5. Лексика животного мира: а) обозначения домашних и диких животных, домашних и диких птиц; б) названия насекомых

и пресмыкающихся; в) слова, связанные с частями тела животных и человека.

6. Лексика растительного мира: а) названия деревьев и кустарников; б) обозначения зернобобовых культур; в) наименования цветов, травянистых растений, грибов; г) названия фруктов, овощей, плодов, диких ягод и частей растений; д) обозначения продуктов питания и напитков, полученных из растений.

7. Предметная номенклатура: а) наименования различных хозяйственных построек и связанные с ними корреляты; б) слова, обозначающие украшения, одежду, обувь и их части; в) обозначения предметов домашнего обихода, хозяйственных принадлежностей; г) названия тканей, ниток и связанные с ними корреляты; д) обозначения постельных принадлежностей; е) названия письменных принадлежностей и связанных с ними действий, а также грамматические и другие термины; ж) наименования различных видов пищи и связанные с ними термины; з) некоторые наименования средств передвижения и связанные с ними корреляты; и) названия музыкальных инструментов и танцев; к) *varia*.

8. Ономастика: а) антропонимы; б) этнонимы; в) топонимы и микропонимы.

II. Имена прилагательные. III. Глаголы. IV. Наречия. V. Служебные части речи.

Как видно из приведенной классификации, почти нет такой отрасли лексики, которая не была бы в той или иной степени затронута заимствованиями из грузинского языка. Нами выявлено около пятидесяти лексико-тематических групп, число составляющих лексем которых достигает примерно от одного до трех десятков.

По своему удельному весу довольно значительное место в тематических группах занимают предметная номенклатура, терминология животного и растительного мира, а также общественно-политические термины. Среди отмеченных выше подгрупп в количественном отношении (т.е. по числу представленных лексем) наиболее обширные списки составляют названия различных хозяйственных построек, предметов домашнего обихода, орудий труда и их частей, а также названия, связанные с сельским хозяйством.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

К общественно-политической терминологии относятся слова, именующие социальные и политические институты, единицы административного деления, сословных и должностных лиц и т.д. Эта группа заимствований по своему удельному весу занимает менее существенное место в лексике некоторых контактировав-

ших дагестанских языков. В большей части подобные лексемы фиксируются в речи грузинских дагестанцев, заимствуясь из грузинского языка устным и письменным путями. Среди них встречаются широкоупотребительные слова, которые активно вошли в жизнь и быт народов, определенный процент составляет менее употребительные лексемы. Небольшое число слов этой группы известно только узкому кругу. Если определенная часть общественно-политической терминологии дагестанцев по своему происхождению является арабской и русской, то у грузинских дагестанцев – арабской, русской и грузинской.

Административно-юридические термины

Вместе с новым укладом общественно-политической жизни грузинские дагестанцы усвоили и новую терминологию: *гамгеоба* (окт.) 'правление колхоза' < *гамгеоба*; *дигъовба* (чантл.) 'праздник' < *дгъеоба*; *уплеба* 'власть' < *уплеба*; *цноба* (тив., чантл.) 'справка' < *цноба* и т.д. Некоторые грузинизмы из этой подгруппы известны и дагестанцам: *кекъана* (бежт.) 'дети' < *квекъана* а) страна, край; б) 'мир, свет'; *метрикла* (бежт., гунз.) 'метрика' < *метрикла* (груз. < русск.), *циркоба* (бежт., гунз.) 'цирк' < *циркоба* (груз. < русск.) 'циркачество'.

Термины, связанные с торгово-денежными отношениями

Данная подгруппа по числу заимствованных лексем невелика. При этом в ней в основном представлены слова русского, иранского и тюркского происхождения, проникшие через грузинское языковое посредство: *кланлик* (бежт., окт.), *кланлекл* (тив., сарус.) 'копейка' < *кланликли* (груз. < русск.); *муштлари* (бежт., гунз.), *муштлар* (тив., окт.), *миштлари* (рут.), *муштларий* (цах.) 'покупатель, клиент' < *муштлари* (груз. < перс.; в лак. *муштари* 'клиент, покупатель', дарг. *муштар* 'охотник до чего-л.', лезг. *муштлери* 'клиент' из азерб. яз.) и т.д. Вместе с тем здесь налицо и лексемы собственно грузинского происхождения: *сазагол* (удин.) 'запас' < *сэгдзали*; *окролокко* (бежт., гунз.) 'деньги, серебро', *укру* (гин., цез.) 'серебро' < *окро* 'золото'.

Слова, связанные с играми и военным делом

В отличие от вышерассмотренных, данная тематическая подгруппа в количественном отношении сравнительно обширна. В ней представлены грузинизмы, связанные с детскими играми и военным делом.

Из терминов игр грузинскими являются: *бурти* (бежт., гуиз., мок., анц.), *бурки* (хварш.; в хваршинский, возможно, прочик через нахские языки, ср.: чеб. *бурки*, чеч. *буьрка*, инг. *бургал* 'мяч') 'мяч' (ср. гин. *клохло*) < *бурти*; *клетли* (бежт.) 'палка' < *клетли* 'палка, дубинка'; *кlobала* (бежт.), *кломбал* (окт.) 'палка, дубинка, посох' < *кломбали*//*кlobали*; *пехбурти* (бежт., гуиз., окт.) 'футбол' < *пехбурти*; *сакандела* (бежт.), *саканела* (гуиз.) 'качели' < *саканела*.

При игре в "чижика" в цезском языке звучала грузинская считалка: *арихели* или *айрихели* 'один', *марихели* 'два', *гамзарати* или *гамзурели*, *гамзурали* 'три', *гамарктели* или *гамерктели* 'четыре', *тутклара* или *туткара* 'пять' (Мегрелидзе 1955б: 222).

К терминам военной лексики относятся: *зарбазан* (окт.) 'пушка' < *зарбазани*; *ойноба* (бежт.) 'скандал, драка' < *омианоба* 'война, военное время'; *топи* (бежт., гуиз.), *тупи* (гин., цез.), *туби* (хварш.), *топ* (анц.) 'ружье' < *топи* (груз. < тюрк.); *топи-йарагъ* (бежт., гуиз.) 'оружие' < *топи-иарагъи* 'вооружение, оружие' (груз. < тюрк.); *топилас цамали*, *топилос цамали* (бежт., гуиз.) 'порох' < *топис цамали*; *цихей*//*цихий*//*цехей* (цах.) 'крепость' < *цихе* 'крепость, тюрьма'; *шурдули* (окт.), *шурдамани* (бежт.) 'каменеметалка' < *шурдули* а) 'праща', б) 'рогатка'; *давла* (авар.) 'добыча при набегах' (Л.И. Жирков считает персидским), *давла* (лак., цах.) 'добыча (военная)', *давл* (бацб.) 'добыча, трофей', *давла* (лезг.) 'добыча, нажива', 'приманка' < *давла*//*надавли* (груз. < араб.) 'добыча (военная)'. Форма *давла* с семантикой 'добыча, трофей' зафиксирована лишь в ряде языков Дагестана и, по мнению И.Х. Абдуллаева, является грузинско-дагестанской изоглоссой, восходящей к арабскому источнику. Ср.: *давла* (бежт., гуиз., дарг. и др.) 'богатство'; в значении 'государство', 'богатство' употребляется слово *давлат*//*девет* (авар., лезг. и др.). Как видно из иллюстраций, вместе с исконно грузинскими словами через грузинское посредство заимствованы и слова арабского и тюркского происхождения. Общее число лексем данной подгруппы составляет около 20 единиц.

Абстрактная и религиозная терминология

Некоторые особенности религиозной терминологии в отдельных дагестанских языках свидетельствуют о том, что в средние века в Дагестане, особенно в Западном Дагестане, было распространено христианство. Начало его проникновения относят к VIII–X вв. (Атаев 1958: 161–182), о чем свидетельствуют археологические и эпиграфические памятники, сохранившиеся на территории Дагестана христианские храмы и церкви. Помимо археоло-

гических и письменных памятников, следы христианства остались в искусстве, фольклоре, легендах и преданиях. Хотя на смену христианству пришла новая религия – ислам, некоторые христианские религиозные термины не вышли из употребления и сохранились среди части дагестанцев, в особенности среди цезов. Это, видимо, объясняется тем, что цезы приняли ислам сравнительно поздно, он закрепился в горах примерно в XIV–XV вв. (Шихсаидов 1957: 54–76). Все представленные ниже религиозные термины христианства в настоящее время наличествуют в цезских и удинском языках, их число составляют семь лексем: *гъудело* (бежт., сарус.) ‘священник’ < *мгъвдели*; *сакъдари* (бежт., гунз., цез.) ‘церковь’ < *сакъдари*; *клубо* (бежт., сарус.) ‘гроб’ < *клубо*; *модзгъвар* (удин.) ‘священник’ < *модзгъвари*; *эшмакли* (бежт.) ‘черт’ (ср. авар. диал. *ишмакло* – этимология затемнена) < *эшмакли* ‘черт, дьявол’.

Кроме того, среди распространенных в Аварии собственных имен немалая доля имеет христианское происхождение (о них более подробно см. тематическую группу “Антропонимы”).

Вместе с тем, в некоторых дагестанских языках (например, в аварском, цахурском, удинском и др.) имеются термины христианской религии, видимо проникшие через посредство иных языков, в частности армянского. Как отмечает А.Р. Шихсаидов, «в Албании в IV веке господствовало христианство. Албанская церковь находилась в зависимости от армянского католикоса... Вплотную до VI века включительно существовали два очага христианства – это Албания и Армения. Что касается Грузии, то о ее значительной роли в процессе распространения христианства можно говорить только лишь после IX века... Так, например, во многих языках Дагестана слово “крест” заимствовано из армянского языка (*хач*): у лакцев – *ххач*, аварцев и даргинцев – *хъанч*, кумыков – *ханч*, лезг. – *хаш* (ср. у бежтинцев – *хъанч*, *хъача*). Данные календаря в аварском и лезгинском языках также свидетельствуют о христианском влиянии. В аварском языке ‘воскресенье’ называют словом *гъатлан къо* ‘церковный день’» (Шихсаидов 1957: 55, 64).

Другую подгруппу составляют абстрактные термины, обозначающие весьма различные в тематическом плане понятия. Например: *коки* (бежт., гунз.) ‘хлопоты, забота’ (ср.: в некоторых аварских диалектах встречается сочетание *ракл коки* ‘беспокойство’) < *коки* ‘корень, основа’; *гъаза* (бежт.) ‘рвение, стремление’ < *гъазоба* ‘ревность, рвение’; *гемо* (бежт., гунз.), *гиму* (гин., цез.), *гема* (анц.) ‘вкус’ < *гемо* ‘вкус, привкус’; *цлесу* (бежт., гунз.) ‘обычай’ < *цлесу а* ‘порядок, правило’, б) ‘обряд, чин’, в) ‘обыкновение’ и т.д. Лексемы этой группы в основном пред-

ставлены в цезских языках и сравнительно немногочисленны. Здесь встречаются также грузинизмы, восходящие по своему происхождению к тюркскому и иранскому историкам: *дарди* (бежт., гуыз.) 'безразличие' < *дарди* 'печаль, горе, тоска'; *икейно* (бежт., сарус.) 'веселье, компания' < *икейно* (форма глагольного словоизменения от *кеиноба*). Общее число лексем, выражающих абстрактные понятия в контактировавших с грузинским дагестанских языках, составляет примерно 20 единиц: *болотави* (бежт., гуыз.) 'неразбериха' < *болотави* (груз. *боло* 'хвост', *тави* 'голова'); *данли* (цезск.) 'избиение' < *данли*; *майкнеца* (бежт.), *тлакнеца* (окт.) 'сидение по-турецки' < *моклецели/майкнеца* (ках. *моикнеца* 'согнулся') 'согнутый, сложенный'; *цлула* (бежт., гуыз.), *цил* (окт.) 'жребий' < *цили*; *члийапари* (бежт.), *члийа* (гуыз.) 'краситель' < *члийапари* 'пунцовый цвет'; *эртоба* (бежт.) 'хаос, безобразия' < *эртоба* 'единство, общность'.

Социальные термины

Социальная терминология исконного происхождения у народов Западного Дагестана представлена бедно. Это, видимо, объясняется тем, что в феодальную эпоху им не были известны соответствующие институты. Естественно поэтому, мы находим здесь термины социального содержания, заимствованные из грузинского языка в некоторых дагестанских языках, в частности в бежтинском, гуызибском, лезгинском и удинском. Социальными терминами являются: *гелехи* (бежт., гуыз.) 'нищий' (ср. анц. *гелехаб//гилихаб*, кус. *гилихаб* 'грязный') < *глехи* 'крестьянин'; *кьема* (бежт.) 'раб, слуга' < *кьма* 'крепостной'; *тавад* (удин.) 'князь, барин' < *тавади* 'предводитель, князь' (ср.: бацб. *кьма* 'раб', *глехи* 'крестьянин', *тавад* 'князь, помещик'). Время их проникновения установить трудно. Однако если исходить из первоначальных значений этих лексем, то некоторые из них можно хронологически отнести к древнегрузинскому периоду. Так, известный историк Г.А. Меликишвили пишет по поводу одного из них, что «уже в древнегрузинских письменных памятниках раннефеодальной эпохи "глехи" явно выступает в качестве обозначения людей, стоящих на самой низкой ступени социальной жизни... Кьма "крепостной крестьянин" является социальным термином, характерным для феодальной Грузии. Античной Грузии были неизвестны ни сам институт, ни это название, однако В.В. Бардавелидзе справедливо ставит вопрос об употреблении данного термина скорее всего в значении "раба"» (Меликишвили 1959: 126).

В лезгинском языке, а именно в его гюнейском диалекте, слова *тавар* (ср: лак. *тават* 'статный') и *азнаур* У.А. Мейланова от-

носит к заимствованиям из грузинского языка (XVII–XVIII вв.), отмечая, что они сохранились только в старинных фольклорных песнях (Мейланова 1970: 151). Указанные лексические элементы встречаются также в аварских и лакских фольклорных песнях.

Новые социальные термины, вошедшие в дагестанский язык ки недавно, отражают их современное содержание: *муша* (окт.) 'рабочий' < *муша*, *гъала* (бежт.) а) 'добро, богатство', б) 'нектар', в) 'жировое отложение в области живота', *гъала* (гуиз.) 'нектар', *гъала* (цах.) 'припасы у мышей' < *гъала* 'оброк'.

Названия дней недели и месяцев

Во многих дагестанских языках, особенно дооктябрьский период, наиболее распространенными и широкоупотребительными были названия дней недели и месяцев арабского происхождения. А сейчас наряду с арабскими названиями этих понятий в разговорной речи употребляются и русские.

В лексике грузинских дагестанцев представлены названия дней недели грузинского происхождения, а также иного происхождения, проникшие через грузинский язык.

К названиям месяцев здесь относятся: *ап/рип* (окт.) 'апрель' < *ап/рили* (< русск.), *дек/ембер* (окт.) 'декабрь' < *дек/ембери* (< русск.); *сек/т/ембер* 'сентябрь' < *сек/т/ембери* (< русск.); *теб/ервал* 'февраль' < *теб/ервали* (< русск.) и др.

К названиям дней недели относятся: *к/иура* (чантл., сарус.) < *к/иура* (окт.) 'неделя, воскресенье' < *к/иура*; *оришабат* (чантл., сарус.) 'понедельник' < *оришабати*, *отхишабат* (чантл., сарус.) 'среда' < *отхишабати*; *п/лараск/ли* (окт.), *п/араки* (удин.), *п/лараск/леби* (чантл., сарус.) 'пятница' < *п/лараск/леви*; *сам/ишабат* (чантл., сарус.) 'вторник' < *сам/ишабати*; *хутишабат* (чантл., сарус.) 'четверг' < *хутишабати*; *шабат* (чантл., сарус.), *шабат//ишамат//ишамат/и-гъи* (удин.) 'суббота' < *шабати*. Как видно из примеров, в чантлискуринском и сарусойском говорах бежтинского языка арабские названия дней недели полностью заменены грузинскими, причем последние широко употребительны в речи.

Следует отметить, что в удинском языке названия дней недели, состоящие из двух компонентов, заимствуются не полностью, как это имеет место в чантлискуринском и сарусойском говорах: первая часть композита заменяется исконно удинским словом-числительным и лишь вторая часть сохраняется без изменения. Например: груз. *оришабати* 'понедельник' (букв. *ори* 'два' + *шабати*) – удин. *п/ла-шабат* (букв. *п/ла* 'два' + *шабат*); груз. *отхишабати* 'среда' (букв. *отхи* 'четыре' + *шабати*) – удин. *бун/ишабат//бун/ишамат/и* (букв. *бун/и* 'четыре' + *ишамат//ишабат*); груз.

самшабати 'вторник' (букв. *сами* 'три' + *шабати*) – удин. *хибша-бат*//*хибшамат* (букв. *хиб* 'три' + *шабат*//*шамат*); груз. *хутишабати* 'четверг' (букв. *хути* 'пять' + *шабати*) – удин. *хъоша-бат*//*хъошамат* (букв. *хъо* 'пять' + *шабат*//*шамат*).

“Если учесть, что в процессе заимствования Г.А. Климов, – особенно подвижным элементом языковой структуры оказывается словарь, то вполне естественно, что в ходе многовековых лингвистических контактов на Кавказе сложился определенный лексический фонд, в значительной степени общий не только для групп автохтонных кавказских языков, но и для некоторых других, представленных в этом ареале языков” (1986: 189). В этой связи В.И. Абаев отмечает, что “если бы составили карту лексических изоглосс для всего Кавказа, то оказалось бы, что десятки линий во всевозможных направлениях, причудливыми и неожиданными кривыми оплетают всю его территорию, не считаясь ни с какими языковыми и диалектными перегородками. Иными словами, существует лексический фонд, свойственный не одному только или двум соседним языкам, а трем, четырем и более языкам, нередко весьма удаленным друг от друга, иначе говоря – межкавказский лексический фонд. При этом мы имеем в виду не общие для многих кавказских языков заимствования из арабского, персидского и турецкого – последние представляют для нас меньший интерес. Мы имеем в виду слова местного кавказского происхождения, распространение которых было обусловлено не внешним влиянием, а внутренней жизнью кавказских народов, их тяготением к культурному единству, превозмогающему историческое многоязычие. Представляло бы высокий интерес собрать и систематизировать весь этот материал и создать, таким образом, сравнительную лексикологию кавказских языков” (1949: 89).

Сформулированная В.И. Абаевым задача пока еще не решена в кавказской ареальной лингвистике. В образовании общекавказского лексического фонда значительную роль сыграл грузинский язык, имеющий богатую историю и литературные традиции. Во многих кавказских языках, генетически родственных и неродственных, обнаруживаем очень большое число общих слов, восходящих по своему происхождению к грузинскому источнику или заимствованных через грузинское языковое посредство. Не выделяя их в отдельную главу, хотя освещение общего грузинского пласта лексики в сравнительном плане было бы более наглядным и естественным, рассмотрим их по тематическим группам, отмеченным нами для дагестанских грузинизмов.

Грузинским лексическим элементам тематической группы “Общественно-политическая терминология” в ряде случаев нахо-

дятся аналоги в восточнокавказском и западнокавказском ареалах, например в абхазском, бацбийском, ингушском и ряде диалектов чеченского языка. Приводимые параллели грузинизмов в восточнокавказских и западнокавказских, а также в осетинском языках отмечены в работах И.А. Алироева (1962, 1971), И.Ю. Алироева (1978), М.К. Андроникашвили (1966), И.А. Арсаханова (1959), Т.Б. Гониашвили (1940), Ю.Д. Дешериева (1953), А.Г. Мадиева (1973), О.Я. Тедесвой (1983), Ф.Д. Техова (1979), А.Л. Чинчараули (1975), А.К. Шагирова (1989) и др. Из дагестанских грузинизмов в других автохтонных языках Кавказа встречаются следующие слова: *къма* (бацб.) 'раб', *цлес* (бацб.) 'порядок', *мзитев* (бацб.) 'приданое', *сноб* (бацб.) 'справка', *сăглар* (кист.) 'церковь'; *модзлар* (бацб.), *муазлар* (кист.), *мозлар* (чеч., инг., чеб.), *моцлар* (итум.) 'священник'; *бер* (бацб.), *абер* (абхаз.) 'монах'; *гамгеоб* (бацб.) 'правление колхоза', *зарбеза* (бацб.) 'пушка'; *сапантл* (кист.) 'дробь'; *буьрка* (чеч.), *бургац* (инг.), *бурт* (кист.), *бурки* (чеб.) 'мяч'; *оришати* (бацб.), *оришот* (чеч.), *оршот* (инг.), *орчот* (кист.), *оришат* (итум.), *уоришоте* (чеб.) 'понедельник'; *пласкла* (чеч.), *пlăраскла* (инг.), *пlараскл* (бацб.), *пlараскла* (акк.), *пlараскл* (кист.), *пlарисклини* (чеб.), *пlараскла* (итум.) 'пятница', *бэрэске/бэрэскэжъий* (адыг.) 'среда', *браскъэ* (убых.) 'среда'; *шуот* (чеч., кист.), *шоата* (инг.), *шабат* (бацб.), *шуотин* (чеб.), *шата* (итум.), *шэмбэт/шигъэбэт* (адыг.), *игъэбъ* (убых.) 'суббота'; *кiра* (инг., чеч.), *кiр* (инг.), *кiвира* (бацб.) 'воскресенье' и т.д. Отдельные грузинизмы повторяются и в осетинском языке, например: *гэлех* 'крестьянин', *гыала* 'оброк', *локо* 'сом'.

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

Значительная группа грузинизмов отражает самые разнообразные сферы человеческой деятельности. В данной тематической группе фигурируют лексические элементы, связанные с понятием "человек". Соответственно, она разбита на следующие подгруппы: 1) слова, связанные с качествами характера, физическими особенностями и моралью; 2) обозначения, связанные с профессией и должностью; 3) термины, обозначающие родство и свойство; 4) названия некоторых болезней. По числу представленных заимствованных лексем первые две подгруппы являются более крупными и полными, а две последние включают соответственно шесть и девять лексем. Как и в предыдущем тематическом разряде грузинские лексические элементы и здесь в основном налицо в бежтинском, гунизбском, удинском и цахурском языках. Хотя нет таких тематических подгрупп, все грузинизмы

которых были бы представлены только в одном каком-либо языке, в отдельных подгруппах в количественном отношении обнаруживается больше заимствованных грузинизмов в каком-то одном языке, в других же подгруппах – в каком-либо другом. Например, усвоенные термины родства и свойства, в основном представлены в цахурском, а названия, связанные с качествами характера, физическими особенностями и моралью, – в бежтинском и гунизбском.

Слова этой тематической группы являются необходимой составной частью словарного фонда указанных языков, так как в большинстве случаев к грузинизмам невозможно подыскать их исконные соответствия. Однако, сопоставляя заимствованные грузинские лексические элементы, можно прийти к выводу, что некоторые дагестанские слова были вытеснены грузинизмами. Ср.: *муша* (сарус. < груз.) – *эгьдаго* (гуиз.) ‘рабочий’, *мевли* (чантл., сарус. < груз.) – *эл/гел* (бежт., гуиз.) ‘полевой сторож’ и т.д. Отдельные грузинизмы употребляются параллельно с исконными лексемами, образуя при этом синонимический ряд, но степень их употребительности зависит от индивидуума, речевой ситуации и т.д. Как синонимы выступают, в частности, бежт. *џоџоџ* – груз. *мезези* ‘капризы’, бежт. *гагы* – груз. *бегай/бегари* ‘коллективная помощь’; тив., гуиз. *хал гьубузи (бува)* – груз. *гашинжа/гашинза гьубузи (бува)* ‘обследовать (больного)’ и т.д. Такие синонимические заимствования иногда называются в литературе проникновениями (Рот 1973: 13).

Вместе с тем в словарном фонде некоторых дагестанских языков выделяются грузинизмы, которые до недавнего времени не были известны. Эти слова являются обозначениями новых понятий и предметов, которые вошли в жизнь и быт в более позднее время, например: *абьашникI* (бежт.) ‘лесник, лесничий’, *даллак* (гин., цез.) ‘бритвенный нож’, *белга* (удин.) ‘калым’, *гьебари* (бежт.) ‘красильщик’.

*Слова, именующие качества характера,
физические особенности и понятия морали*

К терминам, выражающим человеческие качества, относятся следующие грузинизмы: *зонтли* (бежт.) ‘тяжеловесный человек’ < *зантли* ‘флегматик’, *ваглахи* (бежт.) ‘неаккуратный (неопрятный) человек’ < *ваглахи* а) ‘трудный, тяжелый, плохой’, б) ‘горе, затруднение’; *клинтло* (бежт., лак.) ‘непостоянный человек; жулик’ < *клинтло* а) в старом Тбилиси: торговец фруктами с лотка, носил особый костюм, отличался остроумием, б) перен. ‘бездельник’; *клотлоси* (бежт.) ‘пустоголовый человек’ < *клотлоси* (мед.)

'пиявка'; *гъипли* (бежт.) 'пузо', *гъипли* (гин.) 'нерасторопный человек' < *гъипли* 'пузо'.

Такие грузинизмы, как *мунжи* (сарус., бежт.) 'немой' < *мунджи*; *корна* (чантл.) 'коротышка (по отношению к *მუნჯი*)', *корна* 'младенец, малютка', характеризуют физические и психологические черты человека.

Морально-психологическую сферу жизни человека отражает небольшая группа грузинизмов. Таковыми являются лексемы *имеди* (бежт.) 'надежда', *имеди* (гунз.) 'неуважение' < *имеди* 'надежда', *къона* (бежт.) 'раздумье, душевное беспокойство, озабоченность' < *къона* а) 'бытие, быт'; б) 'жизнь'; в) 'положение, состояние'; *мужьомьмаьгаьри* (бежт.), *мужьомагари* (сарус.) 'услужение, прислуживание' < *моджамагире*.

К этой тематической подгруппе также относятся *илаз* (бежт.) 'настрой, состояние духа' < *иладжи* 'нехватка чего-л.'; *мезези* (бежт., гунз., гин.) 'капризы', *мезламо* (цез.) 'капризный человек' (ср. бежт. *мезлаги* 'капризный человек'), *мезез* (тив.) 'причина' < *мизези* 'причина'; *мзити* (окт.) 'приданое' < *мзитеви*; *тлусагъи* (бежт.), *тлусахи* (гунз.) 'тюрьма', *тлуссагъ* (удин.) 'заключенный, арестант' < *тлусагъи* 'узник, заключенный'; *баришари* (бежт.) 'ссора' < *баришари* (ках.); *бедуре* (бежт.) 'трус' < *убедури* (ках.) 'несчастный, неполноценный человек', *денла* (бежт.) 'высокий грузный человек' < *денла* (ках.); *хьерхъи* (бежт., гунз.) 'тактика', *херхи* (окт.) < *херхи* а) 'способ, средство, прием', б) 'тактика', в) 'искусство', г) 'ловкость, сноровка', д) 'ухищрение, ловка, хитрость'.

Обозначения профессии, должности, рода занятий

Следующие слова обозначают род занятий человека: *баклистав//баклисдав* (цах.) 'барановод' < *баклистави*, *дурьгаьр* (удин.) 'плотник' < *дургали*, *гъебари* (бежт., цез.) 'красильщик' < *мгъебари*, *мэвэле* (удин.) 'полевой сторож' < *мевеле*, *тавмдждомаре* (окт.) 'председатель' < *тавмдждомаре*, *экимо* (чантл., сарус., тив.) 'врач' < *экими*.

Наряду с простыми (непроизводными) заимствованиями встречаются также производные и сложные слова, связанные с профессией и должностью человека, не члениющиеся, естественно, в языке-рецепторе на морфемы, например: *мебагъ* (окт.) 'садовник' (в груз. *ме-* словообр. преф. + *багъ* + *е*); *мехьре* (бежт., гунз.), *мехър* (тив.), *мехре* (окт.) 'слуга' (в груз. *ме-* словообраз. преф. + *хр+е*); *баклистав//баклисдав* (цах.) 'барановод, овчар' (груз. *баклис* форма род.п. от *бакли* 'загон' + *тави* 'голова') и т.д.

наименования. Например, термины виноградарства и огородничества здесь полностью являются грузинскими: *вази* 'виноградная лоза', *венахъи* (*венахи*) 'виноградник', *пурчпа*/*пурча* 'прополка', *болокли* 'редис', *хагъу* 'лук'.

Исходя из вышеизложенного, можно, по-видимому, утверждать грузинизмы этой тематической группы достаточно широко представлены в лексике некоторых дагестанских языков.

Лексика, представленная здесь, включает в себя термины земледелия и огородничества, скотоводства и овцеводства, охоты и рыболовства, названия орудий труда, инструментов и их частей. Наименования огородных, полевых и других культур рассматриваются в разделе "Лексика растительного мира".

В отличие от других тематических групп, в "Сельскохозяйственной лексике" незначительны (всего три лексемы) иноязычные слова, проникшие через грузинское языковое посредство. Ниже более подробно остановимся на лексико-тематических подгруппах.

Термины земледелия и огородничества

Здесь представлены наименования, охватывающие процессы от обработки почвы до обмолота зерна. В зависимости от состава почвы и степени ее освоенности употребляются такие слова, как: *белтли* (бежт.) 'кусочек земли' < *белтли* 'глыба земли'; *къамар*/*къамай* (бежт., тляд.) 'липкий глинозем красноватого цвета', *къамир* (окт.) 'целина' < *къамири* 'целина'; *дабара* (бежт.) а) 'вскопанный участок', б) 'веранда', *дабара* (гин., гунз., цез., удин.) 'вскопанный участок' < *дабари* (ках. *дабарел*/*дабарули*).

Выделяются грузинизмы, связанные с процессами обработки и пахоты земли: *белтли* (удин.) 'грубая вспашка', *бойтлиани* (бежт.) 'грядка' < *бойтлиани* (ках. *бостлани* < тюрк.) 'огород' (ср. лезг. *бостан* 'бахча', авар., дарг. *пастлан* 'дыня', 'огород' < кум. *пастан* 'дыня'); *зигизаги* (тляд.) 'борона' < *зигизаги*; *парџа* (бежт., гунз.), *парџи* (тив.) 'борона' < *парџи*; *квали* (тив.), *квал* (окт.) 'борозда' < *квали*.

Налицо большое количество грузинских лексических элементов области виноградарства. Хотя в горах Дагестана не получило (что и невозможно из-за природных условий) культивирование винограда, термины этой области широко распространены и прочно закрепились в лексике контактировавших языков. Например, *багъи* (бежт., гунз.) 'сад' < *багъи* (груз. < тюрк.; лак., лезг. *багъ* из азерб.); *вази* (цезск., анц.), *вазиб* (кус.), *важийаб* (чад.) 'виноградная лоза' < *вази*; *венахи* (бежт., гунз.), *венахъи* (тляд.) 'виноградник' < *венахи* (др.-груз. *венахъи*); *гатохъна*

(бежт., гунз.), *gatluxъna* (гин.), *gatoxna* (тив.) 'прополка' < *gatoxъna* а) 'прополка', б) 'прополоть, вскопать' (др.-груз. *gatoxъvna*); *пурчна* (бежт.), *пурчвна* (окт.), *пурчйна* (сарус.) 'очистка виноградной лозы от растений' < *пурчна* // *пурчвна*; *хевани* (бежт., гунз., тив.), *хеван* (окт.) 'виноградная лоза на дереве' < *хевани* (как. *хеивани*). Налицо значительная группа слов-коррелятов, связанных с возделыванием винограда: *гогирди* (чантл.) 'лекарство для опрыскивания' < *гогирди*; *марани* (бежт., гунз.), *маран* (тив., окт.) 'винный погреб' < *марани*; *маргили* (сарус.) 'столбик' < *маргили* 'приспособление для подвязывания виноградных лоз'; *цини* (чантл., сарус.), *цин* (окт.) 'средство для опрыскивания' < *цини*; *шаби* (бежт., цез., сарус.), *шаб* (окт.), *шап* (удин.) 'квасцы' < *шаби* (груз. < тюрк.).

С обмолотом и помолом зерна связаны следующие грузинизмы: *атавли* (чантл.), *ат'авли* (цах.) 'десять в кучу сложенных снопов' < *атавли* 'маленькие скирды сена'; *бурдо* (хаш., тляд.) 'скирда' < *бурдо* 'обмолот, остатки зерна (проса) после обмолота' (< арм.); *клона* (бежт., гунз.), *клон* (тив.) 'вязанка' < *клона* 'букет, пучок, связка, вязанка'; *минди* (бежт., гунз.) 'плата за помол (мукой, зерном)' < *минди*; *мосавал* (сарус.) 'урожай' < *мосавали*. Некоторые термины данной подгруппы сохранили свой древнегрузинский облик.

Термины скотоводства и овцеводства

В данной тематической подгруппе – наиболее общие понятия, связанные с животноводством. Названия диких и домашних животных и птиц включены в раздел "Терминология животного мира". К числу терминов скотоводства и овцеводства относятся: *бакли* (бежт.) 'гурт овец', *бакли* (гунз.), *баклий* (цах.) 'овцеводческая ферма', *бакли* (зак.-ках. < цах.) < *бакли* 'загон'; *жабо* (бежт.) 'прозвище' < *джабо* 'скот'; *нахир* (гунз., окт.) 'стадо, табун' < *нахири* 'стадо крупного рогатого скота' (< иран.) – ср. *нихир* (крыз.), *нехир* (лезг., рут., цах.), *нахир* (агул.) через азерб.; *бара* (цах.) 'отара маточного поголовья при доении; место доения' < *пара* 'баранта, отара'; *саконели* (бежт., сарус.) 'скот' < *саконели* 'скот', 'товар'.

Лексика охоты и рыболовства

Слова, связанные с охотой, усвоенные из грузинского языка, малочисленны. Таковыми являются: *члевари* (бежт.) а) 'охотничья собака', б) перен. 'крикун', *члевари* (цез.) 'плакса' < *мичевари* 'борзая собака'; *сапантли* (бежт., сарус.) 'дробь', *санланпи* (гунз.)

'рогатка', *цантл* (тив.), *сапант* (окт.) 'дробь' < *сапантл* 'дробь'; *сахъри* (бежт., гунз.) 'большая палка', *сахре* (окт.), *сахъри* (цез.) 'прут, палка' < *сахре* 'прут'.

В составе лексики рыболовства известны; *кӀалмах* (удин.), *кӀалмах-чугла* (тив.) 'форель' < *кӀалмахи*; *локо* (бежт.) 'усач (рыба)', *локо* (сарус., окт.) < *локо* 'сом' (Абдуллаев 1989, 84); *халха* (гунз.) 'удочка', *халха* (бежт.) 'Халха' (прозвище) < *халха* 'дубинка, палка, длинный шест'. Общее название, эквивалентное слову 'рыболовство', неизвестно. Дагестанцы рыболовством не занимались, так как оно не имело хозяйственного значения, естественно, что лексика рыболовства не получила у них широкого распространения.

Названия орудий труда, инструментов и их частей

Как уже отмечалось, многие обозначения сельскохозяйственных орудий и инструментов заимствованы из грузинского языка. Однако нельзя думать, что они, например, у цезов, вообще отсутствовали. У контактировавших с грузинами дагестанцев сохранились и исконные названия орудий труда. Например, в бежтинском исконными являются *боъос* 'соха', *боза* 'мотыга' и т.д. Им соответствуют заимствования-грузинизмы: *готани* (бежт.) 'плуг' < *готани* (ках. *гутани*), ср. *готан* (анц.), *гутан*//*кутан* (гин., тив., цез.); *тохъи* (бежт.) 'мотыга' < *тохи* (др.-груз. *тохъи*), ср.: *тохъи* (гин., гунз., анц.), *толхъи* (цез.), *тохи* (окт.), *тухи* (бухн.), *тухна* (кус., зак., таш.) 'мотыга' < груз. *тохна* а) 'мотыжить', б) 'мотыжение'; *цӀараки-боза* (бежт.) 'кирка' < *цӀеракви* 'большая кирка', ср.: *цӀараки* (гин., гунз.), *цӀараки-биза*//*цӀераки* (кид.), *цӀараки* (мок.), *цӀераки* (шаитл.), *цӀеракв* (окт.); *бари* (бежт.) 'вид лопаты' < *бари*.

Из удинских обозначений орудий сенокосения грузинскими являются *намгал* (окт.) 'серп', *маьнкаъл* (варт.) 'инструмент для срубки кустарника в виде серпа' < *намгали*.

Из других названий орудий труда, инструментов и связанных с ними коррелятов заимствованными являются: *астлам* (окт.), *астлами* (гельм.), *истлами* (цах.д.) 'скребок', *астами* (анц.) 'лопаточка' < *астлами* 'скребок'; *жохи* (гунз.) 'палка' < *джохи*; *мартули* (бежт., гунз.), *мавтул* (удин.) 'провода' < *мавтули*//*мартули* (<иран), *шалашин* (окт.) 'тесак' < *шалашини* 'рубанок'.

Некоторые грузинизмы дагестанской лексики, связанной с сельским хозяйством, имеют аналоги и в других языках Кавказа: *белтл* (осет.) 'кусок, участок', *вази* (бацб., осет.) 'виноградная лоза', *минди* (осет.) 'доля зерна, получаемая мельником за помол

зерна'; *Кона* (осет.) 'пучок', *пахса* (осет.) 'грабли', *гутан* (бацб.) 'плуг'; *тѡкх/тѡкхиш* (бацб.), *тохи* (осет.) 'мотыга'; *виѡда* (бацб.) 'наковальня', *намгал* (бацб.) 'серп', *таѡтѡв* (бацб.) 'колос'.

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДОЙ

Значительная группа лексем отражает специфику природной среды, характерной для Закавказья. Сюда можно отнести названия географических понятий, названия различных природных явлений, а также названия полезных ископаемых (металлов). Терминологический характер таких слов обеспечил им место в системе лексики некоторых дагестанских языков.

В названиях географических понятий новыми и специфичными понятиями являются такие слова, как *жвардин* (тив.) 'поперечная дорога' < *гза-джваредини*; *пон* (удин.) 'брод' < *пони*, *рука* (удин.) 'карта' < *рукла*; *уба/лубани* (бежт., гунз., окт., тив., цах.) а) 'род' (тухум), б) 'участок, квартал'; *убани* (< иран.); *члала* (тив.) 'овраг' < *члала*; *биликли* (бежт., гин., гунз.), *ликер* (удин.) 'тропинка' < *биликли*; *гъели* (окт.) 'перевал' < *гъели* (ках. *гъеле*); *мизна* (бежт.) 'граница' < *миджна* 'межа, граница, дорога'; *цѡакъарай* (цах.) 'родник' < *цѡкъаро*; *цугъри* (бежт.) 'берег' < *эцери*; *нисани* (бежт.) 'межа' < *нишани* (ках.) 'отметка'; *алазан* (бежт.), *галазан* (гин.) 'озеро' < *Алазани* 'Алазань (название реки)'.

К обозначениям полезных ископаемых (металлов и сплавов, драгоценных камней) относятся: *полади* (бежт., гунз.), *полад* (окт.) 'сталь' < *полади* (ср. араб. *булад*, перс. *пулад*); *тудж* (цах., удин.) 'чугун' < *туджи* (< иран.), *туттайѡа* (бежт.) 'алюминий' < *тутѡа* 'цинк'; *лали* (бежт., гунз., тив.) 'Лали' (собств., женское имя) < *лали* а) 'рубин', б) женское имя; *окро/окко* (бежт.), *окро* (гунз.), *укру* (гин., цез.) 'серебро, деньги' < *окро* 'золото'.

В тематической подгруппе названий различных природных явлений многие понятия окружающей среды, естественно, известны дагестанцам, они сохранили их исконные обозначения. Например, в бежтинском языке понятия 'гололед', 'болото', 'песок', 'ржавчина' имеют исконные названия: *боло* 'гололед', *къѡца* 'болото' и 'слюна', *мисо* 'песок', *къѡѡѡ* 'ржавчина'. Однако наряду с исконными в разряд активного словаря вошли и употребляются параллельно и грузинизмы: *цѡѡѡ* 'гололед, наст', *чликъантѡи* 'болото', *лами* 'песок', *жангъѡи* 'ржавчина'. Некоторые грузинизмы вытеснили исконные слова. Например, в октомберском говоре удинского языка для обозначения засухи употребляется только грузинское слово *голѡа* (< груз. *гвалѡа*), для

обозначения зимы, молнии, инея, зари употребляются соответственно грузинизмы: *замтари*, *мех*, *нам*, *цисклар*.

Природные явления характеризуют также лексемы *гьаири* (бежт.) 'воздух' < *гьаэри* (< греч.); *жангъи* (бежт.) 'мелкие крапинки в виде дождя или снега', *жангъи* (гува) 'туманность', *жагъи/жангъи* (тив.) 'туман' < *жингъли* (ках. *жинжли*) 'изморось', *джангъи* 'туман'; *лами* (сарус., тляд.), *лами* (окт.), *ша* (удин.) < *шлами* 'песок'; *хатами* (бежт.), *хатоми* (гин.) 'слякоть' < *хатами*; *члукъ* (цах.) 'грязь' < *члукъи*.

Некоторые названия, связанные с окружающей природой, заимствованные из грузинского языка, представлены и в других восточнокавказских, западнокавказских языках, а также осетинском. Например: *полад* (бацб.) 'сталь'; *тудж* (бацб.), *тунджи* (осет.), *атуджъ/атыдъж* (абхаз.) 'чугун'; *биликл* (бацб.) 'тропа', *цер* (бацб.) 'берег', *шлам* (бацб.) 'песок', *чкъантл* (кист.) 'осока', *мех* (бацб.) 'молния', *цисклару* (бацб.) 'заря', *хлайр* (кист.) 'воздух', *по* (кист.) 'брод', *окр* (бацб.) 'золото'; *адл* (бацб.), *члукъ* (зак.-ках.) 'глазной гной'.

ЛЕКСИКА ЖИВОТНОГО МИРА

Богат животный мир Северного Кавказа. Здесь представлено множество видов животных и птиц, характерных для различных регионов мира. Разнообразный географический ландшафт Дагестана способствует сохранению почти всех видов домашних и диких животных и птиц, а также множества насекомых и пресмыкающихся. Наряду с исконными названиями в дагестанских языках представлены и иноязычные. Хотя некоторые животные не обитают в горах Дагестана, они хорошо известны, а их обозначения заимствованы из разных источников, в том числе из грузинского. Выделяются слова восточного происхождения, усвоенные через посредство грузинского языка, например: *аклеми* 'верблюд' (< греч.), *млaxи* 'кабан' (< перс.), *бамли* 'гусь' (< араб.). Отмеченный С.Л. Николаевым (1985: 67) "средиземноморский" корень имеет параллели также в арабском (*бафф* 'утка'), армянском (*bad, bat* 'утка') и других языках. Источником происхождения этих форм считают северокавказские языки. В целом исконный пласт лексики животного мира намного шире, чем иноязычный.

Некоторые заимствованные названия животных и связанные с ними лексемы в контактировавших дагестанских языках являются достаточно старыми и хронологически могут быть отнесены к раннему периоду грузинско-дагестанских языковых контактов. Например, для обозначения петуха в цезских языках используются заимствованные или из аварского языка – *хлелеку* (гуыз.),

или из грузинского – *мамали* (бежт., гин., цез.). Вторая лексема более распространена. Как известно, из названий домашней птицы обозначения курицы и петуха в грузинском языке являются весьма древними. Следует думать, что они проникли в соседние регионы, в том числе и в Западный Дагестан, еще в среднегрузинскую эпоху. В эту эпоху, видимо, заимствованы и другие названия. Ср.: *mlemlali* (бежт.) ‘куроочка’, *дедали* (бежт.) перен. ‘плохой человек’ < *дедали* (др.-груз.) а) ‘самка’, б) ‘курица’; *мамали* (бежт.), *мамалай* (гин., цез.) ‘петух’ < *мамали* (др.-груз.), *мамали* а) ‘самец’, б) ‘петух’; *бебхи* ‘барс’ < *вепх*//*вепхи* (др.-груз.); *члевари* (бежт.) ‘охотничья собака’ < *мчлевари* (др.-груз.) ‘борзая собака’; *бакли* (бежт., гуниз.) ‘гурт овец’, *бакли*//*баклий* (цах.) ‘овцеводческая ферма’ < *бакли* (др.-груз.) ‘ограда, изгородь для загона скота’; *акламо* (бежт., гуниз.) ‘верблюд’ < *аклеми* (др.-груз. < греч.); *тлаху* (бежт., гуниз.) ‘кабан’ < *тлаху* (др.-груз. < перс.) и др.

В этой тематической группе выделяются следующие подгруппы: названия домашних и диких животных; названия домашних и диких птиц; названия насекомых и пресмыкающихся; названия частей тела человека и животных.

Названия диких и домашних животных

Обозначения диких животных, отсутствующих в некоторых регионах Кавказа, известны контактировавшим дагестанцам через грузинский язык: *лом* (удин.) ‘лев’ < *ломи*, *бебхи* ‘леопард’ и др. Специфичными для Западного Дагестана являются такие названия диких и домашних животных, как *гочли* (бежт., гуниз.), *гучли* (гин., цез.) ‘поросенок’ < *гочли*; *заки* (бежт.), *заке* (гуниз.) ‘буйволенок’ < *заки*; *сикъи* (анц., таш.), *цикъи* (бежт., бухи., том.), *сикъе-акъу* (гуниз.) ‘белка’ < *цикъви*.

В языках цезской подгруппы для обозначения тигра употребляется аварское слово *циркъ*. Соседствующие с Грузией бежтинский, гинухский и гунизбский заимствовали слово из грузинского, ср: *бебхи* (бежт., гин.), *бевхи* (гуниз.) – совр. груз. *вепхви* ‘тигр’ и др.-груз. *вепхи* ‘барс’. На наш взгляд, древнегрузинская форма данной лексемы со значением ‘барс’ стоит ближе к цезским, нежели слово современного грузинского языка со значением ‘тигр’. Как отмечает И.К. Керкадзе, «в текстах Ветхого завета для передачи “барса” зафиксировано *вепхи*. В современном грузинском языке и в специальной литературе *вепхи* переводится как “тигр”. Правильнее переводить *вепхи* как “барс”, а *джики* как “тигр”» (1971: 15).

Почти все заимствованные названия диких и домашних животных представлены в бежтинском и гунизбском языках, а неко-

торые из них зафиксированы в гинухском, удинском, цахурском и цезском, а также в анцухском диалекте аварского языка: *botliu* (цах.) 'вожак' < *botli* 'козел'; *gocli* (бежт., гуыз.) в гунизбском параллельно со словом *gocli* употребляется и лексема *gloceri* в значении 'поросенок', *guchli* (гин., цез.) 'поросенок' < *gocli*; *gъавне* (бежт.) 'безрогий козел' < диал. *gъола* 'особая порода мелкого рогатого скота'; *дзагъу* (анц.) 'очень старый', *дзагъли* (анц.) – пренебрежительное обращение к старым людям; *загъли-убани* (чантл.) 'квартал собак' < *дзагъли* 'собака'; *кламеч* (тив.) 'буйвол' < *кламечи*; *klatla* (бежт.) 'куцехвостая' < *klatla* 'кошка'; *лаквий* (цах.), *лакloл'л'оклоь* (кус.) 'щенок' < *лекви*; *муша-ниц* (лак.) 'рабочий вол' < *муша* 'рабочий, рабочая'; *циклани* (окт.) 'козленок' < *циклани*; *чочо* (цезск.) 'лошадь' (дет.) < *чочори* 'осленок'; *члукле-а'къу* (гуыз.), *сикъеа'къу* (нахад.), *ци'къ* (окт.), *сикъи* (анц., таш.), *цикъи* (бежт., бухн., том.) 'белка', *цикъь/цикъькъ* (удин.) 'ласка', *сикъий* (зак.-ках. < цох.), *цикъий* (цах.) 'суслик' < *цикъви* 'белка'. Ср.: картв. *цикъв- 'белка' и нах.-даг. *цит'къу 'куница' возводят к абхазско-адыгскому *цигъва: *ци* 'зуб' + *гъва* 'грызть' (Климов 1971: 229). А С.А. Старостин груз. *цикъв-и* 'белка' возводит к прасеверокавказскому источнику **с'arġw* (а) 'ласка, куница' (1982: 11). Однако в цезских языках название белки (*цикъи*, *сикъе*) присутствует только в бежтинском и гунизбском, а в значении 'ласка', 'куница' употребляются лексемы *изматло*, *клогъ*. И к тому же в горах Западного Дагестана белки не водятся.

Названия домашних и диких птиц

Среди названий домашней птицы в некоторых дагестанских языках заимствованы из грузинского такие, как *batli* (бежт., гуыз., анц.), *matli* (гин., цез.) 'гусь' < *batli* (< араб.); *варийа* (чантл.) 'курочка', *варйа* (гуыз.) 'цыпленок', *варйа-х'елеку* (гуыз.) 'цыпленок-петушок' < *вариа* 'курочка'; *индаври* (гуыз.), *эндаври* (бежт.), *индоври* (гин., цез.), *индаури* (тив.), *индаур* (удин.), *индорийаб* (чад.) 'индюк' < *индаури*; *иху* (бежт., гуыз.), *ихирахъ* (гин.), *ихурахъ* (цез.), *ихви* (тив., окт.) 'утка' < *ихви*; *катами* (сарус., чантл.) 'курица' < *катами*; *члучлули* (бежт.) 'цыпленок' < *члучлули* 'утенок, гусенок'; *дедали* (бежт., гуыз.) 'пустой (плохой) человек', *дедали* (окт.) 'курица, самка', *дадал* (удин., рут., цох.) 'петух' < *дедали* а) 'курица', б) 'самка', в) *перен.* 'трус'. Некоторые исследователи в рутульском, удинском и цахурском языках данную лексему считают исконной (Ибрагимов 1983: 35; Загиров 1987: 73; Алексеев, Загиров 1992: 28). Однако форма *дадал* намного ближе к пракартвельской *дед-ал, чем к пра-

восточнокавказской *dad (Николаев, Старостин 1994: 30). На сходство с картвельской *дедал* обращает внимание и Г.А. Климов (1964: 72). В других лезгинских языках мы имеем формы, например: таб. *датт*, агул. *ттатт* 'петух' и т.д. Таким образом, в указанных языках, на наш взгляд, представлена имевшая в древнейшая ванная из грузинского языка форма *дедал*//*дадал*.

Из обозначений диких птиц усвоены следующие: *базихъ* (бежт.) 'синица' < *бази* 'сокол'; *гед*//*гедар* (удин.) 'лебедь' < *геди*; *зера* (хаш., тляд.) 'коршун' < *дзера*; *кор* (окт.) 'ястреб' < *кори*; *къоран* (окт.) 'ворон' < *къорани*; *клулухи* 'курытник, домик' (бежт.) < *клурухи* 'наседка'; *эпъэн* (авар.), *оп-опи* (бежт.), *опоп* (удин.) 'удод' < *опопи*; *паршеванг* (окт.) 'павлин' < *паршеванги*; *цирцил* (сарус.), *ципили* (тив., чантл.) 'цесарка' < *цирцили* (ках. *цицири*); *цлицклан* (окт.) 'синица' < *цлицклани*; *члотл* (окт.) 'филин' < *члотли*; *шаиу* (бежт., сарус.), *чачу* (удин.) 'дрозд' < *шаи-ви*; *ирошан* (окт.) 'скворец' < *ирошани*; *арцив* (окт.) 'орел' < *арциви*. По мнению С.Л. Николаева, груз. *арциви* 'орел' восходит к северокавказским языкам (1985: 61).

Для наименования некоторых вышеуказанных диких и домашних птиц в дагестанских языках отсутствуют исконные лексемы. В октомберском говоре удинского языка грузинизмы вытеснили некоторые исконные слова, ср.: *арцив* 'орел' < *арциви*, *къоран* 'ворон' < *къорани*, *кор* 'ястреб' < *кори*, *опоп* 'удод' < *опопи* и т.д. В хашархотинском и тлядальском говорах грузинизм *зера* 'коршун' вытеснил исконно бежтинскую лексему (собств. бежт. *койдакло* 'коршун').

Названия насекомых и пресмыкающихся

Из наименований насекомых, усвоенных из грузинского, можно указать: *балгъунжа* (бежт.) 'клоп' < *багълинджо*; *бостлани* (бежт., гин., гуыз.) 'медведка' < *бостлана*; *пларкли* (бежт., гуыз.), *пларкл* (тив.) 'шелкопряд' < *пларкли*; *пленлела* (тив., тляд.) 'слепень' < *пленлела* 'бабочка'; *чирчил* (окт.) 'моль' < *чирчили*.

К заимствованным названиям пресмыкающихся относятся: *анклар* (окт.) 'уж' < *анклара*, *хвликл* (окт.) 'ящерица' < *ихвликли* (ках. *хвликли*); *цурбела* (бежт., гуыз., окт.), *цурбила* (гин.), *цурбел*//*цурубел* (тив.), *цурумели* (чад.) 'пиявка' < *цурбела*.

Названия частей тела человека и животных

Грузинскими в обозначениях частей тела человека являются следующие лексемы: *гава* (бежт., гуыз.) 'тазобедренная кость' < *гава* 'зад'; *гъинли* (бежт., сарус., тив.) 'брюшко, толстяк' < *гъинли*

‘брюшко’; *кера* (гляд., сарус.), *кейа* // *кера* (бежт.) ‘волосы’ < *кера* ‘белокурый, блондин’; *кучури* // *кочори* (цезск.), *кочори* // *гучури* // *кочори* // *гочори* (анц.) ‘чуб’ < *кочори* а) ‘волосы в темени’, б) ‘хохол, чуб’, в) ‘гребень’; *къайкъатло* (бежт.), *кдык* < *къанкъратло* ‘горло, глотка, гортань’; *клицери* (бежт.) ‘толстая шея’, *клицери* // *клесери* (гунз.) ‘шея’ < *клицери* ‘шея’; *клицу* (цез.), *кличу* (гин.) ‘зуб’ < *кличу*; *наькли* (бежт.), *накли* (гунз.), *лаклина* // *наклила* (цез.), *наклила* (гин., ср. искон. *оллокл*) ‘мизинец’ < *некли*; *ким* (бежт.), *кым* (гунз.) ‘голень, ляжка’ < *кими* ‘край, борт’; *пийтлу* // *пиртлу* (бежт.), *пиртлу* (гунз.) ‘легкие’ (анат.) < *пилтви* (ср. цез. *хотлор*, гин. *гытлор* ‘легкие’). Г.А. Климов отмечает, что в картвельские языки лексема *пилтви* проникла из нахско-дагестанских языков. Ср. картв. **пир(с)тлв*-‘легкое’ < нах.-даг. *пиртл, гунз. *пэртлу* ‘легкое’, арч. *паьрти* ‘селезенка’, лезг. *фиртл* авун ‘фыркать’ (1971: 226). Однако бежтинско-гунзибские варианты (бежт. *пийтлу* // *пиртлу*, гунз. *пиртлу*), скорее всего, следует рассматривать как грузинизмы. Возможно, и в восточноцезских языках первоначально было, утраченное впоследствии, исконное название соматического термина, как в цезском *хотлор* и в гинухском *гытлор*.

Наименований частей тела животных значительно меньше, чем названий частей тела человека. Таковыми являются: *бибик* // *бибикл* (удин.). *былбыла* // *бэбэла* (цах.) ‘гребень петуха’ < *бибило* а) ‘мочка (уха)’, б) ‘гребень петуха’; *дзу* (окт.) ‘грива лошади’ < *дзуа* ‘конский волос’; *клюда* (цах.) ‘кончик’ < *клуби* ‘хвост’ и т.д.

Ареал распространения лексики животного мира грузинского происхождения не ограничивается Дагестаном. Они представлены и в других регионах Северного Кавказа и Закавказья. Многие дагестанские грузинизмы повторяются в бацбийском, абхазском, чеченском, осетинском и других языках: *зачли* (осет.) ‘буйволенок’; *дадали* (осет.) ‘самка’, *опона* ‘удод’, *нленела* ‘бабочка’, *цлцил* (бацб.) ‘цыпленок’; *ихв* (бацб.), *ихо* (кист.) ‘утка’; *индур* (бацб.), *индаур* (кист.) ‘индюк’; *мамал* (бацб.), *мамали* (осет.) ‘петух’; *кIрух* (бацб.) ‘наседка’; *дзIьер* (бацб.), *дзера* (осет.) ‘коршун’; *кIалмах* (бацб., кист.) ‘форель’; *вепхв* (бацб.) ‘тигр’; *цикъва* (бацб.), *цикъи* (зак.-ках.) ‘белка’; *багълинджо* (бацб.) ‘клоп’, *цIурбел* (бацб.) ‘пиявка’, *поцхвер* (бацб.) ‘рысь’, *чирчил* (бацб.) ‘моль’, *хликл* (бацб.) ‘ящерица’, *цIевар* (кист.) ‘охотничья собака’; *куотам* (чеч., инг.), *котми* (бацб.), *кIотам* (итум., чеб.), *куотам* (кист.) ‘курица’; *куьйра* (чеч., акк.), *куйр* (бацб.), *куьйр* (кист.), *кIури* (чеб.), *куори* (итум.) ‘ястреб’; *вIерие* (кист.) ‘курочка’, *пар-*

шаванг (кист.) 'павлин'; *анклар* (кист.) 'уж'; *пларкли* (кист.)
анларкль (абхаз.) 'шелкопряд'; *сирсил* (бацб.) 'цесарка'; *аклам*
 (бацб., чеч.), *аклеми* (осет.), *анкал* (чечб.), *энкал* (кист.), *шккал*
 (инг.) 'верблюды'; *члюб* (чеч.), *чломл* (бацб.), *члон* (акк.), *фидил*
тлорола (кист.) 'жаворонок'.

ЛЕКСИКА РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

Названия множества представителей флоры в дагестанских языках являются исконными и составляют наиболее древний пласт лексики. Вместе с исконными большое место занимают иноязычные наименования растений, проникшие из родственных и неродственных языков (из дагестанских, грузинского, арабского, персидского, русского и тюркских). Названия грузинского происхождения в дагестанских языках составляют в своей совокупности более 80 лексем и охватывают самые разнообразные виды растений и их части.

Регионы расселения части дагестанцев, контактировавших с грузинами, в основном находятся в высокогорном районе Дагестана (1500–2000 м над уровнем моря), в которой представлена растительность альпийского и субальпийского характера. В связи с этим основная часть заимствований – названия культурных растений, многие из которых исторически не культивировались на данной территории, например: *атлами* 'персик', *легъи* 'инжир', *несу* 'дыня', *килийаври* 'слива' и т.д. Правда, в настоящее время некоторые из таких растений выращиваются и в горах: *хагъу* 'лук', *болокли* 'редис', *симинди* 'кукуруза' и др. Кукуруза как культура проникла в аварские регионы из Закавказья: *цлорсароль* 'кукуруза' (букв. 'пшеница из Цора'; *Цлор* – Восточная Грузия и Северо-Западный Азербайджан). А в приграничный с территорией Грузии анцухский диалект вошло и название кукурузы *симилди*//*симинди*.

Отдельные иноязычные названия растений, в частности из арабского, персидского и тюркских языков, проникли в дагестанские языки через грузинский. Так, в цезские языки вошли *бали* 'черешня', *албали* 'вишня', *биринжи* 'рис', *туда* 'тутовник', *бамба* 'вата, хлопок', *атлами* 'персик'. Подтверждением такого посредства служит тот факт, что в аварском языке, где также много заимствованных лексем иноязычного происхождения, восточные заимствования представлены по сравнению с грузинским в фонетически ином облике. Ср., например: *пиллдил* (бежт.) 'перец' < груз. *пиллдили* (ср. авар. *пилдил*); *биринжи* (бежт.) 'рис' < *бринджи* (ср. авар. *пиринчи*); *бали* (бежт.) 'черешня' < *бали* (ср. авар. *багли*). В некоторые языки лексема *багли*//*баъли*

(гин., цез., авар., арч., анд., лак., крыз.) проникла, по-видимому, через посредство других языков.

В связи с установлением тесных взаимоотношений между Россией и Грузией после подписания Георгиевского трактата в грузинский язык проникают русизмы, в том числе и названия растений, которые в дальнейшем вошли и в отдельные дагестанские языки. К таким опосредованным заимствованиям относятся: *плагидор* 'помидор', *кломбостло* (цез., удин.) 'капуста', *клартопили* 'картофель'. Отмечено проникновение картофеля как культуры в некоторые даргинские регионы из Грузии: *гуржи глобе* 'грузинский клубень, грузинская картошка' (Муталов, Темирбулатова 1989: 135). Таким же путем проникла и фасоль, о чем свидетельствует ее даргинское название *гуржи хъара* 'фасоль' (букв. 'грузинский горох').

Грузинизмы – названия растительного мира могут быть подразделены на контактные и неконтактные. В дагестанских языках заимствования из грузинского в основном являются контактными. К неконтактным же относятся грузинизмы, проникшие в языки и диалекты, не имевшие непосредственного соприкосновения с грузинским. Они проникали через соседние языки, контактировавшие с грузинским. К таким заимствованиям, видимо, можно отнести отдельные грузинские лексические элементы в андийских языках, в частности в чамалинском, багвалинском, тиндинском и других, которые проникли через чеченский или цезские языки. Ср. такие лексемы, как *зокла* (багв.), *секлу* (чам.), *ссеклу* (тинд.) 'гриб'; *шахв* (чам.) 'лук'; *цлабел-гьал* (чам.) 'чина' (*цлабел* 'каштан' < *цлабли+гьал* 'горох'). В контактировавших языках названий растений грузинского происхождения намного больше, чем в неконтактировавших. Самое большое число названий растений представлено в цезских (больше всего их в бежтинском и гунзибском), а также в анцухском диалекте. В удинском языке, а именно в речи села Октомбери, их число еще выше.

Названия элементов растительного мира, считающиеся грузинизмами, повторяются во многих языках Кавказа. К таковым можно отнести *легв* (бацб.) 'инжир'; *швинд* (бацб.) 'кизил'; *цлаибл* (бацб.), *цлабли* (осет.) 'каштан'; *атлами* (бацб., абх.-адыг., осет.), *атлам* (кист.) 'персик'; *кловринчх* (бацб.), *кловруьнхсхуь* (осет.) 'терновник'; *клийав* (бацб.), *килаул* (осет.) 'слива'; *симинд* (бацб.), *симинди* (осет.) 'кукуруза'; *хорбол* (бацб.) 'пшеница'; *китлр* (бацб.), *акъьинтър* (абх.) 'огурец'; *цегё болокл* (бацб.) 'редис'; *телгам* (бацб.) 'репа'; *лебив//лоби* (бацб.), *лобия* (осет.) 'фасоль'; *гузр* (бацб.), *гъагар* (кист.), *гогра* (осет.) 'тыква'; *вард* (бацб.), *варди* (осет.), *ауард* (абхаз.) 'роза';

бриндж (бацб.) 'рис'; тавтав (бацб.) 'колос'; ацилал (бацб.), ацилили (зак.-ках.), ванцуйлуь (осет.) 'бузина'; пичлв (бацб.) 'сосна'; джаг (бацб.) 'колючка'; база (чеч.) 'тис ягодный', база (инг.) 'баз (акк., итум., кист.), база (чеч.), бза//буза (осет.) 'самшит'; члархал (бацб.), члархал (абхаз.) 'свекла'; кломбостл (бацб.), кломбостло (осет.) 'капуста'; стлапило (бацб., осет.) 'картофель'; клартонел (бацб.) 'картофель'; надзви (бацб.) 'ель'; ццицаг (бацб.), ццицакла (осет.) 'стручковый перец'; нобс (кист.), неси (осет.) 'дыня'; члал (кист.) 'роща, кустарник'; ваз (бацб., кист.) 'виноградная лоза'; клунела (осет.) 'боярышник'; тларо (осет.) 'початок'; ццилили (осет.) 'маринад'; дзмари (осет.) 'уксус'; зети (осет.) 'растительное масло'; мураба (осет.) 'варенье'; питри (осет., зак.-ках.) 'омела'; макъали (осет.) 'ежевика', джанджур (азерб.д.) 'венгерка'; мацлари (осет., бацб., азерб.д.) 'молодое бродящее вино'; члачла (бацб., чеч., осет.) 'выжимки', сепел (зак.-ках.) 'бук'.

подавляющее большинство названий растений усвоено в весьма позднее время, в период наиболее интенсивных контактов. Поэтому в этих заимствованиях не произошло сколько-нибудь существенных фонетических изменений и семантических сдвигов (в отличие от нахских языков, где грузинизмы подверглись сильным изменениям).

Обозначения растительного мира и связанные с ними лексемы можно разбить на следующие тематические подгруппы: названия деревьев и кустарников; наименования зернобобовых культур; названия цветов и травянистых растений; обозначения фруктов и овощей, плодов и "диких" ягод; названия частей растений; названия продуктов питания и напитков, полученных из растений.

Названия деревьев и кустарников

Территория проживания дагестанцев в зоне соприкосновения с грузинским ареалом окружена богатыми лесами, где представлены самые разнообразные виды деревьев и кустарников. Естественно, многие названия по своему происхождению являются исконно дагестанскими.

Из грузинского языка усвоены названия деревьев и кустарников в основном не культивируемые (не растущие) в горах, а также в местах проживания дагестанской диаспоры, ср., например: бза (удин.) 'самшит' < бза 'самшит колхидский, кавказская пальма'; надзв (удин.) 'ель' < надзви; питри//питрий (цах.), питри (зак., зак.-ках., таб.) 'омела' < питри; пичлв (окт.) 'сосна' < пичлви [для груз. пичлви//бичлви С.А. Старостин (1985: 123) до-

пускает северокавказский источник], *утховар* (удин.) 'красное дерево' < *утховари*; *ципели* (цах.), *ципели* (зак.), *зепел/сепел* (зак.-ках.) 'бук' < *цлабли*; *лапани-хоьхов* (бежт.) 'суеак' < *лапани*.

К терминам, выражающим общие (видовые) понятия, связанные с обозначениями деревьев и кустарников, относятся *цхьаьг* (удин.) 'лес' < *члала/члалакли* 'роща, кустарник', *цхьаьг* 'дрова' < *шеша*.

Наименования зернобобовых культур

Некоторые зернобобовые растения у дагестанцев также не культивировались, и, естественно, отсутствовали их названия. Такие зернобобовые культуры, как 'фасоль', 'кукуруза' и др. в настоящее время выращиваются в горах Западного Дагестана. Ср. названия зернобобовых культур: *биринжи* (бежт.) 'рис', 'рисовый суп', *биринжи* (гин., гунз.) 'рис, плов', *биринз* (цах.) 'рис', *бринджи* (анц.) 'рис' < *бринджи*; *дикла-хъибо* (бежт.) 'пшеница' < *дикла* 'пшеница персидская (яровая)'; *лобийо* (бежт.) 'фасоль, фасолевый суп', *лобийо* (гунз.) 'фасоль', *лоби* (гин.), *лобе* (цах.), *луби* (лак.), *лубуен* (рут.), *лобио* 'фасоль' (ср. арм. *лоби*, перс. *лүбийā* 'фасоль'), *симинди/симилди* (бежт.), *симилди* (цез.), *симинди* (гин., гунз., анц.) 'кукуруза' < *симинди*; *харбули* (бежт.) 'толокно мелкого помола с отходами', *хорбал* (окт.) 'пшеница' < *хорбали* 'пшеница'; *тесли* (бежт., гунз.) 'семена' < *тесли*.

Названия цветов, травянистых растений и грибов

Большей частью флора, отражаемая терминами данной тематической подгруппы, представлена в горах Дагестана. Все же в ней отмечаются и специфические, не растущие в горных условиях растения, такие как *гъицили* (бежт.), *гъирчили* (гунз.), *гъирчи* (сарус.), *гъаңцил* (гин.) 'название растения' < *гъицили*; *замбах* (удин.) 'ирис, касатик, петушки' < *замбахи*; *ниахур* (тив.) 'сельдерей' < *ниахури*; *таммако* (бежт.), *тамбако* (анц.), *тамбаку* (гунз.) 'табак' < *тамбако*; *чала* (бежт., гунз.) 'камыш' < *чала*.

Некоторые грузинизмы вытеснили отдельные исконные названия травянистых растений. Например, в регионе проживания цезов очень широко распространены грибы. У цезов бытует более десятка названий различных грибов, которые они употребляют в пищу, в отличие от остальных цезских народностей. В то же время исконного видового названия для гриба в цезских, да и в некоторых андийских языках не сохранилось (правда, в чамалинском и багвалинском исконное слово употребляется параллельно с грузинизмом). Да и сохранившиеся в аваро-андийских языках

обобщенные названия гриба представляют собой разные по происхождению лексемы: авар. *glurdaɣlan*, багв. *губа*, чам. *ду-духъ//шайтлул тахъи*. Какое из этих названий было известно цезам, трудно сейчас определить. Ср. грузинизм – название гриба: *soklo//zoklo* (бежт.), *zoklo//uikly* (гунз.), *зеклу* (цез.), *зекло* (хварш.), *зокла* (багв.), *секлу* (чам.), *сиклу* (тинд.), *зекла* (ивант.), *зекло* (тив.) ‘гриб’ < *soklo//zoklo*.

В цахурском языке хавсий ‘мох’ < *хавси* вытеснил исконно цахурское слово. В бежтинском и в некоторых других языках лексемы *джаги* ‘колючка’ (бежт., гин., гунз. *жаги*), *дикъи* (мегр. *диъе*) ‘борщевик’ (бежт. *диъи*, цах. *д’икки* ‘цветок’; ср.: цез., гин. *гагали* ‘цветок’), *tlumla* ‘тюльпан’ (бежт. *tlumlo* ‘колючка, осот’), видимо, вытеснили исконно дагестанские слова.

Из названий цветов грузинизмами являются: *варди* (чантл., сарус., тив.), *вард* (удин.) ‘роза’, *варди* (кусур.) ‘цветок шиповника’ (< арм. < араб.); *гъени* (бежт.) ‘марь белая’ < *гъени*; *къакъачо* (сарус., тив., окт.) ‘полевой мак’ < *къакъачо*; *хаишаи* (авар., окт.) ‘мак снотворный’ < *хаишаи*, *шота* (чантл.) ‘кактус’ < *шота*.

Обозначения некоторых видов съедобных и несъедобных трав также усвоены из грузинского языка: *балах* (цах.) ‘вид травы’ < *балахи* ‘трава’; *гъандзил* (тив.), *гъанзил* (бежт., гин.), *гъанзил//гъандзил* (удин.), *гъанзи* (хайд., кубач.) ‘черемша’ < *гъандзили* (в этих языках оно вытеснило исконное слово, ср.: арч. *ссап*, авар. *собо//субо*, багв. *сол*, тинд. *сола*, чам. *сол//сули*, гунз. *со*, цез. зу, лезг. *сур*, таб. *швур*, агул. *сур*, цах. *сывий*); *суру-бох//сурула* (бежт.) ‘шалфей’ < *суру* ‘плющ’; *уру-бох* (бежт.) ‘овсяница желобочная’ < *уро* ‘бородач’; *чадуна* (бежт., цез.), *чадун* (тив.), *чадуни* (гин., гунз.) ‘шитовник мужской, папоротник’ < *чадуна* (*мтис чадуна*).

Названия фруктов и овощей

Почти все наименования фруктов и овощей (за некоторым исключением) в цезских языках по своему происхождению являются иноязычными. Среди заимствований особое место занимают названия фруктов и овощей, усвоенные из грузинского или через его посредство.

Отметим среди последних следующие обозначения фруктов: *албали* (бежт., гунз.) ‘вишня’ < *алубали* (< тюрк.); *атлами* (бежт.), *glatлами* (гунз.), *glatlam* (анц.) ‘персик’ < *атлами*, *бали* (бежт., гунз., цах.); *били//бли* (тив.) ‘черешня’, *бали* (цез.) < *бали* (< перс.); *килаври* (бежт.), *килийаври* (гунз.), *килай//килави* (тив.) ‘слива’ < *клиави*; *легъи* (бежт., гунз.), *легъви* (гин., цез.), *легъу*

(сарус.) 'инжир' < *легъви* 'инжир, винная ягода, фиговое дерево'; *мажало* (бежт.) 'дикое, кислое' (бежт. *мажало эчи* 'дикое, лесное яблоко'), *мажал-эчи* (гунз.) < *мажало* 'дикое яблоко', 'дикая яблоня', 'кислица'; *цихоли* (гин., цез.) 'дикая (лесная) груша (яблоко)' < *мхали* 'груша (культурная)'; *пантла* (арав., анд.) 'дикая груша', *пантла-ракъ* (ицар.) 'топинамбур' < *пантла*; *чанчлур* (авар., год.), *чанчлар*//*чанчлур* (чам.), *чанчлул* (карат., инх.) 'альча, дикая слива' < *чанчлури* 'венгерка' (сорт сливы). Названия плодовых деревьев образуются на дагестанской почве по следующей модели: название плода в форме родительного I падежа + слово 'дерево', например, в бежтинском и гунизбском языках: *легъилас хоъховъ* (бежт.) 'фиговое дерево', *балилос хоъхо* (гунз.) 'черешневое дерево' или в кусурском: *цуплулисул гъветл* 'каштановое дерево'.

Обозначения овощей в группе заимствований несколько более многочисленны: ср.: *бадрижан* (бежт., гунз., анц.) 'помидор', *бадрижа* (чам.) 'баклажаны' < *бадрижани* (< перс.) 'баклажаны'; *болокли* (цезск., анц.), *болокл* (тив., окт.) 'редис' < *болокли* 'редька'; *гогга* (бежт.) 'звонок' < *гогра* 'тыква; башка'; *картопели*//*клату* (бежт.), *картупели* (гин., гунз.), *картлунл*//*картлунли* (анц.), *клуртлупел* (тив.), *клуртлупили* (кус.), *картлонил*// *картлонли*//*картлонли* (удин.) 'картофель' < *картлонили* (< русск.); *климпри* (цезск., тив.) 'огурец' < *климпри*; *кломпостли* (гунз.), *кломбостло* (сарус.), *клумпюстл*//*клумюстли* (тив.), *кломойтло* (бежт.) 'капуста' < *кломбостло*; *неси* (бежт., гин., цез.), *несу*//*несо* (гунз.), *невс*//*небси* (тив.), *бухъу неви* (хайд.) 'сурепка', 'дыня' < *несви*; *пилпил* (бежт., гин., цез.), *пирпил* (гунз.) 'черный перец', *пимпил*//*пилпил* (удин.) а) 'черный перец', б) 'стручковый перец' (ср. авар., анд., чам. *пилпил* 'перец' < иран.) < *пилпили*; *стланило* (окт.) 'морковь' < *стланило*; *талгам* (авар., анд.) 'репа', *таргам* (чам.) 'репа, редька' < *талгами*; *хагъу* (бежт.), *хагъу* (гунз.), *шахв* (чам.), *хахви* (авар., зак.) 'лук' < *хахви*; *хъинцири* (бежт., гунз.) 'сорт картофеля' < *хинцири*; *цицлакля* (бежт., гунз.), *цицлакли* (гин., цез.) 'стручковый перец, красный перец' < *цицлакля*; *чархали* (бежт.), *чархал* (гунз.), *чархала* (гин., цез.), *чархъал* (тив.), *чархал* (окт.) 'свекла' < *чархали* 'свекла, бурак'. В качестве грузинизмов в аваро-андо-цезских языках С.М. Хайдаков отмечает следующие лексемы данной тематической группы: *талгами* 'репа', *болокли* 'редис', *симинди* 'кукуруза', *лобио* 'фасоль', *хахви* 'лук' (1973: 58–60).

Сюда же можно отнести лексемы, объединенные тематически с названиями фруктов и овощей: *легъи-чири* (бежт., гунз.), *легъу-чал* (анц.), *легъвис чири* (окт.) 'связка сушеного инжира'

< *леггвис* *чири* 'сухофрукты'; *нерги* (цах., зак.) 'саженец'; *нерги* (зак.-ках.<цах.) 'семенной лук' < *нерги* 'саженец'.

Как видно из приведенного выше лексического материала, в контактировавших дагестанских языках в основном присутствуют названия овощей и фруктов грузинского происхождения.

Названия плодов и "диких" ягод

Большинство усвоенных наименований плодов и диких ягод не были известны контактировавшим дагестанским языкам. Такие плоды и ягоды, как *аницили* 'бузина', *тлкъемали* 'дикая алыча', *цлабли* 'каштан', *шинди*//*шивинди* 'кизил', *хили* 'арахис' и др. растут в Грузии, и дагестанцы познакомились с ними в Кахетии. Не подвергая более широкому анализу лексемы этой тематической подгруппы, приведем здесь их более или менее исчерпывающий список. Зафиксированы следующие названия плодов и диких ягод: *аницили* (бежт.), *аницели* (гунз.), *ганицил* (гин., цез.), *ганицили* (анц.), *а'ницили* (зак.), *аницилий* (цах. в Азербайджане), *аницили* (зак.-ках., через цох.) < *аницли* 'бузина вонючая, зеленник'; *жоло* (тив.) 'облепиха' < *жоло* 'малина'; *кларклати* (бежт., гунз.), *кларклати* (гин.), *кларклати* (удин. < арм.), *кларклати* (тив.), *кларклати* (цез.) < *кларклати* а) 'греческий орех с твердой скорлупой', б) 'крепкий'; *клунули* (бежт., гунз.), *клонели* (цез.), *кьонелий* (гельм.) 'костяника', *клунай* (цах.д.), *клунилий* (джын.г.), *клулениб* (кусур.) 'боярышник' < *клуNELI* 'боярышник'; *мукъали* (цах.д.), *мыкъалий* (гельм.), *мукъали* (ахв., зак.), *макъвали* (рут.), *мукъли*//*микъли* (зак.-ках.), *мукъоли*//*мокъоли* (кусур.); *мэкъалий* (цах. в Азер.) < *макъвали* 'ежевика, ожина'; *нигози* (бежт., гунз.) 'приправа из греческого ореха', *нигози* (окт., тив.) 'очищенный орех', *нигозий* (цах.) 'ореховая халва' < *нигози* 'ядро ореха'; *хили* (бежт.) 'арахис', *хили* (гунз.) 'фундук', *хили* (тив.) 'фундук' < *тхили* 'лесной орех, орешник', 'фундук, лещина'; *тлкъи* (бежт.), *тлкъемали*//*тлкъемали* (гунз.), *кьирмади*//*кьирмай* (анц.) < *тлкъемали* 'дикая алыча'; *ципер*//*чипер* (бежт.), *цыбали* (гунз.), *цлабули* (анц.), *цлабел*//*цлабил* (цах.), *цлапур* (тив.), *цлупули*//*цлупулиб* (кусур.), *цлабул* (удин.), *цлабыл* (цах.д.), *цлабыл*' (гельм.) < *цлабли* 'каштан'; *шулди* (бежт.), *шунди* (гин.), *шилди* (гунз.), *шивинди* (тив.) 'кизил' < *шинди*//*шивинди*.

Названия частей растений

Немало заимствований, связанных с обозначением разных частей растений. Их число достигает десяти лексем: *бийкли*//*биркли* (бежт.), *биркли* (гунз.) 'репейник' < *биркли*; *квиртли* (чантл., сарус.) 'почка дерева' < *квиртли*; *пыталай* (цах.) 'вид

лианы' < *потоли* 'лист дерева'; *пощчи*//*пощчи* (бежт.), *пучечи* (окт.), *пощчи* (сарус.), *бощч* (тив.), *пучечи* (чад.), *пощчи* (тин.) 'кукурузный стебель' < *пучечи* 'кукурузные стебли, обертка початка'; *тавтав* (окт.) 'колос' < *тавтави*; *тларо* [ბაჩოს ბეჭი] 'початок' < *тларо*; *хикли* (бежт., гуыз.) 'кочерыжка'; *цленго* (бежт., гуыз.) 'околоплодник' < *цленго* а) 'зеленый, неспелый орех', б) 'околоплодник (зеленая наружная скорлупа грецкого ореха)', *члотли* (цезск.) 'фасоль' < *члотли* 'стручок'.

Названия продуктов питания и напитков, полученных из растений

Продукты питания, полученные из разных видов растений, названы следующими именами грузинского происхождения: *хали* (бежт.) а) 'лебеда', б) 'блюдо из лебеды', *хали* (гуыз.) < *мхали* 'лебеда'; *татара* (бежт., гуыз., окт.) 'сухая масса в виде лепешки, приготовленная из сливового сока' < *татара* 'густой кисель'; *чамичи* (бежт., гуыз.), *чамич* (окт.) 'изюм' < *чамичи*; *чири* (бежт., гуыз.), *чир* (окт.) 'сухофрукты' < *чири*; *чочхала* (бежт., гин.), *чучхела* (гуыз.), *чурчхел* (тив., окт.) 'чурчхела (сладость из орехов)' < *чурчхела*; *цинили* (бежт., гин., гуыз.) 'квашеная капуста', *цнил* (тив., окт.) 'маринад' < *цнили*//*цнили*.

Названий напитков, полученных из овощей и фруктов, намного больше, чем названий продуктов питания: *бадакли* (удин.) 'густой сок, виноградный сок' < *бадакли*; *гъино* (бежт., гуыз., анц., удин.), *гъвину* (анц.) 'вино' < *гъино*; *мачлари* (бежт., гуыз.), *мачлар* (тив.), *мачлаари* (удин.), *мачлар* (варт.), *мачларий* (цах.), *мачларий* (зак.-ках.<цах.) 'молодое бродящее вино' < *мачлари*; *машарапи* (бежт., гуыз.) 'томатный соус', *машарап* (тив.) < *машарапи* (ках. *машарапи*) а) 'кислый фруктовый сок для приправы', б) 'томатный сок' (<тюрк.); *чирдили* (бежт.) 'плохое вино' < *чрдили* 'тень'; *цени* (чантл.) 'сок' < *цвени*; *члачла* (авар.-анд.-цез.), *члачла*//*члачла-гларакъи* (лак.), *члачл* (цах.), *члечл* (зак.-ках.) 'самогон' < *члачла* а) 'виноградные выжимки', б) 'водка из этих выжимок', в) 'почка'.

В эту тематическую подгруппу можно включить и такие слова: *зумари* (сарус.), *зимари* (гуыз.) 'уксус' < *дзумари*; *зети* (цезск., анц.), *цлет* (удин.) 'подсолнечное масло' < *зети* 'растительное масло, льняное масло, подсолнечное масло'.

ПРЕДМЕТНАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Самую большую группу грузинизмов представляет так называемая предметная номенклатура. Она связана со специфическими чертами культуры, быта, обычаев и образа жизни грузинско-

го народа. Слова этой группы являются необходимой составной частью словарного фонда некоторых дагестанских языков, так как им в большинстве случаев трудно подобрать искожные эквиваленты, а если и можно подобрать исконное слово или выразить данное понятие описательно, то замена их дагестанским словом лишает текст 'местного колорита', нейтрализует его, обрывая ассоциативные связи. Сопоставляя грузинизмы с исконными лексемами других дагестанских языков, в некоторых случаях нетрудно заметить, что в контактировавших дагестанских языках произошло вытеснение отдельных исконных слов грузинизмами.

Так же, как и в других тематических группах, новый грузинский слой лексики данной тематической группы составляют слова, усвоенные не только из грузинского языка, а также проникшие из других языков через грузинский. Таковыми, например, являются: *бози* (бежт., гуыз.) 'столб', *бози* (гин.) 'жердь' < *бодзи* 'столб' (< иран.); *кlochи* (бежт., гуыз.) 'катушка с ниткой', *кlochи* (тив.) 'перекладина' < *кlochи* 'катушка, бабка; балка' (< арм. < иран.); *пlалmло* (бежт., гуыз.), *пlалmлоц* / *пlаблmлов* (удин.), *пlуамlу* (тив.) < *пlалmло* 'пальто' (< русск.); *кьути* (цезск., анц., рут.) 'коробка', *кьут'йа* (кус.), *кьутийа* (анцр.), *кьут'йа* (бухн.) 'сундук', *кьути* 'ящик, коробка' (груз. < тюрк.; лак. и дарг. *кьути* 'портсигар, коробка' стоит ближе к грузинской форме *кьути*, чем к азерб. *гyту*); *мутака* (бежт., гуыз.), *мутаку* (тив.), *муьтаька* (удин.), *мутакка* / *миттака* / *митакка* (цах.) 'круглая азиатская подушка' < *мутака* (< иран. < араб.).

Названия различных хозяйственных построек и связанные с ними лексические корреляты

Многочисленна группа лексем, передающих специфику жилища грузинского народа. Слова этой группы активно вошли в словарный фонд контактировавших дагестанских народов. Они связаны со строительным материалом и различными частями хозяйственных построек. В этих языках грузинизмы не вытеснили исконный пласт лексики данной области. Заимствования дополняют и обогащают лексику жилищно-хозяйственного назначения. Налицо и специфичная лексика, не характерная для дагестанских языков. Вместе с тем некоторые из них образуют синонимические ряды, т.е. языки, имея исконное слово, восприняли новые слова с аналогичным значением.

Из названий этой подгруппы можно указать следующие термины: *гоми* (бежт., гуыз.) 'яма', 'хлев' < *гоми* 'земляной хлев', *кохи* (бежт., гуыз., гин.), *кох* (тив.), *кlochи* (хаш.) 'лачуга' < *кохи* (< ср.-перс. *кўгь*) 'хижина, изба; очаг'; 'убежище', 'жилище';

кѳошкѳи (бежт.), кѳошкѳи (сарус.) 'домик' < кѳошкѳи 'вышка, башня, минарет'; *отахи* (бежт.), *утахи* (гунз.), *отохи* (гин. цез.), *отах//отагъ* (удин.) 'комната' < *отахи* (< тюрк.); *парахи* (бежт., гунз.) 'кошара', *парех* (удин.) 'зимняя овчарня', < *парехи* 'зимняя овчарня'; *эзо* (бежт.), *эзу* (гунз.) 'двор' < *эзо*, *кѳарахъ* (удин.) 'загон для телят' < *кѳоракѳани*.

Значительна в количественном отношении группа слов, связанная со строительным материалом для жилого дома: *агури* (анц., бежт., гунз.) 'кирпич' < *агури*; *бози* (бежт., гунз.) 'столб', *бози* (гин.) 'жердь' < *бодзи* 'столб'; *тири* (кус., цез.), *тир* (цах.) 'бревно', *тѳире* (бухн., таш., чад.) 'желоб' < *дире*; *кѳвай* (цах.) 'камень' < *кѳва* (др.-груз. кѳвай); *жестѳи* (бежт., гунз.) 'кровельное железо' < *жестѳи* (ках. < русск.); *кѳавари* (бежт., цез.), *кѳабари* (гин.), *кѳабар* (гунз.), *кѳавар* (анц., удин.) 'дранка' < *кѳавари*; *кѳави* (бежт.) 'стропила', *кѳави* (гунз.) 'наклонная балка' < *кѳави* 'крюк, крючок', 'соха, полоз'; *кѳочѳи* (тив.) 'перекладина' < *кѳочѳи* 'балка'; *кѳараматѳи* (бежт.), *кѳараметѳи* (гунз.), *кѳараметѳи//кѳерметѳи* (цез.), *кѳерметѳи* (анц., кусур.), *кѳамартѳи//кѳараматѳи* (гин.), *кѳараметѳи* (тив.), *кѳарамитѳи* (окт.), *кѳираьмитѳи//кѳирамутѳи* (удин.), *кѳараметѳи* (цах., рут.) 'черепица' < *кѳараметѳи* (< греч.); *кѳлунзи* (бежт.) а) 'что-л. короткое', б) 'твердая древесина с сучками' < *кѳлудзи* 'чурбан, колода'; *масала* (бежт., гунз.), *маьсаьла* (удин.) 'материал' < *масала*; *море* (бежт., гунз.) 'бревно' < *мори*; *пѳало* (хаш., сарус.) 'кол, кольцо' < *пѳало* (< лат. *palus*), *синѳи* (бежт.), *сынѳи* (гунз.) 'каменная плита' < *синѳи* (ках.); *тѳолба* (бежт.) 'столб' < *тѳолба* (ср. ках. *тѳолба* < русск.).

Немало лексем, связанных с различными частями (детальями) хозяйственных построек: *аькѳошкѳаь* (бежт.), *аькѳошкѳа* (гин., цез.), *аькѳошкѳа* (удин.) 'окошко' < *аькѳошкѳа* (< русск.); *буде* (бежт.) 'ниша' < *буде* а) 'гнездо', б) 'кобура', в) 'футляр', г) 'ножны', д) 'оправа', е) *бот*. 'плюска', ж) *фил*. 'гнездо', з) 'очаг', и) *анат*. 'послед', к) *анат*. 'лунка'; *дарпан* (цах.) 'навес, крыльцо' < *дерепани* 'коридор'; *кѳлибе* (гунз.) 'лестница' < *кѳлибе*; *лампа* (цезск.) 'потолок' < *лампа*; *парда* (бежт.) 'коридор, веранда', *парда* (тив.), *паьрдаь* (удин.) 'занавеска' < *парда* а) 'занавеска, штора', б) 'занавес, завеса, гардина' (< иран.); *рави* (анц., том.) 'каменный загон' < *рагѳи* 'плетеная изгородь'; *рыза* (цах.) 'щеколда' < *рази* 'дверной крючок, щеколда' (ср. гин. *рози* 'провода'); *цухани* (бежт., гин.), *цехтѳен* (цез.), *чухени* (сарус.), *цухан* (тив.), *сухени* (гунз.) 'чердак' < *схвени*; *чардах* (бежт., тив.) 'навес', *чардахѳи* (цез.) 'веранда' < *чардахи* 'навес на арбе'; *шуйшаьмаьнди* (бежт.), *шуйшаьмаьнд* (удин.), *шуйшамантѳи* (сарус.) 'веранда' < *шуйшаманди* (ках. *шуйшабанди*) 'застекленная веранда'; *энциѳи-кѳури* (бежт., гунз.) 'орнамент' < *энтѳикѳури*.

Условно к терминам хозяйственных построек можно отнести и такие лексемы, как: *архи* (зак.) 'канал', *архи* (цез.) 'канал, яма', *арх* (тив., удин.) 'канал' < *архи* 'канал'; *кломри* (сарус.) 'клуб дыма', *кломрий* (цах.) 'густой дым, чад' (ср. лезг. гум, таб. кум, цах/кума) < *кломри* (ках.) 'дым, двор'; *гьормо* (гунз.), *გორმო* (гуинз.) 'яма' < *ормо* 'ров, яма'.

Из приведенного лексического материала видно, что названия хозяйственных построек и связанные с ними термины в основном представлены в бежтинском и гунизбском языках. Это говорит о том, что бежтинцы и гунизбцы находились в более тесных контактах с грузинами.

Названия украшений, одежды, обуви и их частей

Некоторые предметы одежды, обуви, а также украшения стали известны соседствующим с Грузией дагестанцам с установлением культурно-исторических связей с ней. Однако находим параллели в названиях некоторых видов обуви в грузинском и дагестанских языках. Например, у цезов, в частности у бежтинцев, широко распространена вязаная обувь с "носиком" (*гьявкляв хақа*). Этот элемент материальной культуры существовал с древнейших времен. Аналогичная обувь с "носиком" представлена у грузин. Как отмечает Г. Читая, «грузинская обувь с "носиком" (*ჭვინჭი*) на протяжении XIX в. составляла почти неотъемлемую часть грузинского мужского костюма "куладжа"» (1940: 314–315).

Из названий обуви грузинскими по происхождению являются такие лексемы, как: *калмани* (бежт.), *каламан* (окт.), *калам* (варт.), *калбан* (гунз.), *калман/карман* (тив.) 'лапти кавказские' < *каламани*; *чустли* (бежт.), *чустл* (окт.) 'тапочки', *чуст* (цах.) 'туфля' < *чустли* 'тапочки' (ср. бежт. *туштли* 'вид обуви'); *цлинда* (бежт., гин., гунз.), *цлинтлай* (цез.), *цлиндакI* (авар., анц., окт.), *цлиндай/цлэндай* (цах.), *цлэнда* (зак.-ках. < цах.) 'носок, чулок' < *цлинда*; *цлугъелр* (цах.) 'чувяки' < *цлугъеба*; *кIалоши* (бежт., сарус.), *кIалош* (окт.), *кIалуш* (тив.) 'калоша' < *кIалоши* (< русск.).

Из обозначений одежды грузинизмами являются: *курк* (окт.) 'теплое пальто' < *курки*; *кIаба* (тляд., гин., гунз., удин.) 'женское платье' < *кIаба*; *лекаци* (бежт., гунз.) 'марля', *чаки* (тив.) 'платок', *личак* (кус.) 'платок', *лечаки* (цез.) 'тонкая вуаль' < *лечаки* 'вуаль' (груз. < тюрк.; лак. *лачак* 'женский головной платок', лезг. *лечек* 'маленький головной платок' заимствованы из азерб. языка – азерб. *лаьчаьк* 'женское головное покрывало'); *набад*

(окт.) 'бурка' < *набади*; *plaltlo* (бежт., гунз.), *plaltlo* (удин.), *plutly* (тив.) 'пальто' < *plaltlo* (< русск.); *plerankli* (бежт.) 'ночная рубашка, комбинация', *plerangi* (сарус.), *plerankl* (тив.) < *plerangi* 'нижняя рубашка, футболка' (< иран.); *saival* (окт.) 'нижнее белье' < *saival* (удин.), *triklo* (бежт.) 'трусы' < *triklo* (< русск.).

Из терминов украшений представлено одно слово: *gъили* (бежт.) 'цепочка на серьгах' б) *бот*. 'примула' < *gъили* 'пуговица, кнопка'.

Среди грузинских заимствований отмечены и некоторые лексические корреляты, связанные с данной тематической подгруппой: *жибе* (гунз.), *жибу* (цез.), *жими* (тив.), *джибл//дзуб* (удин.) *джиби* (анц.) 'карман' < *джибе* (< иран.); *klakv* (удин.) 'крючок' < *klakvi*; *klilo* (бежт.) а) 'крючок на плетеной люльке', б) 'металлическая часть на концах шнура' < *klilo* 'петля (для пуговицы)'; *руш* (окт.) 'оборка' < *руши*.

Названия предметов домашнего обихода, хозяйственных принадлежностей

Данная тематическая подгруппа является самой большой и многочисленной среди других подгрупп, даже среди некоторых тематических групп. Она охватывает более 90 грузинизмов, поэтому ее можно разбить на более мелкие подразделы: названия хозяйственных принадлежностей, посуды, мебели, личных вещей и прочие слова.

Из названий хозяйственных принадлежностей, которыми пользуются некоторые дагестанские народы, в рассматриваемую подгруппу вошли следующие лексемы: *baцlar*//*baцлай* (бежт., гунз.) 'веревка' < *baцлари*; *гирдабил* (цах.) 'поперечная пила' < *бирдабири*; *бокI* (цах.) 'труба, рожок, поддувало' < *букIи*; *бургъо* (бежт.) 'сверло', *бургъу* (лак.) 'труба' < *бургъи* 'бурав, сверло'; *галами* (бежт., гунз., цез.) 'длинная толстая веревка' < *галами* (ках.) 'веревка'; *годори* (бежт., гунз.) 'деревянное ведро', *готор* (удин.) 'корзина' < *годори* 'корзина'; *гъумели* (цез.) 'крученая ветка' < *гъумели* 'печь'; *дукарди* (гунз.) 'ножницы для стрижки овец' < *дукарди* 'ножницы'; *залакъани* (бежт., гунз.) 'рычаг из больших жердей' < *дзалакъани* 'лом'; *джаъраъ* (удин.) 'прядильный станок' < *джара*; *джачIв* (удин.), *рачIо* (бежт.) 'цепь' < *джачIви*; *хъанча* (бежт.) 'мастерок' < *капча*; *кура* (бежт.) 'печь для обжига извести', *кура* (анц.), *курахана* (сарус.) < *кура* 'печь для обжига кирпича (извести)'; *къажа* (бежт.), *къожа* (сарус.) 'топор' < *къажа*; *къадагъа-мукъо* (бежт.), *къадагъа* (гунз.) 'крупный гвоздь' < *къадагъа*; *къачIи* (сарус.), *къацIиццо* (бежт.), *къачIа*

(лак.) 'бурдюк' < *къаџи*; *мошьовкӀи* (бежт.), *мешокӀи* (гуыз.), *мошьовкӀи* (гин., цез.), *мешикӀ* (удин., тив.) 'мешок' < *мошьовкӀи* (каб. *мешокӀи*); *пӀаразонкӀа* (бежт.) 'сумка' < *пӀравизонкӀа* (каб. 'хозяйственная сумка'); *сабали* (бежт.) 'толстая веревка' < *сабали* 'свеча'; *сантели* (бежт., гуыз., цез.) 'свеча' < *сантели* 'свеча, воск'; *саџер* (удин.), *лъаџар//лъаџай* (бежт., тляд.) 'сито' < *саџери*; *токӀи* (бежт., гуыз.) 'провода, канат' < *токӀи* 'веревка'; *тони* (бежт., окт., тив.) 'печь' < *тоне//торне*; *тленкӀ* (авар., гуыз.) 'войлочный подседельник', *тленкӀи* (цах.) 'конусообразная корзина', *денки//дэнки* (азер. < цах.) < *тленкӀи* 'тело, корзина'; *уто* (бежт.) 'утюг' < *уто* (< русск.); *хоргъо//хойгъо* (тляд., бежт.), *хорхо* (хаш.), *хирих* (гин., цез.), *херех* (хварш.) 'пила', *гъэру* (гуыз.) 'пила', 'напильник' < *херхи* [лексему *херхи//хорхи//хорх* 'пила' в картвельских языках Г.В. Рогава считает адыгского происхождения (1987: 25)]; *чӀанӀани* (цез.) 'веревка' < *чӀанӀани* 'гуж, постромки'; *чӀика//чӀика* (бежт.), *чӀика* (тив.) а) 'стекло', б) 'зеркало', *чӀика* (гуыз.) 'осколки стекла', *чӀикай* (гин.), *чӀикай* (цез.) 'стекло', *чӀика* (сарус.) 'стопка', *чӀика* (цах.) 'нож' < *чӀика* 'стакан'.

Обозначения различных предметов посуды представлены гораздо богаче. Для молочных продуктов и для различных хозяйственных операций, связанных с переработкой молочных продуктов и мяса, требовалась разная посуда. В качестве общего названия у грузинских дагестанцев употребляется слово *чӀурчӀели*. Оно вытеснило из речи бежтинцев, гуызбцев и тивийцев общеварское слово *цӀарагӀ//цӀарагъ* 'посуда'.

Из названий посуды и столовых принадлежностей грузински-ми можно считать следующие лексемы: *гежий* (цах.) 'корыто, выдолбленное из цельного дерева', 'улей' < *геджа* 'чан, лоханка'; *даьнаь* (бежт.) 'большой нож' < *дана* 'нож'; *доки* (бежт., гуыз.) 'кувшин' < *доки*; *гуда* (бежт.) 'мешочек' < *гуда* 'кожаный мешок для хранения сыра'; *забри* (бежт., гуыз., лак.), *забру* (гин., цез., зак.), *забр* (тив.), *дзабури* (варт.), *цӀаьпӀури* (нидж.) 'лейка, воронка' < *дзабри*; *жамы* (цезск.), *джамы* (анц.) 'миска, чашка' < *джамы*; *кеври* (бежт., гуыз.) 'большой глиняный винный сосуд' < *кеври*; *зидадгари* (бежт., гуыз.) 'треножник' < *зидадгари*; *иштони* (бежт., гуыз., тив.) 'посуда емкостью 10–20 литров' < *иштони*; *кетӀе* (бежт.) 'деревянная ложка' < *кетӀи* 'большая разливательная ложка'; *кудари* (гуыз., гин., анц., гид.), *куьдаьй//кудар* (бежт.), *квадари* (келеб.) 'кувшин' < *кӀудала*; *кӀасри* (бежт., цез.) 'бочка', *кӀасрий//кӀасрӀ//кӀасры* (цах.), *кӀисрияб* (кусур.) 'мера сыпучих веществ' < *кӀасри*; *кӀотхо* (бежт., гуыз.), *кӀотохо* (гуыз.) 'деревянная чашка', *кӀотӀо* (гин.), *кӀотӀи* (цез.) < *кӀатха* 'деревянный бокал'; *кӀеци* (хаш.) 'сковорода' < *кӀеци* 'глиняная сковорода для выпечки хлеба'; *кӀобзи* (бежт., гуыз., гин.; ср. цез. *бугъун*), *кӀобз*

(тив.), *кюз* (анц.) 'металлическая ложка' < *кловзи* (ср. лезгум. диал. *кловзи*); *кловла* (бежт., гуыз.) 'кувшин' < *кловла* 'большой глиняный кувшин'; *клула* (цах.) 'деревянный ковш', *ккул* (лак.), *кур* (лезг.) < *клула* 'узкогорлый сосуд для питья вина'; *лаьмбаькуь//лаьмбаьку* (удин.) 'стеклянная посуда для фруктов' < *лаьбаки*; *пили* (бежт., гуыз.) 'пестик' < *пили* 'стул, пестик'; *садгъобели* (бежт., гуыз.) 'кувшин для варки фасоли' < *садгъобели*; *сини* (бежт., гуыз., анц., удин.) 'поднос, блюдо' < *сини* (груз. < иран.-тюрк.; в лак. и лезг. *сини*, видимо, из азерб.); *таси* (гуыз., тляд.) 'кружка' < *таси* 'чаша, клубок'; *тепсул//тепиши* (бежт., гуыз.), *тепиши* (анц.), *тессий* (цах.) 'тарелка', *тебси* (авар.) 'накрытый стол', 'поднос' < *тепиши* 'тарелка'; *тунги* (цезск., удин.), *туьнг* (окт.) 'медный кувшин для воды' < *тунги*; *тлабаклу* (гин.), *тлабаклу* (гуыз.), *тлабакло* (бежт.) 'поднос', *тлабакл* (авар.), *тланлак* (варт.) 'корыто', 'лоток', *тлабаклу* (чад.) 'большая деревянная тарелка' < *тлабаклу* а) 'поднос', б) 'низкий стол' (< тюрк. *табаг*); *тлакани* (бежт., гин., гуыз.), *тлакан* (тив., окт., цез.) 'стакан' < *стлакани* (ках. < русск.); *тлуклу* (бежт.) 'бурдюк, грелка', *тлуклу* (гин., цез.) 'бурдюк', *клутлу* (цез.), *тлукл* (тив.), *тлуклу* (цах.д.), *тлуклуй* (гельм.) 'бурдючок', *тлуклу* (зак.-ках. < цах.) // *тлуклуй* (азерб. < цах.), *тлукл* (удин.) < *тлуклу* 'винный бурдючок'; *тлолча* (удин.), *долче* (цах.), *донча* (бежт.), *дулча* (карах.) 'кружка' < *тлолча*; *чангали* (бежт., гуыз.) 'скоба', *чангал* (анц.) 'вилка', 'вилы' < *чангали* 'вилка' (< тюрк. *чаьнкал* < иран.). В целом дагестанские языки бедны лексикой, связанной с мебелью. Для большинства названий предметов домашнего интерьера устанавливается русское и грузинское происхождение. Видимо, в быту горцев Дагестана не были в ходу такие понятия, как *шкаф*, *шифоньер*, *кровать*, *стол* и т.д. Например, вместо шкафа, шифоньера использовали разные ниши в стене. Кровать заменялась тахтой (ср. *тах* 'тахта'), да и для тахты не существует исконной лексемы, поскольку она вошла в быт сравнительно недавно. Стола в дагестанском доме не было. Понятие 'стол' также недавно вошло в жизнь и быт горцев. Однако для выражения понятия 'стул, скамейка' имеются исконные лексемы, например: *бакл* (авар.), *къд//къоро* (бежт., гуыз.) 'стул', *къедакъд//къедакъоро* 'стул со спинкой'.

Из названий мебели и хозяйственных построек отмечены следующие лексемы: *клюдобан* (удин.), *клутламан* (сарус.), *клутлабан//клутламан* (шулан.) 'большой сундук', *клутламан* (бежт.), *клутломол* (хварш.), *клутлум* (тив.), *клемот* (цез.) 'сундук' < *клюдобани* (ках.), *клутлобани* (джав.) 'погребец'; *клонзий* (цах.) 'трехногая табуретка' < *клонзи*: *саклан* (цах., кусур.) 'ларь', *саьган//саган* (шекин. гов. азерб., цах.), *саклан* (гуыз.) 'сарай, ам-

бар', *саклан* (гельм.) 'камера, хранилище зерна, муки', *ссаклани* (анц.) 'большой длинный ларь' < *саклани* 'ларь'; *супра* (цезск.) 'скатерть' < *супра* 'стол, скатерть' (< араб.).

К наименованиям предметов личного пользования условно можно отнести слова: *клячха* (бежт.) 'вешало (деревянное ведро, нов)', *клячхха* (чад., том.) < *клячха* 'вешало, вешало' (цезск., анц., рут.) 'коробка', *къут'йа* (кус.), *къутийа* (анцр.), *къут'йа* (бухн.) 'сундук' < *къути* 'ящик, коробка' (< тюрк. *гуту*); *клялата* (бежт., гуыз.) 'корзина' < *клялата*; *клялопа* (бежт., гуыз.), *клялоп* (тив.) 'коробка' < *клялопи* 'шкатулка'; *махат* (цах.) 'большая мешочная игла', *махат-бекл* (удин.) 'игла', *махат* (нидж.) 'игла (парусная, рогожная, кулевая)' < *махати* 'большая игла'; *моклортли* (гин., цез.), *макляратлели* (сарус.), *мыкляратл* (крыз. < арм.), *мыкляратл* (лезг. < арм.) 'ножницы' < *макляратлели* (ср. арм. *мыкляратл* < араб.); *наьлчи* (бежт.), *небси* (гуыз.) 'иголка' < *непси*; *санлуни* (бежт., гин.), *санлон* (удин.), *сонлон* (цез.), *санлун* (тив.), *санлэн* (цах.), *санлын* (мыш.) 'мыло' < *санлони* (< араб.); *тлыло* (бежт., гуыз.), *тлыло* (тив.) 'тряпка, полотенце' < *тлыло* а) 'полотно', б) 'холст', в) 'тряпка', г) 'полотно (ткань)'.

К обозначениям предметов домашнего обихода, видимо, можно отнести и название люльки-колыбели. Оно активно вошло в обиход некоторых цезов. Однако не стоит думать, что у цезов не было люльки. Новорожденного горцы укладывали в местную плетеную люльку, которую они называют *кед*. Она очень удобная и легкая. А заимствованная у грузин 'люлька' (ср.: бежт. *ак'кло*, гин. *аклвани* < *аклвани*) – высокая, тяжелая и деревянная. Возможно, раньше цезы пользовались только плетеной люлькой.

К прочим словам данной тематической подгруппы относятся: *боркляли/бойкляли* (бежт.) 'пути', *боркляли* (гуыз.) 'пути', *буркляли* (цез.) 'замок' < *боркляли* 'кандалы, оковы'; *гала* (бежт.) 'моток (ниток, резины)', *гала* (гуыз.) 'лук (или чеснок), сплетенный для хранения на зиму' < *гала* 'связка (овощей гирляндой)'; *пирпимла* (бежт.) 'пластинка' < *пирпимла* а) 'пластинка, пленка', б) 'тонкий'; *таразо* (бежт., удин.), *тараза* (лак.), *таразу* (гуыз.), *тараз* (анц.), *терезуг* (цах.), *терезук* (рут.) 'балансир, ватерпас' < *таразо*; *тасма* (бежт., гуыз.) а) 'полоска кожи', б) 'кусочек кожи человека', *тасма* (цах.) 'подтяжки, ремень' < *тасма* 'ремень' (< иран.); *гирдили* (лезг.) 'колода, чурбан', *гердем* (таб.) 'камень-валун', *гуьрдуйм* (удин.) 'глыба', 'ком', *гирдым* (цах.) 'глыба', *гердена* (бежт., гуыз.) 'камень-валун, глыба' < *грдемли*; *нажах* (гуыз.) 'топорик' < *наджах* 'большой боевой топор'; *хамути* (бежт.), *хамутли* (гуыз.) 'хомут' < *хамути* (< русск.); *чени/цени* (бежт., гуыз.), *цини* (сарус.) 'воск' < *це-*

ли/цвени (ср. др.-груз. цвилни); *цалд* (окт.), *цалди* (бежт., тив., сарус.) 'удлинённый топор с носком на конце' < *цалот*; *цебо* (бежт., гуыз.), *целу* (гин.) 'клей' < *цебо*; *шопни* (ках.), *шовли* (бежт.) 'отвес' < *швеули*.

 Названия тканей, ниток и связанных с ними
 лексические корреляты

Если многие обозначения тканей и связанные с ними термины усвоены из грузинского языка или через грузинский язык, то названия ниток целиком и полностью являются исконными, за исключением некоторых лексем со значением общего видового понятия. Для горцев Дагестана, в частности для цезов, вязание из шерстяных ниток разных изделий (*цфунда* 'шерстяные носки', *гъаьклав* 'шерстяные вязаные сапоги', *загих* 'шерстяное нижнее белье типа штанов или комбинезона'; *гъеракъо* 'шерстяная майка' и др.) можно считать очень древним занятием. Оно и сейчас широко распространено, и, соответственно, связанных с ним терминов довольно много (около 50 слов). Например, при вязании шерстяной обуви с "носком" необходимо десять разных по толщине ниток, каждая из которых имеет самостоятельное название.

Из наименований тканей заимствованными являются: *абрашули* (бежт.) 'шелк, шелковые нитки', *абрашуи* (гин., цез.), *глабрашуи* (гуыз.) 'шелковая нить', *абрешум/абрашум* (удин.) 'шелк' < *абрешуни* (ках. *абрешуми*) 'шелк' (< иран.); *бамбази* (удин.), *бамбази* (бежт., гуыз., гин.) 'бязь' < *бамбази*; *висклози* (бежт., цез.), *висклоз* (окт.) 'вискоза' < *висклоза* (ках. *висклозини*); *миткляли* (бежт., сарус.), *митклял* (окт.) 'миткаль' < *миткляли* (< русск.; ср. цез. *мендели* 'миткаль'); *начлари* (бежт.) 'отрез, лоскуток', *начлери* (гуыз.) 'лоскут' < *начлери* 'отрез, лоскут, ломоть, участок', *нашури* (бежт.), *нашура* (гуыз.) 'хлопчатобумажная ткань' < *нашури* (ках.) 'надрез на дереве'; *тлукъатли* (гин.) 'название ткани' < *тлукло* а) 'полотно', б) 'холст', в) 'тряпка', г) 'полотно (ткань)'; *хаверд* (окт.) 'бархат' < *хаверди*, *чити* (цезск.), *чит* (анц., гуыз.) 'ситец' < *чити*. Как видно из иллюстраций, многие названия тканей и в грузинском языке являются иноязычными. В цезских языках в значении общего видового обозначения ткани употребляется лексема *гъечли/гъичли/нигагъичли*, относящаяся, видимо, к древнему слою лексики цезских языков.

К грузинским названиям ниток можно отнести такие слова: *бигари* (бежт.), *бигар* (гуыз.) 'разноцветная пряжа' < *бигари* 'пряжа'; *плерези/плерезо* (бежт.), *плережи* (гуыз.) 'шпагат' < *плережи*.

По тематической принадлежности в данную подгруппу можно включить лексемы *бамба* (цезск.) 'вата' < *бамба* 'вата, хлопок' (< иран.); *лила* (бежт.), *лил* (удин.) 'краситель, синька' < *лила*; *топ* (бежт.) 'кипа чего-л.' < *топи* 'кипа материи'.

Обозначения постельных принадлежностей

К этому разделу лексики относятся следующие слова: *балиша* (тляд.), *балиши* (тив.), *балишии* (гунз.) 'подушка' < *балишии* (< перс.); *зецлар* (тив.), *зецлари* (гунз.), *рецлари* (бежт.) 'простыня' < *зецлари*; *лейби* (бежт., гунз.), *лейб* (удин.) 'матрас' < *лейби* 'тюфяк'; *мутака* (бежт., гунз.), *мутаку* (тив.), *муьтаька* (удин.), *мутака*//*миттака*//*митакка* (цах.) 'валик, круглая азиатская подушка' < *мутака* (< иран. < араб.); *сабани* (тляд., гин., цез.) 'одеяло, покрывало' < *сабани*; *састлули* (бежт.), *састури* (гин.) 'подушка' < *састумали*.

Как видно из приведенного материала, лексика, связанная с постельными принадлежностями, для контактировавших языков является иноязычной по происхождению – русской или грузинской. В бежтинском и гунзибском языках эта лексика вся грузинская. Единственная лексема *гьумер* 'наволочка' заимствована из аварского языка и употребляется реже, чем другое слово, образованное уже на собственно бежтинской почве от грузинизма *састлули* 'подушка' путем словообразовательного аффикса -*ко*: *састлулиякьако* 'наволочка'. В последнее время наряду с грузинизмами в речи молодого поколения употребляются заимствованные слова из русского языка.

Названия письменных принадлежностей,
элементов учебного процесса,

а также связанные с ними грамматические и другие термины

Данная тематическая подгруппа сравнительно невелика по числу усвоенных из грузинского языка лексем. Многие названия письменных принадлежностей и элементов учебного процесса дагестанцев, существующие по сей день, в основном восприняты из русского языка. Однако в некоторых дагестанских языках, в частности в бежтинском, гунзибском и цезском, сохранились старые грузинизмы: *ангариши* (сарус., цез.), *гьангариши* (бежт.), *ангариши* (окт.) 'счет' < *ангариши* а) 'арифметика', б) 'счет, расчет, считать'; *члеген* (цез.) 'религиозная книга' < *цлигни* 'книга'; *зари* (бежт., гунз.) 'звонок' < *дзари* 'звонок, колокол'. В цезском языке под религиозной книгой *члеген*, возможно, раньше подразумевалась Библия, а мусульманская религиозная книга, как известно, во всех дагестанских языках называется *Кьурган*.

Названия многих грамматических и других терминов усвоены грузинскими дагестанцами: *анбан* (окт.) 'азбука' < *анбани*; *андаз* (окт.) 'поговорка' < *андази* (ках. *андаза*); *квендебар* (окт.) 'подлежащее' < *квендебаре*; *хаз* (сарус., окт.) 'линия, черта' < *хазы*; *шемасменел* (окт.) 'сказуемое' < *шемасменели*. ႠႢႣႤႥႦႧႨႩႪႫႬႭႮႯႰႱႲႳႴႵႶႷႸႹႺႻႼႽႾႿ

Названия различных видов пищи и связанные с ними лексические корреляты

Грузинские наименования видов пищи и продуктов питания сравнительно неплохо представлены в контактировавших дагестанских языках, хотя пища дагестанцев отличается особым разнообразием. Некоторые обозначения продуктов питания и напитков, полученных из растений, нами рассмотрены выше, в разделе "Лексика растительного мира".

Заемствованные грузинские лексические элементы в основном отражают специфические особенности пищи грузинского народа, они дополняют словарный фонд данной тематической подгруппы новыми названиями. Специфическими названиями пищи являются: *гозинакъи* (тив.), *гозинакъ*//*гознакъ* (удин.), *гозинахи* (бежт.) 'ореховая приправа' < *гозинакъи*; *клараци* (гунз.), *кларак* (окт.), *къараки* (тляд.) 'сливочное масло' < *клараци*; *квери* (бежт.) 'круг сыра' < *квери* 'колобок; лепешка'; *лаваши* (дагест.) 'лаваш' < *лаваши*; *пльири* (рут.) 'пирог, просяной хлеб' < *пльири* 'хлеб, пшеница'; *члади* (цезск., тив.), *чладе* (гунз.), *члад* (удин.) 'кукурузный хлеб' < *мчлади* (ках. *члади*); *члади* (бежт., гунз.) 'шашлык, шампур' < *мчлади* 'шашлык'; *хаши* (окт., тив.) 'суп из конечностей крупного рогатого скота' < *хаши* 'вареная требуха'; *шоти* (цезск., окт., тив.) 'грузинский хлеб' < *шоти*.

Некоторые грузинизмы вытеснили исконные слова. Так, например, в бежтинском и гунизбском грузинское слово *баба* 'хлеб' вытеснило исконное слово (ср. гин., цез. *магалу* 'хлеб').

Из других терминов пищи и продуктов питания можно назвать следующие лексемы: *гоглимогли* (бежт.) 'гоголь-моголь' < *гоглимогли* (< русск.); *гуьндав* (удин.) 'круглый кусок теста' (ср. авар. *гурга* 'круглый хлеб') < *гунда* 'комоч снега', 'круглый кусок теста'; *квери* (окт.) 'лепешка', *квери* (бежт.) 'круг сыра' < *квери* 'лепешка'; *кlorklotli* (бежт., гин.) 'пшеничная крупа', *кlorklotli* (гунз.) 'каша', *кlorklotl* (окт.) 'каша' < *кlorklotli* 'пшеничная каша особого приготовления'; *луклма* (бежт.) 'кусочек хлеба', *луклма* (гунз., цез.), *локлма*//*лукъма*//*локъма* (удин.) 'кусочек, ломтик' < *луклма* 'кусочек хлеба' (< тюрк.); *мацони* (чантл., сарус.), *мацон* (окт.) 'кислое молоко, простокваша' < *мацони*; *папа* (бежт.) 'каша' < *папа*; *петли* (бежт.) 'соты (без меда)'

< *nutli*; *пушыуькли* (бежт.) 'молочный суп с галушками' < *пушыруькли* 'кушанье из муки и меда'; *хаши* (бежт., гун.) 'закваска' < *хаши* 'дрожжи, закваска для теста'; *эбирицклицхи* (бежт.), *эбурклецхе* (гунз.), *клоцхи* (цез.) 'яичница' < *эрбо-кверцхи*; *цакла* (бежт.) 'рассол' < *цакла* (ках.).

Обозначения некоторых средств передвижения и связанные с ними лексические корреляты

В контактировавших дагестанских языках названиями средств передвижения, заимствованными из грузинского языка, являются следующие лексемы: *бебункла* (бежт., тив., окт.) 'тачанка' < *бебункла*; *боран* (окт., цах.) 'паром' < *борани*; *клячкля* (*tlacikla*) (бежт.), *клячка* (гунз.) 'тачка' < *клячкля* (*tlacikla*) (< русск.); *клонкла* (цез.) 'велосипед' < *клонкла* 'небольшой паром'; *нави* (бежт., гунз.) 'лодка', *налв* (цах.) 'желоб, выдолбленный из дерева для водопоя', *нави* (анцр.) 'корыто для водопоя', *нави* (зак.) 'желоб' < *нави* 'лодка' (< греч.); *уруми* (бежт.), *ырэми* (гунз.), *урэми* (гин.) 'арба' < *урэми*.

Здесь представлены термины, обозначающие различные предметы, связанные со средствами передвижения: *кlexи* (анц.) 'седло', *кlex* (цах.) 'ленчик' < *кlexи* 'седло' (ках. *кlexи* 'деталь седла'); *нал* (окт.) 'подкова' < *нали*; *тлавутли* (бежт.) 'солидол', *тлавутли* (гунз.) 'мазь' < *тлавутли* 'солидол'.

Наличие такого большого числа терминов этой подгруппы, воспринятых из грузинского и через него из русского языка, означает, что в горах Дагестана из-за горного ландшафта основным средством передвижения служил гужевой транспорт. С новыми понятиями из этой области дагестанцы познакомились в Грузии, где соответствующие средства передвижения находят широкое применение.

Названия музыкальных инструментов и танцев

Лексика, связанная с названиями музыкальных инструментов и танцев, представлена сравнительно бедно. В основном она наблюдается в восточноцезских, а также в цахурском, удинском (в октомберском говоре) языках. В количественном отношении она выражена всего четырьмя лексемами: *дайра* 'бубен' > *дайра* (удин.); *доли* 'барабан' > *голо* (тляд.); *чунгури* (бежт., гин., гунз.), *чунгур* (цез.), *чонгур* (окт.), *чунгур* (анц.), *чугур* (лак.) > *чонгури* 'чонгури'; *шалахо* (чант., тив., сарус.) 'грузинский танец', *чалаху* (рут.), *шалахо* (цах.) < *шалахо* 'название танца'.

Сюда включены лексемы, не вошедшие в перечисленные выше тематические подгруппы: *абано* (чангл., сарус.) 'баня, курорт' < *абано*; *барги* (сарус.) 'груз' < *барга*; *боло* (бежт.) 'рука, шириня', *боло* (сарус.) 'конец' < *боло а* 'хвост', б) 'кончик'; *харахура* (лак.) 'старая вещь' < *харахура* 'ветошь'; *гъадри* (бежт., гунз.) 'горящие угли' < *гъадари* 'горящие угли с золой'; *даггы* (бежт.) 'след обуви', *дагъ* (сарус.), *дагъ* (цах.) 'тавро' < *даггы а* 'клеймо', б) 'печать'; *мамазагъли* (бежт., гунз., анц., лак.) – ругательно-ласкательное слово < *мамадзагъли*; *дени* (бежт., тив., сарус.) 'ток' < *дени*; *кархана* (бежт.) 'мельница', *кархана* (сарус., окт.) 'завод' < *кархана* 'завод'; *лахи* (бежт.) 'мусор, грязь' < *лохи*; *пичхи* (тив.) 'хворост' < *пичхи*; *планпироз* (бежт., гунз., окт.), *планпироз* (тив.), *планпируцл* (удин.) 'папироса' < *планпирози* (< русск.); *сацив* (окт.) 'студень' < *сациви*; *скла* (окт.) 'улей' < *скла*; *цоми-аьдаьм* (бежт.) 'ленивый человек' < *цоми* 'тесто'; *цџив* (окт.) 'кизяк' < *цџива*; *чџвартл* (окт.) 'сажа' < *чџвартли*; *кленчл* (тив.) 'камешек' < *кленчли*.

Кроме того, в словарном фонде некоторых контактировавших дагестанских языков наличествует определенное количество ненормативной лексики (ругательные, нецензурные слова и выражения), например: *мамазагъли* (бежт., гунз., анц., лак.) – ругательно-ласкательное слово (букв. 'сукин сын') и т.д.

Дагестанские грузинизмы имеют аналогичные формы слов, заимствованных из грузинского (или через его посредство), в других языках кавказского ареала. Например: *арх* (бацб.) 'канава', *нав* (бацб.) 'лодка'; *маклартла* (бацб.), *амарклатльл* (абхаз.) 'ножницы'; *урем* (бацб.) 'арба', *мураб* (бацб.) 'варенье', *адл* (бацб.) 'метр'; *цџев* (бацб.) 'порядок', *цџвен* (бацб.) 'сок', *мзитев* (бацб.) 'приданое', *зецлар* (бацб.) 'простыня'; *деиб* (бацб.), *лейб* (кист.) 'матрас', 'тюфяк'; *чарка* (бацб.) 'деревянный кувшинчик'; *къанцл* (бацб.) 'бокал'; *тунг* (бацб.) 'большой кувшин для воды', *тунджи* (осет.) 'мера жидких тел'; *кџаба* (бацб., осет.) 'платье', *пџгеранг* (бацб.) 'нижняя рубашка'; *сацвали* (бацб.) 'нижнее белье'; *санло* (бацб.) 'мыло'; *дзабер* (кист.), *дзџџбар* (чеч.), *дзабур* (чеч.), *дзузам* (итум.), *дзабри* (осет.) 'лейка, воронка'; *кевр* (кист.), *куьйра* (чеч.), *кувра* (инг.), *кивр* (чеч.), *кџьр* (итум.) 'маслобойка'; *кџудал* (чеч., кист., итум.) 'кувшин', *мутах* (чеч.), *мутаик* (инг.), *мутаг* (кист.), *амартак/амьртак* (абх.) 'валик'; *цаца* (чеч., инг., итум.), *цац* (акк.), *цоц* (кист.), *цџоц* (чеч.) 'сито, решето'; *тџабиг* (кист.) 'поднос'; *калб* (чеч., чеч., итум.), *колб* (кист.), *калмани* (осет.) 'лапоть'; *руи* (кист.) 'оборка', *хаз* (бацб.,

кист.) 'линия, черта'; *клуач* (кист.) 'катушка'; *луклум* (кист.), *луклма* (бацб.) 'кусок хлеба'; *ча* (инг., чеч., акк., кист.) 'солома'; *къоврам* (кист.) 'суп, бульон'; *наджах* (кист.), *надахи* (осет.) 'топорик'; *чангал* (кист.) 'скоба, вилка'; *куах* (кист.) 'шалаш, па-
латка'; *дгур* (кист.), *агур* (бацб.), *агури* (осет.) 'кирзач'; *уоти* (чеч.), *утолг* (инг.), *ото* (чеч.), *уртоту* (чеч.) 'комната'; *бурам* (чеч., чеч., итум., инг.), *бор* (кист.) 'паром'; *саьнтал* (кист.), *самтели* (осет.) 'свеча'; *хиерх* (чеч.), *хирх* (акк.), *хиерх* (чеч.), *херх* (осет.), *ахъвархъ*/*ахъвархъ* (абхаз.) 'шила'; *баргуол* (чеч., чеч.) *баргал* (инг.), *баргол* (акк.) 'пути, треноги'; *пурни* (чеч.), *пурмие* (кист.) 'печь'; *шаьлта* (чеч.), *шарт* (бацб.), *шалта* (акк.) 'кнут'; *пондар* (чеч.), *поандар* (инг.), *пхандар* (акк.), *пандур* (чеч.) 'скрипка'; *лан* (чеч.), *ла* (инг., акк., кист., итум., чеч.) 'подкова'; *сотн* (осет.) 'чурек'; *султл* (осет.) 'полоса сухой кожи'; *годура* (карач.-балкар.) 'корзина цилиндрической формы из коры березы для пчел'; *члеки* (осет.) 'глиняная сковорода'; *чл* 'обод, край'; *годорж* (осет.) 'корзина'; *гом* (осет.) 'домик'; *камари* (осет.) 'пояс'; *клатата* (осет.) 'корзина'; *кlobала* (осет.) 'полка'; *кловси* (осет.) 'ложка'; *сабантлы* (осет.) 'порох', *тоне* (осет.) 'печь', *цалды* (осет.) 'шашлык'; *цамалжг* (осет.) 'порох'; *цинда* (осет.) 'чулок'; *кох* (азерб. д.) 'изба, крытая соломой и хворостом'; *год* (азерб. д.) 'мера сыпучих тел'.

ОНОМАСТИКА

Как исторический и языковой материал данные ономастики представляют большой интерес. В ней получила своеобразное отражение история дагестанских народов. На древние связи дагестанцев и грузин указывают многие антропонимы, топонимы, микротопонимы и этнонимы. Основным свойством является их живучесть и устойчивость, "в силу чего они служат древнейшими памятниками, позволяющими проникнуть в глубину человеческой истории, культуры и языка" (М.Р. Гасанов).

В качестве причин, способствовавших проникновению грузинской ономастики, К.Ш. Микаиловым приводятся следующие факторы (эти факторы могли способствовать появлению не только элементов ономастики грузинского происхождения, но и лексических и морфологических заимствований):

"а) получение информации о Дагестане и населяющих его народах через грузинское посредство, после чего эти названия канонизировались, получали статус традиционных, официальных и закреплялись в качестве нормативных;

б) военно-политическая и духовная экспансия христианско-монархической Грузии в прилегающие районы Дагестана с IX по

XIV в., когда исконно дагестанские названия оформились по-грузински, и в таком виде дошли до наших дней;

в) приток в Дагестан (главным образом, в авароизированные его регионы) мирного населения Кахетии и Картлии (мужчины, женщины, дети), плененного во время захватнических набегов дагестанцев на Грузию. Пленники оседали в дагестанских селениях, организовывая свои кварталы, выселки, хутора, которые естественным образом получали грузинские названия;

г) фиксация географических названий юго-западного Дагестана на крупномасштабных картах Дагестана русскими военными топографами в период Кавказской войны и подготовки к ней посредством информаторов-кахетинцев, отлично знавших эти районы и, разумеется, имевших свои названия для большинства здешних топообъектов. Дело в том, что русские военные картографы в тот период доступа во внутренний Дагестан не имели и поэтому были вынуждены довольствоваться услугами недагестанцев. Так, на карте Дагестана прочно закрепились такие названия, как река Симбирисхеви, река Орицкали, село Шаури, гора Дидигори и т.д. Хотя все эти объекты имеют исконно дагестанские названия" (1979: 108).

Подтверждением одного из тезисов К.Ш. Микаилова служит тот факт, что отдельные селения и хутора – Цахур, Джиних, Мишлеш, Кусур – известны под общим названием Горный магал, который иногда называют "Гуржи магал", т.е. Грузинский магал или Георгий магал. Аналогичным образом жителей рутульского селения Лучек соседи называют *гуржийар* "грузины" и т.д. (Рамазанов, Шихсаидов 1964: 85; Гасанов 1986б: 114–115).

Хронологически рамки поселения некоторых дагестанских народов в Кахетии уходят далеко в глубь истории. Гипотеза о том, что эти мелкие нахско-дагестанские племена ассимилировались с жителями равнинной Грузии, т.е. произошла их консолидация, способствовавшая образованию крупных племенных объединений, которая высказывалась в научной литературе еще во времена Н.Я. Марра, нашла отражение и в более поздних исследованиях (Меликишвили 1959: 130). Так, например, М.Р. Гасанов пишет, что "с VI века в Грузию переселились многие представители северокавказских народов, в том числе и горцы Дагестана, которые этнически влились в состав грузинского народа, сохранив следы своего этнического прошлого только в новых фамилиях" (1968а: 133). Некоторые грузинские собственные имена в цезских языках имеют определенную семантику: *Або* "Або" (в бежт., гунз. означает 'отец, папа'), *Клима* "Кима" (бежт., гунз. *клима* 'сыр'), *Мачла* "Мача" (бежт. *мачла* 'сабля'); *Нани* "Нани" (бежт. *нани* 'кукла'), *Павле* "Павле" (бежт. *павле* 'кот'), *Тимо*

“Тимо” (бежт. *tlimo* ‘пядь’, хаш. *tlimo* ‘пядь’, хаш. *tlimo* ‘голубь’), *Пило* “Пило” (бежт. *пило* ‘наперсток’), *Klamka* “Ката” (бежт. *klamka* ‘куцехвостая’), *Гъагъа* “Гага” (бежт. *гъагъа* ‘зоб’), *Къати* “Кати” (бежт. *къати* ‘ценность, важность’), *Къакъа* “Кака” (бежт. *къакъа* ‘комок снега’), *Цоцо* “Цоцо” (бежт. *цоцо* ‘жир’), *Хало* “Хало” (бежт. *хало* ‘колючка’), *Циццо* “Циццо” (бежт. *циццо* ‘прутик’), *Томло* “Тото” (бежт. *tomlo* ‘тюря’) и т.д. Здесь возможны некоторые случайные совпадения, не имеющие связи с грузинским источником. В качестве картвельских собственных имен приведены вышеназванные личные имена в работе А.А. Глonti (1967).

Остановимся подробнее на отдельных подгруппах дагестанской ономастики: антропонимии, топонимии, микротопонимии и этнонимии грузинского происхождения.

Антропонимы

В отличие от личных имен восточного происхождения, грузинские имена в дагестанских именниках, и в частности в цезских, сравнительно малочисленны, хотя дагестанские народы, как ближайшие соседи, имели древние тесные связи с грузинами. Возможно, до распространения ислама в Дагестане некоторые пограничные с Грузией народы (цахуры, рутульцы, цезы, часть аварцев) носили грузинские личные имена. Подтверждением этого, видимо, являются сохранившиеся в отдельных дагестанских языках имена, восходящие к грузинским. По этому поводу Ш.И. Микаилов пишет, что “имена, как *Илимлай*, *Тамарай*, *Гылимла*, *Элени*, *Гьерекли*, *Тидур*, свидетельствуют о том, что многие имена заимствовались также из грузинского языка” (1959: 132).

Грузинские имена встречаются и у других народов Дагестана, в частности у лакцев, хотя христианские собственные имена сильно исказились в их речи, и поэтому их трудно отличить от исконно лакских имен (Хайдаков 1961: 84).

Личные имена грузинского происхождения представлены и в цахурском языке (Ибрагимов 1981: 194–195, 198), ср.: *Беврий* (ср. груз. *беври* ‘много’), *Памларай* “Патарай” (ср. груз. *nlamlara* ‘маленький’), *Комте* (ср. груз. *Коме*), *Клацлав* “Кацав” (ср. груз. *клацо* ‘человек’ < *клаци*) и др. Некоторые цахурские имена имеют морфологическое совпадение с аварскими личными именами. Ср.: *Килъилай* “Китлилай”, *Тинав* “Тинав”.

На проникновение христианских имен в дагестанскую ономастику указывают и другие исследователи (Дирр 1915: 4; Саидов 1967: 728).

Как грузинские личные имена мужчин можно рассматривать отдельные бежтинские имена, такие как *Гийа* "Гия", *Аникла* "Цулуки", *Халха*, *Нате* "Нате", *Джабо* и др. Некоторые из них по происхождению могут быть не чисто грузинскими, а их проводником, несомненно, явился грузинский язык. В настоящее время многие из них у бежтинцев переродились в прозвища. Имена *Халха*, *Жабо* в языке-источнике не являются личными именами, а имеют нарицательное значение, например: груз. *халха* 'дубинка', *джабо* 'скот'.

Рассмотренные выше грузинские личные имена относятся к дооктябрьскому периоду. Установить точное время их проникновения трудно, однако можно предположить, что они начали проникать в период самых интенсивных контактов между дагестанцами и грузинами (Гасанов 1968а: 9). Таким образом, появление этих имен можно связать с распространением христианской религии в Дагестане (Шихсаидов 1957: 54–57; Атаев Д.М. 1958: 161–182).

В советский период начали проникать новые грузинские собственные имена, являющиеся наиболее распространенными среди грузин Кахетии. Они представлены у бежтинцев, гунзибцев, анцухцев и удинов, живущих на территории Кварельского района Грузии. Постепенное проникновение грузинских имен в антропонику народов и народностей – выходцев из Дагестана, видимо, объясняется тем, что они находятся в более тесных контактах с грузинами и к тому же молодое поколение нарекает своих детей, не соблюдая мусульманские традиции.

В бежтинском и гунзибском языках к грузинским именам и именам, проникшим через грузинское языковое посредство, относятся: *Гийа*, *Аникла*, *Ирма*, *Инга*, *Лали*, *Лили*, *Манана*, *Найра*, *Тамара*, *Хагуна*.

Ср. также грузинские имена удинов-октомберцев: а) мужские: *Андро*, *Арчили*, *Гурам*, *Георги*, *Дадико*, *Вано*, *Ладо*, *Мамури*, *Никла*, *Тедо*, *Шули*, *Эмзар*; б) женские: *Аникло*, *Дарикло*, *Кето*, *Натела*, *Нино*, *Талико*, *Элене*.

В настоящее время удинские фамилии конструируются по грузинскому типу наряду с армянским и русско-азербайджанским типами (Куранян 1983: 54–57). А фамилии октомберских удинов конструируются только по грузинскому типу, например: *Тостиашвили* "Тостиашвили", *Кицбабашвили* "Кицбабашвили", *Айвазашвили* и т.д. У грузинских бежтинцев, гунзибцев и анцухцев фамилии сохранили русское оформление, хотя они живут там с конца XIX в. Следует отметить, что аналогичное конструирование фамилии зафиксировано у дагестанских бежтинцев в XVIII–XIX вв., ср.: *Махмад Рамазанишвили*, *Шейх Ибрагимшвили*, *Махмуд Сутакшвили* (ССКГ 1868: 57–59).

Аналогичные факты отмечает и И.В. Мегрелидзе. Он пишет, что, "по свидетельству некоторых цезов, их предки имели грузинские фамилии, например: *Заришвили*//*Зеришвили* (это дидойское произношение грузинского *Дзеришвили*). Учтя то обстоятельство, что тотемом дидойцев является 'орел', указание на фамилию *Зеришвили* (букв. 'Коршунов') имеет особое значение" (1992: 179).

В последнее время у кахетинских грузин и удинов наблюдается тенденция нарекания собственными именами-оберегами арабо-мусульманского, ирано-тюркского происхождения. Это связывают с тем, что вроде бы такие личные имена оберегают детей от несчастий, болезней и смерти. Некоторые из имен подчинились фонетическим и морфологическим законам этих языков. К именам-оберегам относятся мужские: *Джамали*, *Зелимхани*, *Муради*, *Омари*, *Шамили* (встречается и фамилия *Шамилашвили*); женские: *Айша*, *Памлу* (сокращенная форма от *Патимат* "Патимат").

В результате тесных контактов носителей цезских (точнее, бежтинского и гунизбского) и грузинского языков в течение нескольких столетий возникли грузинские варианты восточноцезских личных имен, например: *Мавъаьмаьд*//*Мухламад*, *Махлмуд* < *Махмада* (груз.) "Магомед", *Сулейман* – *Суликю* (груз.) "Сулейман", *Рамазан* – *Рамази* (груз.) "Рамазан".

Многие грузинские антропонимы в контактировавших дагестанских языках подверглись фонетической и морфологической адаптации.

Среди мастей животных встречаются и грузинские слова: *платларашина* (цах.) 'низкорослый, нестандартный (о корове)', *цабыл* (цах.) 'корова каштанового окраса'.

Итак, краткий анализ грузинской антропонимии дагестанцев показывает, насколько ценен этот материал для изучения культуры, истории и этнографии народов Кавказа. Исследование антропонимии дагестанских народов и народностей имеет научное значение для изучения исторической лексики дагестанских языков. Как показывает материал, личные имена весьма разнообразны и изменчивы в зависимости от условий социально-экономической жизни.

1. Собственные имена: а) мужские: *Азнаур* (авар., лак., лезг.), *Андро* (окт.), *Арсен* (дагест.), *Арчили* (окт.), *Беврий* (цах.), *Бери* (авар.), *Вано* (окт.), *Васил* (удин.), *Георги* (удин.), *Гурам* (удин.), *Гьерекли* (авар.), *Гьидури* (авар.), *ПадуникI* (авар.), *Палисканди* (авар., бежт.), *Дадикю* (удин.), *Зураб* (лак.), *Ивани* (авар.), *Илишу* (авар.), *Ираклий* (лезг.), *Кето* (удин.), *Котте* (цах.), *Клацлав* (цах.), *Клушклантли* (авар.), *Ладо* (удин.), *Майндур* (авар.), *Ма-*

мури (удин.), Несдур (авар.), Никло (окт.), Тавар (авар.), Тамаз/Тамас (окт.), Тедо (окт.), Теймур (тив.), Тидур (авар.), Тобдоур (удин.), Харитлун (авар.), Церетил (авар.), Шантлули (авар.), Шули (удин.), Эмзар (окт.) и т.д.

б) женские: Аникло (окт., чантл.), Батулу (бежт.), Батулули, Батла (тляд.), Гьарклуба (авар.), Гьилитла (авар.), Дарикло (окт.), Жазьдина (авар.), Жуари (авар.), Илитлай (авар.), Инга (чантл.), Ирма (чантл.), Лали (бежт., окт., анц.), Лийа (тив.), Лили (чантл.), Мамия (авар.), Манана (дарг.), Манташ (авар.), Найра (чантл.), Натела (лак., окт.), Нино (окт., лак.), Патарай (цах.), Таликло (окт.), Тамари/Тамарай (авар., лак., удин.), Хатуна (чантл.), Шорена (тив.), Элене (окт.), Элени (авар.), Эрике (авар.), Этери (авар.).

2. Фамилии: Аболадзе (чантл.), Авазашвили, Агасаивили, Атакишвили, Бежанишвили, Велиханишвили, Кицбабаивили, Кулатлаивили, Кьумашвили, Кюшматлаивили, Иванишвили, Джейранишвили, Неиомаивили, Постлаивили (окт.); Арчиллаев, Пидуриев (лак.). (Ср. бежт.: Ибрагимшвили, Сутахшвили, Рамазанишвили встречаются в письменных источниках XVIII–XIX вв.).

3. Прозвища: Адакло (бежт.), Анжо (бежт.), Бабьубтлаб (бежт.), Гегу/Гегула (бежт.), Гийа (бежт.), Жабол/Жабу (авар., цезск.), Клатла (бежт.), Кликла (тляд.), Мамо (бежт.), Маьтли (бежт.), Намле (бежт., гунз.), Пьаьтли (бежт.), Паскло (бежт.), Сакла (хаш.), Тагьу (хаш.), Халха (бежт.), Шулукли (бежт.), Чанчи (хаш.), Чади (бежт.), Чотли (бежт.); Бакьакьи (лак.), Шури (лак.) и т.д.

4. Масти: Патларашина (цах.) 'низкорослый, нестандартный (о корове)'; цлабыл' (цах.) 'корова каштанового окраса'.

Этнонимы

Многие названия народов и народностей Кавказа не были известны дагестанцам. Из соседних народов дагестанцы знали грузин (гуржи), азербайджанцев (падарал), чеченцев (чачанал), ингушей (ингушал), армян (эрмениял) и т.д. Некоторые дагестанские народности имеют собственные названия грузин: гьовас сукло (бежт.), хьазахь (бежт., гунз., гин., цез., анц.) 'грузин', кало (гунз.) 'грузинка', мутураар (цах.) 'грузины', клацлухьул (лак.) 'грузины'. Ближайшими соседями дагестанских горцев были тушины. Цезы называют их цова-ахь, цова-кахи (т.е. 'цова-грузины'), чагма-ахь 'чагма-тушины' (цез.), ичхь (мн.ч. ичхьбо) 'тушины' (бежт.). Ср. также связанные с этими словами корреляты: цочваь (бежт.) – название местности на грузинской стороне по

аваро-кахетинской дороге; *ицхъ-боцли* 'тушинская порода овец' (бежт.).

Грузины называли дагестанских горцев *лекли/лектеби* 'леки', а страну – *Лекети* "Лекети" (Абдуллаев, Микаилов 1971: 22). Грузинам известны самые ближайшие их соседи – *цезы* в Буркунтинцы. Их называют соответственно *дидоэлеби*, *дидойцы* и *тлкъанлчелелеби* (< *тлкъанлчли* 'тулуп') 'капучинцы', а их страну – Дидоэтией. Дидойцев кахетинцы называют и *Цунта*.

Наименования различных народов и народностей, живущих в Грузии и за ее пределами, усвоены из грузинского языка: *ачлаарал* (бежт.), *гачларал* (гунз., цез.) 'аджарец' < *Ачлара* "Аджария"; *англи(-йав)* (тив.), *йенгилав* (цах.) 'ингилоец' < *ингило* 'ингилоец'; *осил/осийал* (бежт., гунз.), *ос* (тив., окт.) 'осетины' < *оси*; *цомехил/цомохи* (бежт.), *сомехи* (гин., гунз.), *сомех* (анц.) 'армяне', *сомех* (цах.) – название пограничной с Арменией и Грузией территории < *сомехи* 'армянин'; *тушури* (окт.), *туший* (цах.) 'тушин, бацбиец' < *туши* 'тушинец'; *уденил/уденийал* (бежт., гунз., анц.) 'удины' < *удени*; *урил/урийал* (бежт.) 'евреи' < *ури*.

Топонимы и микротопонимы

Вместе с исконными топонимическими и микротопонимическими названиями на карте Дагестана представлены географические названия иноязычного происхождения. К таковым относятся топонимы тюркского, персидского и вайнахского происхождения. Выделяются также топонимы и микротопонимы грузинского происхождения. Подавляющее их большинство ограничивается пределами Юго-Западного Дагестана, который граничит с Кахетией. Периоды проникновения и закрепления топонимических и микротопонимических названий в Дагестане различны. Например, исторически, по крайней мере со времен Страбона и Птолемея, цезы известны лишь под именем дидойцев, а их страна – под названием *Дидоэти* (Латышев 1890). В Дидоэтии жили люди еще во II–I тыс. до н.э. А происхождение этнонима и топонима связывают с грузинским источником.

Слово "Дидо" толкуется по-разному. Так, М.Г. Джанашвили, исходя из формы *дидури*, усматривает в нем грузинское слово *диди* 'большой' с прибавлением адъективного суф. *-ури* – *дидоури* 'дидойский' (1899). Н.Я. Марр в форме *дидури* элемент *-ур* не рассматривал в качестве адъективного суффикса. И.В. Мегрелидзе допускает, что форма *дидур* получена непосредственно от грузинского *дидо* с суффиксом *-ур*: *дидоури* > *дидуури* > *дидури*. Однако возможно, что указанная форма взята древними истори-

ками из обиходной речи восточных грузин, ближайших соседей цезов. Слово *дидури* или *дидо* они сейчас употребляют в значении литературного грузинского *дидоэли* или *дидо* 'цез' и *дидури* 'цезский' (1942: 184–185).

В качестве топонимов и микротопонимов в грузинском языке названия областей, краев, республик; названия городов и сел; названия местностей, гор, рек, кварталов, лесов, пашен и сенокосов.

Грузинские топонимы и микротопонимы на географической карте западных, пограничных с Грузией районов Дагестана, такие как *Диклос-мта*, *Садуиц-цвери*, *Саламтлис-цвери*, *Мухатцихе*, *Сокорис-цвери*, *Асакидс тавис цвери*, *Ниникас-цихе*, *Дурунише-тави*, *Орицкали*, *Сабунис хеви* и др., находят толкование в грузинском (Гасанов 1986б: 114).

Для обозначения Грузии, а также отдельных ее областей и местностей дагестанцы (точнее цезы) используют названия исконного и грузинского происхождения, напр.: *Вели* (бежт., гуыз.), *Вули*//*Вили* (гин.), *Вила* (асах.), *Вулаь* (кид.) 'Грузия' < *вели* 'поле, степь'; *Клахети* (цезск., анц., удин.) 'Кахетия'; *Аьчлаьраь* (бежт.), *Ачлара* (окт.) 'Аджария'; *Гигьа* (бежт., гуыз.) 'в Грузию', *Гьоваль* (бежт.) 'в Грузию' (ср. бежт. *гьовас миц* 'грузинский язык').

Вместе с тем в грузинских источниках находим наименования бежтинских населенных пунктов в их грузинском варианте, отличные все же от исконных местных названий: селение *Тлядаьл* называют *Калаки* (букв. 'город'), сел. *Бежта* – *Тлкъанлучла* 'Капуча' (видимо, произошло от *тлкъанлучли* 'тулуп'), сел. *Хашархота* – *Сагълис убани* (груз. *дзагълис убани* 'квартал собак').

В названиях некоторых топообъектов, расположенных на территории проживания цезов, по-видимому, можно выделить адъективный суффикс **-ур** с вариантами **-ер**//**-ир**//**-ор**, например: *Кумла*//*Кумло* (название села) – груз. *Кумлури* "Китури", *Эша* (название села) – груз. *Шаури* "Шаури". Сравните и другие топонимы: *Кидерол*//*Кидиро*, *Цеборул*//*Цебари*, *Къадорул*//*Къадари* 'Кодорский перевал'.

В настоящее время в Алазанской долине (в Белоканском, Закатальском районах Азербайджана и в Кварельском районе Грузии) проживают аварцы, цахурцы, рутульцы и др. Топонимы и микротопонимы современных грузинских дагестанцев включают в себя названия сел, гор, рек, местностей, кварталов, лесов и др. главным образом Кахетии, а также обозначения некоторых городов и сел за пределами Кахетии.

Многие названия населенных пунктов грузинские дагестанцы произносят, за редким исключением, как грузины: *Октомбери* (село), *Лагодех*//*Лагадухъ* (город), *Чантакъури* (село), *Тиви*

(село), *Телави*//*Телаври*//*Телавур* (город), *Сарусо*, *Къарали*//*Къурел*//*Къурели* 'Кварели', *Ахалсонели* (село), *Туплиль* 'Топилиси', *Айшо*//*Аришо* 'Ареши' (современное грузинское название *Мтисдзири*).

Как было отмечено выше, в результате внутривидового контактирования возникли грузинско-дагестанские и микротопонимические названия у бежтинцев, гунзибцев, анцухцев и удинов.

1. Посредством калькирования с грузинского языка на дагестанские возникли, например, ойконим *Ахалсонели* – *Ицццо аьл* (бежт.), *Ыцццу аьл* (гунз.), *Цияб росо* (анц.) (*Ицццо*//*Ыцццу*//*Цияб* 'новое' + *аьл*//*аьл*//*росо* 'село' – груз. *ахали* 'новое' + *сонели* 'село').

2. Путем заимствования получены: *Гизъа* – *Вели* (*Вули*//*Вулал*//*Вулаь*) 'Грузия', *Айшо*//*Аришо* – *Мтисдзири* "Мтисдзири".

3. Частичным переводом, т.е. заимствованием одной части и перевода другой (полукалька), получены: гидроним *Аванис хеви* – *Аванис глор* (тив.), *Арашис хеви* – *Арешис глор* (тив.)

Мы не касаемся здесь независимых наименований в обоих языках, т.е. возникновения пар без взаимовлияния ее членов (двойные наименования какого-либо топообъекта): *Гьаллолаь* – *Чантлискъуре*, *Гуржилъ бак*(*росо*) – *Тиви*, *Ганжа глор* – *Симбирис хеви* (река), *Англиндул бак* (тив.) – *Октомбери*.

Названия дагестаноязычных населенных пунктов, хотя они официально называются по-грузински, имеют параллельно и исконные названия, например бежтинцы сел. *Сарусо* называют *Хъацайхъолаь*, *Тхилис цкъаро* – *Гьанкъалаь* (в 1990 г. все гунзибцы из села *Тхилис цкъаро* переселились в Республику Дагестан), *Октомбери* – *Уденийаллиь*, *Тиви* – *Маьхъаьлаь*. Постепенно грузинские названия начинают преобладать даже у самих жителей этих сел. Причина такого явления, видимо, заключается в соображениях административного характера.

Налицо новые топонимы и микротопонимы гибридного характера, образованные из лексем грузинского и дагестанских языков, общеизвестных у жителей данного региона. Ср., ойконим *Тебелджохи*, где первая часть – анцухское *лъебел*//*тебел* (авар. *лъебелал* 'гляратинцы'), вторая – *джохи* – грузинское в значении 'палка, посох'. Или же *Автобусил гачереба* (тив.) 'Автобусная остановка': *автобусил* (тив.) 'автобусная' + *гачереба* (груз.) 'остановка'.

И, наконец, возможно возникновение новых микротопонимов, не имеющих именных пар в грузинском языке. Таковыми являются: *Буллахъиьдъа* 'Бутлахида' (местность); *Цодола лъикъас* 'Цодола тлитас' (гора), *Агранойлаь лийодъас маче*

‘Агранойла тлийодас маче’ (название пашни), *Къициллихада* ‘Тлициллихада’ (лес, гора). Ниже приводится список топонимов и микропонимов:

1) названия областей, краев, республик: *Ачлара* (окт.) < *Ачлара* ‘Аджария’, *Вели* (бежт., тив.) < *Вели* (гин.), *Вила* (асах.), *Вулаъ* (кид.) ‘Грузия’ (ср. бежт. *Велилаъ*, гуиз. *Волилаъ* ‘в Грузию’) < *вели* ‘поле, равнина’; *Клахети* < *Клахети* ‘Кахетия’;

2) названия сел и городов: *Ариши*//*Айшио* (бежт., гуиз.) < *Ареши* ‘Ареши’ (ныне *Мтисдзири*); *Ахалсопели*//*Ицицло аьл* (бежт., гуиз.) < *Ахалсопели* ‘Ахалсопели’; *Бурдолаъ* (бежт., гуиз.) < *бурдо* ‘обмолот, остатки зерна (проса) после обмолота’; *Калаки* (груз.) ‘Глядаль’; *Къарали* (бежт.), *Къарел*//*Къварел* (окт., тив.), *Къурай* (лак.), *Къурел* (сарус.), *Къурели* (анц.) < *Къварели* ‘Кварели’; *Лагадухъ* (бежт.), *Лагодех* (тив.) < *Лагодехи* ‘Лагодехи’; *Мухат-цихе* (цах.); *Октоллаъ*//*Октомбери* (*Уденийаллиъ*) (бежт.), *Октомбер* (сарус.), *Англидул бак*//*Октомбер* (тив.) < *Октомбери* ‘Октомбери’; *Сагълис убани* (груз.) – Хашархота; *Сарусо*//*Хъацайхъолаъ* (бежт., гуиз.) < *Сарусо*; *Тебелджохи* (груз.) < *лъебел* (азул) ‘анцухский’ + *джохи* (груз.) ‘палка’; *Телаври* (бежт.), *Телавур* (сарус.), *Телав* (окт.) < *Телави* ‘Телави’; *Тиви*//*Мъхъалаъ* (бежт., гуиз.) < *Тиви* ‘Тиви’ (ср. груз. *тива* ‘травы’); *Тхилис цкъаро*//*Гъанкъалаъ* (бежт., гуиз.) < *Тхилис цкъаро* ‘Тхилис цкаро’ (букв. ‘ореховый родник’); *Ткъанлучли* ‘Капуча’ – Бежта; *Чантакъури*//*Чанталаъ* (бежт., гуиз.), *Чантакъур* (тив.), *Чанталкъуре* (окт.) < *Чантликъуре* ‘Чантликуре’; *Шаури* (цез.) ‘Шаури’ < *шаури* ‘мелкая серебряная монета, пятак’;

3) названия местностей: *Автобусил гачереба* (тив.) ‘Автобусная остановка’; *Гъатлангы* (хварш.) ‘Хатанхи’ (букв. ‘у церкви’ – название местности, где раньше жили христиане-грузины); *Куракъадъ* (чантл.) < *кура* ‘кузнечный мех’; *Суракъатил мицъир* (тив.) < *Суракъатис цери*; *Цоваъ* (бежт., гуиз.) ‘Цова’ (название местности по дороге в Грузию, на грузинской стороне);

4) названия гор: *Дидигори* (цах.), *Диклос-мта*, *Доли* (тив.) ‘Барабан-гора’; *Класрий* (цах.), *Санлантл* (цах.), *Халахи* (цах.);

5) названия рек: *Аванис хеви* > *Аванис глор* (тив.), *Арешис хеви* > *Ариши-глор* (тив.), *Орицкъали*, *Симбирисхеви* и т.д.;

6) названия кварталов: *Загъли убани* (чантл.) ‘квартал собак’, *Клунпра убани* (чантл.), *Патлар уба* (цах.) ‘маленький квартал’;

7) названия лесов: *Д’агабишин члалаг* (цах.) ‘маленький лес’; *Йел’гадиг члалаг* (цах.) ‘ветров перевала лес’;

8) названия пашен и сенокосов: *Беврийн аху* (цах.) – сенокос; *Патлар* (цах.) – пашня.

По сравнению с именами существительными и глаголами интересующие нас имена прилагательные малочисленны. Их общее число составляет чуть более 15 лексем. Из грузинского усвоены как качественные, так и относительные прилагательные:

Некоторые имена прилагательные-грузинизмы усвоены с незначительными фонетическими и семантическими изменениями: *дамлали* (бежт., гуиз.) 'гнилой', *дамлали* (гин.) 'тяжелый', *домлоли* (цез.) 'неуклюжий' < *дамлали* 'гнилой; сгнивший, прелый', *лакѣ* (чантл.) 'тухлое' < *лакѣ*; *пицхи* (бежт.), *пичхи* (сарус.) 'вспыльчивый' < *пицхи* а) 'быстрый, скорый на руку', б) 'горячий, жаркий', в) 'порывистый', г) 'горячий, вспыльчивый', д) 'ретивый, резвый', е) 'ломкий, хрупкий'; *хами* (бежт.) 'невоспитанный, неопытный'; *ххамав* (чад.) 'невоспитанный, бескультурный' < *хами* 'неопытный, невоспитанный'.

Выделяется и другая группа имен прилагательных, которые перешли в разные части речи уже на дагестанской почве. Чаще всего они переходят в разряд имен существительных, а иногда – в наречия. Ср.: 1) **прилагательное > существительное**: *боротли* 'злой' > *боротли* (бежт., сарус.) 'забота'; *брткѣели* (диал. *прткѣели*) 'плоский' > *птергѣоли* (бежт.) 'плоский камень для игры'; *гареули* (ках.) 'дикий, чужой' > *гаравли* (бежт.) 'детвора', 'чужие дети'; *кѣалби* 'подложный, поддельный, фальшивый' (< араб.) > *кѣалби* (бежт.) а) 'форма для литья чего-л. из металла', б) 'форма для плетения сапетки из прутьев'; *клоцлахи* 'горький', 'очень кислый' > *клоцлахи* (цез.) 'скорлупа', *клоцлах* (кусур.) 'дикое яблоко'; *клочлори* (ках. *клочли*) 'хромой' > *клочлуний* (цах.) 'искривление'; *мамаци* 'храбрый' > *малмыц* (цах.) 'трус'; *путлури* 'трухлявый' > *пурумли* (том.) 'гнилое бревно'; *тушуури* 'тушинский' > *тушуури* (цез.) 'баран с курдюком'; 2) **имя прилагательное > наречие**: *ители* 'целое, целый' > *тели* (бежт.), *тели* (гуиз.) 'много'.

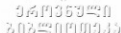
Вместе с тем наблюдается и обратный процесс: грузинские имена существительные, глаголы и наречия переходят в разряд имен прилагательных. Например, *мажало* 'дикое яблоко, дикая яблоня' > *мажало* (бежт., гуиз.) 'кислый, дикий', *мажил* (хайд.) 'кислый'; *дагъла* 'утомление, усталость' > *дагъла* (бежт.) 'сонный'; *архейнад* 'спокойно' > *архайн* (удин.) 'спокойный, уверенный'.

Основным стимулом взаимопереходов частей речи служит семантическая аналогия: *прткѣели* 'плоский' > бежт. *птергѣоли* 'круглый плоский камень для игры'. Конверсии способствует морфологическая неформленность заимствуемых лексем: *ите-*

ли 'целый' > бежт., гуыз. *telid/телли* 'много'. Она связана с отсутствием в языке-рецепторе слов для обозначения данного понятия: *мажало* 'дикое яблоко' > *мажало* 'дикий'; ср.: бежт., гуыз. *мажало Эчи* 'дикое яблоко'.

ГЛАГОЛЫ

В контактировавших дагестанских языках глаголы грузинского происхождения представлены сравнительно небольшой группой слов. Их немногим более 20 лексем. Следует отметить, что все глаголы на дагестанской почве становятся сложными, образуясь посредством сочетания грузинского глагола (или имени) с исконными вспомогательными глаголами.

Как известно, грузинские глаголы в исходной форме совмещают инфинитив и масдар, например: *пурचना* а) 'подчистка (виноградной лозы)', б) 'подчистить'; *къакъани* а) 'галдеж, шум', б) 'галдеть, пошуметь'. По этому поводу А.С. Чикобава пишет: «...морфология грузинского языка свидетельствует, что "глагольное" идет от "именного": имя лежит в основе глагола, но глагольные категории оформились раньше именных» (1967: 40). Более подробно образование и в связи с этим освоение глаголов будет рассмотрено в разделе "Морфологическое освоение грузинских лексических элементов".

Среди грузинских заимствованных глаголов выделяются динамические и статические. Первая группа превалирует над последней. Динамические глаголы, в свою очередь, могут быть как переходными, так и непереходными.

Наряду с обычными глаголами в рассматриваемой группе выделяются глаголы звукоподражательного и звукоименного характера. Их сравнительно немного.

Если анализировать глаголы с дистрибутивной точки зрения, то грузинские глаголы с анлаутным согласным распределены следующим образом: на согласный г – семь глаголов, на д – восемь, а на остальные согласные (з, кІ, м, нІ, с, т, ц, цІ) – по одному. В основном грузинские глаголы представлены в восточноцезских языках, а именно в бежтинском и гуызибском.

Ниже приведем список грузинских глаголов, отмеченных в контактировавших дагестанских языках: *гамагур* (бежт.) 'куча мала' (*гамагур бовал* 'делать кучу малу') < *гамогура* 'выводить'; *гагизда йахъал* (бежт.) 'горячиться, возбуждаться', *гагизда* (сарус.) < *гагижеба* 'свести с ума'; *гацарса йовал* (бежт.), *гацарца бува* 'раскулачить' < *гадзарцва* а) 'ограбить', б) 'ограбление'; *гамартла йахъал* (бежт.), *гамарта бахъа* (сарус.) 'сильно укутаться', 'одеваться потеплее' > *гамартлава* (каx. *гамартва*) 'вы-

прямить, устроить'; *ганазгъа овал* (бежт.), *галанзгъа ува* (сарус.) 'сильно ругать, оскорбить' > *галандзгъа* 'выругать, обругать'; *гардж* (цах.) 'лучина' < *гаруджва* 'опалить'; *гахурда йовал* (бежт.), *гахурда йува* (гуыз.) 'сильно растопить' > *гахуреба* 'раскалить, растопить'; *гацхара йахъал* (бежт.) 'злиться, разбеситься' > *гацкъроба* (ср. ках. *гацкъроба*) 'разгневать' > *гацкъроба* (бежт.) 'воркованье' (ср. бежт. *гъугъудъл* 'ворковать') < *гъугъуни а* 'воркованье', б) 'ворковать'; *дагълă* (бежт., сарус.) 'сонный', *дагъумаб* (тив.) 'сонный, усталый' < *дагъла а* 'утомление, усталость', б) 'утомить, устать'; *дагъунла йовал* (бежт.), *дагъунла йува* (сарус.) 'испортить, погубить' < *дагъунла а* 'гибель, гибель', б) 'погубить, загубить'; *дажиза йахъал* (бежт.), *дажиз йахъа* (гуыз.), *дажижа йахъа* (сарус.) 'ушибить, получить синяк' < *дажежва а* 'намять, память', б) 'разбивать кому-либо физиономию'; *даклетла бовал* (бежт.) < *даклетла* 'занимать'; *дапантла йовал* (бежт.), *дапантла йува* (сарус.) 'рассеивать; расточить' > *дапантла* (ср. ках. *дапантла а*) 'рассыпать', б) 'рассыпка'; *дахаржа йовал* (бежт.), *дахаржа бува* 'израсходовать' < *дахарджва а* 'израсходование', б) 'израсходовать'; *дахъуца йовал* (бежт.) 'истреблять, уничтожать' < *а(гъ)хъоца* 'истреблять, уничтожать'; *даца* (бежт., сарус.) 'занято' < *дацва а* 'оборона, защита', б) 'оборонять, защищать'; *моцда бовал* (бежт.) 'задержать; создавать препятствие' < *моцда а* 'подождать', б) 'ожидание'; *мизги* (бежт.) 'плата, оплата' < *мизгъва* (ках. *мизгъо а*) 'оплатить, воздать', б) 'оплата, воздаяние'; *накъучла йовал* (бежт.) 'вдребезги разбить', 'раздавить' < *наклуци* 'кусок' (*наклуц-наклуц* 'в куски, взребезги'), *патаракли/нутурукли члалеллал* (бежт.) 'портить' < *патаракли* (ках.) 'случай, приключение'; *симгъэрий/симгъырий* (цах.) 'пение, мурлыканье' < *симгъери а* 'пение; мурлыканье', б) 'петь; мурлыкать'; *тухна* (кусур., таш.) 'мотыга, тяпка' < *тохна а* 'мотыжение', б) 'мотыжить'; *цецхизи ахъал* (бежт.), *цецхизи ахъа* (сарус.) 'гневаться, взбеситься' < *цецхли* 'огонь', *члчлхлан* (окт.) < *члццклана а* 'срывание', б) 'срывать'.

НАРЕЧИЯ

Среди знаменательных частей речи, усвоенных из грузинского языка, самое незначительное место занимают наречия. В этом аспекте зафиксированы пять лексем. Из лексических разрядов наречий шире представлены наречия образа действия: *ашклара* 'открыто' (анц.) < *ашкларад*; *баджитра* (цах.) 'прилежно, усердно' < *беджитад*; *икнеба* (бежт., гуыз.) 'может быть' < *икнеба* 'авось', 'может быть'; *уцбат* (бежт., гуыз.) 'вдруг, сразу, внезапно' < *уцбад*; *архийанат* (бежт.) 'надолго', *архайн* (удин.) 'спо-

койный, уверенный' < *архейнад* 'спокойно' (< тюрк.) [удинская форма ближе к азербайджанскому языку, из которого она видимо, заимствована, ср.: азерб. *архайын* – удин. *архайн* (груз. *архейнад*)].

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Из служебных частей речи грузинскими являются некоторые союзы, частицы и междометия. Всего представлено семь слов, которые бытуют в бежтинском, гунизбском и октомберском говоре удинского языка. **Союзы:** *маграм* (окт., чантл., сарус.) 'но' < *маграм*. **Частицы:** *майц* (сарус., окт.), *майц* (бежт.) 'все же' < *майнци* 'хоть, все же'; *огъонт* (чантл.) 'только бы, лишь' < *огъонд*; *равици* (бежт., сарус.) 'не знаю, неизвестно' < *равици*. **Междометия:** *гагимарджос* (окт.) 'здравствуйте (ответ)' < *гагимарджот*; *гамарджоба* (окт.) 'Здравствуйте' < *гамарджоба*; *гацци* (бежт., гуниз.) 'ступай, уходи' < *гасцили*. Обилие заимствований – существительных, глаголов – и немногочисленность прилагательных, наречий, особенно служебных слов, «согласуется с тем, что в языке много первых и мало последних: язык нуждается лишь в небольшом количестве служебных слов, выполняющих сугубо грамматическую функцию обозначения очень обобщенных отношений между "значащими словами"» (Хауген 1972: 374).

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

При рассмотрении грузинизмов в контактировавших дагестанских языках наблюдается определенное расхождение в структурном облике заимствованной грузинской лексики в языке-источнике и в дагестанских языках.

В процессе освоения иноязычных слов в них происходит сложный процесс адаптации. Так, грузинские лексические элементы после проникновения начинают приспосабливаться к фонетическим и морфологическим законам языка-реципиента. Некоторые видоизменяются в структурно-морфологическом плане, т.е. происходят изменения в структуре слов, заключающиеся в том, что грузинизмы – производные слова, какими они были в языке-источнике, становятся непроизводными (простыми), или же простые по своей структуре лексемы грузинского языка служат базой для образования новых слов путем суффиксации или входят в состав композитов и словосочетаний в языке-реципиента.

Установить точные данные структуры грузинских заимствований в дагестанских языках очень затруднительно, так как они

в количественном отношении в разных контактировавших языках неодинаковы и к тому же словообразовательная и формообразовательная продуктивность их в разных языках различная.

Число заимствованных грузинских слов составляет примерно 600 лексем, в состав которых входят, кроме простых корней-слов, также производные, сложные слова и некоторые словосочетания, которые в языке-источнике дифференцируются на разные структурные типы. И, соответственно, этимоны-композицы, а также словосочетания в языке-реципиенте в количественном отношении уменьшились.

В дагестанских языках грузинизмы по слово- и формообразовательной продуктивности распределены следующим образом: простые, непродуцируемые (куда входят наречия, служебные части речи, некоторые имена существительные и прилагательные) – 100 слов, производные – 60 лексем; слова, входящие в состав сложных слов, – 60. Картина такого распределения можно объяснить следующим образом: непродуцируемыми основами оказались некоторые грузинские имена прилагательные и существительные, наречия и служебные части речи, так как они морфологически не видоизменяются, сохраняя структуру этимона. Производными считаются основы, которые служат базой для образования новых слов путем аффиксации. Сложными являются заимствования, состоящие из двух компонентов, в которых оба или один из компонентов могут быть грузинизмом. Многие грузинизмы, вступая в состав разных сочетаний из двух или трех лексем, образуют словосочетания, которые, как показывает материал, оказались многочисленными.

ПРОСТЫЕ СЛОВА

Основную массу составляют простые (непродуцируемые) слова. Это объясняется тем, что во всех языках обычно заимствуются простые слова, называющие какой-либо новый предмет или явление, а также некоторая часть производных и сложных слов, каковыми они являются в языке-источнике, а, в свою очередь, переходящие в разряд простых слов в языке-реципиенте. В таких производных и сложных лексемах грузинские словообразовательные суффиксы, а также компоненты композицы в дагестанских языках не вычлениваются, т.е. грузинские производные слова становятся неразложимыми, например: *мебагъе* 'садовник' > *мебагъ* (окт.), *мехре* 'погонщик' > *мехъре* (бежт.), *сахре* 'палка погонщика волов' > *сахъри* (бежт., гунз.), *чалалакли* 'роща, кустарник' > *чалалаг* (цах.), *члаблябг* (удин.).

Сложные слова грузинского происхождения достаточно многочисленны. Это такие композиты, как *пара-рехъен* (тив.) 'мужское животное, приставшее к стаду', *к'алмах-ччугла* (тив.) 'форель', *к'адагъа-мукъо* (бежт.) 'большой гвоздь', *загъли-бани* (чантл.) 'квартира', *варйа-хелеку* (гунз.) 'цыпленок-петушок', *тапан-бел* (окт.) 'игла', *хагъу-диъи* (бежт.) 'подснежник Воронцова', *целел-булах* (зак.) 'название источника', *муша-ниц* (лак.) 'рабочий вол', *ч'ач'а-г'аракъи* (лак.) 'спиртное' и т.д. В указанных словосложениях в качестве первого компонента, как правило, выступает грузинизм, а второй компонент является либо исконно дагестанским, либо заимствованным из восточных и других языков.

Копулятивные композиты, образованные с участием грузинских лексических элементов, представлены сложными именами существительными, глаголами и незначительными именами прилагательными. Среди них наиболее многочисленны композиты – имена существительные: *дикла-хъибо* (бежт.) 'пшеница', *ц'аракли-боза* (бежт., гунз.) 'кирка', *ч'икле-а'к'ъу* (гунз.), *сикъе-а'к'ъу* (нахад.) 'белка', *к'отло-рокъе* (гин.) 'посуда', *т'лило-к'атли* (гин.) 'название ткани'; *лапани-хобъо* (бежт.) 'сусак', *уру-бох* (бежт.) 'бородач' и т.д. Иногда грузинизм может выступать в роли второго компонента: *нижи-хагъу* (гунз.) 'овощи' (букв. 'чеснок-лук'). Рассмотренные сложные слова представляют собой соединение основ по модели существительное (ед.ч. им.п.) + существительное (ед.ч. им.п.).

Грузинизмы выступают одним из стержневых компонентов при образовании сложных глаголов в некоторых языках аваро-андо-цезской группы. Заимствованные глаголы употребляются в сочетании со вспомогательными глаголами: *дапант'ла йахъал* (*йахъа*) 'рассеиваться', *дапант'ла бовал* (*бува*) 'рассеивать', *дахаржа йахъал* (*йахъа*) 'израсходоваться' – *дахаржа йовал* (*йува*) 'израсходовать' (бежт., гунз.).

Незначительны сложные имена прилагательные. В них также в качестве первого компонента выступает грузинское заимствованное слово, чаще всего имя существительное, например: *ц'абулк'ераб* (анц.) 'каштановый'.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Грузинские лексические элементы входят в состав устойчивых и свободных словосочетаний. Большая часть словосочетаний представляет собой результат перевода грузинской модели. Вместе с тем имеется определенное количество словосочета-

ний, заимствованных без калькирования с языка-источника: *топилас клондах* 'приклад ружья', *абрешулис к'аба* 'шелковое платье', *сапунийас к'ути* 'мыльница' (бежт.), *п'ап'ар/уба* (цах.) 'небольшой квартал', *чакарбас ч'архалу* (бегт.) 'чакр-ная свекла'.

По своему оформлению среди подобных словосочетаний различаются кальки и полукальки. Во-первых, грузинское словосочетание переводится полностью, т.е. образуется калька: *сахлис к'лаци* (груз.) 'хозяин дома' – *г'уткус жек'лу* (цез.). Во-вторых, грузинское словосочетание может переводиться на дагестанские языки только частично, т.е. образуется полукалька: *агурис пери* (груз.) 'кирпичный цвет' – *агурийас* (*//агурийаг'ас*) *к'вей* (бежт.).

ФРАЗЫ

Наряду с производными и сложными основами в некоторых дагестанских языках представлено небольшое число фраз, в числе которых чаще всего встречаются пословицы и поговорки. Большинство из них калькировано, а небольшая часть употребляется так же, как в языке-источнике. Ср.: ках. *д'г'евандели кверц'хи д'жобиа хвалимдел катамис* 'чем завтрашняя курица, лучше сегодняшнее яйцо' – бежт. *хисала г'уьдг'аь жейсас ц'емуц' бижеш*, цез. *хизорзо оночак'ья, адерси кленеч'л йигу*; ках. *цалиани мойда, цалиани ц'авда* (груз.) 'пустым вышел, пустым пришел' – бежт. *ов'ч'лов э'к'вейо, ов'ч'лов о'к'бойо*; ках. *ахали цоц'хи кларгат г'вис* 'новая метла хорошо метет' – бежт. *иц'цо муьш ахо л'аь'аьш*; ках. *ори клурдг'алис мдевари верц' эртс вер даич'ерсо* 'кто гонится за двумя зайцами, не поймает ни одного' – бежт. *к'зон х'ви'чалат'аг'ой оц'д'айал, г'во'сна мих'а'г'ас*; ках. *чаварда лук'ма чеми д'жамии чавардей* 'пусть падающий ломтик хлеба упадет в мою тарелку' – бежт. *бек'кас лук'ма диела жамила'ь бек'кала*; ках. *бари барии, тохи т'ларии* 'каждому – свое' (букв. 'лопата для земли, мотыга для рукоятки') – бежт. *бари миц'ал'ь, тох'и миг'ал'ь*; ках. *марти морча – дарди морча* 'март прошел – зимние заботы прошли' (груз. > бежт.).

Таким образом, структурно-грамматическая классификация грузинских заимствований показывает, что словарный состав контактировавших дагестанских языков обогащался за счет заимствований простых и сложных слов, а также за счет образования производных, сложных основ, словосочетаний и составных образований на базе грузинских лексических элементов.

Слова, заимствованные из грузинского языка, в дагестанских языках относятся к разным периодам и имеют разные хронологические характеристики. Основной слой грузинизмов составляет лексика, заимствованная в более поздний период (XVIII–XX вв.) – время самых интенсивных контактов. Однако некоторые из них восходят к древнегрузинскому (V–XI вв.) или среднегрузинскому (XII–XVIII вв.) периодам. Ввиду отсутствия исторических письменных памятников по дагестанским литературным языкам, и тем более по многочисленным бесписьменным языкам, весьма трудно хотя бы приблизительно датировать их проникновение или дать глубокий, всесторонний анализ этого сложного процесса. Вместе с тем в целом ряде случаев, с учетом косвенных данных, становится возможной лишь констатация того, относятся ли заимствования к более раннему или позднему периоду.

Хронологическая классификация грузинизмов в дагестанских языках даст возможность определить их удельный вес на различных этапах исторического развития. На основе выявленных лексических сходжений между северокавказскими и картвельскими языками на праязыковых уровнях С.Л. Николаев и С.А. Старостин (1984: 30) предполагают наличие активных контактов в прошлом между носителями правосточнокавказского и пракартвельского языков (около 5–4 тыс. до н.э.). По их мнению, эти параллели в основном относятся к легко заимствуемым (в частности, культурным) слоям лексики.

Однако можно установить и некоторые более ранние хронологические уровни. Так, о наличии наиболее древних контактов, относящихся к периоду грузинско-занского и працезского единств, свидетельствуют отдельные грузинизмы, сохранившие фонетический облик праформы.

В гинухско-цезском слове (гин. *ихирахъ*, цез. *ихурахъ* ‘утка’), кроме *-хъ*, обнаруживаем элемент *-ра-*, отсутствующий в современном грузинском языке и во многих его диалектах (*ихви* ‘утка’). В своей статье Г.В. Рогава (1966: 233–235) делает попытку доказать, что исходной формой грузинской именной основы *ихв-* ‘утка’ является **ихвир-* в результате сопоставления ее с занским вариантом этой же основы, сохранившимся в имеретинском диалекте грузинского языка, – *ихвинджа* ‘дикая утка’: *ихвинджа* < *ихвиджа* < *ихвир-а* (Рогава 1966: 235). Такое предположение Г.В. Рогава об исходности формы **ихвир-а* подтверждают Г. Фенрих, З.А. Сарджвеладзе (1990: 166). И, соответственно, исходя из этого, можно считать, что данный элемент, зафиксиро-

ванный в цезских словах, служит основанием для признания давности его проникновения в западноцезские языки, а именно восстанавливаемая праформа **ихвир-а* восходит к периоду грузинско-занского единства (= 700 г. до н.э.). А это свидетельствует о том, что грузинско-цезские языковые контакты существовали задолго до нашей эры, т.е. еще в период грузинско-занского и працезского единств. Ауслатный *-хъ* в этих лексемах, возможно, является сохранившимся в окаменелом виде словообразовательным аффиксом.

В широком смысле для изучения грузинской лексики определенное значение могут иметь и данные контактировавших языков, в том числе и цезских. В отдельных случаях эти языки сохранили исторически более древние формы грузинских основ, представленных ныне в самом грузинском языке в измененном виде.

В ряде цезских грузинизмов налицо системное звукосоотношение гласных рефлексов, аналогичных исконным. На основе этих соответствий можно реконструировать фонетические архетипы этимонов, что подтверждается данными языка-источника. Так, восточноцезскому *о* (бежт., гуыз. *бохъ* 'солнце') в западноцезском соответствует *у* (гин., цез., хварш. *бухъ*) или же *е ~ и* (*лиле – лели* 'ягненок'), т.е. *о – о – у – у – у* в працезском дает **о*, а *е – е – и – и – и* → **е* (С.Л. Николаев). Аналогичный процесс наблюдается и в грузинизмах, ср.:

борклоли (бежт., гуыз.) 'пути' – *бурклули* (гин., цез.) 'замок' < груз. *борклили* 'пути, кандалы';

гемо (бежт., гуыз.) – *гилу* (гин., цез.) 'вкус' < *гемо*;

гочли (бежт., гуыз.) – *гучли* (гин., цез.) 'поросенок' < *гочли*;

окро (бежт., гуыз.) – *укру* (гин., цез.) 'деньги, серебро' < *окро* 'золото'.

Возможно, указанные грузинские лексические элементы проникли в дагестанские языки в период общецезского единства. Затем, после распада праязыкового состояния, они оформились соответственно фонетическим нормам языков. А отсутствие их в современном хваршинском языке, видимо, объясняется сильным влиянием аваро-андийских языков, вытеснивших их из словарного фонда.

Вышеизложенное дает основание заключить, что в принципе существование древнегрузинско-працезских контактов возможно, и данные глоттохронологии такой возможности не исключают.

Некоторые диалектные варианты заимствований сохранили архаические формы грузинских этимонов. Выявляя праформы, можно определить в какой-то степени хронологическую рамку их проникновения. Проиллюстрируем это на уровне протобежтинского языка.

В фонетическую систему протобежтинского языка включалась фонема **р**. Соответственно, грузинские лексические элементы, содержащие указанный сонант, сохранили его при заимствовании. Однако после диалектной дифференциации в собственно бежтинском диалекте произошел переход **р** в **й**, что является весьма характерной особенностью данного диалекта.

протобежт. **к̄амари* 'липкий глинозем красноватого цвета' > *к̄амар* (тляд., хаш.), → *к̄амай* (бежт.) < груз. *к̄амари*;

протобежт. *бегари 'коллективная помощь' > *бегари* (тляд., хаш.) → *бегай* (бежт.). Ср. груз. *бегари*;

протобежт. *биркли 'репейник' > *биркли* (тляд., хаш.) > *бийкли* (бежт.). Ср. груз. *биркли*, *биркла*;

протобежт. *херхи > *хорхо* 'пила, напильник' > *хорхо* (хаш.), *хоргъо* (тляд.) → *хойгъо* (бежт.). Ср. груз. *херхи*;

протобежт. *сацери > *лъацери > *лъацар* (тляд., хаш.) → *лъацай* (бежт.) 'сито'. Ср. груз. *сацери*.

По поводу этого звукоперехода Т.Е. Гудава пишет: "...если **р** следует за согласным звуком, то ассимилируется с предшествующим согласным: *окро* > *окйо > *окко* 'золото', *гогра* > *гогйа > > *гогга* 'тыква'" (1979: 51). Этот процесс автор рассматривает как пример фонетического изменения при заимствовании. На самом деле такого изменения, по-видимому, не было: слова в протобежтинском имели формы *окро, *гогра, в которых затем произошел обычный переход **р** в **й** с последующей ассимиляцией (*окйо > *окко*, *гогйа > *гогга*). Здесь этимологическая неточность связана с тем, что хронологический уровень заимствования не был определен.

Хронологизация грузинизмов возможна как по лингвистическим, так и по некоторым экстралингвистическим признакам. Решение проблемы хронологии возможно при учете фонетических процессов как в грузинском, так и в дагестанских языках. В данном случае сведения об истории фонетического развития имеются только по грузинскому языку. И, соответственно, на основе фонетических критериев грузинского языка можно строить предположения о хронологизации грузинизмов, а также установить приблизительное время заимствования. О.И. Виноградова по этому поводу пишет, что "в ряде случаев возникает проблема определения хронологии заимствования. Решение ее основывается обычно на знании относительной и абсолютной хронологии фонетических процессов как в языке-источнике, так и заимствующем языке. В случае наличия сведений об истории фонетического развития хотя бы в одном из языков имеется возможность, во-первых, строить предположения о хронологии заимствования относительно тех или иных процессов этого языка; во-вторых,

абсолютная датировка этих процессов дает и приблизительное время заимствования” (1980: 20).

Отнесение некоторых грузинизмов к древнему или новому периоду возможно по фонетическим признакам. Фонема *хъ* была характерна для древнегрузинского языка. В ряде дагестанских грузинизмов она сохранилась: *венахъи* (тляд.) ‘виноградник’; *тохъи* (бежт.), *толхъи* (цез.), *тохъ* (бацб.), *тохъи* (гунз., гин., анц.) ‘мотыга’; *гатохъна* (бежт.), *гатлухъна* (гин.) ‘прополка’; *мехъре* (бежт., цез., гунз., тив.) ‘слуга’; *сахъри* (бежт., гунз.), *сахър* (тив.) ‘прут, палка’; *хъерхъи* (бежт., гунз.) ‘тактика’, *хъинцири* (бежт.) ‘сорт картофеля’; *дахъуца йовал* ‘истреблять’ (бежт.) < *а(гъ)хъоца* (др.-груз.) ‘уничтожать, истреблять’ (ср. ках. *дахоца*), *гахъурда* (йовал) ‘сильно растопить’ (бежт.) < *гахуреба* ‘раскалить, растопить’; *махъа* (цез.) ‘пшеница’, *хъема* (цез., гин.) ‘дождь’, *хъимайо* (хаш. *хъимаро*) ‘пасмурный’ < *цхъмай* (др.-груз.) ‘дождь’ [лексема *цхъмай* ‘дождь’, как древнегрузинское слово отмечена С.Б. Серебряковым (1962)] и др. Отнесение указанных слов к древнегрузинскому или среднегрузинскому периоду вызывает затруднения, поскольку в оба эти периода *хъ* функционировала в языке, сохраняясь до XIV–XV вв. (Кавтарадзе 1964: 387). Можно лишь сказать, что источником этих заимствований не является современный кахетинский диалект, с которым граничат дагестанские языки, потому что в кахетинском, так же как и в современном литературном грузинском языке, отсутствует фонема *хъ*, хотя она могла быть усвоены и из старокахетинского. В настоящее время эта фонема сохранилась преимущественно в горских диалектах грузинского языка, не соприкасающихся с дагестанскими (Утургаидзе 1966а, 1966б; Чинчараули 1961: 5).

Подтверждением отнесения некоторых грузинизмов к древнему периоду на основе фонетического признака (по фонеме *хъ*) служат и экстралингвистические данные. Появление некоторых терминов земледелия, таких как *тохъи* ‘мотыга’, *венахъи* ‘виноградник’, *гатохъна* ‘прополка’, очевидно, связано с усилением грузинского влияния. Академик И.А. Джавахишвили пишет, что “земледельческое орудие на Северном Кавказе появилось в XII веке, т.е. в пору наиболее интенсивных связей с Грузией” (1930: 232). Слово *тохъи* в данной форме засвидетельствовано в грузинском памятнике XI в., а именно в сочинении Георгия Мтацминдели “Житие Иоанна и Ефимия”. Глагол от слова *тохъи* > *моутохъна* в Грузии встречается еще в памятнике IX в. (Шанидзе 1945: 244). Такая датировка, которая построена на основании комплексного учета как лингвистических, так и экстралингвистических критериев, очевидно, имеет большую достоверность.

Однако в некоторых контактировавших говорах и диалектах дагестанских языков в рассматриваемых заимствованиях представлена фонема *x*: *венахи* (бежт., гуыз.), *тохи* (окт.), *тухи* (бухн.), *тухна* (кус., таш.) 'мотыга' (ср. груз. *тохна* 'мотыжить, мотыжение'); *херхи* (окт.), *мехр* (окт.), *сахре* (окт.), *завакхна* (тив.). Эти слова, по-видимому, проникли в более поздний период из новогрузинского языка, точнее из кахетинского диалекта. К этому следует добавить, что чаще всего она отмечается в тех говорах и диалектах, носители которых живут на территории Грузии, — в октомберском говоре удинского языка, тивийском говоре анцухского диалекта аварского языка. Как известно, тивийцы и октомберские удины появились в Кахетии в конце XIX — начале XX в. И, соответственно, в это время были усвоены слова из грузинского языка. Чем же объяснить тогда тот факт, что в говорах бежтинского языка в одном случае имеем форму *венахъи* (тляд.), а в другом — *венахи* (бежт.) 'виноградник'?

Другим фонетическим признаком, по которому можно установить хронологические рамки грузинизмов, является наличие в заимствованных словах ауслаутного *й*. Как известно, в древнегрузинском языке широко были представлены дифтонги *ай*, *ей*, *ой*, *уй*, а также полугласный *й* (Марр 1925а: 3—4; Дзидзишвили 1960: 138), например: *гемой* 'вкус, наслаждение'; *эзой* 'двор', 'завнавес'; *зомай* 'размер', *окрой* 'золото', *тлuloй* 'полотно, пелена'; *къанай* 'поле, нива'; *эртобай* 'единство, единение' и т.д. В некоторых грузинизмах сохраняется форма слов, типичных для древнегрузинского языка, ср.: *квай*: (др.-груз.) 'камень' > *кывай* (цах.), *цхъмай* (др.-груз.) 'дождь'. По-видимому, они заимствованы в древнегрузинский период. Однако количество таких лексем невелико и в большей части среди них налицо слова с усеченным полугласным. Такое усечение в грузинизмах можно объяснить следующим образом. В истории грузинской фонетики полугласный постепенно исчез, если не слился с другими гласными или же не перешел в родственные согласные. В новогрузинском письме начертание для полугласного звука *й* вышло из употребления (Марр 1925а: 3—4). Далее, видимо, контактировавшие дагестанцы усвоили эти слова повторно — теперь уже из новогрузинского языка без ауслаутного *й*. Вместе с тем объяснить утерю полугласного, например, в бежтинском, гузизбском и некоторых других языках (ср.: *гемо*, *зома*, *окро*, *тлulo*, *къана*, *эртоба*) можно и тем, что для этих языков более характерна открытая двухсложная структура.

Или же в некоторых цахурских грузинизмах, например *самарев* 'котлован' (< *самаре* 'могила'), наращивается элемент *-в*. Известно, что в древнегрузинском языке наблюдалось выпадение

согласных, в том числе и -в в абсолютном конце слова, ср.: *кулав* > *кула* (Дзидзишвили 1960: 150). Возможно, слово *самарев* 'котлован' является праформой, в нем сохранился ауслатный -в; наряду с *й* к древнегрузинским лексемам присоединился и *ав* (Чикобава 1967: 29).

Сохранение в отдельных дагестанских грузинизмах ауслатного *гь-* (ср. бежт. *гьангарши* 'счет, расчет'; гунз. *гьорму* 'яма'), отсутствующего в их современных этимонах (груз. *ангаршиши*, *ормо*), видимо, объясняется тем, что в памятниках XVI–XVIII вв. наблюдалось новое явление – искусственная постановка *гь* перед гласными *е*, *а*, *о* (Кавтарадзе 1964: 384). На основании этого можно предположить, что данные лексемы проникли в восточноцезские языки в XVI–XVIII вв.

Аналогичный согласный *гь* представлен и в некоторых нахских грузинизмах, например: *гьастам* (чеч.), *гьостам* (инг.) 'гвоздь' < *астами* 'скребок'. В оригинальном письменном памятнике грузинского языка "Мученичество Шушаники" Якова Цуртавели эти слова имели формы: *ацт* (чеч.), *аста* (инг.) 'тесло' (Чинчараули 1975: 210–214).

Хронологию некоторых грузинизмов можно установить и на основе морфологического признака. Как известно, в памятниках древнегрузинского языка встречаются имена с суффиксом *-акI//кI* с уменьшительно-ласкательным значением (Мартиросов 1978: 108–120), например: *сенакли* 'домик', *данакли* 'ножик', *члалакли* 'лесистый берег', *цлиндакли* 'носок' и т.д. Большинство имен такого типа, как отмечает М.К. Андроникашвили, с суффиксом *-акI//кI* заимствовано грузинским языком из иранских (1966: 525). Возможно, что многие из них, и в том числе лексема *члала*, – иранского происхождения, но *члалакли* 'роща', зафиксированная и в некоторых дагестанских языках (в удинском – *члаваьг*, оттуда в цахурском *члалаг*), не отмечается с этим суффиксом в среднеперсидском языке. Вот что пишет по этому поводу О.И. Виноградова: "В имевшихся в нашем распоряжении словарях и словниках среднеперсидского языка эта лексема не представлена, ее можно однозначно реконструировать на основании лексемы *чале*, представленной в современном персидском языке: *чале* < *чал-аг 'роща' (1960: 81). Можно предположить, что суффикс *-акI* в древнегрузинском присоединился к персидскому заимствованному слову, затем оно было заимствовано из древнегрузинского староудинским, а оттуда и цахурским языком (в удинском и цахурском произошло усечение исходного гласного, что очень характерно для этих языков, а затем произошла деабруптивизация и далее озвончение исходного согласного: *члалаки* (груз.) > *члалакI* > *члалак* > *члалаг*). По данным Б.Б. Та-

либова (1980: 185), в варташенском и ниджском диалектах вместо абруптива **ч** в настоящее время встречается преруптив **чч**: *ччалаг* – *ччелег* (варт.), *ччаьлаьй* (нидж.). Поэтому данная лексема, на наш взгляд, в удинском и цахурском языках является древним заимствованием из грузинского языка. Однако В.Л. Гужвакин¹ списывает ей общедагестанское происхождение *ччалаг*/*ччалаг*/*ччалай*, цах. рут. *ччалаг* ‘лес, роща’; дарг. *вачлали*, лак. *вацла* ‘лес’, авар. *чалу* ‘бревно’). По его мнению, оно встречается еще в ‘Истории албан’ и заимствовано из старобалбанского языка грузинским (кахетинским и ингилойским диалектами) и азербайджанским (точнее, казахским диалектом – *чала* ‘прибрежный лес, роща, кустарник’) языками (1973: 51).

Аналогично можно объяснить сохранение суф. **-кI** в некоторых других словах, например в аварском: *цундакI* ‘носок’. Во многих дагестанских языках, где наличествует данное заимствование, имеется форма *цунда*, как и в современном грузинском языке. На наш взгляд, в современном аварском языке сохранилась древняя форма с усеченным гласным: др.-груз. *цундакли ‘носок’ > авар. *цундакI*. Однако, по данным О.И. Виноградовой, лексема *цундакли* восходит к армянскому источнику, а из армянского языка она проникла в удинский, из которого, в свою очередь, была заимствована цахурским языком: арм. *цундак* ‘чулок, носок’ > удин., цах. *цундак* (1980: 58).

В староаварском языке имена существительные в номинативе маркировались специальными аффиксами типа **-ав**, **-аб(-йаб)**, **-(н)б** (Микаилов К.Ш. 1987: 162). Соответственно, этими аффиксами оформлялись заимствованные слова, в том числе и из грузинского языка. Ср. *вазиб* (кус.) ‘виноградная лоза’, *багъиб* (кус.) ‘сад’, *клулениб* (кус.) ‘боярышник’, *цунлулиб* (кус.) ‘каштан’; *важийаб* (чад.) ‘виноградная лоза’, *индорийаб* (чад.) ‘индюк’, *клицрийаб* (кус.) ‘большой деревянный сосуд для молока и сыпучих веществ’ и др. По-видимому, эти кусурские и анцухские грузинизмы сохранили в себе древнейшие черты общеварского состояния.

Некоторые удинские и цезские грузинизмы хронологически также можно отнести к более древнему периоду, т.е. к древнегрузинской или среднегрузинской эпохам. Это можно утверждать исходя из того, что наиболее ранние заимствования из грузинского языка в удинском и цезских претерпели большие фонетические изменения, так же как, например, в нахских языках (Алироев 1978: 266). Э. Хауген отмечает, что «на основании фонологической формы слов можно восстановить историческую перспективу процесса заимствования. Предполагается, что ранние заимствования – это наиболее сильно искаженные слова, тогда как

поздние должны стоять гораздо ближе к своим иностранным образцам... Этот принцип представляется в целом разумным, однако он нуждается в ряде оговорок. Во-первых, необходимые признаки отсутствуют в тех словах, которые не содержат "трудных" звуков. Во-вторых, различия между наиболее и наименее искаженными звуками связаны не столько с хронологией, сколько со степенью двуязычия. Поскольку мы лишены возможности проследить судьбу отдельных слов и выражений, начиная с момента их появления, в заимствующем языке, мы вынуждены довольствоваться догадками о факторах, повлиявших на форму каждого из них» (1972: 356).

Сильные фонетические изменения в грузинизмах произошли в речи варташенских и ниджских удинов: *каламани* 'лапти' > *калам*; *кIрамитIи* 'черепица' > *кIирамутIи*//*кIираьмитIи*; *шлами* 'песок' > *ша* (варт.) > *шаиви* 'дрозд' > *ча́чи*; *чIалакли* 'роща' > *чIаьлаьгIи*// *чIалаг*; *дзабри* 'лейка' > *цIапири* (нидж.); *намгали* 'серп' > *маьнкаьл* (варт.) 'инструмент для рубки кустарника, в виде серпа'; *шеша* 'дрова' > *уш* (варт.) (Гукасян 1974). В речи октомберских удинов, где грузинизмы наиболее многочисленны, они во многом приобрели облик слов новогрузинского языка, и это, видимо, объясняется тем, что они находятся на данной территории Грузии более 90 лет и, возможно, произошло повторное (вторичное) заимствование указанных слов, теперь из новогрузинского языка.

В цезских языках также можно выделить грузинизмы, относящиеся к более раннему периоду, например: *цихоли* (цез.) 'дикий, лесной (груша, яблоко)' (ср. груз. *мсхали* 'груша'), *хъема* (цез.) (ср. груз. *цхъмай* < древнегруз.) 'дождь'; *цехтIен* (цез.) 'чердак' (ср. груз. *схвени*); *кIеметIи* (цез.) 'сундук' (ср. груз. *кIидобани*); *гъэру* (гунз.) 'пила' (груз. *херхи*); *шуьнаь* (бежт.) 'могила', *шима* (гунз.) 'могила' (груз. *самаре*). Сравните в других дагестанских языках: *шахв* (чам.) 'лук' < груз. *хахви*, *шалтIами* (тляд.) 'свисток' < *саствена*.

Другим основанием для установления хронологии грузинских заимствований – особенно если речь идет о ярко выраженных культурных словах, – могут оказаться данные исторических наук, т.е. установить примерную хронологию можно, связывая лингвистические факты с экстралингвистическими (проникновение христианства, период расцвета Грузии, период жизни дагестанской диаспоры в Грузии и т.д.).

Некоторые термины земледелия (обработка почвы, виноградарство, сельскохозяйственные культуры, орудия труда и т.д.) и животноводства, на наш взгляд, являются наиболее древними заимствованиями, так как картвелы издревле занимались этим

трудом. И, соответственно, дагестанцы, контактировавшие с грузинами (особенно с кахетинцами), могли заимствовать подобные термины. К таким лексемам можно отнести: *вази* 'виноградная лоза', *венахъи* 'виноградник', *гатохъна* 'прополка', *пурчна* 'очистка лозы от растений', *белтли* 'кусочек земли', *бурдо* 'бура', *минди* 'кукуруза', *гутани* 'плуг', *тохъи* 'мотыга', *сик* 'сик', *легъи* 'инжир', *клитри* 'огурец', *баькли* 'гурт овец', *саконели* 'скот', *гочли* 'поросенок', *иху* 'утка', *члучули* 'цыпленок', *тлетали* 'курочка', *мамали* 'петух'.

Некоторые древнегрузинские слова, связанные с сельским хозяйством, в дагестанских языках сохранили формы древнегрузинского языка-источника, например: *дедали* а) 'самка' б) 'курица', *мамали* 'петух', *тлахи* 'кабан', *сабали* 'веревка', *члади* 'кукурузная лепешка'.

А отдельные грузинизмы удается датировать приблизительно (с точностью до века). Так, М.Р. Гасанов отмечает: "...надо полагать, к периоду экономического и политического усиления Грузии и ее влияния на некоторые районы Дагестана относится и влияние грузинского плуга, как пахотное орудие некоторых народностей Дагестана, как это имело место в других областях Северного Кавказа" (1968а: 118). Академик И.А. Джавахишвили по этому поводу пишет, что «на Северном Кавказе плуг появляется в XII веке, и нет никакого сомнения в том, что чеченцы, ингуши и другие кавказские народы пользовались таким плугом, как грузинский плуг "гутани"» (1930: 232). Термин 'гутани' вошел в грузинскую литературу не ранее X в. (Генко 1930).

Как известно, название плуга имеет общекавказский характер. Так, в кавказской языковой области оно представлено: груз., мегр. *гутани*, сван. *гутан*, абх. *а-кватана*//*а-кватан*, абаз. *кватан*//*а-кватан*, каб. *куэтэниэрхъ*, бацб. *гутан*, инг., чеч. *гуота*, авар., лак., дарг., таб., арч., будух. *кутан*, лезг. *куьтен*, удин. *коьтаьн* цез., гунз., *гутан*, бежт. *готани*//*гутани*. Оно прослеживается и в других языках кавказского ареала: осет. *гутон*//*готон*, балк. *гатон*//*готон*, азерб. *котан*, кумык. *гутан*. И, наконец, встречается в курдском (*котан*), сирийском (*кутан*), турецком (*кутан*).

Вопреки мнению вышеназванных исследователей, Г.А. Климов и А.К. Шагиров отмечают, что "интересующим нас словом обозначается достаточно сложная железная конструкция – так называемый тяжелый плуг, в который обычно впрягаются несколько пар волов и который, следовательно, приспособлен к условиям пахоты на равнине или в речной долине, а не в горах. Естественно полагать, что уже одно это обстоятельство подсказывает, что такой артефакт (как, по-видимому, и его обозначение) должен был возникнуть, во-первых, не ранее начала желез-

ного века и, во-вторых, отнюдь не в горных отрогах Большого или Малого Кавказа. В последней связи необходимо упомянуть, что данные этнографии прямо свидетельствуют об относительном позднем проникновении плуга-кутана в горные районы Кавказа" (1990: 4-5).

В нахские языки, особенно в бацбийский, слово пришло из грузинского в XVI в. (Дешериев 1953: 6), а в цезские проникло не ранее XVII столетия, когда начали укрепляться экономические связи с Кахетией (Климов, Шагиров 1990: 5). Большинство же дагестанских форм слов кутан, вероятно, обязаны азербайджанскому посреднику. Однако это не означает, что в Дагестане отсутствовало земледельческое орудие типа плуга или с появлением "гутани" исконно дагестанское слово было вытеснено. До появления плуга "гутани" и после него бытовало и применяют до сих пор, например у цезов, исконное пахотное орудие, называемое *боъос//бируе* (ср. авар. *пуруц*) 'соха'.

Грузия в XI – начале XIII в. достигает наибольшего могущества. В этот период экономические и другие связи Грузии с Дагестаном становятся наиболее тесными. В период наивысшего экономического и политического подъема Грузинского царства Дидоэтия входила в состав Грузии, а некоторые западные районы Дагестана находились в вассальной зависимости от нее (Гасанов 1968а: 115–116). Надо полагать, что в указанный период началось проникновение большого числа грузинизмов в дагестанские языки.

С усилением торгово-экономических контактов Дагестана и Грузии в XI–XIII вв. можно связать проникновение в некоторые дагестанские языки терминов торгово-экономической сферы. Такими словами, усвоенными в данный период и более позднее время, можно считать следующие: *окро* 'деньги, серебро', *мушталъри* 'покупатель' (< иран.) *абрашун* 'шелк', *совдагар* 'купец' (< иран.), *цфула* 'жребий', *шаури* 'мелкая серебряная монета, пятак', *сазогол* 'запас' (< *сагдзали*).

Термины христианской религии вошли в некоторые цезские языки в период проникновения христианства в Западный Дагестан (XI–XIII вв.). Есть основания допустить, что проникновение элементов христианской религии в Западный Дагестан имело место задолго до V в. (Шихсаидов 1957: 62). Д.М. Атаев пишет, что "начало проникновения христианства в Аварию относится к VIII–X вв., о чем свидетельствуют данные Урадинского могильника, и оно сохранило свои позиции и в первой трети XIV столетия" (1958: 178).

С распространением христианства начали проникать и грузинские личные имена. В наиболее ранних заимствованиях – личных

именах произошли сильные фонетические изменения, например: *Илитлай*//*Гьылитла*, *Гьерекли*, *Тидур* и др. Основное число собственных имен мужчин и женщин усвоено в XIX–XX вв., поэтому они менее подверглись фонетическим изменениям (более подробно см. главу “Классификация грузинских лексических элементов в дагестанских языках”, раздел “Ономастика”).

С периодом “лекианоба” (XVI–XVIII вв.) можно связать проникновение из грузинского языка лексемы *давла* (авар., лак., лезг., цах.) ‘добыча, трофей’ < *давла*//*надавли* (груз. < араб.) ‘добыча (военная)’.

Весьма древними культурно-историческими связями обусловлено наличие таких тематических групп терминов: домашний быт и хозяйственный уклад (например, *къавари* ‘дранка’, *калмали* ‘лапти’, *бацлар* ‘веревка’, *рачло* ‘цепь’, *тони* ‘печь’, *цараки* ‘кирка’, *састлули* ‘подушка’ и др.); некоторые природные явления (*гьайри* ‘воздух’, *жангъи* ‘морось’); названия некоторых металлов (*полади* ‘сталь’, *окро* ‘серебро’); обозначения отдельных социальных явлений (*гелехи* ‘нищий’, *къема* ‘раб, слуга’; *гъала* ‘оброк’).

Как было постулировано выше, давность отдельных грузинизмов можно, вероятно, установить по степени их распространенности. Так, налицо определенное число заимствований, проходящее по ряду цезских, аваро-андо-цезских, дагестанских языков. Некоторые их аналоги отмечаются в западнокавказских и восточнокавказских языках.

Ряд лексических элементов проходит по цезским языкам. К ним относятся:

бурти (бежт., гуыз., цез.), *бурки* (хварш.) ‘мяч’ < груз. *бурти*; *Вели* (бежт., гуыз.), *Вили*//*Вули* (гин.), *Вила* (асах.), *Вулав* (кид.) ‘Грузия, Кахетия’ < *вели* ‘поле, степь’;

зети (бежт., гуыз., гин., цез., хварш.) ‘подсолнечное масло’ < *зети* (ср. удин. *цетл*);

индоври (гин., цез.), *индаври* (гуыз.), *эндаври* (бежт.) ‘индюк’ < *индаури* (ср. чад. *индорийаб*);

къавари (бежт., цез.), *къабари* (гуыз.), *къабар* (гин.) ‘дранка’ < *къавари*;

кларклитли (бежт., гуыз.), *кларкломли* (гин.), *кларкломл* (цез.) ‘грецкий орех с твердой скорлупой’ < *кларклитли*;

мезези (бежт., гуыз., гин.) ‘капризы’ (ср. бежт. *мезлаги*, цез. *мезламо* ‘капризник’) < *мизези* ‘причина’;

хоргъо (тляд.), *хорхо* (хаш.), *хойгъо* (бежт.), *хирих* (гин., цез.), *херех* (хварш.), *гъэру* (гуыз.) ‘пила, напильник’ < *херхи*;

члархали (бежт.), *члархал* (гуыз.), *члархала* (гин., цез.) ‘свекла’ < *члархали*;

člotli (бежт., гунз., гин., цез., хварш.) 'фасоль' / *člotli*
'стручок'.

Число грузинизмов, наличествующих в аваро-андо-цезских языках, сравнительно невелико, и к тому же они преимущественно в основном в контактировавших языках и диалектах.

вази (бежт., гунз., гин., цез.), *вази* (анц.), *вазиб* (кус.), *важийаб* (чад.) 'виноградная лоза' < груз. *вази*;

гелехи (бежт., гунз.) 'нищий', *гелехаб*//*гилихаб* (анц.), *гилихаб* (кус.) 'грязный' < *глехи* 'крестьянин';

сокло//*зокло* (бежт.), *зокло*//*шиклу* (гунз.), *зеклу* (цез.), *жокло* (хварш.), *зокла* (багв.), *секлу* (чам.), *ссиклу* (тинд.), *зкло* (анц.) 'гриб' < *зокло*//*сокло*;

тохъи (бежт., гин., гунз., анц.), *толхъи* (цез.), *тухи* (бухн.), *тухна* (зак., кус., таш.) 'мотыга' < *тохи* (др.-груз. *тохъи*) 'мотыга'.

Среди дагестанских слов, зафиксированных в качестве грузинизмов в языках, принадлежащих разным подгруппам, можно отметить следующие:

аницили (бежт.), *аницели* (гунз.), *ганицил* (гин., цез.), *ганицили* (анц.), *а'ницили* (зак.), *аницилий* (цах.) 'бузина вонючая, зеленник' < груз. *аницли*;

забри (бежт., гунз., лак.), *забру* (гин., цез., зак., кус.) *забр* (тив.), *дзабури* (варт.), *цавптури* (нидж.) 'лейка, воронка' < *дзабри* (ср. чеч. *дзйебар*, чеч. *дзабур*, итум. *дзузам*);

клараматли (бежт.), *клараметли* (гунз.), *клараметли*//*клерметл* (цез.), *клараматли* (гин.), *клерметл* (анц., кус.), *кларемтл* (тив.), *кларамитл* (окт.), *кларамитл* (варт.), *кларамутл* (нидж.), *клараметл* (цах., рут.) 'черепица' < *клараметли* (< греч.);

класри (бежт., гунз., цез.) 'выдолбленная бочка', *класрийаб* (кус.), *класрий*//*класрэ*//*класры* (цах.) 'мера сыпучих веществ' < *класри* 'бочка';

клунули (бежт., гунз.), *клонели* (цез.), *клулениб* (кус.), *клулелай* (цах.д.), *клунилий* (джын.д.) 'боярышник' < *клуNELи*;

тликли (бежт., гунз., гин., цез.), *клитли* (цез.), *тликл* (анц., удин.), *тликли* (цах. д.), *тликлий* (гельм.) 'бурдюк' < *тликли*;

цлипер//*члипер* (бежт.), *цъыбэли* (гунз.), *цабули* (анц.), *цлантур* (тив.), *цлабел*//*цлабил* (цах.), *цлабыл* (цах.д.), *цлабыл*' (гельм.), *цлунули*//*цлунулиб* (кус.), *цлабул* (удин.) 'каштан', *цлабел-гьал* (чам.) 'чина' < *цлабли* 'каштан'.

В дагестанских языках многочисленны заимствования из восточных языков: арабского, иранских и тюркских. Некоторые из них перешли непосредственно из языка-источника, а другие через посредство родственных, сопредельных языков. Языками-по-

средниками для Западного Дагестана явились аварский и грузинский в силу их престижной роли в данном ареале. Опосредованные ориентализмы проникли в разные времена.

Цезы и некоторые другие народности в историческом прошлом не имели прямых контактов с восточными языками, особенно с арабами и представителями ираноязычных стран. Поэтому многие восточные заимствования проникали в основном через посредство родственного аварского языка. Однако выделяются случаи, когда достоверно можно констатировать, что определенная часть слов проникла и через посредство грузинского языка. Подтверждением этому служит тот факт, что в аварском языке многие восточные заимствования представлены в фонетически более измененном облике, чем в грузинском, например: *nlulnlul* (бежт., цез., гуиз., гин.) < *nlulnluli* (груз. < иран.) 'черный перец' (ср. авар. *пилпил*), *биринжи* (бежт., гуиз.) < *бринджи* (груз. < иран.) 'рис' (ср. авар. *пиринчл*), *бали* (бежт., гуиз.) < *бали* (груз. < тюрк.) 'черешня' (ср. авар., цез., анд., гин. *багли*). Или же ряд лексических элементов, отмеченных в грузинском, отсутствует в словарном фонде аварского языка (за исключением анцухского диалекта, контактировавшего с кахетинским диалектом грузинского языка): *мушлару* 'клиент' (бежт. < груз. < иран.), *чардах/чардахли* (цез. < груз. < иран.) 'навес' (ср. авар. *тлокъо*), *багъи* (груз. < тюрк.) 'сад' (ср. авар. *ах*) и др.

Ориентализмы, проникшие из грузинского языка, относятся к разным периодам. Слова иранского происхождения являются более древними по сравнению с арабскими. Иранизмы засвидетельствованы в памятниках древнегрузинской литературы V–XV вв. и принадлежат как к древне-, так и (особенно) к средне- и новоиранской языковой эпохе (Андроникашвили 1966: 521). Иранские элементы в ряде случаев имеют фонетические соответствия в родственных картвельских и кавказских языках. Опосредованными иранизмами в дагестанских языках являются: *ормо* (др.-перс. > груз.) > *гьорму* (гуиз.) 'яма'; *гурдемли* 'наковальня', 'кузнечный мост' (груз. *грдемли* 'наковальня') > *гирдли* (лезг.) 'колода', *гердем* (таб.) 'камень-валун', *гирдым* (цах.) 'глыба', *гердена* (бежт.) 'камень-валун', *кушк* (ср.-перс.) > *клошклу* 'вышка, башня' > *къошклу/клошклу* (бежт.) 'домик'; *харбар* (ср.-перс.) > *хорбали* (груз.) 'пшеница' > *харбули* (бежт.) 'толокно мелкого помола'; *тавак* (ср.-перс.) > *тлабакли* (груз.) > *тлабакло* (цез.), *тлабакли* (анд.) 'поднос' [анцухская и цезские формы слова *тлабакли* 'поднос' заимствованы из грузинского языка, а удинская *тайак* 'корыто' (ср. табас. *тлабакл* 'деревянное блюдо, тарелка'), видимо, проникла через армянский (ср. арм. *тайак* 'сковорода'), в который, в свою очередь, вошла из средне-

персидского (*tānak* 'сковорода'). А первичное иранское происхождение данного слова установлено В.И. Абаевым (1989)]; *гьѣшим*(ак) (ср.-перс.) 'злой' > *эшмакли* (груз.) 'демон, черт' > *эшмакли* (бежт., гунз.) 'черт'; *перѣгъанак* (ср.-перс.) > *пѣрѣгѣни* (груз.) > *пѣранкли* (бежт.) 'рубашка (женская)'; *бѣдиджан* (ср.-перс.) > *бадриджани* (груз.) 'баклажаны'; *пѣлѣд* (н.-перс.) > *полади* (груз.) 'сталь'; *абрѣшом* (ср.-перс.) > *абрешуни* (груз.) 'шелк'; *чогур* (ср.-перс.) > *чонгури* (груз.) 'чонгури (музыкальный инструмент)'; *лѣбийѣ* (ср.-перс.) > *лобио* (груз.) 'фасоль'; *чакѣч* (ср.-перс.) > *чакучи* 'молоток'; *парда* (груз. < иран.) 'занавеска, штора'; *дафтар* (ср.-перс. < греч.) > *дантари* 'тетрадь, книжка'; *кѣзь* (ср.-перс.) > *кохи* 'хижина', *ранде* (перс.) > *ранда* (груз.) 'рубанок'; *камар* (< ср.-перс.) > *камар* (груз.) 'пояс, кушак'; *чангал* (перс.) > *чангали* 'вилы'; *нигози* (иран., араб.) > *нигози* 'ядро грецкого ореха'. Лексему *нигози* 'ядро грецкого ореха' Д.И. Эдельман и Г.А. Климов считают достаточно ранним проникновением в картвельскую языковую основу из иранских и семитских языков (1987: 165).

Формы гунзибского и тлядальского диалекта бежтинского языков *клаба* 'платье' и гинухского *клобой* 'рубашка, платье' заимствованы из грузинского языка, в котором, в свою очередь, имеется лексема *клаба* 'кафтан, платье', усвоенная из среднеперсидского языка – *карах* 'плащ'. Это древнее заимствование следует отличать от более позднего усвоения в дагестанские языки той же самой лексемы, которое, однако, произошло при посредстве арабского языка: араб. *габѣ* 'верхнее платье', рут. *хѣба-чи* 'бурка', авар. *хѣабарча* 'тулуп, шуба', анд. *хѣана*, *хѣапача*, лак. *хѣавачи* 'полушубок' (Виноградова 1980: 78).

Как видно из иллюстраций, грузинские заимствования иранского происхождения в дагестанских языках в основном отражают древнегрузинское состояние, т.е. они стоят ближе к архаичным формам.

Лексемы тюркского происхождения также отмечены в памятниках древнегрузинской литературы начиная с X в. Число опосредованно проникших тюркизмов в контактировавших дагестанских языках сравнительно меньше, чем опосредованных иранизмов. Это, видимо, связано с тем, что дагестанцы имели контакты с кумыками и азербайджанцами (например, с закатальскими и белоканскими). Можно допустить, что определенное количество тюркизмов усвоено из грузинского языка в ранний период. К опосредованным тюркизмам относятся: *кѣавурма* 'жаркое', *архийанат* 'надолго' < *архейнад* 'спокойно' (груз. < тюрк.), *отахи* 'комната' < *отахи* (груз. < тюрк.), *багъи* 'сад' < *багъи*

(груз. < тюрк.), *къаракли* 'сливочное масло' < *кларакли* (груз. < тюрк.), *бей* 'задаток' < *бей* (груз. < тюрк.), *бали* 'черешня' < *бали* (груз. < тюрк.), *албали* 'вишня' < *алубали* (груз. < тюрк.), *шаби* 'квасцы' < *шаби* (груз. < тюрк.).

Налицо определенное число арменизмов, заимствованных из грузинского языка дагестанскими, в частности, цезскими. Хронологически они, как нам представляется, являются более ранними, так как грузинско-армянские языковые контакты исторически были более древними по сравнению с восточными языками. Опосредованными арменизмами в цезских языках являются: *киркитли* 'сорт грецкого ореха с твердой скорлупой' (ср. цах. *къркътит* 'скупой'), *кочли* 'катушка', *вард* (удин., цах., рут.) 'роза' < *варди* (груз. < арм., ср.-перс.), *кlobала* 'палка' (груз. < арм. *кoйал*), *тудж* 'чугун' (груз. < арм. *тудж*), *тлукли* 'бурдюк' (груз. < арм. *тик*), *цinda* 'чулок, носок' (груз. < арм.), *азури* (груз. < арм.) 'кирпич-сырец'. Следует отметить также, что исторически армянский язык служил промежуточным звеном, связывавшим кавказские слова-параллели с иранскими, семитскими и др.

Заимствования из арабского языка в грузинском сравнительно малочисленны и, соответственно, грузинских арабизмов, в частности, в цезских языках немного. Хронологически они относятся к более позднему периоду. Как известно, влияние арабского языка и ислама на Кавказе началось с VII в., а в горах Западного Дагестана ислам как религия закрепился в XIV–XV вв. Арабизмы из грузинского языка проникали примерно с XI в. Опосредованными арабизмами являются: *санлини* 'мыло', *макратли* 'ножницы' (ср. лезг. *мукратл*, крыз., будух. *микратл*, хин. *мукраал* < арм. *мкрат*, а в гин., цез. *мокротли* – из груз. языка; генетический источник – арабский язык), *бамлу/мамлу* 'гусь', *мутака* 'валик для тахты'.

В связи с установлением тесных взаимоотношений в XVIII в. между Россией и Грузией в грузинский язык проникают русизмы, которые в дальнейшем вошли и в отдельные дагестанские, нахские (Дешериев 1953: 338; Алироев 1978: 203) и другие языки. Заимствованные из грузинского языка русизмы имеют ряд фонетических особенностей, которыми они отличаются от русских лексических элементов, усвоенных из языка-источника или посредством других языков, и благодаря этим особенностям их можно выделить в словарном фонде некоторых дагестанских языков как грузинские русизмы:

1) в дагестанских языках выделяется определенное количество русизмов, оформленных формантом **и**, характерным для грузинского номинатива: *халати* 'халат', *картопели* 'картофель', *тлуну* 'тиф', *мошьоькли* 'мешок', *висклози* 'вискоза' и т.д.;

2) в некоторых дагестанских языках под влиянием грузинского появляются смычно-гортанные согласные *пI, тI, кI, чI* вместо взрывных глухих *п, т, к, ч*, имеющих в заимствованных из русского языка лексемах. Эти абруптивы представляют собой следы адаптации русизмов в грузинском языке, они вводят их вместе с соответствующими словами в бежтинский, гунизийский, цезский, цахурский, удинский языки, а также анцухский диалект аварского языка: *кIумпIуст* (анц.), *кIомпIоцмIу* (гунз.), *кIомойтIо* (бежт.) 'капуста'; *авкIоьикIаь* (бежт.) 'окошко', *мIачIкIа/кIа-чIкIа* (бежт., гунз.) 'тачка'; *пIаьлIтIоь* (удин.), *пIалIтIо* (бежт.) 'пальто'; *митIкIали* 'миткаль'; *мIурикIо* 'трусы' < *мIрикIо*; *абашиникI* 'лесничий' (< русск. 'объездчик') и т.д.;

3) для многих дагестанских языков не характерно стечение согласных в начале слова. В таких заимствованных консонантных комплексах русских слов происходят наращения гласных в анлауте или выпадение первого согласного (аферезис). В грузинских русизмах в восточноцезских языках наблюдается процесс выпадения консонантов в анлауте, например: *стIолба* (ках.) 'столб' > *тIолба*, *стIакани* (ках.) 'стакан' > *тIакани* (бежт., гунз., гин.).

Вышерассмотренные грузинизмы, а также заимствования из восточных и других языков, проникшие через грузинское языковое посредство, в основном усвоены контактировавшими дагестанскими языками на первом этапе. Их число невелико по сравнению с заимствованиями, усвоенными на втором этапе языковых контактов. Возможно, многие старые (древние заимствования) грузинизмы на втором этапе приблизились к произносительным нормам новогрузинского языка, т.е. стали звучать как в языке-источнике. Это связано, во-первых, с тем, что контакты стали более тесными, и, во-вторых, увеличилось число дагестанцев, знающих грузинский язык.

Несомненно, в дагестанских языках существует немало древних заимствований из грузинского языка. Всесторонние исследования словарного фонда всех дагестанских языков дадут в этом плане богатый материал.

Наиболее многочисленными и разнообразными в тематическом плане являются грузинизмы, усвоенные дагестанскими языками на втором этапе контактирования (XVIII–XX вв.). Эти прежде всего слова, связанные с новыми общественно-экономическими отношениями, жизнью и бытом контактировавших дагестанских народов. Культурно-исторические связи второго этапа раскрывают такие тематические группы, как общественно-политическая терминология (*гамгеоба* 'правление колхоза', *уплеба* 'власть', *цноба* 'справка'), названия дней недели и месяцев (*кIура*

'воскресенье', *пIараскIеби* 'пятница', *тебервали* 'февраль'; термины, связанные со школой и учебой (*цIигни* 'книга', *омбан* 'азбука', *хаз* 'линия'); названия музыкальных инструментов и танцев (*голо* 'барабан', *чунгури* 'чонгури', *шалахо* 'название танца'); антропонимы (*Лали*, *Натела*, *Манана*, *Хатури*); этнонимы (*оси* 'осетин', *аьчIаьрIаьв* 'аджарец').

В результате изучения хронологии грузинских лексических элементов в дагестанских языках выяснилось, что выявленные слова принадлежат как к древне-, так и к средне- и (особенно) к новогрузинской языковой эпохе. Однако некоторые древнейшие грузинские элементы не следует рассматривать как простые заимствования: они составляют органическую часть контактировавших дагестанских языков, входя в основное ядро его лексики. Многие грузинские лексические элементы в ряде случаев имеют даже фонетические соответствия в родственных и неродственных языках Кавказа. Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что грузинизмы усваивались и другими языками до и после дифференциации общекартвельского языка.

Глава V

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ГРУЗИНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Одним из основных аспектов межъязыковых контактов является вопрос о фонетико-морфологическом и семантическом освоении заимствованной лексики.

Помимо тематической и структурно-грамматической классификации заимствований большое внимание в подобных исследованиях отводится вопросу освоения иноязычных слов языком-рецептором. В научной литературе мнения исследователей по этому вопросу разноречивы. Для передачи понятия "освоение" употребляются многочисленные названия, такие как "аккомодация", "ассимиляция", "адаптация", "уподобление", "проникновение", "укоренение", "подравнивание" и др. Термин "освоение", на наш взгляд, является наиболее распространенным и широкоупотребительным, и он будет использован нами в работе. Под освоением понимается фонетическая, грамматическая, а также лексико-семантическая адаптация иноязычных слов, т.е. приспособление заимствований к фонетическим, морфологическим и лексико-семантическим нормам языка-реципиента.

Детальный анализ заимствованной грузинской лексики в дагестанских языках даст возможность сделать широкие, обстоятельные выводы фонетико-морфологического характера. Однако, как отмечает И.Ю. Алироев, "при фонетико-морфологическом анализе заимствованной лексики необходимо учитывать уровень исследования рассматриваемых языков, особенно в его исторической части. Сегодня мы можем говорить о фонетико-морфологическом облике рассматриваемых лексем, исходя в основном из их современной формы, не имея возможности делать глубокие исторические экскурсы из-за отсутствия письменных памятников" (1978: 199).

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

Фонетическое освоение освещается почти в каждой работе, посвященной заимствованиям. Однако в литературе до сих пор нет единого взгляда на этот вопрос. Так, ряд исследователей считает фонетическое приспособление иноязычных слов к нормам заимствующего языка необязательным явлением. Например, Л.П. Крысин указывает на то, что в современном русском языке существуют и широкоупотребительны слова с нехарактерными для русского произношения фонетическими чертами — *фланг*, *джем* и т.д. (1968: 25). Ю.С. Сорокин также считает, что «фонетическое приспособление к нормам заимствующего языка является не обязательным условием закрепления слова в языке, гораздо важнее не сам факт полной ассимиляции звукового облика и формы слова, а признак устойчивости, единообразия и нормализации этой формы» (1965: 62).

В данной работе под фонетическим освоением мы понимаем максимальное приближение звуковой оболочки лексемы грузинского (или другого иноязычного) происхождения к звуковой оболочке исконных лексем дагестанских языков. Это значит, что грузинские слова произносятся целиком в своей материальной звуковой оболочке, адаптируясь к фонетической системе заимствующего (бежтинского, гунизбского, гинухского, цезского, цахурского, рутульского, удинского, а также анцухского диалекта аварского) языка. Фонетические преобразования грузинизмов заключаются прежде всего в замене неприемлемых звуков наиболее близкими им по качеству звуками дагестанских языков.

В отличие от заимствований из русского и восточных языков, грузинизмы в некоторых дагестанских языках имеют ряд фонетических особенностей, которыми они отличаются от исконных лексем, и благодаря этим критериям их можно выделить в словарном фонде дагестанских языков как грузинизмы.

1. Много слов грузинского происхождения (или иноязычного, проникших посредством грузинского языка) в бежтинском, гунизбском и гинухском языках представлено с ауслатным и, характерным для грузинского номинатива: *борк'лоли* 'пути', *Вели* 'Грузия', *т'лук'ли* 'бурдюк', *г'вайри* 'воздух', *бурти* 'мяч', *саст'лули* 'подушка', *к'ларамат'ли* 'черепица', *к'лоч'ли* 'катушка', *к'лац'лахи* 'скорлупа'.

2. Как известно, для фонетической системы многих дагестанских языков не характерны комплексы гласных. В ряде грузинизмов в интервокальной позиции наблюдаются вставки согласных в, й для устранения хиатуса: *лобий'йо* 'фасоль' < *лобио*, *ч'лий'а* 'кра-

ситель', *члийанари* (бежт.) < *члианери*, *кьавурма* 'жаркое' < *кьаурма* 'рагу'.

3. В удинском и цезских языках, а также в анцухском диалекте аварского языка словами грузинского происхождения могут считаться лексемы с абруптивом пI: *пIаитIа* 'вишневая груша', *пIуапIули* 'перец', *гьуапIу* 'пузо', *пIерези* 'шпагат', *пIаапIу* 'бабочка', *пIаапIо* 'пальто', *пIаркIу* 'шелкопряд'.

4. В грузинизмах (как и в словах восточного и русского происхождения) в консонантных комплексах, не характерных для многих дагестанских языков, происходят вставки гласных (*кьема* 'раб' < *кьма*, *цIаапIури* 'лейка' < *дзabri*, *гелехи* 'крестьянин, нищий' < *гIехи* и т.д.) или выпадение согласных в этих комплексах (*чочхала* 'чурчхела' < *чурчхела*, *чIевари* 'охотничья собака' < *мчIевари*, *жангъи* 'изморось' < *жангъли*) или оба эти процесса наблюдаются в словах одновременно (*цIинили* 'маринад' < *мцIинили*, *цихоли* 'дикая груша' < *мсхали*).

5. Своеобразие заимствованных грузинских лексических элементов проявляется и в том, как в них реализуются необычные для дагестанских языков нетождественные консонантные комплексы, т.е. в некоторых языках, как, например, в удинском, восточноцезских, анцухском диалекте аварского языка, в начале и середине слова встречаются комплексы, не характерные для этих языков: *ицIл* – *гIаицIли* (тив.) 'бузина' < *аицIли*, *рчи* – *пурчна* (бежт.) 'прополка' < *пурчвна*, *хвл* – *хвликI* (удин.) 'ящерица' < *ихвликIли*, *рицх* – *парцIха* (бежт., гуиз.) 'борона' < *парцIхи*.

6. В восточноцезских языках, а также анцухском диалекте аварского языка в сложных глаголах, где первый основной смысловый компонент грузинского происхождения, представлено -а – окончание исходной грузинской основы: *дагъунIа йовал* 'портить' < *дагъунIва*, *гацарца бува* 'ограбить' < *гадзарцIва* и др. Аналогичным образом в цезских сложных глаголах выделяется аварский суффикс инфинитива -зи, заимствованный вместе со словами аварского языка. Ср.: *тIубази йовал* 'выполнить' (анц. *тIубази*, лит. авар. *тIубазе*), *хIаапIузи ахъа* 'работать' (анц. *хIаапIузи*, лит. авар. *хIаапIузе*).

Фонетическое освоение грузинских лексических элементов – это многогранное, сложное явление. Закрепившись, они начинают функционировать как исконные элементы заимствующего языка, т.е. подчиняются всем действующим фонетическим законам языка-реципиента, в том числе меняется место и характер ударения в заимствованиях. А это обусловлено различием в акцентологии контактирующих языков.

Грузинские заимствования в дагестанских языках можно разделить на две группы: 1) заимствования, не подвергающиеся фо-

нетическим изменениям; 2) заимствования, подвергающиеся фонетическим изменениям. Грузинизмы, не подвергающиеся фонетическим изменениям, в свою очередь, делятся на две группы: а) слова, употребляемые с семантическими видоизменениями; б) слова, употребляемые без семантических изменений. Подробно будут рассмотрены ниже, в разделе "Лексическое освоение [грузинизмов]".

Лексемы, употребляемые без фонетических видоизменений, сравнительно малочисленны. Это в основном двухсложные слова, сохранившие свою исконную звуковую оболочку в языке-реципиенте. К таким грузинизмам относятся: *гоми* 'яма', *зома* 'размер', *лампа* 'потолок', *садгъобели* 'кувшин для варки фасоли', *клула* 'деревянный ковш', *чланлани* 'веревка', *тохи* 'мотыга', *пипри* 'омела', *дени* 'ток'.

Основная масса грузинизмов – это слова, подвергшиеся фонетическим изменениям. Фонетические преобразования в грузинских лексических элементах заключаются прежде всего в замене неприемлемых звуков наиболее близкими им по качеству звуками в дагестанских языках, а также в разного рода чередованиях, наращении, выпадении, упрощениях, утрате и других фонетических процессах.

Фонемы и соответствия им в разных языках не одинаковы. Даже фонемы, имеющие в разных языках сходные дифференциальные признаки, нельзя считать идентичными, так как они являются элементами различных фонологических систем и участвуют в различных фонологических оппозициях. Поэтому иногда звуки, имеющие якобы точное соответствие в другом языке, могут подвергаться неожиданным изменениям, или же в их передаче могут наблюдаться колебания. Так, фонетические системы (система вокализма и консонантизма) грузинского и дагестанских языков отличаются друг от друга.

При сопоставлении системы вокализма грузинского с системой вокализма цезских, удинского, цахурского, рутульского, аварского языков можно увидеть следующую картину. В грузинском языке различаются пять гласных фонем (а, и, е, у, о). Все они простые, однако ни долгих, ни смягченных (умлаутированных), ни носовых (назализованных) грузинский язык не имеет. В отдельных диалектах представлены смягченные *оь*, *уь* (например, в ингилойском), и то под влиянием соседнего азербайджанского языка. Бедность гласных очевидна. А в дагестанских языках иная картина. В области гласных можно отметить наличие, так же как и в грузинском, пяти простых гласных, далее наличие фарингализованных (цезский, хваршинский, гинухский, цахурский, удинский, рутульский) – *aI*, *oI*, *yI*, *eI*, *iI*, *yI*; назализо-

ванных (хваршинский, бежтинский, гунзибский) – а^н, о^н, у^н, и^н, ы^н, е^н; умлаутированных (бежтинский, цезский, удинский, рутульский, цахурский) – аь, оь, уь; умлаутированно-назализованных (бежтинский) – аь^н, оь^н, уь^н; долгих (бежтинский, гунзибский, цезский, гинухский, хваршинский, цахурский) – а̄, о̄, ӯ, ӣ, ы̄, е̄. В этих языках долгими могут быть назализованные, умлаутированные гласные); наличие гласного среднего ряда верхнего подъема ы (гунзибский, инхокваринский диалект хваршинского языка, рутульский, цахурский); наличие гласного э – среднего ряда среднего подъема в гунзибском; наличие в гунзибском нелабиализованного о(á); наличие в гинухском лабиализованного ъ, наличие в цахурском глоттизованного ыь.

По своим консонантным системам грузинский и дагестанские языки, имея много общих черт, отличаются наличием специфических согласных.

В литературном грузинском языке различаются 28 согласных, образующих парные и троичные ряды. Парные ряды состоят из спирантов, троичные – из смычных согласных (простых и аффрикат). Парных рядов три: с, з; ш, ж; х, гь; в каждой паре глухой коррелирует со звонким. Троичных рядов пять: 1) б, п, пI; 2) д, т, тI; 3) дз, ц, цI; 4) дж, ч, чI; 5) г, к, кI; в каждом представлены: звонкий, глухой и смычногортанный (или абруптив). Всего в этих рядах пять абруптивов: пI, тI, цI, чI, кI. Имеется также фарингальный абруптив хь, который наличествовал в древнегрузинском языке, а ныне сохранился в ряде диалектов: хевсурском, пшавском, тушинском, мтиульском, мохевском и др. Налицо и ларингальный гь в современном грузинском языке. Стечением согласных резче подчеркивается роль согласных в фонетической структуре слова вообще. Стечения двух, трех, четырех и даже более консонантов в слове – характерное явление грузинского языка, они чаще всего встречаются в начале и внутри, но не в конце слова.

В дагестанских языках (цезских, рутульском, удинском, цахурском, а также в анцухском и закатальском диалектах аварского) различаются от 34 до 50 согласных, которые также образуют парные, троичные и даже четвертичные ряды. Парные ряды состоят из спирантов, троичные – из смычных согласных, однако не все из вышеуказанных троичных рядов представлены в дагестанских языках, например: дз, з, цI и дж, ч, чI являются ущербными, так как фонемы дз, дж отсутствуют в цезских языках. В цахурском, наряду с характерными для всех языков троичными рядами, налицо и четвертичные ряды, отсутствующие не только в грузинском, но и во многих дагестанских языках: 1) б, п, пп, пI; 2) д, т, тт, тI; 3) дж, ч, чч, чI; 4) г, к, кк, кI; в каждой группе имеется звонкий, глухой, преруптив и абруптив.

Отличительными особенностями дагестанской консонантной системы от грузинской являются: наличие фарингальных (**гI, хI**) и латеральных (**лI, лъ, лълъ, къ**) согласных в аварском и цезских языках, а в анцухском диалекте аварского языка — еще **кыI** (пятый латерал); наличие губно-губного и среднеязычного **й**; наличие глухого спиранта **ф** в рутульском и удинском; наличие лабиализованных согласных в цахурском, аваро-андийских и некоторых цезских языках (**гъв, кв, кIв, къв, тв, хв, хъв, гв** и т.д.); наличие геминированных, усиленных, а также непридыхательных согласных в аварском и цахурском (**кк, шш, хх, хъхъ, чч**); наличие в цахурском и некоторых цезских и анцухском диалекте заднеязычного спиранта **хъ**, увулярного **хъ** и в рутульском — фарингального смычного **къг**, ларингального **ъ** (почти во всех языках), альвеолярных аффрикат и звонких спирантов (**джъ, чъ, жъ**) и глухих (**чIъ, шъ**). Если сравнить по количественному составу консонантизм грузинского и контактировавших дагестанских языков, то наблюдаем такую картину: в грузинском 28 — в цезских по 34 (не считая лабиализованных в собственно цезском, гинухском и хваршинском). В грузинском отсутствуют в(**w**), **лI, къ, лъ, хъ, й, гI, хI, ь**, а в цезских нет в(**v**), **дз, дж**; эквивалентными оказались 25 фонем. В цахурском — 39 согласных фонем, не считая лабиализованных (в грузинском не представлены **пп, в, тт, сс, чч, шш, й, кк, гг, хъ, хъхъ, хъ, хх, ь**, а в цахурском отсутствует губно-зубной **в**, характерный для грузинского языка; эквивалентными из 39 цахурских и 28 грузинских согласных оказались 27). В удинском 36 согласных; специфичными для грузинского языка являются: **в, ф, джъ, чъ, чIъ, жъ, шъ, й, хъ**; а для удинского — губно-зубной **в**. Эквивалентными из 36 удинских и 28 грузинских оказались также 27 согласных. Чем же объяснить, что грузинский язык, относящийся к иберийско-кавказской семье, не имеет целого ряда гласных и согласных, характерных для многих дагестанских, в том числе и кавказских языков? Видимо, здесь разные причины. По мнению Г.С. Ахвледиани (1960: 173–176), это произошло под воздействием осетинского языка на грузинский (*resp.* картвельские).

Однако и среди эквивалентных согласных с точки зрения фонологии как по месту, так и по способу образования не все одинаковы. В результате сопоставления гласных и согласных выясняется, что грузинский вокализм и консонантизм в дагестанских языках подвергается изменениям. А отсутствующие согласные в грузинизмах заменяются наиболее близкими звуками дагестанских языков. Например, губно-зубной в(**v**) заменяется губно-губным в(**w**), звонкие аффрикаты **дз, дж** в цезских замещаются звонкими спирантами **з, ж**, а в тех дагестанских языках, где имеются

дз, дж, в грузинизмах они сохраняются; или же в бежтинском говоре в грузинизмах сонорный р переходит в й, так как для бежтинского говора наиболее частотным является й, в отличие от хашархотинского и тлядальского говоров, в которых р более употребителен.

Как было отмечено выше, в современном грузинском языке отсутствует среднеязычный глухой спирант й; в дагестанских грузинизмах в интервокальной позиции появляется й или в.

Гласные звуки в анлауте в дагестанских языках произносятся с твердым приступом (т.е. ларингальным согласным ъ) или фарингальным гІ. Данному закону подчиняются и слова, заимствованные из грузинского языка, например: *атлами* 'персик' > *ъатлами*, *анцли* 'бузина' > *ъанцли*, *ганцли*; *эо* 'двор' > *ъэзо*, *ъэзу*; *аківани* 'люлька' > *ъаківани*, *ъак'кло*; *убани* 'квартал, участок' > *ъуба*, *ъубани* и т.д. (начальный ъ в дагестанских транскрипциях обычно не обозначается). Эти и другие фонетические процессы, происходящие в дагестанских грузинизмах, более подробно будут рассмотрены ниже.

ВОКАЛИЗМ

В области вокализма здесь встречаются субституция (чередование) гласных в корне, усечение ауслатных гласных в слове (апокопа), выпадение инлаутных гласных (синкопа), вставки гласных в инлаутных консонантных комплексах (протеза), вставки гласных в анлаутных консонантных комплексах, умлаутизация, фарингализация, назализация, уподобление (гармония) гласных, диссимилиация, редукция (исчезновение гласных звуков).

СУБСТИТУЦИЯ (ЧЕРЕДОВАНИЕ) ГЛАСНЫХ В КОРНЕ

Одним из распространенных и многообразных фонетических процессов в области вокализма в грузинских лексических элементах является чередование гласных в корне. Наблюдается около 40 случаев чередования гласных, особенно многочисленны они с гласным и, который дает 10 типов субституции, далее – с гласными а, е – по 9 типов, с гласными о и у, соответственно, 5 и 2 типа.

а – á: *аклеми* 'верблюд' > *áкламо* (гунз.), *баба* (дет.) 'хлеб' > *бáбá* (гунз.), *абрешун* 'шелк' > *гáбрáшун* (гунз.) 'шелковые нитки', *мчлади* 'кукурузная лепешка' > *чáде* (гунз.), *члархали* 'свекла, бурак' > *члáрхал* (гунз.).

а - и: *астлами* 'скребок' > *истлами* (цах.д.) 'скребок для теста', *бидза* 'дядя' > *бизи* (анц.) – обращение к старшему брату, *геджа* 'чан' > *геджий* (цах.) 'корыто, выдолбленное из цельного дерева', *ццицлакля* 'стручковый перец' > *ццицлакли* (гин., цез.), *ба-ли* 'черешня' > *били* (анц.).

а - ай: *даггъла* 'утомиться, устать'; 'утомление' (бежт., гуыз.) 'сонный'.

а - о: *дампгали* 'гнилой, прелый' > *домпголи* (цез.) 'неуклюжий человек', *зантили* 'ленивый человек' > *зонтли* (бежт.) 'тяжеловесный человек'; *индаури* 'индюк' > *индоври* (гин., цез.), *индорийаб* (чад.); *клатха* 'деревянный бокал' > *клатхо* (бежт., гуыз.), *клатхо* (гуыз.), *клатло* (гин.) 'деревянная чашка'; *маклаттели* 'ножницы' > *мокротли* (гин., цез.), *кала* 'дочь, девушка' > *кало* (гуыз.) 'грузинка' (гуыз. *кало*, может быть, и застывшая форма вокатива) и др.

а - у: *макгъвали* 'ожина, ежевика' > *мукгъали* (цах.д.).

а - э: *макгъвали* 'ожина, ежевика' > *мэгъвалий* (цах. в азерб.).

е - а: *абрешуни* 'шелк' > *абрашули* (бежт.), *абрашун* (гин., цез.), *абрашум* (удин.); *аклеми* 'верблюд' > *акламо* (бежт.), *акламо* (гуыз.); *беджитад* 'прилежно, усердно' > *беджитра* (цах.), *лаквни* 'щенок' > *лаквни* (цах.), *гареули* 'дикий, чужой' > *гаравли* (бежт.) 'чужие дети'.

е - о: *брткгъели* (диал. *прткгъели*) 'плоский' > *птергголи* (бежт.) 'плоский круглый камень для игры'; *икеште* 'веселье, компания' > *икейто* (бежт., гуыз.).

е - у: *вели* 'поле, степь' > *Вули* (гин.) 'Грузия', *джибе* 'карман' > *жибу* (цез.), *имеди* 'неуважение' > *умуд* (гуыз., удин.), *клуNELI* 'боярышник' > *клунули* (бежт.).

е - и: *вели* 'поле, степь' > *Вила* (асах.) 'Грузия', *зедадгари* 'треножник, таган' > *зидадгари* (бежт., гуыз.), *клуNELI* 'боярышник' > *клунилий* (джын.), *плережи* 'шпагат' > *плирижи* (гуыз.), *ге-мо* 'вкус' > *гиму* (цез.), *архейнад* 'спокойно' > *архийанат* (бежт.) 'надолго'.

е - аь: *некли* 'мизинец' > *наькли* (бежт.), *немси* 'иголка' > *наьпичи* (бежт.), *симггери* 'мурлыканье' > *симггъарий* (цах.) 'пение'.

е - ай: *некли* 'мизинец' > *накли* (гуыз.), *абрешуни* 'шелк' > *глабрашун* (гуыз.) 'шелковая нить'.

е - э: *уреми* 'арба' > *ырэми* (гуыз.), *херхи* 'пила' > *гьэру* (гуыз.).

е - ы: *симггери* 'мурлыканье' > *симггъарий* (цах.) 'пение, мурлыканье'.

и ~ о: *аклеми* 'верблюд' > *акламо* (бежт.), *акламо* (гунз.), *бургџи* 'бурав' > *бургџо* (бежт.) 'сверло', *кали* 'дочь, девушка' > *кало* (гунз.) 'грузинка' (в груз. *кало* – звательная форма).

и ~ е: *гъели* 'перевал' > *гъеле* (окт.), *заки* 'буйволенок' > *заке* (гунз.), *мори* 'бревно' > *море* (бежт., гунз.), *китли* 'большая разливательная ложка' > *кетле* (бежт.) 'деревянная ложка', *куди* 'шапка' > *коде* (хварш.) 'волосы', *к'рамитли* 'черепица' > *к'раметли* (гунз.), *питли* 'соты (без меда)' > *петли* (бежт.), *индаури* 'индюк' > *эндаври* (бежт.).

и ~ у: *багълинджо* 'клоп' > *балгъунжа* (бежт.); *дзабри* 'лейка, воронка' > *забру* (гин., цез.), *дзабури* (варт.); *ихви* 'утка' > *иху* (бежт., гунз.), *ихурахъ* (цез.); *к'рамитли* 'черепица' > *к'ирамитли* (тив., удин.), *легъви* 'инжир' > *легъу* (сарус.), *ц'или* 'жребий' > *цула* (бежт., гунз.), *швинди* 'кизил' > *шудди* (бежт.), *шунди* (гин.).

и ~ а: *ц'или* 'жребий' > *цула* (бежт., гунз.), *к'луди* 'хвост' > *к'луда* (цах.) 'кончик, зад'; *к'рамитли* 'черепица' > *к'ирамитли* (удин.), *балиши* 'подушка' > *балиша* (тляд.).

и ~ аь: *вели* 'поле, степь' > *Вулаь* (кид.) 'Грузия', *ц'инда* 'носок, чулок' > *ц'авндай* (цах.).

и ~ ы: *питливи* 'легкие' > *пыртли* (гунз.), *шиби* (*сунли*) 'скользкий' > *сынли* (гунз.) 'каменная плита'.

и ~ и: *цикъви* 'белка' > *цикъ* (окт.).

и ~ ә: *бибило* 'гребень петуха' > *бәбәл* (цах.).

о ~ а: *багълинджо* 'клоп' > *балгъунжа* (бежт.), *гемо* 'вкус' > *гема* (анц.), *лохи* 'грязь' > *лахи* (бежт.) 'мусор, грязь'.

о ~ у: *гатохвна* 'прополка' > *гатлухвна* (гин.), *гемо* 'вкус' > *гиму* (цез.); *готани* 'плуг' > *гутани* (гунз.), *гочли* 'поросенок' > *гучли* (гин., цез.), *гъвино* 'вино' > *гъвину* (анц.), *кочори* 'хохол, чуб; гребень' > *кучури* (бежт.) 'чуб', *гучур* (анц.); *сантони* 'мыло' > *санлуни* (бежт., тив.), *эзо* 'двор' > *эзу* (гунз.). Много случаев взаимозамены **о ~ у** в древнегрузинском литературном языке отмечает И.И. Кавтарадзе (1964 : 391).

о ~ ы: *потоли* 'лист дерева' > *пыталай* (цах.) 'вид лианы', *сантони* 'мыло' > *санлын* (мышл.).

о ~ ә: *сантони* 'мыло' > *санлән* (цах.д.).

у ~ о: *букли* 'труба, рожок' > *бокI* (цах.), *куди* 'шапка' > *коде* (хварш.) 'волосы'.

у ~ ы: *уреми* 'арба' > *ырәми* (гунз.), *п'ури* 'хлеб' > *п'ыри* (рут.) 'пирог'.

Рассматривая слова греческого и латинского происхождения в современном английском языке по характеру отношения основной формы к парадигме греческих и латинских прототипов, О.Б. Шахрай делит их на два основных класса: на неусеченные (т.е. сохраняющие конечный элемент, который этимологически представляет собой греческое или латинское окончание) и усеченные (т.е. соотносимые с основами, но не сохраняющие окончаний) (1961: 56). Далее он отмечает, что "деление грецизмов и латинизмов на неусеченные и усеченные прежде всего отражает различие в степени морфологического освоения слов: усеченные слова полностью освоены с точки зрения морфологического оформления, неусеченные – недоосвоены" (1961: 57). Аналогично грузинизмы можно делить на неусеченные и усеченные. Рассмотрим более подробно усеченные основы.

В грузинских заимствованиях в некоторых контактировавших дагестанских языках происходит усечение исходной основы (т.е. ауслаутных вокалов). Для бежтинских грузинизмов усечение менее характерно, так как по закону полногласия многие исконные и заимствованные слова оканчиваются на гласный. Отмечено два-три случая усечения гласного: *бадриджани* 'баклажаны' > *бадрижан* (бежт.), *къамири* 'целина' > *къамар* (тляд.), *къамай* (бежт.) 'липкий глинозем красноватого цвета', *пиплпипли* 'перец' > *пиплпил* (бежт.). Аналогичное явление в бацбийских многосложных словах отмечено Ю.Д. Дешериевым (1953: 24).

В грузинском языке во многих словах окончанием номинатива чаще всего выступает флексия *и*. В дагестанских грузинизмах происходит усечение исходного *и*. В качестве флексии номинатива в грузинском выступают и гласные *а, е, о*, которые также усекаются при заимствовании. Из более 50 грузинизмов с усеченными гласными более 40 лексем – это слова с гласным *и*, а на ауслаутные *а, е, о* приходится по одному или два слова.

Аналогичные случаи усечения исходной части слова наблюдаются и в некоторых нахских языках, в частности в кистинском говоре чеченского (Имнайшвили Д.С. 1959: 245) (*сунр* 'стол' < *супра*, *пипроб* 'условие' < *пипроба*) и бацбийском (Дешериев 1953: 13) (*чпракI* 'коптилка' < *чпраки*, *цлут* 'секунда' < *цлутуи*) языках.

Сравните случаи усечения гласных в дагестанских грузинизмах:

и: в удинском: *адли* 'метр' > *адл*, *ангаришии* 'счет, расчет; считать' > *ангариши*, *андази* 'поговорка' > *андаз*, *архи* 'канал' > *арх*, *астлами* 'скребок' > *астлам*, *бери* 'монах' > *бер*, *болокли* 'редь-

ка' > болокл, варди 'роза' > вард, годори 'корзина' > гора, гъан-
 дзили 'черемша' > гъанзил/гъандзил, джачлви 'цепь' > джачлв,
 махати 'большая игла' > махатл (нидж.), мачлари 'молодое/бро-
 дящее вино' > мачлар (варт.) 'виноградный сок', бурдюк > бур-
 дюк > тликл (варт.); в цахурском: балахи 'травы', балгъами 'гной' > былгъам, бирдабири 'поперечная пи-
 ла' > гирдабил, букли 'труба, рожок' > бокл, деревани 'коридор' >
 > даранан, члуккъи 'грязь' > члуккъ; в анцухском: тликли
 'бурдюк' > тликл, мачлари 'молодое бродящее вино' > мачлар,
 атлами 'персик' > глатлам, балиши 'подушка' > балиши, члархали
 'свекла, бурак' > члархъал; в гунизбском: члархали 'свекла, бу-
 рак' > члархал, бацлари 'веревка' > бацлар, бадриджани 'бакла-
 жаны' > бадрижан 'помидор'.

а: анклар 'уж' > анклар (окт.), цлицлаклана 'срывание' > чли-
 чликлан.

е: дире 'бревно' > тир (цах.), мебагъе 'садовник' > мебагъ
 (окт.).

о: гилаво 'залог' > гилав (окт.), таразо 'балансир' > тараз
 (тив.).

Выпадение ауслатных гласных происходит в цахурском, удинском и анцухском диалекте, так как для этих языков наиболее характерным является закрытый тип слога. В цахурском это проявляется более четко. В тех случаях, когда гласные не усекаются, к ауслату наращиваются согласные, например: таразо 'балансир', 'ватерпас' > терезуг (об этом более подробно см. ниже раздел о наращении консонантов в исходной части слова. Однако не во всех грузинизмах происходит усечение: клула 'узкогорлый сосуд для питья вина' > клула (цах.) 'деревянный ковш', нара 'баранта, отара' > бара (цах.) 'отара маточного поголовья при доении', 'место доения'; рукла 'карта' > рука (окт.).

ВЫПАДЕНИЕ ИНЛАУТНЫХ ГЛАСНЫХ (СИНКОПА)

В ряде грузинизмов налицо синкопа – выпадение инлаутных гласных а, е, и, о, у. Выпадение гласных наблюдается в тех случаях, когда в лексемах имеется стечение гласных. Вместе с тем оно происходит в многосложных словах. Как известно, во многих дагестанских языках в именах существительных около 60% составляют двухсложные слова, 25% – односложные и только 14% – трехсложные (Бокарев 1967б: 405, 421, 438, 456, 473). В бежтинском, гунизбском, цезском и анцухском диалекте четырехсложные грузинизмы становятся трехсложными, трехсложные – двухсложными, причем наиболее частотны случаи перехода трехсложных в двухсложные. Ср.:

– четырехсложные: *алубали* ‘вишня’ > *албали* (бежт.); *аугариши* ‘счет, расчет, считать’ > *аугариши* (бежт.), *ангариши* (цез.) ‘счет, расчет’; *каламани* ‘лапти кавказские’ > *калмани* (бежт./гунз.), *хеивани* ‘виноградная лоза на деревьях’, ‘аллея’ > *хеивани* (бежт., гунз., тив.).

– трехсложные: *гьадари* ‘горящие угли с золой’ > *гьадари* (бежт.), *мэвале* ‘полевой сторож’ > *мевли* (бежт., гунз.) ‘сельский сторож полей’, *цџурбела* ‘пиявка’ > *цџрубел* (тив.).

Иногда четырехсложные грузинские этимоны в дагестанских языках становятся двухсложными, пятисложные – трехсложными, трехсложные – односложными, т.е. происходит выпадение одновременно двух слогов или усечение гласного в слове: *каламани* ‘лапти кавказские’ > *калбан* (сарус.), *калман* (тив.); *хеивани* ‘виноградная лоза на деревьях’ > *хеван* (удин.); *меурнеоба* ‘хозяйство’ > *мерноба* (чантл., тив., сарус.); *гаруджва* ‘опалить’ > *гардж* (цах.) ‘лучина’.

ВСТАВКИ ГЛАСНЫХ В АНЛАУТНЫХ И ИНЛАУТНЫХ КОНСОНАНТНЫХ КОМПЛЕКСАХ (ПРОТЕЗА)

Стечение согласных, особенно в начальной позиции, является в значительной степени нехарактерной особенностью контактировавших дагестанских языков. Оно не допускается и в иноязычных словах, в частности в грузинизмах. Лишь изредка можно встретить консонантные комплексы в слове, и при этом один из согласных является чаще всего сонорным или полугласным, например: *бечни* (цез.) ‘колени’, *кџуркџач* (хварш.) ‘ящерица’, *мигьна* (бежт.) ‘птица’. Стечение согласных возникает также на стыке морфем в исконных словах: при образовании форм множественного числа, при образовании падежных форм и при глагольном формообразовании. Аналогичные случаи образования консонантных комплексов налицо в цахурском, рутульском и удинском языках.

Значительная часть слов с консонантными комплексами заимствована из грузинского языка. В одних случаях сохраняются комплексы (если один из согласных сонорный), в других случаях происходят вставки гласных. А в анлаутных комплексах эти вставки регулярны.

– вставки гласных в анлаутных комплексах: *бринджи* ‘рис’ > *биринжи* (бежт., гунз., гин.) ‘рис, плов’; *квай* ‘камень’ > *кывай* (цах.), *кларамати* ‘черепица’ > *кларамати* (бежт.), *клараметли* (гунз.), *клерметли/клараметли* (цез.), *климартли/клараматли* (гин.), *клерметли* (анц.), *клираьмитли/клирамутли* (удин.); *кџрухи* ‘на-

седка' > *клулухи* (бежт.) 'курытник, домик', *клурухи* (гунз.) 'наседка'; *цкьаро* 'родник' > *цакьарай* (цах.), *цнцли* 'маринад' > *цинили* (бежт., гунз., гин.) 'квашеная капуста', *тирико* 'женские трусы' > *тирикло* (бежт.) 'трусы', *къма* 'крепостной' > *къема* (бежт.) 'слуга, раб', *клиави* 'слива' > *килийавли* (гунз.), *клавари* (бежт.), *килай* (тив.); *ткьемали* 'дикая алыча' > *тинкчи* (бежт.), *тыкьемали/тыкьамали* (гунз.), *чкьантли* 'болото' > *чикьантли* (бежт., гунз.); *дзмари* 'уксус' > *зумари* (сарус.), *зимари* (гунз.); *схвени* 'чердак' > *цухани* (бежт.), *чухени* (сарус.), *цухен* (тив.), *сухени* (гунз.); *гlexи* 'крестьянин' > *гелехи* (бежт., гунз.).

– вставки гласных в инлаутных комплексах: *цурбела* 'пиявка' > *цुरुемели* (чад.), *цигни* 'книга' > *чеген* (цез.) 'религиозная книга', *цабли* 'каштан' > *цупер/члупер* (бежт.), *цыпэли* (гунз.), *цабел/цабиал/цабыл/цабыл'* (цах.), *цанлур* (тив.), *цабули* (анц.), *цабул* (удин.); *аницли* 'бузина вонючая' > *аницили* (бежт.), *аницели* (гунз.), *ганицил* (гин., цез.), *аницил* (зак.) *аницилил* (цах.); *архейнад* 'спокойно' > *архийанат* (бежт.) 'надолго'; *дзabri* 'лейка' > *дзабури* (варт.), *цаьнлур* (нидж.); *клатха* 'деревянный бокал (чашка)' > *клатлохо* (гунз.).

Отмечен единичный случай, когда в консонантном комплексе в анлауте не происходит вставки гласного. Здесь появляется гласный перед консонантным комплексом: *иштопи* 'стеклянная посуда емкостью 10–20 литров' > *иштопи* (чантл., сарус., тив.).

В 20 анлаутных консонантных комплексах в 13 случаях один из согласных является сонорным – л, р, м, н, а в остальных налицо стечение разных согласных: **гьвд, тĭкъ, чĭкъ, схв, бз, кв, цĭкъ**. В девяти разных инлаутных комплексах в восьми случаях встречается сонорный, а только в одном представлен комплекс **сх** без участия сонорного.

Аналогичные вставки гласных налицо и в осетинских грузинизмах (Абаев 1949: 526–528; Ахвледиани 1960: 177). По мнению Г.С. Ахвледиани, первоначально и картвельские языки избегали стечения согласных (на современном уровне, например, для занского языка характерно полногласие), однако это не касалось гармонических комплексов децессивного порядка.

УМЛАУТИЗАЦИЯ

Смягченные (умлаутированные) гласные отмечаются в фонетической системе бежтинского, удинского и цахурского языков. Умлаутированными являются гласные **а, о, у**. Если коснуться коротко генезиса этих гласных, то можно отметить, что в бежтинском они являются, возможно, вторичными, так как среди цез-

ских языков только в бежтинском имеются умлауты, а в самом цезском представлен **аь**, и то в немногих лексемах. В удийском они появились в результате долгих и интенсивных контактов с азербайджанским языком до XVIII в. (Гукасян 1973: 23). В удийском языке немало лексем азербайджанского происхождения с умлаутированными гласными. Как отмечает Е.Ф. Джейранишвили, "в удийском языке бытуют смягченные гласные, образованные путем перегласовки, метафонии (**аь**, **оь**, **уь**), они наблюдаются во всех позициях слова рядом со всевозможными согласными и употребляются в собственных и, преимущественно, заимствованных словах" (1971: 277–278).

Во многих грузинизмах обычные простые гласные умлаутируются: **а** → **аь**, **о** → **оь**, **у** → **уь**.

а → **аь**: *Aчлара* 'Аджария' > *аьчлаьраьв* (бежт.) 'аджарец', *баба* (дет.), 'хлеб' > *баьбаь* (бежт.), *бакли* 'загон' > *баькли* (бежт.) 'гурт овец'; *лали* 'рубин', 'женское имя' > *лаьли* (варт.) 'люлька, колыбель'; *масала* 'материал' > *маьсаьла* (удин.), *мачлари* 'молодое бродящее вино' > *маьчлаьри* (бежт., удин.); *парда* 'занавеска, штора, гардина' > *паьрдаь* (удин.) 'занавеска'; *чамча* 'половник' > *чаьмчаь* (удин.); *члала/члалакли* 'кустарник, роща' > *члаьлаьг* (удин.), *макьвали* 'ежевика' > *мыкьваьлий* (гельм.); *абеишкли* (ках.) 'лесничий, лесник' > *аьбаьшникл* (бежт.); *дана* 'нож' > *даьнаь* (бежт.) 'большой нож'. Здесь следует различать те случаи, где умлаут автоматический (при шипящих) или неизвестного происхождения.

о → **оь**: *мошокли* 'мешок' > *моьшоькли* (бежт.).

у → **уь**: *лула* 'ствол ружья' > *луьла* (удин.), *гьуьраьв* (бежт.); *тунги* 'медный кувшин для воды' > *туьнг* (удин.).

Налицо случаи с двумя, тремя разными умлаутами в одной лексеме: *аклошкля* 'окошко' > *аьклоьшкляьв* (бежт.), *гунда* 'круглый кусок теста' > *гуьндаь* (удин.), *дургари* 'плотник' > *дуьргарьв* (окт.), *кура* 'печь для обжига кирпича, извести' > *куьраьв* (варт.) 'печь для выпечки хлеба', *кьудала* 'кувшин' > *куьдаьл* (бежт.), *ламбаки* 'стеклянная посуда для фруктов' > *лаьмбаьку* (удин.), *мужомагари* 'услугение, прислуживание' > *муьжоьмаьгаьри* (бежт.), *мутака* 'валик для дивана' > *муьтаька* (удин.), *палтло* 'пальто' > *плаьлтлоь* (удин.), *чакучи* 'молоток' > *чаькучь* (удин.), *шушаманди* 'застекленная веранда' > *шуьшаьмаьнди* (бежт.), *шуьшаьмаьнд* (удин.).

ФАРИНГАЛИЗАЦИЯ

В отдельных дагестанских языках представлены так называемые фарингализованные фонемы. Некоторые исследователи (Е.А. Бокарев, Е.Ф. Джейранишвили, К.Ш. Микаилов) сводят

фарингализацию к природе гласных, а другие (И.В. Мегрелидзе, Э.А. Ломтадзе, Д.С. Имнайшвили, Ш.Г. Гвавриндашвили, А.А. Магометов, Г.Х. Ибрагимов) – к природе согласных. Третьи (А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов) отмечают, что фарингализация носит слоговой характер, т.е. фарингализованным становится соседние согласный и гласный. Мы в работе придерживаемся мнения первой группы исследователей и считаем, что фарингализованными являются гласные.

В контактировавших дагестанских языках фарингализованные гласные (**aI, oI, yI, iI, eI, yI**) представлены в цахурском и цезском языках. В усвоенных из грузинского языка лексемах в указанных языках простые гласные фарингализуются: **a → aI, o → oI, y → yI, и/ы → yI, e → eI, э/и → эI**. Например:

a → aI: *бали* 'черешня' > *balai* (цез.), *нави* 'лодка' > *nave* (цах.) 'желоб, выдолбленный из дерева для водопоя'; *аицли* 'бузина вонючая' > *aiñcilij* (цах.), *мамаци* 'храбрый' > *maimic* (цах.) 'трус'; **y → yI**: *члукъки* 'грязь' > *çluc̥k̥* (цах.), *цлугъба* 'чувяки' > *çluc̥g̥eb̥a* (цах.); **o → oI**: *тохи* (др.-груз. *тохъи*) 'мотыга' > *tox̥i* (цез.); **e → eI**: *цлугъба* 'чувяки' > *çluc̥g̥eb̥a* (цах.); **и → yI(/əI)**: *бибило* 'гребень петуха' > *bybyl̥l/bəlbəl* (цах.).

НАЗАЛИЗАЦИЯ

Отмечены единичные случаи назализации гласных в грузинизмах (**a → aⁿ, e → eⁿ**): *аклвани* 'люлька, колыбель' > *aⁿkl̥o* (бежт.), *кера* 'блондин' > *keⁿç'aⁿ* (бежт.) 'волосы', *эзо* 'двор' > *əⁿz̥u* (гунз.). Ср. также груз. *бадриджани* 'баклажаны' > *бадрижаⁿ* (чам.).

УПОДОБЛЕНИЕ

Одним из способов уподобления является гармония гласных. Различаются прогрессивная и регрессивная гармония, причем первая преобладает над второй. Уподоблению подвергается один из гласных трехсложных слов, находящийся в соседстве с уподобляющим гласным. Однако можно отметить случаи, когда наблюдается полная гармония гласных в слове.

Прогрессивная гармония:

e – и → e – e: *гъели* 'перевал' > *g̥ele* (окт.), *херхи* 'пила', *херех* (хварш.) 'пила, напильник';

a – e → a – a: *аклеми* 'верблюд' > *акламо* (бежт.), *гареули* 'дикий, чужой' > *гаравли* (бежт.) 'чужие дети', *абрешуни* 'шелк' > *абрашули* (бежт.); *начлери* 'отрез, кусок; участок; ломтик' > *начлари* (бежт.) 'отрез, лоскуток'; *парехи* 'хлев' > *парахи*

(бежт., гунз.) 'кошара'; сабели 'веревка' > сабали (бежт.) 'толстая веревка', *члианери* 'пунцовый цвет' > *члийанари* (бежт.) 'краситель';

и - а → и - и: *бидза* 'дядя' > *бизи* (анц.) обращение к старшему брату, *биркла* 'репейник' > *биркли* (хаш.), *бийкли* (бежт., гунз.), *бойклоли* (бежт.) 'путы';

о - а → о - о: *отахи* 'комната' > *отохи* (гин., цез.);

а - и → а - а: *дабари* 'вскопанный участок' > *дабара* (гин., цез., гунз.) 'вскопанный участок', *дабара* (бежт.) 'вскопанный участок; веранда';

у - и → у - о (частичная): *бургъи* 'бурав' > *бургъо* (бежт.) 'сверло';

у - е → у - у: *клунали* 'боярышник' > *клунули* (бежт.), *уреми* 'арба' > *уруми* (бежт.);

у - е → о - о (частичная): *пучечи* 'кукурузные стебли' > *почоци/попочи* (бежт.);

о - е → о - о: *сомехи* 'армянин' > *сомохи/цомохи* (бежт., гунз.).

Регрессивная гармония:

е - и → и - и: *зедадгари* 'треножник, таган' > *зидадгари* (бежт., гунз.), *пирежи* 'шпагат' > *пиржи* (гунз.), *херхи* 'пила' > *хирих* (гин., цез.);

е - у → у - у: *мэгзури* 'проводник' > *мугзури* (бежт.) 'коротышка', *мугзур* (сарус.) 'дети';

е - а → а - а: *дедали* 'курица, самка' > *дадал* (цах., удин.) 'петух', *чурчхела* 'чурчхела' > *чочхала* (бежт.), *церакви* 'кирка большая' > *цараки* (бежт., гунз.);

е - ви → оь - о (< ви): *лекъви* 'щенок' > *л'оькло* (кус.) 'собака';

а - и → и - и: *бали* 'черешня' > *били* (тив.);

и - е → е - е: *кисери* 'шея' > *кесери* (гунз.) 'толстая шея', *мизези* 'причина' > *мезези* (бежт., гунз., гин.), *мезез* (тив.) 'капризы';

7) о - а → а - а: *клоцлахи* 'горький, кислый' > *клацлахи* (бежт., гунз., гин., цез.) 'скорлупа';

о - у → у - у: *чонгури* 'чонгури' > *чунгури* (цез.).

ДИССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

В некоторых грузинизмах наблюдаются случаи диссимилиации гласных – прогрессивной и регрессивной, где наиболее распространенной является последняя. В основном расподобление гласных налицо в цезских грузинизмах (зафиксировано около 10 типов диссимилиации).

Регрессивная диссимилиация:

- а - а → и - а: *klaklali* 'орех' > *klaklal* (лезг.) 'грецкий орех';
и - и → ы - и: *pirtblvi* 'легкие' > *pytblvi* (гунз.), *sytblvi* (ках.)
'скользящий' > *sytblvi* (гунз.) 'каменная плита';
и - и → у - и: *shindil/shivindi* 'кизил' > *shudil/shivudi* (бежт.,
гин.);
и - и → е - и: *nitli* 'соты (без меда)' > *netli* (бежт.);
е - и → у - и: *veli* 'поле, степь' > *Vuli* (гин.) 'Грузия'.

Прогрессивная диссимилиация:

- е - е → е - о: *ikeine* 'веселье, компания' > *ikeino* (бежт., сарус.);
а - а → а - и: *chichakla* 'стручковый перец' > *chichakli* (гин.).

РЕДУКЦИЯ

Исчезновение гласных звуков в слове наблюдается в тивийских грузинизмах в результате перехода ударения с одного слога на другой, гласный предударного слога редуцируется. Как известно, в новогрузинском языке в двух- и трехсложных словах ударение падает на начальный слог. В тивийском говоре анцухского диалекта в грузинизмах в основном ударение падает на второй слог от начала слова, и, соответственно, предударные гласные редуцируются. Ср.: а) *бали* 'черешня' > *бли* (тив.), *сокло* 'гриб' > *зкло* (тив.); б) *балиша* 'подушка' > *блиш(и)*, *сапантли* 'дробь' > *цпантл(и)*, *цламали* 'лекарство' > *цлмал(и)* 'лекарство, порох'.

КОНСОНАНТИЗМ

В области консонантизма для дагестанских грузинизмов характерны: субституция сонорных, смычных, аффрикат и спирантов; наращение **гI** к гласному анлаута слова; наращение согласных к ауслауту слова, вставки согласных, выпадение согласных, переход губно-зубного **в** в губно-губной **в**, переходы гласных в полугласные, абруптивизация, дезабруптивизация, аффрикатизация, дезаффрикатизация, спирантизация, ротацизм, оглушение, палатализация, перерождение, геминация, ассимиляция, диссимилиация, метатеза.

СУБСТИТУЦИЯ

Чередование согласных (сонорных, спирантов, аффрикат и смычных) – довольно распространенное явление в грузинских лексических элементах в дагестанских языках. Оно было характерно для древнегрузинского языка, наблюдается и в диалектах но-

вогрузинского языка (Дзидзишвили 1960: 146; Кавтарадзе 1964: 146; Чикобава 1967: 29).

Как отмечает И.И. Кавтарадзе, "имеется много фактов изменения звукового состава слова. Изменение происходит не на почве фонетических закономерностей, его обуславливает акустическое восприятие слова в общем процессе коартикуляции" (1964: 390).

Изменение звукового состава реализуется рядом разновидностей. В одних случаях наблюдаются взаимозамены согласных, близких по артикуляции, в других случаях – взаимозамены согласных, различных по артикуляции. Остановимся подробно на субституции согласных в грузинизмах.

Субституция сонорных консонантов

Зафиксированы следующие виды чередования: **н** → **л**, **н** → **м**, **л** → **р**, **л** → **м**, **р** → **л**, **р** → **н**. Как видно из приведенного перечня, в грузинизмах отсутствует чередование **м** с другими сонорными. Один из типов (**н** → **л**) был характерен и для древнегрузинского языка, и его И.И. Кавтарадзе называет исторической заменой в древнегрузинском (1964: 390). Ср.:

н → **л**: *абрешуни* 'шелк' > *абрешули* (бежт.) 'шелковые нитки', *каламани* 'лапти кавказские' > *калмали* (бежт., гуыз.), *симинди* 'кукуруза' > *симилди* (бежт., цез.); *шинди* 'кизил' > *шилди* (гин.), *шулди* (бежт.);

н → **м**: *клдобани* 'сундук' > *клдлум* (тив.);

л → **р**: *цлабли* 'каштан' > *цлпер/члпер* (бежт.), *цланур* (тив.); *талгами* 'репа, редька' > *таргам* (чам.); *квамли/кломли* 'дым, двор' > *кломрий* (цах.) 'густой дым, чад', *кломри* (сарус.) 'клуб дыма'; *састумали* 'подушка' > *састури* (гин.); *каламани* 'лапти кавказские' > *карман* (тив.);

л → **м**: *цили* 'гнида' > *цима* (бежт.), *пилпили* 'черный перец' > *пилпил* (удин.) а) 'стручковый перец', б) 'черный перец';

р → **л**: *бирдабири* 'поперечная пила' > *гирдабил* (гельм.), *клурухи* а) 'наседка', б) название птицы > *клулухи* (бежт.) 'курятник, домик';

р → **н**: *гъирицли* – название растения > *гъинцили* (бежт.), *гъаницил* (гин.); *клочлори* 'хромой' > *клочлуний* (цах.) 'искривление'.

Субституция спирантов

Отмечены следующие виды чередования спирантов: альвеолярный глухой **ш** переходит в зубной глухой **с** и наоборот, увулярный глухой **х** переходит в фарингальный глухой **х1**; увуляр-

ный глухой **х** переходит в ларингальный глухой **гъ**; увулярный звонкий **гъ** переходит в увулярный глухой **х** и наоборот; зубной глухой **с** переходит в латеральный глухой **лъ**; зубной звонкий **з** переходит в альвеолярный звонкий **ж**, и наоборот. Звонкие **с/з > ж > сс > ш**. Рассмотрим эти звукоперемены конкретнее:

ш → **с**: *klotloции* мед. 'банка' > *klotlocи* (бежт.) 'пустоголовый человек', *тепиши* 'тарелка' > *тепси* (бежт.);

с → **ш**: *самаре* 'могила' > *шимар* (гунз.) 'кладбище', *шуьнаь* (бежт.); *саствени* 'свисток' > *шаатлами* (тляд.), *кломбостло* 'капуста' > *кфумуитли* (тив.);

х → **хI**: *чардахи* 'навес' > *чардахли* (цез.) 'веранда';

х → **гъ**: *херхи* 'пила' > *гъэру* (гунз.);

гъ → **х**: *тлусагъи* 'узник, заключенный' > *тлусахи* (гунз.) 'тюрьма';

х → **гъ**: *хахви* 'лук' > *хагъу* (бежт.), *хагъу* (гунз.); *херхи* 'пила' > *хойгъо* (бежт.);

с → **лъ**: *сацери* 'сито' > *лъацар* (тляд.), *лъацай* (бежт.);

з → **ж**: *вази* 'виноградная лоза' > *важийаб* (чад), *гашинза* 'обследование' > *гашинжа* (тив.);

ж → **з**: *плережи* 'шпагат' > *плерези* (бежт.);

с ~ з ~ ж ~ сс ~ ш: *сокло* 'гриб' > *сокло/зокло* (бежт.), *зокло/шиклу* (гунз.), *зеклу* (гин.), *зиклу* (цез.), *жокло* (хварш.), *зокла* (багв.), *секлу* (чам.), *ссеклу* (тинд.), *зкло* (тив.).

Субституция аффрикат

Представлены следующие типы чередования аффрикат: зубной звонкий **дз** переходит в зубной придыхательный **ц**; смычногортанный увулярный **къ** переходит в несмычногортанный увулярный **хъ**; зубной смычногортанный **цI** переходит в альвеолярный смычногортанный **чI** и наоборот; зубной несмычногортанный **ц** переходит в несмычногортанный альвеолярный **ч**. Например:

дз → **ц**: *гадзарцва* 'ограбить, ограбление' > *гацарса йовал* (бежт.), *гацарца бува* (гунз.) 'ограбить';

къ → **хъ**: *къазахи а* 'крестьянин', б) 'казак' > *хъазахъ* (бежт., гунз., гин., цез., авар.) 'грузин', *лакъе* 'тухлое' > *лахъ* (окт.), *лахъна* (цах.);

цI → **чI**: *къацли* 'бурдюк' > *къачли* (сарус.), *къачла* (лак.); *мцлевари* 'борзая собака' > *члевари* (бежт.) а) 'охотничья собака', б) *перен.* 'крикун', *члевари* (цез.) 'плакса'; *цабли* 'каштан' > *члипер* (бежт.); *цициклана* 'срывание' > *чличиклан* (окт.);

чI → **цI**: *члика* 'стакан' > *цлика* (бежт.) 'стекло, зеркало',
цликай (гин.) а) 'стекло', б) 'зеркало';

ц → **ч**: *пицхи* 'вспыльчивый человек' > *пичхи* (сарус.).

Субституция смычных: **к** → **г**, **д** → **т**, **т** → **к**, **б** → **г**: *кочори* 'хол, чуб, гребень' > *гочори/гучур* (анц.) 'чуб'; *дире* 'бревно' > *тире* (кус.), *тир* (цах.); *бурти* 'мяч, шар' > *бурки* 'мяч'; *бирдабири* 'поперечная пила' > *гирдабил* (гельм.).

Взаимозамена согласных, близких по артикуляции. Часты факты взаимозамены переднеязычных согласных, близких по артикуляции: губной смычный **б** заменяется губным сонорным **м** и наоборот; звонкий **б** – глухим **п** и наоборот, сонорный **м** – смычно-гортанным **пI**, губно-зубной **в** – губно-губным **б** и наоборот. Ср.:

б → **м**: *батIи* 'гусь' > *матIи* (гин., цез.), *бухари* 'камин', *мухари* (цез.) 'дымоход', *джибе* 'карман' > *жими* (сарус.);

м → **б**: *каламани* 'лапти кавказские' > *калбан* (сарус.), *цурбела* 'пиявка' > *цуремели* (чад.).

б → **п**: *машараби* 'кислый фруктовый сок для приправы; томатный соус' > *машарати* (бежт., гуыз.) 'томатный сок'; *цлабли* 'каштан' > *цытэли* (гуыз.), *цIперI/чIпер* (бежт.); *цебо* 'клей' > *целу* (гин.);

п → **б**: *пара* 'баранта, отара' > *бара* (цах.) 'отара маточно-го поголовья при доении; место доения'; *пучечи* 'кукурузные стебли' > *бочоч* (тив.); *тепиши* 'тарелка' > *тебиши* (чад.), *топи* 'ружье' > *туби* (хварш.).

м → **пI**: *немси* 'иголка' > *наьпIчи* (бежт.).

в → **б**: *вепхи* 'леопард' > *бепхи* (бежт.), *бевхи* (гуыз.); *къавари* 'дранка' > *къабари* (гин.), *къабар* (сарус.); *кIовзи* [ср. в лечхумском диалекте грузинского языка представлена форма *кIобзи*, в отличие от литературного грузинского языка (Алавидзе 1955: 13)] 'ложка металлическая' > *кIобзи* (бежт.), *кIобз* (тив.); *несви* 'дыня' > *небси* (тив.).

б → **в**: *клаклаби* 'куропатка' > *клаклав* (окт.).

В отличие от древнегрузинского языка, в дагестанских грузинизмах взаимозамены согласных, различных по артикуляции, не наблюдается, да и в древнегрузинском такие взаимозамены встречаются также очень редко (Кавтарадзе 1964: 391).

НАРАЩЕНИЕ **гI** К ГЛАСНОМУ АНЛАУТА СЛОВА

В некоторых грузинизмах на дагестанской почве происходит процесс наращения согласного **гI**. Например: *аицIли* 'бузина вонючая' > *гIаицIли* (гин., цез.), *гIаицIли* (анц.); *атиами* 'персик' >

> *glamli* (гуnz.), *glam* (анц.); *абрешуни* 'шелк' > *гкбрэшун* (гуnz.) 'шелковая нить'; *ормо* 'яма' > *гормо* (тив.) 'омут'.

Появление фарингального *gI* в указанных грузинизмах можно, видимо, объяснить следующим образом. Как было отмечено выше, в дагестанских языках гласные звуки в аялауте произносятся с твердым приступом (ларингальным согласным *ʔ*). В этих словах, подчиняясь данному закону, появился *ʔ*, и затем он мог перейти в фарингальный *gI*.

НАРАЩЕНИЕ СОГЛАСНЫХ К АУСЛАУТУ СЛОВА

К заимствованным лексическим элементам наращиваются согласные: в цахурских грузинизмах – *й, в, гь, г* (*й* – чаще, *а в, гь, г* – реже); в удинских – *в*; в цезских и гинухских – *й*; в анцухских – *р*; в гунизбских и бежтинских – *-ур// -ри*.

Ср. цахурские грузинизмы с ауслаутными наращениями: *туши* 'тушинец' > *туший*; *тикли* 'бурдюк' > *тиклий*; *хавси* 'мох' > *хавсий*; *цикьви* 'белка' > *цикьвий*; *цихе* 'крепость, тюрма' > *цихей//цихий//цехей*; *шеше* 'дрова' > *шешей*; *бакли* 'загон' > *баклий* 'овцеводческая ферма'; *ботли* 'козел' > *ботлий*; *класри* 'бочка' > *класрий* 'мера сыпучих веществ'; *лаквн* 'щенок' > *лаквий*; *мачлари* 'молодое бродящее вино' > *мачларий*; *нигози* 'ядро ореха' > *нигозий* 'ореховая халва' и др. Сравните аналогичное наращение *й* в цезских языках: *члика* 'стакан' > *чликай* (гин.), *чликай* (цез.) 'стекло, зеркало'; *цфинда* 'носок, чулок' > *цфинтай* (цез.); *мамали* 'самец, петух' > *мамалай* (цез.).

Чем же объяснить наращение *й* в конце слова? Для некоторых диалектов цахурского и цезского языков в конце слова характерен закрытый тип слога, поэтому во многих заимствованиях или усекается ауслаутный гласный (например: *бирдабири* 'поперечная пила' > *гирдабил* (цах.), *дерепани* 'коридор' > *дарепан*, *чустли* 'тапочки' > *чуст* 'туфля'; *нави* 'лодка' > *налв* 'желоб, выдолбленный из дерева для водооя', *мамаци* 'храбрый' > *малмыц*; 'трус', *члугьeba* 'чуваки' > *члугьeлp*, *дире* 'бревно' > *тир* и др.), или к конечному гласному добавляются согласные *-й*, а также *-г* (*таразо* 'балансир' > *терезуг* (цах.)), *-гь* (*дазга* 'станок' > цах. *дезгагь*), *-в* (*ингило* 'ингилоец' > цах. *йенгилав*). Появление ауслаутного *й* во многих грузинизмах, видимо, можно объяснить как аналогию остаточному элементу окаменелого классного показателя, сохраняющемуся в исконных словах, характерному для многих дагестанских языков. Однако думается, что пока нет достаточных оснований отказываться от другой версии: *й* в них представляет собой элемент фонетики древнегрузинского обли-

ка слова, заимствованного вместе с лексемами в этот период. Маркировка номинатива была характерна для периода грузинско-занского единства (Климов 1962: 29–31). В период сильного влияния грузинского языка на некоторые дагестанские языки, возможно, произошла маркировка именительного падежа по аналогии с древнегрузинским. Исторически для грузинского языка был характерен закрытый тип слога, как и для цахурского, поэтому наряду с другими согласными и в грузинском присоединяли й к концу слова (Чикобава 1967: 29). Отдельные цахурские грузинизмы заимствованы из древнегрузинского языка, в них сохранился элемент й, например: *квай* (др.-груз.) 'камень' > *кывай* (цах.).

Вместе с тем из цахурского языка, представленного на территории Азербайджана, закатальско-кахские говоры азербайджанского языка заимствовали грузинизмы с элементом й: *гочли* 'поросенок' > *гочлий* (цах.) > *гочлий* (зак.-ках.); *макъвали* 'ожина, ежевика' > *макъвли* (гельм.), *мэвли* (цах.) > *мэвли* (зак.-ках.); *мачлари* 'молодое бродящее вино' > *мачларий* (цах.) > *мачларий* (зак.-ках.).

В отдельных цахурских и удинских заимствованиях (*самаре* 'могила' > цах. *самарев* 'котлован'; *ингило* 'ингилоец' > цах. *йенгилав*) наращивается элемент -в, который, видимо, является остаточным элементом классного показателя, сохранившимся в настоящее время в аваро-андо-цезских языках. Или же можно допустить, что -в в них – остаточный элемент множественного числа -еб(и) (ауслаутный и выпал, затем б перешел в в): *самаре* 'могила' – *самареби* 'могилы' > цах. *самареби > *самареб > *самарев* 'котлован'.

В ойкониме *Телави* "Телави" в гунзибском, гинухском и бежтинском языках появляются элементы -ур (гунз.) *Телавур*, -ри (бежт., гин.) *Телаври*. Здесь представлен усвоенный из грузинского языка ойконим (астионим) с грузинским суффиксом прилагательного -ур: *Телави* "Телави" > *телавури* 'телавский' > *Телавур* (гунз.) > *Телаври* (бежт., гин.). В первом случае произошло усечение ауслаутного и, а во втором – выпал гласный у. Ср. бацб. *тушури* 'тушинский' (в целом для цезских топообъектов суф. -ур// -ри не характерен). Другой бежтинский астионим – *Лагадухъ* 'Лагодехи' – представлен в форме местного падежа.

Остальные наращенные согласные – г (*таразо* 'ватерпас, балансир' > цах. *терезуг*), -гь (*дезга* 'станок' > цах. *дезгагь*), -р (*ранда* 'рубанок' > тив. *ландар* – трудно объяснить на современном уровне грузинского и дагестанских языков).

ВСТАВКИ СОГЛАСНЫХ

Как известно, для дагестанских языков не характерно стечение гласных, потому в грузинских заимствованиях между гласными появляются согласные *в, й*. Йотация происходит в вокалических комплексах, в которых стечения начинаются гласным *в* или *о*, а вставка полугласного *в* – в местах стечения гласных *а, у*. Напр.: *лобио* 'фасоль' > *лобийо* (бежт., гунз.) 'фасоль, фасолевый суп'; *члиапери* 'пунцовый цвет' > *члийапери* (бежт.), *члийа* (бежт.) 'краситель'; *клиави* 'слива' > *килийаври* (гунз.), *кѡаурма* 'рагу' > *кѡавурма* (бежт., гунз.) 'жаркое'. Аналогичные вставки наблюдались и в среднегрузинский период. В качестве вставного элемента часто выступал сонант в дря устранения хиатуса: *хатлаети* > *хатлавети* 'Китай' (Кавтарадзе 1964: 390).

В инлаутной позиции вставляются согласные *д, кІ*, которые требуют объяснения. Ср.: *саканела* 'качели' > *сакандела* (бежт.), *тІани* 'тело' > *тІанкІий* (цах.) 'тело, корзина'.

ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Для большинства дагестанских языков не характерно стечение согласных, т.е. они избегают консонантных комплексов. Такие комплексы встречаются в грузинских этимонах в анлауте и инлауте слова. Для их устранения используются разные способы: появление гласных среди согласных (см. "Вставки гласных"), выпадение согласных в стечениях разной позиции, выпадение одного из сходных звуков, выпадение в слове одного из двух одинаковых согласных.

Афerezис (выпадение согласных в начале слова)

Данный процесс встречается довольно часто. Например, из двух и более начальных согласных в слове регулярно выпадает первый: *мдевари* 'преследователь' > *девари* (бежт.), *мгѡебари* 'красильщик' > *гѡебари* (бежт., цез.) 'красильщик; неряха'; *мтели* 'целое' > *тели* (бежт.), *телли* (гунз.) 'много'; *мхали* 'овощное блюдо' > *хали* (бежт., гунз.) 'лебеда, блюдо из лебеды', *мчІади* 'кукурузная лепешка' > *чІади* (цезск., окт.), *чІади* (гунз.); *мѡевари* 'борзая собака' > *чІевари* (бежт.) 'охотничья собака', *чІевари* (цез.) 'плакса'; *тхили* 'лесной орех' > *хили* (бежт.) 'арахис', *хили* (гунз.) 'фундук'; *шІами* 'песок' > *лами* (чантл., сарус., окт.), *стІакани* (ках.) 'стакан' > *тІакани* (бежт., гунз.), *стІолба* (ках.) 'столб' > *тІолба* (бежт., гунз.) (ср. груз. лит. *тІолба*) и т.д. В приведенных лексемах чаще всего усекается анлаутный *м*, реже – *с, т, ш*.

По поводу этимологии лексемы *mčladi* К.Ш. Микаилов пишет, что «груз. *mčladi* действительно может быть рассмотрено как упрощение первоначального *člamadi* (видимо, *člamadi* > *člaad-u* > *čladu*//*mčladi*), что в древнегрузинских текстах означало “еда, съедобное”. Объяснить инициальный *m* в форме *m-čladi* как фонетический нарос, видимо, можно, ибо в разных условиях в других случаях такого *m* мы не обнаруживаем. Вполне вероятно, что появление этого *m* (др.-груз. *člad-u* > н.-груз. *čladi*//*mčladi*) компенсировало утраченный *m* корня (*člamad-u*)» (1977: 160). Возникает вопрос, как же объяснить сохранение или появление инициального *m* в других грузинских этимонах, а они сравнительно многочисленны. В этой связи Т.И. Гванцеладзе на основе данных абхазского и абазинского языков восстанавливает более древнюю форму современной грузинской основы *mačlevari* ‘борзая’ ← *mačlevari (1988: 79). Исходя из двух восстановленных праформ *člamadu//*mačladi* ‘кукурузный хлеб’ и *mačlevari ‘борзая’, по Т.К. Гванцеладзе, можно предположить, что грузинские основы *mdevari* ‘преследователь’, *mgčebari* ‘красильщик’, *mteli* ‘целое’, *mchali* ‘овощное блюдо’ и др. имели полногласные архетипы *mađevari*, *mağčebari*, *mateli*, *maחali*. Однако пракартвельский префикс причастия и имени деятеля имел вид **m-* (а не **ma-*).

Аналогичное выпадение анлаутных *m*, *tI*, *t* в грузинизмах наблюдается и в других языках, в частности в осетинском: *mkata tve* ‘месяц жатвы’ > осет. *kčaty ban* ‘рабочий месяц’, *mkčlani* > осет. *חčlani* ‘сваренные и протертые сливы, высушенные тонким слоем’, *mchari* ‘сторона, луг’ > осет. *chari* ‘вторая часть топонимических названий в Куртатинском ущелье’ (Гуриев 1986: 16–17).

Выпадение инлаутных согласных в консонантных комплексах

В серединной позиции в двухчленных и более консонантных комплексах исчезает один из сходных или один из двух одинаковых звуков: *nlrtkčeli* ‘плоский’ > *nlergčoli* (бежт.) ‘плоский круглый камень для игры’. В этом слове сходными являются абруптивы *nl*, *tI*, и один из них, а именно *tI*, выпадает. Или же в словах: *člučkči* ‘грязь’ > *člučk* (цах.), *жингčли* ‘изморось’ > *жангčли* (бежт., цез.) ‘изморось’, *эрбо-кIверчхи* ‘яичница’ > *эбирицкIчи* (бежт.), *эбуркIчи* (гуыз.); *чурчхела* ‘чурчхела’ > *чочхала* (бежт.), *чучхела* (бежт.); *сасцлори* ‘весы’ > *сацлори* (гуыз.), где исчезают одинаковые звуки: в слове *člučkči* – *čI*, *жингčли* – сонорный *л*, *эрбо-кIверчхи*, *чурчхела* – сонорный *р*, *сасцлори* – *с*.

Чаще всего выпадают сонорные и звонкие согласные **л, р, м, н, в, г**. Ср.: *кломбали* 'палка, дубина, посох' > *кломбала* (бежт., гунз.), *кловал* (варт.); *кловзи* 'ложка' > *клиз* (анц.) 'ложка с широким круглым концом'; *майиц* 'хоть, все же' > *майи* (бежт., варт.), *рагви* 'плетеная изгородь' > *рави* (том.) 'каменный забор, и т.д. Иногда в слове выпадает глухой, например: *клатиха* 'деревянный бокал' > *клато* (гин.), *клатли* (цез.). Здесь налицо выпадение одного из двух глухих.

Выпадение ауслатного согласного

В грузинизмах налицо исчезновение согласного и в абсолютном конце слова: *ашкларад* 'открыто' > *ашклара* (анц.), *беджитад* 'прилежно, усердно' > *беджитра* (цах.). Звонкие согласные чаще всего в конце слова оглушаются и исчезают.

Выпадение согласных характерно и для кахетинского диалекта, в котором могут выпадать звуки в корне и префиксах при стечении в слове нескольких согласных. А.Г. Мартиросов и Г.М. Имнайшвили отмечают, что "могут выпадать и согласные, и гласные: из согласных, главным образом, исчезают переднеязычные спиранты, губные и заднеязычные согласные, особенно же сонорные согласные (**м, н, л, р**)" (1956: 143). Как видно из иллюстраций, в дагестанских грузинизмах выпадают такие же согласные звуки, что и в кахетинском.

ПЕРЕХОД ГУБНО-ЗУБНОГО **в (v)** В ГУБНО-ГУБНОЙ **в (w)**

Для фонетической системы дагестанских языков не характерен губно-зубной звонкий **в**, представленный в фонетической системе грузинского языка. И поэтому во всех грузинских лексических элементах с губно-зубным **в (v)** происходит замена его губно-губным **в (w)**: *вели* 'поле, степь' > *Вули* (гин.), *Виала/Вулаб* (цез.), *Вели* (бежт.) 'Грузия'; *квеври* 'большой глиняный сосуд' > *кеври*, *гилаво* 'залог' > *гилав* (окт.), *нахевари* 'половина' > *нахиварий* (цах.), *къавари* 'дранка' > *къавари* (бежт.), *ква* 'камень' > *кывай* (цах.), *нави* 'лодка' > *наlv* (цах.) 'желоб', *кляиви* 'слива' > *килаври* (бежт.), *килийаври* (гунз.), *несви* 'дыня' > *невс* (тив.), *рагви* 'плетеная изгородь' > *рави* (том.) 'загон'.

ПЕРЕХОД ГЛАСНЫХ В ПОЛУГЛАСНЫЕ

В заимствованиях в интервокальной позиции появляются полугласные **й** или **в**, т.е. наблюдается процесс перехода гласных **и, э, у** в сонанты **й** и **в**:

и → й: *леиби* 'тюфяк' > *лейби* (бежт., гуыз.) 'матрас'; *э* → *йи* *гьаэри* 'воздух' > *гьайри* (бежт., гуыз.) ; у → в/у → й: *индоури* / 'индюк' > *индаври* (бежт., гуыз.), *индоври* (гин., цез.); *гареули* / (ках.) 'дикий, чужой' > *геравли* (бежт.) 'чужие дети'; *шовли* 'отвес' > *шовли* (чантл.), *шойни* (хаш.).

АБРУПТИВИЗАЦИЯ

Абруптивы характерны для грузинского и дагестанских языков. Во многих заимствованиях они сохраняются, но вместе с тем в некоторых грузинских лексических элементах уже на дагестанской почве происходит процесс абруптивизации неабруптивных грузинских согласных (т → тІ, п → пІ, ч → чІ, д → дІ, б → бІ, г → кІ):

п → пІ: *дапи* 'избienie' > *данли* (цез.), *клартлонели* 'картофель' > *клартлунли* // *клартлунли* (анц.), *клартлонли* (варт.), *клунлунли* // *клартлонли* (кусур.);

т → тІ: *гатохвна* 'прополка' > *гатлухъна* (гин.), *клатха* 'деревянный бокал (чашка)' > *клотли* (цез.), *махати* 'большая игла' > *махатли* (нидж.) 'игла (парусная, рогожная, кулевая)', *саствени* 'свисток' > *шалтлами* (тляд.);

ч → чІ: *кленчи* 'камешек' > *кленчІ* (тив.), *пурчвна* 'очистка лозы от растений' > *пурчлина* (сарус.);

б → п → пІ: *кломбостло* 'капуста' > *кломпостли* (гуыз.), *кломпостли* (тив.), *млабакли* 'поднос' > *мланлакИ* (варт.) 'корыто, лоток'; *шиби* (сиби) 'скользящий' > *синли* (бежт.), *сынли* (гуыз.) 'каменная плита'; *цлабли* 'каштан' > *цланлур* (анц.), *цланлут* (тив.);

д → т → тІ: *клюдобани* 'сундук' > *клитлум* (тив.), *китламан* (бежт.), *шушаманди* 'застекленная веранда' > *шушамантИ* (сарус.), *цлинда* 'чулок, носок' > *цлинтлай* (цез.);

г → к → кІ: *плеранги* 'нижняя рубашка' > *плеранкли* (бежт.), *плеранкИ* (тив.) 'ночная рубашка, комбинация'.

В приведенных лексемах не во всех языках наблюдается процесс абруптивизации. Ср., например: *пурчна* (бежт., гин.), *шубшамаьнд(и)* (бежт., удин.), *цлинда* (бежт., гуыз.).

ДЕЗАБРУПТИВИЗАЦИЯ

Грузинские согласные тІ, кІ в процессе заимствования становятся дезабруптивными, т.е. происходит процесс дезабруптивизации. И здесь в одних словах сохраняются абруптивы, а в других — налицо процесс дезабруптивизации. Ср.:

тІ → т(/д): *астлами* 'скребок' > *астами* (чад.) 'лопаточка', *астамий* (гельм.), *истами* (цах.д.) 'скребок для теста'; *гамартва* 'выпрямить; устроить' > *гамарта бува* (гуыз.) 'сильно укутывать,

одеваться теплее' (ср. бежт. *гамартла йовал*); *картофель* > *картопели//клату* (бежт.), *картунели* (гин., цез.) 'картофель' (ср. анц. *картунл//картунли*, варт. *картунли*); *тлолча* 'кружка' > *донча* (бежт.), *долче* (цах.), *дулча* (карах.); *чустли* 'тапочки' > *чуст* (цах.) 'туфля';

кI → **к** (/г): *кIудала* 'кувшин' > *куьдаь* (бежт.), *куьдур* (каш., гин., гуиз., анц.); *рукIа* 'карта' > *рука* (окт.), *чIалакли* (др.-груз.) 'кустарник', 'роща' > *чIалаг* (цах.), *чIаьлаьг* (удин.).

АФФРИКАТИЗАЦИЯ

В процессе усвоения в отдельных грузинизмах спиранты и смычные переходят в аффрикаты, т.е. происходит процесс спонтанной аффрикатизации. Из смычных согласных аффрикатизируются **к**, **кI**, **тI** (**к** > **хь**, **кI** > **къ**, **тI** > **цI**), а из спирантов – **х**, **ш**, **з**, **с** (**х** > **хь**, **з** > **цI**, **с** > **ц**, **ш** > **ч//ч**).

Аффрикатизация спирантов:

х > **хь**: *тхили* 'лесной орех', 'орешник' > *хьили* 'фундук', *чIархали* 'свекла, бурак' > *чIархьал* (тив.);

з > **цI**: *зети* 'растительное масло, подсолнечное масло' > *цетI* (удин.) 'подсолнечное масло';

с > **ц**: *кIисери* 'шея' > *кIицери* (бежт.) 'толстая шея'; *мхали* 'груша' > *цихали* (гин., цез.) 'дикий, лесной (яблоко, груша)', *сапантIи* 'дробь' > *цпантI* (тив.), *сомехи* 'армянин' > *цомехи* (бежт.), *схвени* 'чердак' > *цухани* (бежт., гин.), *цехтIен* (цез.), *цухан* (тив.), *чухени* (сарус.);

ш > **ч//ч**: *шалахо* 'танец' > *чалаху* (рут.), *шашиви* 'дрозд' > *ча'чу* (варт.).

Аффрикатизация смычных:

к > **хь**: *канча* 'лопаточка каменщика', 'мастерок' > *хьанча* (бежт.);

кI > **къ(кь)**: *кIараки* 'сливочное масло' > *къараки* (тляд.), *кIошкли* 'вышка, башня, минарет' > *къошкли* (бежт.) 'домик', *кIунели* 'боярышник' > *къонели* (гельм.) 'костяника', *лукIма* 'кусоч (хлеба)' > *локьма//лукьма* (нидж.);

тI > **цI**: *энтIикIури* 'орнамент' > *энцикIури* (бежт.).

ДЕЗАФФРИКАТИЗАЦИЯ

В фонологической системе некоторых дагестанских языков, в частности цезских, отсутствуют аффрикаты **дз** и **дж**. Поэтому во всех заимствованных из грузинского языка лексических элементах они замещаются спирантами **з**, **ж**, т.е. происходит процесс деаффрикатизации. Ср.:

дж > ж: *багълинджо* 'клоп' > *балгъунжа* (бежт.), *бадриджани* 'баклажаны' > *бадрижан* (бежт., гунз., цез.) 'помидор'; *бриножи* 'рис' > *биринжи* (цез.); *дахарджва* 'израсходовать', 'расходование' > *дахаржа йовал* (бежт.), *дахаржа бува* (гунз.); *джаги* 'колючка', 'колючий куст' > *жаги* (бежт., гунз.); *джами* 'чашка, миска' > *жами* (бежт., гин., гунз., цах., анцр.); *джибе* 'карман' > *жибе* (гунз.), *жибу* (цез.), *жими* (сарус.); *джабо* 'скот' > *Жабо* (бежт.) – прозвище; *джохи* 'палка' > *жохи* (гунз.); *мунджи* 'немой' > *мунжи* (бежт.) 'ленивый человек', *мунжи* (сарус.) 'немой'; *наджахи* 'большой боевой топор' > *нажахи* (гунз.) 'топорик'; *оджахи* 'семья' > *ожахи* (чантл., сарус.);

дз > з: *бодзи* 'столб' > *бози* (бежт., гунз.) 'столб', *бози* (гин.) 'жердь'; *гъандзили* 'черемша' > *гъанзил* (бежт., гин.); *дзabri* 'лейка, воронка' > *забри* (бежт.), *забр//забру* (анц., гин., цез.), *забрий* (цах.); *дзагъли* 'собака' > *загъли убани* (чантл.), 'квартал собак'; *дзера* 'коршун' > *зера* (хаш., тляд.) 'сокол'; *дзлакъани* 'лом' > *залакъани* (бежт., гунз.) 'рычаг из больших жердей'; *дзмари* 'уксус' > *змари* (чантл.), *зумари* (сарус.), *зимари* (гунз.); *кундзи* 'чурбан' > *кунзи а* 'что-л. короткое', б) 'твердая древесина с пнями' (бежт.); *дзари* 'звонок' > *зари* (бежт.).

В некоторых словах наблюдаем параллельное употребление аффрикат и спирантов: дж//ж, дз//з. Ср.: *бадрижан//бадриджан* (тив.) 'баклажаны', *гъандзил//гъанзил* (удин.) 'черемша', *дзabri//забри* (удин.) 'воронка'. Вместе с тем и в этих языках имеются единичные случаи деаффрикатизации: *бидза* 'дядя' > *бизи* (анц.) – обращение к старшему брату, *дзара* 'чан' > *зара* (окт.).

Иногда вместо ожидаемых звукопереходов дж > ж и дз > з наблюдаются требующие объяснения переходы дж > з, дз > ж. Ср.: *гашинджва* 'обследование, обследовать' > *гашинза йовал* 'обследовать' (бежт.), *эндзела* 'подснежник, мерендра' > *энжел* (бежт., сарус.) 'загон на пастбище', *миджна* 'межа, граница, рубеж' > *мизна* (бежт.) 'граница', *иладжи* 'нехватка чего-л.' > *илаз* (бежт.) 'настрой, состояние духа'.

СПИРАНТИЗАЦИЯ

Спирантизации подвергаются смычные согласные б, г и аффрикаты кь, ц, ч: б > й, г > х, г > гь, кь > гь, кь > х, ц > с.

Спирантизация смычных:

б > й: *балгъами* 'гной' > *йомгъал* (таб.) 'отрава';

г > х: *гочли* 'поросенок' > *хочли* (гельм.);

г > гь: *жанги* 'окись, ржавчина' > *жангъи* (бежт., сарус.) 'ржавчина, туман', *жангъи* (цез.) 'туман';

Спирантизация аффрикат:

кь > гь: *брткъели* (диал. *прткъели*) 'плоский' > *тргъели* (бежт.) 'плоский круглый камень для игры';

кь > х: *гозинакъи* 'ореховая приправа' > *гозинакхи* (бежт.);

ц > с: *гадзарцва* 'ограбить, ограбление' > *гадсарцва* (бежт.) 'раскулачить', *цикъви* 'белка' > *сикъи* (таш.), *сикъе-а-къу* (нахад.).

РОТАЦИЗМ

В отдельных лексических элементах ряда языков (например, в бежтинском) наблюдается ротацизм, т.е. переход грузинских з, дж в р. Например: *зецъери* 'простыня' > *рецъари* (ср. гунз. *зецъари*). В этимоне *джачъви* 'цепь' при заимствовании происходит дезаффрикатизация (*джачъви* > *жачълу* > *зачълу*), затем спирант з переходит в сонорный р: *джачъви* > *жачълу* > *зачълу* > *рачъло* 'цепь'.

ОГЛУШЕНИЕ

В бежтинском, гунзибском, удинском и анцухском диалекте аварского языков в отдельных грузинизмах происходит оглушение звонких согласных в конце слова. Ср.: *архейнад* 'спокойно' > *архийанат* (бежт.) 'надолго'; *огъонд* 'только, лишь бы' > *огъонт* (бежт.); *уцбад* 'вдруг, внезапно' > *уцбат* (бежт., сарус.); *шаби* 'квасцы' > *шан* (варт.); *машараби* 'кислый фруктовый соус для приправы; томатный соус' > *машаран* (тив.) 'томатный соус'.

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ

При наличии палатализованных в фонетической системе какого-либо языка согласные в иноязычных лексемах могут подвергаться палатализации. Так, среди дагестанских языков, контактировавших с грузинским, палатализованные согласные наличествуют в цахурском языке и кусурском диалекте аварского языка. В этих языках некоторые согласные в грузинских словах палатализируются. Ср.: *атавли* 'маленькие скирды сена' > *ат'авли* (цах.) 'десять в кучу сложенных снопов'; *дикъи* (груз.), *диъи* (мегр.) 'борщевик' > *дикки/д'уккий* (цах.) 'цветок'; *цлабли* 'каштан' > *цлабыл'* (гельм.); *клочлори* 'хромой' > *к'л'очлуний* (цах.) 'искривление', *лекъви* 'щенок' > *л'оькло* (кус.) 'собака', *къути* 'коробка, ящик' > *къут'йа* (кус.) 'сундук' и т.д. Появление не характерных в целом для фонологической системы аварского и других андо-цезских языков палатализованных согласных в кусурском диалекте аварского языка, видимо, можно объяснить влиянием азербайджанского или цахурского языка.

древнегрузинской основе имелся *w*. По этому поводу А.Г. Мартиросов и Г.М. Имнайшвили пишут: "...предварительным условием для перехода комплекса *ва* (*va*) в *о* является фонетическая природа звука *v* в позиции между согласным и гласным, *v* является по существу губно-губным, который лабиализует гласный *a*, сам сливается с ним, в результате чего получаем лабиальный *о*. В кахетинском это явление наблюдается в таких словах, в основе которых в древнегрузинском имелся неслоговой *w*" (1956: 143). Аналогичное развитие процесса перехода *ва* > *о* (*ва* > *во* > *о*), а также перехода комплекса *ви* > *у* в некоторых диалектах грузинского языка отмечает Ф.У. Утургаидзе. Видимо, трансформированные грузинские этимоны проникли в западнодагестанские языки из старокахетинского диалекта.

Вместе с тем в этой связи небезынтересна точка зрения Н.Я. Марра, согласно которой в древнелитературном грузинском языке произошло разложение (раздвоение) гласных: *о* > *ва*, *у* > *ве* (1925а: 1). Такой же точки зрения придерживается Я.Г. Сулейманов, который отмечает, что двухфокусный *о*, закономерно расщепляется на свои составляющие *ва*, *во*, *ви*, *ву*. Если принять за основу данную гипотезу, то в дагестанских языках некоторые грузинизмы сохранили облик древнегрузинского слова: например: *несо* (гин.) 'дыня', *легъу* (бежт.) 'инжир'; *иху* (бежт.), *ихурахъ* (цез.) 'утка'.

Остальные дагестанские грузинизмы, в которых редуцировался элемент *-в-*, на наш взгляд, являются усвоенными в более поздний период.

В отдельных дагестанских языках в ряде грузинизмов эти звукокомплексы сохраняются перед согласными, так как в фонологической системе этих языков наличествуют лабиализованные согласные: *кв*, *шв*, *хв*, *св* и т.д. В этих языках они воспринимаются уже как лабиализованные согласные, и поэтому перерождения или выпадения *v* в лексемах, за некоторым исключением, не происходит: Ср.: *аквани* 'люлька, колыбель' > *аквани* (гин.), *ихви* 'утка' > *ихви* (тив., окт.), *швинди* 'кизил' > *швинди* (тив.), *пурचना* 'очистка лозы от растений' > *пурचना* (окт.).

ГЕМИНАЦИЯ

В фонологической системе некоторых дагестанских языков наличествуют геминированные (сильные, твердые, напряженные), а в других – удвоенные согласные. "Геминированные согласные – это спиранты и аффрикаты, отличающиеся особым напряжением артикулирующих органов и, соответственно, большей длительностью (к ним не относятся просто удвоенные со-

гласные, например *лл*, *мм* и т.д.). Геминированных смычных в дагестанских языках не существует. Так иногда называют смычные непридыхательные (*тт*, *кк* и др.) в лакском, лезгийском или же *кк*, *ккк* в аварском” (Бокарев 1967а: 249). Однако наряду с геминированными спирантами и аффрикатами выделяются и негеминированные смычные (А.А. Магомедов, Б.Б. Талибов). В ряде случаев в грузинизмах наблюдается геминация негеминированных согласных. Ср.: *хами* ‘неопытный’, ‘невоспитанный’ > *ххамав* (анц.) ‘бескультурный’; *квачха* ‘вешалка’ > *квачхха* (чад., том.) ‘вешало’; *мутака* ‘валик’ > *мутакка*//*миттака*//*митакка* (цах.); *нахевари* ‘половина’ > *наххварий* (цах.); *саклани* ‘камера’ > *ссаклан* (том.) ‘большой длинный ларь’, *тлусагъи* ‘узник, заключенный’ > *тлуссагъ* (варт.). В двух лексемах налицо удвоение согласных и в инлауте: *мураба* ‘варенье’ > *мурабба* (цах.), *мтели* ‘целое’ > *телли* (гунз.) ‘много’. В одном слове после выпадения инлаутного *е* происходит удлинение согласного: *пучечи* ‘кукурузные стебли’ > *поччи* (тив.).

АССИМИЛЯЦИЯ (УПОДОБЛЕНИЕ СОГЛАСНЫХ)

Из фонетических процессов наиболее распространенной в дагестанских грузинизмах является ассимиляция. В зависимости от направления фонетического процесса различают прогрессивную и регрессивную ассимиляцию, а в зависимости от расстояния – контактную и дистанционную:

1. Контактная прогрессивная ассимиляция. Губной смычный *б* полностью уподобляется предшествующему губному сонорно-му *м*: *тамбако* ‘табак’ > *таммако* (бежт.).

2. Дистанционная прогрессивная ассимиляция. Сонорный *л* требует близкого по артикуляции звука: *каламани* ‘лапти кавказские’ > *калмали* (бежт., гунз.).

3. Контактно-взаимная регрессивная ассимиляция: а) альвеолярный спирант *ш* переходит в *с*, которому полностью уподобляется губной смычный *п*: *тепиши* ‘тарелка’ > *тессий* (цах.) ‘деревянная миска’ (*тепиши* > *тепси* > *тессий*); б) зубная абруптивная аффриката *цл* полностью уподобляется зубному придыхательному *ц*: *гасцили* ‘уходи, ступай’ > *гацци* (бежт., гунз.). Вначале согласный *цл* дезабруптивизируется (*цл* > *ц*), и затем аффрикате *ц* уподобляется спирант *с*: *гасцили* > *гасци* > *гацци* (ср. ках. *гайци*) ‘уходи, ступай’.

4. Дистанционная регрессивная ассимиляция. Зубной спирант *с* полностью уподобляется альвеолярному спиранту *ш*: *салашиани* ‘тесак’ > *шалашин* (удин.).

Сравнительно немногочисленны случаи диссимилиации согласных в грузинизмах. По закону диссимилиации, из двух одинаковых звуков в слове один расподобляется, т.е. вместо одинаковых звуков появляются похожие звуки. Чаще всего расподоблению подвергаются сонорные **л, р, и, м**, что выражается во взаимном чередовании. Так же, как ассимиляция, диссимилиация в зависимости от направления фонетического процесса может быть прогрессивной и регрессивной, а в зависимости от расстояния – контактной и дистанционной. В грузинизмах выделяют дистанционные прогрессивную и регрессивную диссимилиации:

1. Дистанционная прогрессивная диссимилиация. Из двух одинаковых сонорных в слове *бирдабири* ‘поперечная пила’ один диссимилируется (**р – р** → **р – л**) в гельмецком диалекте цахурского языка: *бирдабири* > *гирдабил*.

2. Дистанционная регрессивная диссимилиация. Из двух сонорных **л** в слове *п^лил^лили* ‘черный перец’ один диссимилируется в гунзибском и удинском языках: **л – л** → **р – л**: *п^лил^лили* > *п^рил^лил* (гунз.); **л – л** → **м – л**: *п^лил^лили* > *п^мил^лил* (удин.).

Налицо единичные случаи расподобления, требующие своего объяснения, они не связаны ни с направлением, ни с расстоянием между согласными, участвующими в фонетическом процессе: *ранда* ‘рубанок, струг’ > *ланда* (бежт., сарус.), *ландо* (цез.), *ландар* (тив.); *биликли* ‘тропинка’ > *ликлер* (окт.).

Аналогичные случаи ассимиляции и диссимилиации отмечены в древнегрузинском языке (Дзидзишвили 1960: 140–142).

МЕТАТЕЗА

Данный фонетический процесс получил довольно широкое распространение в дагестанских грузинизмах; различаются контактная и дистанционная разновидности. Метатеза бывает простой и сложной, но в заимствованных грузинских лексических элементах, как правило, налицо только простая метатеза:

1. Контактная метатеза: **гъл** → **лгъ**: *багълинджо* ‘клоп’ > *балгъунжа* (бежт.); **св** → **бс** (метатеза со смычно-взрывным переходом **в** > **б**): *несви* ‘дыня’ > *небси* (тив.); **вз** → **зб**: *кловзи* ‘металлическая ложка’ > *кловзи* (бежт., гунз.).

2. Дистанционная метатеза: **ч – к** → **к – ц** (метатеза с переходом альвеолярного **ч** в зубной **ц**): *лечаки* ‘вуаль’ > *лекаци* (бежт.) ‘марля’; **тĭ – р** → **р – тĭ**: *нутлурѝ* ‘трухлявый’ > *пурумтлѝ* (том.)

'гнилое бревно'; **тI** - **кI** → **кI** - **тI**: *тIуку* 'бурдюк' > *кIуку* (цез.); **д** - **н** → **м** - **тI**: (метатеза с переходом звонкого **д** в аффрикатив **тI** и зубного **н** в губной **м**): *кIудобани* (ках.) 'погребец' > *кIемотI* (цез.).

Налицо также фонетические изменения комбинации **тI** - **н** - **д** - **н** характера: выпадение слогов или групп слогов в анлауте и ауслауте, требующее пояснения; наращение слогов или групп слогов в инлауте и ауслауте.

Выпадение слогов или групп слогов в анлауте, инлауте и ауслауте

Чаще всего усечение слога или группы слогов происходит в ауслаутной позиции. В выпадающих слогах консонантами выступают сонорные (**м**, **л**, **н**, **р**) и полугласные **в** и **й**, а также переднеязычные **б**, **с**.

В начале слова усекаются слоги **ле-**, **си-** и группа слогов **эрбо-**: *лечаки* 'вуаль' > *чаки* (тив.), *сихашле* 'чесотка' > *хашал* (удин.), *эрбо-кIверцхи* 'яичница' > *кIоцхи* (цез.) (в цезском грузинизме, возможно, заимствована только вторая часть).

В середине слова выпадают слоги **-ма-**, **-ви-**: *састумали* 'подушка' > *састлули* (бежт.), *састлури* (гин.); *пIравизонкIа* 'хозяйственная сумка' > *пIразонкIа* (чантл.).

В конце слова усекаются разнообразные слоги и группы слогов: **-ни** (*акIвани* 'люлька, колыбель' > бежт. *ачкIо*, *убани* 'участок, квартал' > гуниз. *уба а* 'род, тухум', б) 'участок, квартал'; анц., цах. *уба* 'квартал'; ках. *вискIозини* 'вискоза' > бежт. *вискIози*, окт. *вискIоз*), **-ли** (*макIратIели* 'ножницы' > гин., цез. *моклортIли*); **-ри** (*нахори* 'полова, мякина' > бежт. *нахо*, гуниз. *наху*; *чочори* 'осленок' > бежт., гуниз. *чочо*, гин., цез., хварш. *чочи* 'лошадь'); **-ми** (*илами* 'песок' > варт. *ша*); **-на** (*циркIобана* 'циркачество' > бежт., гуниз. *циркIоба* 'цирк'); **-йа** (ках. *бамбазийа* 'бязь' > бежт., гуниз., гин. *бамбази*, окт. *бамбаз*); **-ба** (*гъазоба* 'рвение, ревность' > бежт. *гъаза* 'рвение, стремление'); **-ви** (*мзитIеви* 'приданое' > окт. *мзити*); **-ани** (*каламани* 'лапти кавказские' > варт. *калам*); **-пери** (*чIианери* 'пунцовый цвет' > гуниз. *чIийа* 'краситель'); **-мали** (*тIкъемали* 'дикая алыча' > бежт. *тIукъи*).

Усечение слогов и группы слогов в грузинизмах происходит потому, что для многих дагестанских языков в основном характерны двусложные слова, доля которых в процентном отношении составляет 60–70% среди имен существительных, и в соответствии с этой закономерностью наблюдается усечение. Почти все усеченные формы состоят из двух слогов.

В качестве наращений выступают следующие слоги: **-ли** (*биркIа* 'репейник' > гуиз. *биркIили*), **-гъу** (*бу* 'сова' > *цез, бугъу*), **-йаб** (*вази* 'виноградная лоза' > чад. *важIаб, индурIи* 'индюк' > чад. *индорIийаб, класри* 'бочка, параша' > *куе, кIнерIийаб* 'большой деревянный сосуд для молока и сыпучих тел'); **-ццо** (*къацIи* 'бурдюк' > бежт. *къацIиццо*), **-ла** (*суру* 'плющ' > бежт. *сурула* 'шалфей'); **-ма** (*шурдули* 'праща', 'кашметалка' > > бежт. *шурдамани* 'кашметалка, детская игрушка'; в слове *шурдули*, возможно, произошло наращение для разграничения *шурдамани* 'кашметалка' от другого слова – *шурмади* 'женская прокладка' с аналогичным звучанием). Нарращения подразделяются на фонетические (**-гъу, -ли, -ма, -ццо**) и морфологические (**-йаб, -аб, -ла**).

У большинства вышеприведенных дагестанских грузинизмов имеется грузинская этимология, и путь их проникновения из грузинского (а именно из кахетинского диалекта), а также через его посредство из других языков в дагестанские не вызывает сомнения по своей фонетической специфике. Некоторые из них трудно отличить от исконно дагестанских слов.

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

Одним из основных вопросов контакта между языками является вопрос о морфологическом освоении заимствованной лексики. Причем его необходимо рассматривать, учитывая две особенности: а) генетическое родство; б) время и периоды заимствования. Последнее особенно важно, поскольку анализ ранее заимствованной лексики обнаруживает более значительные фонетические изменения.

Под морфологическим освоением понимается подчинение грузинских лексических элементов морфологическим нормам дагестанских языков. Как уже отмечалось, одним из основных факторов, обуславливающих соответствие и несоответствие грамматических характеристик заимствованных слов с их исходным оформлением, является степень генетического родства или типологического сходства контактирующих языков. По поводу родства грузинского и дагестанских языков существуют противоположные мнения: одни исследователи считают их языками одного генетического происхождения, т.е. языками иберийско-кавказской семьи, другие отрицают их родство, хотя формально включают в одну языковую группу. Мы не будем останавливаться и рассматривать эти точки зрения, хотя каждая из них имеет

свою аргументацию. Грузинский и дагестанские языки являются агглютинативными, морфологические категории в них выражаются префиксами (превербами) и суффиксами. Это позволяет легко усваивать и лексические заимствования, и сложные, составные образования, и морфологические средства, такие как суффиксы словообразования и аффиксы формообразования и т.д.

Анализ морфологического освоения грузинской заимствованной лексики дает много ценного при выяснении внутренних законов развития дагестанских языков.

Исследованный материал показывает, что подавляющее большинство грузинизмов составляют имена существительные, затем идут прилагательные, глаголы, наречия; служебные части речи представлены небольшой группой слов. В этой связи можно привести слова Э. Хаугена, который пишет, что "из всех частей речи наиболее свободно заимствуются существительные; за ними идут суффиксы, затем окончания, и, наконец, фонетические единицы. Окончания и отдельные звуки заимствуются очень редко, причем только в составе целых словарных единиц" (1972: 372). Почти во всех языках имена существительные заимствуются активно, а остальные части речи, словоформообразовательные аффиксы, фонетические единицы проникают менее активно.

Морфологическое освоение – это освоение грузинизмов по частям речи с соответствующими признаками каждой части речи, которые приобретает усвоенная лексика. Рассмотрим более подробно морфологическое освоение заимствованной грузинской лексики в некоторых дагестанских языках.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Имена существительные грузинского происхождения по их отношению к материальному и абстрактному миру можно разделить на конкретные и абстрактные.

К конкретным относятся слова, отображающие и называющие предметы и существа материального мира, а к абстрактным – слова, называющие и отображающие абстрактные явления. Среди заимствованных имен существительных подавляющее большинство составляют конкретные имена.

Поскольку подавляющее большинство среди грузинских лексических элементов в дагестанских языках составляют имена существительные, рассмотрим, как протекает процесс их освоения, т.е. подчинение морфологическим законам дагестанских языков.

В отличие от структуры языков индоевропейской, семитской и других семей, лексическая система дагестанских языков располагает важнейшим принципом организации – именной классификацией. Сущность ее заключается в распределении имен существительных по нескольким лексическим группам с характерными для каждой из них семантическими и другими критериями. В дагестанских языках число классов колеблется от двух до восьми, а в ряде языков лезгинской группы (агульском, лезгинском и др.) сохранились только их следы. Однако во многих из них налицо четырехклассная система (бежтинский, цезский, гинухский, цахурский, рутульский и др.), в некоторых (гунизбский, хваршинский) – пятиклассная система. А контактировавшие с грузинским языком анцухский и закатальский диалекты аварского языка обладают системой трех классов.

В кавказском языкознании существует два подхода к установлению числа именных классов в языке. Некоторые исследователи определяют именной класс лишь на основе показателей единственного числа, т.е. методом согласовательной схемы (А.М. Дирр, А.С. Чикобава, Э.А. Ломтадзе, С.М. Хайдаков и др.), другие – на основе показателей единственного и множественного числа, т.е. методом сравнения (П.К. Услар, А.А. Бокарев, Е.А. Бокарев и др.). Последний метод более распространен в специальной литературе по дагестанским языкам, и мы придерживаемся методики выявления классов, применявшейся второй группой исследователей.

Как правило, I и II классы в дагестанских языках определяются более или менее однозначно. Бесспорно, что I кл. – это именной класс мужчин, названий божеств и святых и некоторых мифических существ, олицетворяющих мужской пол, а II кл. – именной класс женщин и отдельных мифических существ, олицетворяющих женский пол. Выделение III и IV классов ставит больше проблем, хотя в некоторых языках и в этом случае уже выявлены отдельные семантические критерии (Мельников, Курбанов 1964: 157–165).

Устойчивость морфологической системы дагестанских языков подкрепляется и распределением заимствованной грузинской лексики по именным классам, подобно тому как в европейских языках имена существительные распределяются по родам.

В распределении заимствованных имен существительных по грамматическим классам нет какого-либо критерия, из которого можно было бы исходить при установлении того или иного класса, оформление же имен существительных по классам, за исклю-

чением первых двух, также не имеет установившихся правил. Однако критерием деления имен по семантическому принципу можно считать семантическую аналогию. Заимствования попадают в тот класс, в котором имеются названия однородных предметов (Халилов 1981а: 32). Например, по такой аналогии бежтинский грузинизм *отахи* 'комната' попадает в V класс, где представлено исконное слово *билло* 'дом, комната', ср.: *урго* 'мешок' (III кл.) – *мошьоькли* (груз. < русск.) 'мешок' (III кл.), *клирклошкля* 'булавка' (III кл.) – *наьпчи* 'иголка' (III кл.) и др. Дагестанские грузинизмы представлены во всех именных классах, многие из них наличествуют в III и IV классах, а некоторая часть, например, в гунизбском – в V классе.

К I и II классам относятся некоторые имена существительные, связанные с торговыми отношениями (*муитлари* 'покупатель'), религиозной терминологией (*бер* 'монах', *гьудело* 'священник'), с родом деятельности и социальным статусом человека (*дурьгаьр* 'плотник', *мачланклар* 'доносчик', *гьебары* 'красильщик', *девары* 'преследователь', *мебагь* 'садовник', *мевли* 'сельский сторож полей', *мехъре* 'слуга', *эжимо* 'врач', *абьаьшникл* 'лесник, лесничий' и т.д.), с родством и свойством (*бизи* – обращение к старшему брату, *гер* 'пасынок', *мули* 'невеста', *сидедрай* 'золовка', *симаьрай* 'деверь'), с социальными отношениями (*гелехи* 'нищий', *къема* 'раб, слуга'), а также антропонимы и этнонимы. Как видно из приведенных примеров, незначительное число слов относится только к I или только ко II классу, в то время как класс большинства существительных (I или II) можно определить лишь в контексте.

Не выделяя, какие именно грузинизмы относятся к III и IV именованным классам, отметим, что в этих классах представлены имена существительные, связанные с растительным и животным миром, с природными явлениями, с религиозными и абстрактными понятиями, с домашним бытом, общественно-политической жизнью и т.д. В количественном отношении преобладают грузинизмы III класса. Например: *хойгъо* (бежт.) 'пила' (III кл.), *пыртлы* (гуниз.) анат. 'легкие' (III кл.), *толхъи* (цез.) 'мотыга' (III кл.), *ботлуй* (цах.) 'козел, вожак' (III кл.), *дадал* (рут.) 'петух' (III кл.), *джиб* (рут., цах.) 'карман' (IV кл.), *вазиб* (кус.) 'виноградная лоза' (III кл.), *индорийаб* (чад.) 'индюк' (III кл.), *ихирахъ/ихурахъ* (гин., цез.) 'утка' (III кл.), *мезез* (тив.) 'причина' (III кл.) и др.

Анализ заимствованной грузинской лексики в дагестанских языках вскрывает несколько особенностей распределения их по именованным классам.

Как было отмечено выше, основным принципом такого распределения является семантическая аналогия.

Весьма интересна маркировка классными показателями отдельных заимствованных имен в некоторых диалектах аварского языка: **-ав** (I кл.), **-ай** (II кл.), **-аб** (III кл.). Этими показателями в настоящее время могут маркироваться и имена существительные – антропонимы и этнонимы, а исторически – формы глагола и другие существительные.

В диалектах аварского языка встречаются грузинизмы, оформленные элементами **-и(б)**, **-йаб**: *вазиб* (кус.), *важийаб* (чад.) 'виноградная лоза', *багъиб* (кус.) 'сад', *индорийаб* (чад.) 'индюк', *клицрийаб* (кус.) 'большой деревянный сосуд для молока и сыпучих веществ' и др. Как отмечает И.А. Исаков, лексемы *вазиб*, *багъиб* в кусурском диалекте аварского языка (1977: 167) оформлены классным показателем **-иб**. К.Ш. Микаилов пишет, что «аварцы стали оформлять каждое назывное слово специальным аффиксом. Им послужило, как и в грузинском, местоимение **-ав** (I гр. кл.), **-ай** (II гр. кл.), **-аб//иб** (III гр. кл.) 'этот, эта, это'» (1987: 162). Возможно, к грузинизмам с ауслатным элементом **й** в староаварском языке присоединили классные показатели **-аб//иб** (III гр. кл.), например: *вази* (*вазий) > *важий* + *аб* → *важийаб* (чад.) 'виноградная лоза', *индаури* (*индаурий) > *индорий* + *аб* → *индорийаб* (чад.) 'индюк', *класри* (*класрий) > *клицрий* + *аб* → *клицрийаб* (кус.) 'большой деревянный сосуд для молока и сыпучих веществ'. В кусурский диалект и чадаколобский говор анцухского диалекта аварского языка лексемы-корни *важий*, *индорий*, *клицрий*, видимо, проникли через иное языковое посредство, например в кусурский – через цахурский язык, а затем стали оформляться классными показателями (КП) по законам аварской морфологической системы. Чем же объяснить, что в кусурском диалекте в одном случае появляется классный показатель **-б**, а в другом **-аб//иб** (*вази* > *вазиб*, *багъи* > *багъиб*, но *класри* > *клицрийаб*)? Как нам кажется, КП **-аб** присоединен к грузинизму, заимствованному через цахурское языковое посредство, где он представлен формой *класрий* 'мера сыпучих веществ (32 кг)'. А чадаколобские *важийаб*, *индорийаб*, возможно, проникли в указанный говор через посредство закательско-кахских говоров азербайджанского языка, в которые, в свою очередь, вошли из цахурского языка (Асланов 1982: 40) или из ингилойского диалекта грузинского языка (Джангидзе 1957: 241–242). Кусурские формы *вазиб* (< *вази*), *багъиб* (< *багъи*) заимствованы непосредственно из грузинского языка, вследствие чего они оформлены КП **-б**.

В некоторых дагестанских языках новейшие грузинизмы пока еще не закрепились ни в одном классе, занимая нейтральную позицию, и могут встречаться то в III кл., то в IV кл.

Если сравнивать распределение заимствований по именовым классам, например, в бежтинском и гунзибском языках, а также в цахурском, наблюдаются расхождения. Одни и те же грузинизмы в этих языках оказываются в разных классах. Ср.: *бабкли* (бежт.), *бакли* (гунз.) 'гурт овец' (III кл.) – *баклий* (цах.) 'разводная ферма' (IV кл.), *забри* (бежт., гунз.) 'лук' (III кл.) – *забри* (цах.) (IV кл.), *класри* (бежт., гунз.) 'выдолбленная бочка' (III кл.) – *класрә/класры/класрий* (цах.) 'мера сыпучих веществ (32 кг)' (IV кл.), *мачлари* (бежт., гунз.) 'молодое бродящее вино' (III кл.) – *мачларий* (цах.) (IV кл.), *шалахо* (бежт., гунз.) – грузинский танец (IV кл.) – *шалахо* (цах.) (III кл.), *цикьи* (бежт.), *сикъе-ацкъу* (гунз.) 'белка' (III кл.) – *цикий* (цах.) (IV кл.) и др. Расхождение в распределении грузинизмов по классам налицо также и между диалектами (и говорами) одного языка, например между диалектами бежтинского языка: *агури* (бежт. IV кл., тляд. III кл.) 'кирпич', *жамы* (бежт. III кл., тляд. IV кл.) 'тарелка', *бийкли* (бежт. III кл.) – *бирклили* (тляд. IV кл.) 'репейник', *чала* (бежт. III кл., тляд. IV кл.) 'камыш', *зокло* (бежт. III кл., тляд. IV кл.) 'гриб', *хагъу* (бежт. IV кл., тляд. V кл.) 'лук', *члотли* (бежт. IV кл., тляд. V кл.) 'фасоль', *цурбела* (бежт. III кл., тляд. VI кл.) 'пиявка', *клараматли* (бежт. IV кл., тляд. V кл.) 'черепица', *мамали* (бежт. III кл., тляд. V кл.) 'петух', *бурти* (бежт. III кл., тляд. V кл.) 'мяч' и т.д.

Рассмотрим данные о распределении имен существительных грузинского происхождения по классам в контактировавших дагестанских языках. См. таблицу.

Языки	Именные классы								Перевод
	бежт.	гунз.	гин.	цз.	анц.	зак.	цах.	рут.	
анцли	IV	IV	–	–	III	–	IV	–	бузина вошочая
архи	IV	IV	III	III	–	III	–	–	канал, яма
багъи	III	III	–	–	III	III	IV	IV	сад
бали	IV	V	IV	IV	III	III	III	III	черешня
сокло	III	III	IV	IV	III	–	–	–	гриб
къути	III	IV	III	III	III	III	IV	–	коробок, ящик
кӀехи	–	–	–	–	III	–	III	–	седло
тикли	IV	V	IV	IV	III	–	IV	–	бурдок
толча	III	–	–	–	–	–	IV	–	кружка
чика	III	V	III	III	–	–	IV	–	стакан
цинда	IV	V	IV	IV	III	–	IV	IV	чулок, носок
сапони	III	–	II	II	III	III	III	III	мыло
мачлари	III	IV	III	III	III	III	IV	IV	молодое вино

Статистические данные говорят и об определенном процентном соотношении оформления заимствованной грузинской лек-

стики по классам. Так, из рассмотренных заимствований около 50% относится к III кл., около 35% – к IV кл., около 7% – I, II классам, около 7% – к V кл. В разных контактировавших дагестанских языках такое процентное соотношение может колебаться. В некоторых языках в одном классе может быть представлено больше грузинизмов, в других языках – больше словот в другом классе. Однако во всех этих языках наибольшее число грузинизмов в III классе.

Таким образом, грузинские заимствованные имена существительные в дагестанских языках, подобно исконной лексике, распределяются по грамматическим классам неравномерно.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Многие заимствования из грузинского языка в дагестанских языках строго подчиняются законам грамматической категории числа.

Если рассмотреть имена существительные-грузинизмы с точки зрения числового оформления, то аффиксами множественности в них выступают: в бежтинском – **-а** (*баббаь* ‘хлеб’ – *баббаь*, *къажа* ‘топор’ – *къажӕ*), **-ва** (*бургъо* ‘сверло’ – *бургъова*, *иху* ‘утка’ – *ихува*), **-йа** (*готани* ‘плуг’ – *готанийа*, *зонтли* ‘грузинский человек’ – *зонтийа*); в гунзибском – **-ва** (*акламо* ‘верблюды’ – *акламова*, *гъэру* ‘пила’ – *гъэрува*), **-йа** (*сынли* ‘каменная плита’ – *сынлийа*, *пыртли* ‘легкие’ – *пыртийа*), **-р** (*клаба* ‘платье’ – *кларар*, *цинда* ‘чулок, носок’ – *циндар*); в гинухском – **-бе** (*хирих* ‘пила’ – *хирихбе*, *цекле* ‘козленок’ – *цеклбе*); в цезском – **-би** (*отохи* ‘комната’ – *отохиби*, *цихоли* ‘лесная груша, лесное яблоко’ – *цихолиби*, *цеген* ‘религиозная книга’ – *цеген + йа + би*); в хваршинском – **-бо** (*жокло* ‘гриб’ – *жоклбо*), **-ба** (*херех* ‘пила’ – *херехба*); в анцухском диалекте – **-ал** (*тараз* ‘балансир’ – *таразал*), **-зал** (*тлик* ‘бурдюк’ – *тликзал*), **-би** (*гъвину* ‘вино’ – *гъвинуби*, *гучур* ‘чуб’ – *гучурби*), **-йал** (*били/б’ли* ‘черешня’ – *билий-ал/б’лийал*, *тепиши* ‘тарелка’ – *тепишийал*); в цахурском – **-бы** (*ботлий* ‘козел, вожак’ – *ботлийбы*, *клаклалий* ‘гравий’ – *клаклалийбы*), **-ар** (*дадал* ‘петух’ – *дадалар*, *баклисдав* ‘барановод’ – *баклисдавар*); в рутульском – **-быр** (*багъ* ‘сад’ – *багъбыр*, *дулче* ‘кружка’ – *дулчебыр*), **-ар** (*совдыгар* ‘купец’ – *совдыгарар*, *дадал* ‘петух’ – *дадалар*); в удинском – **-ух** (*къавар* ‘дранка’ – *къаварух*, *годор* ‘корзина’ – *годорух*), **-лух/л-рух** (*лампа* ‘потолок’ – *лампалух*, *цекъ* ‘белка’ – *цекърух*).

Анализ заимствованной лексики с точки зрения ее числового оформления позволяет выявить следующие особенности.

Наиболее распространенными формантами множественности в грузинизмах являются в основном **-иа** (бежт., гунз.), **-бе** (гин.), **-би** (цез.), **-ба// -бо** (хварш.); **-ал**, **-би** (анц.), **-бы** (цах.), **-быр** (рут.), **-ух** (удин.), а менее продуктивными – **-ва**, **-а** (бежт.), **-ва**, **-р** (гунз.); **-йал** (анц.); **-ар** (цах., рут.), **-лух// -рух** (удин.). В контактировавших дагестанских языках и диалектах иногда наблюдается определенный разнобой в формантах множественного числа, что говорит о влиянии на заимствованную лексику морфологических законов дагестанских языков. Самыми распространенными и общими для многих языков аффиксами множественного числа выступают **-бе** (гин.), **-би** (цез.), **-ба**, **-бо** (хварш.), **-би** (анц.), **-бы** (цах.), **-быр** (рут.), которые, в свою очередь, совпадают с формантом мн.ч. грузинского языка **-еб(и)**. Ср. груз.: *мори* 'бревно' – *морები*, *зокло* 'гриб' – *зоклоები*, *аклвани* 'люлька, колыбель' – *аклвнеби*, *кали* 'женщина' – *калеби*.

Для дагестанских языков характерна многочисленность падежей, а именно локативных, которые группируются в падежные серии. Выделяются также и основные (грамматические) падежи. В грузинском языке локативные падежи рассматриваются как послеложные.

В словарном фонде дагестанских языков нет несклоняемых имен существительных, как, например, в русском языке. Все грузинизмы – имена существительные склоняются по грамматическим и локативным падежам.

Рассмотрим парадигмы склонения отдельных грузинизмов – имен существительных на примере некоторых цезских и лезгинских языков в основных падежах.

	бежт.	гунз.	гин., цез.	хварш.
Им. п.	<i>зокло</i> 'гриб'	<i>шиклу</i>	<i>зеклу</i>	<i>жокло</i>
Эрг. п.	<i>зоклоли</i>	<i>шиклар</i>	<i>зекла(//ав)</i>	<i>жоклодо</i>
Род. I	<i>зоклолис</i>	<i>шиклас</i>	<i>зеклус</i>	<i>жоклодос</i>
Род. II	<i>зоклолила</i>	<i>шиклâ</i>	<i>зеклуз</i>	<i>жоклодоло</i>
Дат. п.	<i>зоклолил</i>	<i>шиклâ</i>	<i>зеклур</i>	<i>жоклодол</i>
Инстр.	<i>зоклолид</i>	<i>шиклард</i>	<i>зеклул</i>	<i>жоклодоз</i>
	цах.		рут.	удин.
Им. п.	<i>чангал</i> 'вилы, вилка'	<i>чангал</i>	<i>чангал</i>	<i>чаьнгаьл</i>
Род. п.	<i>чангалина</i>	<i>чангалды</i>	<i>чангалды</i>	<i>чаьнгаьлун</i>
Эрг. п.	–	<i>чангаларав</i>	<i>чангаларав</i>	<i>чаьнгаьлен</i>
Дат. п.	<i>чангалыс</i>	<i>чангалыс</i>	<i>чангалыс</i>	<i>чаьнгаьлех</i>
Афф. п.	<i>чангалыкӀле</i>	–	–	–
Твор. п.	<i>чангалыква</i>	–	–	–

Не рассматривая парадигму этих слов в локативных падежах, можно прийти к заключению, что они строго подчиняются морфологическим законам дагестанских языков, а именно системе склонения имен существительных.

Таким образом, анализ грузинских заимствованных имен существительных показал, что все они оформляются соответственно грамматическим нормам дагестанских языков: а) распределяются по именным классам; б) образуют множественное число; в) включаются в падежную систему, т.е., как и исконные слова, заимствованные имена существительные изменяются по падежам.

ГЛАГОЛЫ

Глаголы представлены небольшой группой слов, и все в основном наличествуют в цезских языках, а также в анцухском диалекте аварского языка. По своей структуре они являются сложными и образованы от грузинских глаголов с помощью вспомогательных глаголов уже на дагестанской почве. В единичных случаях встречаются глаголы, образованные с помощью исконных суффиксов от грузинских имен (более подробно об образовании глаголов см. раздел "Лексико-семантическое освоение").

Как правило, образованные на дагестанской почве глаголы подчиняются грамматическим законам контактировавших дагестанских языков, т.е. они употребляются во всех глагольных формах. Рассмотрим парадигмы спряжения глаголов: *пицхилдолъал* (бежт.) 'горячиться'; *дагъунIа йовал* (бежт.) 'испортить', *дапантIа рува* (гунз.) 'расточить'.

Инфинитив	<i>пицхилдолъал</i>	<i>дагъунIа йовал</i>	<i>дапантIа рува</i>
Прош. вр. I	<i>пицхилдолъийо</i>	<i>йойо</i>	<i>рувор</i>
Прош. вр. II	<i>пицхилдолъна гей</i>	<i>йогъна гей</i>	<i>рувор ли</i>
Наст. вр. I	<i>пицхилдолъца</i>	<i>йџс</i>	<i>рувоч</i>
Наст. вр. II	<i>пицхилдолъцас гей</i>	<i>йогъцас гей</i>	—
Будущ. вр.	—	—	<i>рувџр</i>
Прич. наст. вр.	<i>пицхилдолъцас</i>	<i>йогъцас</i>	<i>рувочос</i>
Прич. прош. вр.	<i>пицхилдолъийо</i>	<i>йойо</i>	<i>рувор</i>
Дееприч. наст. вр.	<i>пицхилдолъцалаџ</i>	<i>йогъцалаџ</i>	—
Дееприч. прош. вр.	<i>пицхилдолъна</i>	<i>йогъна</i>	<i>рувон</i>
Условн. накл.	<i>пицхилдолъда</i>	<i>йогъда</i>	<i>рувод</i>
Повел. накл.	<i>пицхилдолъ</i>	<i>йова</i>	<i>руво</i>
Желат. накл.	<i>пицхилдолъакъос</i>	<i>йовакъос</i>	<i>рувоб</i>
Запрет. форма	<i>пицхилдолъакъа</i>	<i>йовакъа</i>	<i>рувџкъо</i>
Вопрос. форма	<i>пицхилдолъцади</i>	<i>йџсди</i>	<i>рувай</i>
Отрицат. форма	<i>пицхилдолъези</i>	<i>йойэзи</i>	<i>рувойс</i>

Как видно из таблицы, в производных и сложных глаголах спрягается только исконная часть – вспомогательный глагол *йовал*, *рува* и сложный глагольный суффикс *-лдолгьал*.

Из других категорий глагола достаточно характерной является категория переходности-непереходности. Вспомогательные глаголы, сочетаясь с грузинскими заимствованными глаголами, образуют глаголы со значениями переходного и непереходного действия. Например: *дажиза йахгьал* (*йахгьа*) 'ушибиться' – *дажиза йовал (рува)* 'ушибить', *гамартла йахгьал* (*йаахгьа*) 'укутываться' – *гамартла йовал (йува)* 'укутывать', *цецхизи йахгьал* (*йахгьа*) 'взбеситься' – *цецхизи йовал (йува)* 'взбесить' (бежт., гунз.). Переходность-непереходность также выражается с помощью суффиксов **-кI**, **-лгь**: *пицхилдолгьал* (бежт.) 'горячиться' – *пицхилдоклал* 'горячить'.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

В некоторых контактировавших дагестанских языках, в частности в бежтинском, гунзибском, цезском, цахурском, и в анцухском диалекте представлены словосочетания грузинского происхождения.

Как известно, предметом синтаксиса является синтагма. Основным видом синтагмы в дагестанских грузинизмах является атрибутивная (сочетание имени-определения или определения с именем). Согласование в атрибутивной синтагме – это синтаксическая связь определения с определяемым, и оно в ней только препозитивное.

В атрибутивном словосочетании согласование выражается только в числе и падеже: *мажало эчи* (бежт.) 'кислое яблоко', *plamlap уба* (цах.) 'небольшой квартал'; *Ахалсопели* (*ахали* + *сопели*) 'Новое село'; *алубали* (бежт., гунз.) 'вишня' (букв. 'кислая черешня'); *лѳатанаб арх* (анц.) 'оросительный канал'. Все эти словосочетания представлены в форме единственного числа именительного падежа. В них в качестве определения выступает иногда грузинизм (*мажало* 'кислый' < груз. *мажало* 'кислое яблоко', *plamlap* 'маленький', *алу* 'кислый') или исконно дагестанское слово (*лѳатанаб* 'оросительный', анц. *цеклI/цеклаб* 'кислый' + *били* 'черешня' > груз. *албали* 'вишня').

Выделяются атрибутивные словосочетания, в которых препозитивное определение выражено родительным падежом, среди которых, в свою очередь, в зависимости от компонентов различаются: а) заимствованные из грузинского языка (оба компонен-

та грузинские) и б) гибридные (один из компонентов грузинизм, а другой – исконное слово). Например: а) *топице цамали* > *топи-лас цамали* (бежт.), *топинос цамали* (гунз.) ‘порох’; *абрежунис клаба* > *абрушулис клаба* (тляд.) ‘шелковое платье’; *санлунийас кьути* > *санлунийас кьути* (бежт.), *санлунийос кьути* (гунз.) ‘мыльница’ (оба компонента грузинизмы); б) *атламиийос хоьхоь* (бежт.), *атламиийос хоьхе* (гунз.) ‘фиговое дерево’ (груз. *атлами* ‘персик’ + *хоьхоь/хоьхе* ‘дерево’), *глытлуа нларкли* (тив.) ‘гусеница’ (*глытлуа* от *гламл* ‘мука’ + груз. *нларкли* ‘шелкопряд’), *л̄ьедул глормо* (тив.) ‘омут, глубокое место реки’ (ср. тив. *л̄ьедул* ‘речной, водяной’ + груз. *ормо* > *глормо* ‘яма’), *члаклубс ц̄вьяб* (тив.) ‘кобыла’ (груз. *члакли* ‘кобыла’ + общеавар. *ц̄вьяб* > *цц̄уяб* ‘самка’), *цабулун ход* (удин.) ‘каштановое дерево’ (груз. *цабли* ‘каштан’ + удин. *ход* ‘дерево’).

Атрибутивные словосочетания аналогичной конструкции образованы и путем калькирования. Подробно процессы усвоения и образования словосочетаний будут рассмотрены ниже, в разделе “Лексико-семантическое освоение”.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

Одной из важных сторон закрепления заимствованных слов является их лексико-семантическое освоение. Под лексико-семантическим освоением слова понимаются его словообразовательная активность, сочетаемость со словами языка-реципиента, преобразования в его семантической структуре, выражающиеся в приобретении им нового значения, не имеющего ничего общего со значениями слова в языке-источнике, а также сужение и расширение значения слова.

Лексически освоенное слово приобретает полное гражданство. Употребляют его, не обращая внимание на его происхождение. Многие такие заимствования не воспринимаются как иноязычные слова, так как они веками сохраняются в речи и нередко не имеют дублетных форм. Они освоены фонетически, морфологически и семантически.

В дагестанских языках грузинские заимствования широко употребляются в разговорной речи, например: *клубзи* (бежт., гунз.) ‘металлическая ложка’, *забру* (гин., цез., авар.) ‘воронка, лейка’; *цекли* (цез.), *чикле* (бежт., гунз., хварш.) ‘козленок’; *ша* (удин.) ‘песок’, *гьадри* (бежт., гунз.) ‘горящие угли’, *муьтаька* (удин.) ‘валик’, *мыкьавлий* (цах.) ‘ежевика’, *класрий* (пах.) ‘мера

сыпучих веществ (32 кг)’, *дуйкI* (рут.) ‘просо’ и т.д. Их нельзя исключить из словарного состава контактировавших дагестанских языков, так как они лексически освоены и употребляются как исконные слова.

Говоря о лексико-семантическом освоении заимствованных слов в русском языке, А.В. Калинин пишет, что «военным слово можно считать тогда, когда оно называет вещь, явление, свойственное нашей русской действительности. Когда в значении его не остается ничего, что указало бы на его иноязычное происхождение... Лексическое освоение – это смысловое, семантическое освоение» (1971: 71).

Рассмотрим, как протекал процесс лексико-семантического освоения грузинских лексических элементов в контактировавших дагестанских языках.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

Основными способами образования новых слов посредством грузинизмов являются суффиксальное словообразование, словосложение (сложные слова и повторы), конверсия.

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Анализируемый заимствованный лексический материал показал, что довольно значительное количество грузинизмов реализует словообразовательную потенцию путем суффиксации.

Суффиксальное словообразование в дагестанских языках представляет собой один из распространенных и длительно действующих словообразовательных приемов. Этот способ образования имен существительных широко развит. Он развивался как путем возникновения словообразовательных суффиксов, так и путем использования заимствованных словообразовательных аффиксов. В редких случаях вместе с заимствованием слов из грузинского языка заимствовались словообразовательные суффиксы. По этому поводу Г. Пауль отмечает, что «словообразовательные аффиксы – единицы, находящиеся на стыке двух уровней языка – лексики и морфологии, безусловно, заимствуются в составе лексем» (1960: 469).

Как было отмечено выше, основную массу грузинизмов составляют простые слова. Некоторые из них выступают в качестве опорного слова при суффиксальном словообразовании имен существительных, прилагательных и глаголов. Встречается небольшое число грузинизмов, слившихся со словообразовательными аффиксами, без которых они не употребляются. Напри-

мер: *мебагъ* (окт.) 'садовник' (*ме* + *багъи*), *цамаури* (бежт.) 'очень маленький' (*цлами* 'секунда'), *тушури* (нез.) 'баран с курдюком' (ср. груз. *туши* 'тушинец', *тушури* 'тушинский'); *Телавур* (тив.), *Телаври* (бежт., гин.) 'Телави' (ср. груз. *Телави* 'телавский'), *тухна* (анц.) 'мотыга' (ср. груз. *тухна* 'мотыга', *тухна* 'мотыжить, мотыжение'); **-на**, видимо, суффикс) и т.д. В связи с этим Э. Хауген пишет: "...производные и сложные слова могут заимствоваться целиком, но лишь в очень немногих случаях заимствованные суффиксы становятся впоследствии продуктивными. Суффиксы родного языка легко присоединяются к иностранным основам, но не наоборот. Это, по-видимому, связано с тем, что суффиксы представляют собой часть хорошо знакомой структуры родного языка" (1972: 373).

Образование существительных посредством суффиксов

В качестве деривационных суффиксов при производстве новых слов (имен существительных) выступают: в аварском (анц., чад., тив.) **-а (-в, -й, -л)//-йа (-в, -й, -л)**; в бежтинском и гунзибском – **-ги, -йав(//-й), -лай//-лав, -ко**; в цезском – **-йав(й), -мо, -ла**; в удинском и цахурском – **-лугъ**. Наиболее продуктивными и распространенными аффиксами при воспроизводстве новых лексем от грузинизмов в аварско-цезских языках выступают **-а (-в, -й, -л)//-йа (-в, -й, -л)**, посредством которых образуются имена существительные – этнонимы, а в удинском – **-лугъ**.

Суффикс **-а (-в, -й, -л)//-йа (-в, -й, -л)**. Посредством него образуются имена существительные – этнонимы, при этом исходной основой выступают грузинские этнонимы и топонимы. В отличие от грузинского языка, дагестанские этнонимы дифференцируются по именным классам и числам. В зависимости от классного показателя, присоединяемого к слову, в аварском и цезских языках можно разграничить класс мужчин (**-в**), класс женщин (**-й**) и множественное число (**-л**). Например: *Ачлара* 'Аджария' > бежт. *аьчлаьраьв* 'аджарец', *аьчлаьраьй* 'аджарка', *аьчлаьраьл* 'аджарцы' (ср. гунз., цез.: *гIачIарав, гIачIарай, гIачIарал*); *сомехи* 'армянин' > бежт. *цомохийав* 'армянин', *цомохийай* 'армянка', *цомохийал* 'армяне' [ср. гунз., гин. *сомехийав (-й, -л), сомохийав (-й, -л)*]; *удени* 'удинец' > бежт., гунз. *уденийав* 'удинец', *уденийай* 'удинка', *уденийал* 'удины'; *ури* 'еврей' > бежт. *урийав* 'еврей', *урийай* 'еврейка', *урийал* 'еврей'; *оси* 'осетин' > бежт., гунз. *осийав* 'осетин', *осийай* 'осетинка', *осийал* 'осетины', *ингило* 'ингилоец' > тив. *английав* 'ингилоец', *английай* 'ингилойка', *английал* 'ингилойцы' (ср. цах. *йенгилав* 'ингилоец' – может быть, заимствовано из аварского, точнее через его

закатальский диалект). В цахурском языке такой дифференциации по классам в этнониме *йенгилав* 'ингилоец' не наблюдается.

Посредством суффикса **-йа** (**-в**, **-й**, **-л**) образуются новые слова, связанные с родом деятельности, социальным статусом человека, а классные показатели идентифицируют его по: *тлусагъи* 'узник, заключенный' > *тлусагъи* 'тюрьма' (бежт.) + *йа* + *в* 'узник, заключенный', *тлусагъи* + *йа* + *й* 'узница, заключенная', *тлусагъи* + *йа* + *л* (мн.ч.) 'узники, заключенные'.

Суффиксы -ги, -мо. При помощи этих суффиксов образуются имена существительные, выражающие отрицательные качества людей. Исходной основой при этом выступает грузинизм *мезези* 'причина' > *мезези* 'капризы' (бежт., цез.). От него на цезской почве образованы глаголы *мезлал* (бежт.), *мезла* (цез.) 'капризничать', а затем с помощью суфф. **-ги, -мо** образуются субстантивы: *мезези* > *мез-ла-ал* > *мезла* + *ги* 'капризник' (бежт.); *мезези* > *мез-ла* > *мезла* + *мо* (цез.) 'капризник'. В бежтинском посредством суффикса **-хъ** от основы *мезези* образуется новое слово с аналогичным значением: *мезези* + *йа* 'капризы' (мн.ч.) > *мезезий-ахъ* 'капризник'.

Суффикс -ла. Посредством него образуются имена существительные в цезском языке с уменьшительно-ласкательным значением (Абдуллаев А.К. 1981: 7). В качестве исходной основы выступает грузинизм и исконно цезские слова, например: *некли* 'мизинец' > *наклила/лаклина* (ср. гин. *лаклина*) 'мизинчик', цез. *кид* 'девочка' – *кид-и-ла* 'кукла-девочка'; *ужи* 'мальчик' – *ужи-ла* 'кукла-мальчик'. По смыслу цезский (и гинухский) **-(и)ла** и грузинский **-уна** (*бичли* > *бичлуна*, *читли* 'птица' > *читлуна* 'птичка' – ласкательная форма) совпадают.

Суффикс -лугъ. В удинском и цахурском языках выделяются грузинизмы, утвердившиеся с азербайджанским словообразовательным суффиксом **-лугъ**: *гъандзили* 'черемша' > *гъандзилу* > *гъандзилугъ* 'черемшевое поле', *бадакли* 'бекмес' > *бадаклу* > *бадаклугъ* 'место для бекмеса'.

Кроме вышерассмотренных цахурских суффиксов, в грузинизмах словообразовательными аффиксами Г.Х. Ибрагимов считает такие элементы, как **-ий, -рий, -став** (1990: 53). В лексемах *кломрий* 'чад, густой дым'; *тликлий* 'бурдюк', *къонелий* 'костяника', *сидедрай* 'золовка', *симамрай* 'деверь', по его мнению, окончания **-ий, -рий, -рай** являются суффиксами. А в лексеме *баклистав//баклисдав* 'барановод' он отмечает сложный суффикс **-с-, -дав** (суфф. **-с** этимологически связывает с аффиксом дательного падежа) (1990: 54). На самом деле в грузинизмах *кломрий*, *тликлий*, *къонелий* (ср. груз. *кломри*, *тликли*, *кълунели*) нельзя выделить суффикс **-ий**, потому что в них гласный **и** относится к ос-

нове грузинизма, а й является наращением, так как для цахурского языка характерен закрытый тип слога. Лексема *ბაკისტავი* // *баклистав* является сложным словом в грузинском языке: *ბაკის* (ген.) 'загон' + *თავი* 'голова', и в цахурском *ბაკისთავი* на морфемы. А.М. Асланов, вслед за А.М. Дирроном, выделяет *ბაკისტავი* // *баклистав*, восходящее к грузинскому источнику, также считает сложным (1975: 256).

Суффиксы -ко, -лай//-лав. В деривационном процессе эти суффиксы в бежтинском языке являются очень продуктивными. Заимствованные антропонимы выступают в качестве исходной основы при образовании слов со значениями 'дочь чья-то', 'сын чей-то', 'жена чья-то'. Указанные суффиксы образуют и другие слова с разными значениями посредством исконных слов. Многие собственные имена мужчин, а также прозвища, отдельные из которых являются грузинскими, служат исходной основой для образования новых слов. В бежтинском языке очень много прозвищ (видимо, прозвища раньше выступали в качестве собственных имен), которыми нарекали только мужчин (женские прозвища почти отсутствуют), и затем, чтобы разграничить членов семьи данного патронима, добавляли суффиксы **-ко, -лав, -лай**. Ср.: *Ада* 'Ада' > *Адако* 'дочь Ада', *Адалав* 'сын Ада', *Адалай* 'жена Ада'; *Ката* 'Ката' > *Катако* 'дочь Ката', *Каталав* 'сын Ката', *Каталай* 'жена Ката'; *Халха* 'Халха' > *Халхако* 'дочь Халха', *Халхалав* 'сын Халха', *Халхалай* 'жена Халха' (Халилов 1986: 20–21).

Вместе с тем посредством суффикса **-ко** образуются имена существительные со значением 'предназначение предмета для чего-то'. При этом он присоединяется не к заимствованной основе, а к измененной форме, т.е. к грузинизму в форме основного плюс местный падежей: *састумали* 'подушка' > бежт. *састлули* 'подушка' + *ია* (эрг.) + *კვა* (эссив) + *კო* (суф.) > *састлулийაკვაко* 'наволочка'; *леиби* 'тюфяк' > бежт. *лейби* 'матрас' + *ლა* (эрг.) + *კვა* (эссив) + *კო* > *лейбилакვაко* 'чехол для матраса'; *საქონი* 'мыло' > бежт. *საქონი* 'мыло' + *ია* (эрг.) + *ლი* (эссив) + *კო* > *საქონილიაკო* 'мыльница'; *სტაკანი* (ках.) 'стакан' > бежт. *სტაკანი* + *ია* + *ლი* + *კო* > *სტაკანილიაკო* 'подстаканник'; *გვინო* 'вино' > бежт. *გვინო* + *ლი* (эрг.) + *ლი* (эссив) + *კო* (суф.) > *გვინოლიაკო* 'сосуд для вина'.

Образование прилагательных посредством суффиксов

В качестве словообразовательных суффиксов при производстве имен прилагательных от грузинских заимствований выступают: в анцухском и кусурском диалектах – **-аб, -наб**; в удинском – **-лай**; в цезских – **-а, -йаб**.

Суффикс -аб. При помощи данного суффикса образуются имена прилагательные в анцухском и кусурском диалектах аварского языка: *гlexи* 'нищий, крестьянин' > *гелехаб/гидихаб* 'грязный'. Кроме существительного, исходной основой в результирующих словах выступает и глагол (масдарная форма), например: *дагъла* 'устать, утомить', 'утомление' > *дагъумаб* (т.н. сонный, усталый). А в бежтинском языке от этого глагола посредством суф. **-а** также образуется имя прилагательное: *дагъла* + *а* > *дагълă* 'сонный'.

Суффикс -йаб// -йав. В цезских языках данный суффикс образует имя прилагательное от существительного гемо 'вкус' > *ге-мойаб* (бежт., гунз.), *гимуйав* (гин., цез.) 'вкусный'.

Суффикс -наб. В анцухском диалекте посредством него образуется единственное прилагательное, где исходной основой выступает имя существительное: *чирки* 'гной' > *чиркинаб* 'грязный'.

Суффикс -лай. В варташенском диалекте удинского языка с помощью суф. **-лай** образуется имя прилагательное. Лексема *цабул* 'каштан' выступает в качестве исходной основой: *цабли* 'каштан' > *цабул* 'каштан' > *цабуллай* 'каштановый'.

Рассмотренные суффиксы от заимствованных грузинизмов образуют одно-два прилагательных, но при образовании новых прилагательных от исконных корней они очень продуктивны.

Образование глаголов посредством суффиксов

Образование глаголов от грузинизмов налицо в бежтинском, цезском, а также в анцухском и кусурском диалектах аварского языка. В бежтинском глагольными суффиксами являются **-да, -ла, -лдолгъал**; в цезском – **-ла**; в анцухском и кусурском – **-зи**.

Суффикс -ла. Он образует единственный глагол. Ср.: *мизези* 'причина' > *мезези* 'капризы' > *мез* + *ла* (цез.), *мезла* + *ал* (бежт.) > *мезлăл* 'капризничать'. Бежтинский глагол становится учащательным, так как суф. **-ла** имеет это значение: *мез* + ла (суф. словообразовательный) + ал (суф. инфинитива) > *мез-ла-ал* > *мезлăл*.

Суффикс -лдолгъал// -лдоклал. Данный суффикс представлен только в бежтинском языке и является сложным и непродуктивным. Здесь исходной основой выступает грузинское прилагательное *пицхи* 'вспыльчивый, горячий'. Ср. бежт. *пицхи* 'вспыльчивый человек' > *пицхи-лдолгъал/пицхи-лдоклал*. В сложном аффиксе выделяются суффиксы **-кI, -лъ**, служащие для образования

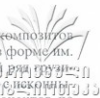
переходных и непереходных глаголов: *пицхилдоолал* 'становиться горячим (возбудимым), горячиться'; *пицхилдоктал* 'горячить, возбуждать'.

Суффикс -да. Среди бежтинских производных глаголов имеются глаголы, образованные посредством суффикса *-да*. Он обладает своеобразным значением учащательного действия, передавая обычное состояние или занятие того или иного субъекта и т.д. В противоположность ему, однократность может выражать **суффикс -лI**. Исходными основами в таких результирующих словах чаще всего выступают грузинские звукоподражательные и звукосимволические слова. Вначале заимствуются лексемы (например, *зузуни* 'жужжание, свист; жужжать, свистеть'; *кьакъани* 'галдеж, шум, галдеть, шуметь'; *нарпари* 'реяние, развевать', *цициклана* 'срывать, срывание'; *гьугьуни* 'воркование; ворковать' и т.д.), а затем уже в бежтинском языке с помощью этого суффикса образуются глаголы. Ср.: *кьакъани* (бежт.) 'квохтание' – *кьакъадәл* 'квохтать', *зузуни* 'жужжание' – *зудәл* 'жужжать', *гьугьуни* 'воркование' – *гьугьудәл* 'ворковать'. Ср. однократные глаголы, образованные с помощью суффикса *-лI*: *кьакъаллал*, *зузулал*, *гьугьуллал*. Однако нельзя исключить возможности образования таких глаголов от звукоподражательных и звукосимволических комплексов на собственно бежтинской почве, так как идеофоническая лексика, как обычно, не заимствуется, и во многих языках она близка по фонетическому оформлению. В данном случае весьма интересно фонетическое совпадение этих слов в бежтинском и грузинском языках.

Суффикс -зи. При образовании инфинитива глагола в анцухском и кусурском диалектах посредством суффикса *-зи* стержневыми словами иногда выступают грузинизмы – имена существительные, например: *гелехзи* (анц., кус.) 'становиться грязным' < *гелехи* 'крестьянин'; *цецхизи* 'взбеситься' (анц.) > бежт. *цецхизи* (*ахгәл*) 'взбеситься' < груз. *цецхли* 'огонь'. Второй глагол, возможно, образован в анцухском диалекте, а затем был заимствован бежтинским языком, где посредством него образуется уже сложный глагол.

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

В дагестанских языках наряду с суффиксальным словообразованием наличествует способ словосложения, в рамках которого различаются сложные слова и повторы (т.е. копулятивные композиты).

Основной моделью образования копулятивных композитов в субстантивах является сложение существительных в форме им. падежа ед. числа. Весьма показательно то, что целый ряд грузинизмов, попав в дагестанские языки, вступают в связь с исконными и иноязычными словами. При этом состав компонентов по своему происхождению различен.

1. Словосложение заимствованных грузинизмов: *загъли-убани* – название квартала (*загъли* ‘собака’ + *убани* ‘квартал’), *легъи-чири* (бежт., гунз.) ‘сухофрукты’ (*легъи* ‘инжир’ + *чири* ‘сушеные фрукты’); *бали-диъи* (бежт.) ‘синюха голубая’ (букв. *бали* ‘черешня’ + *диъи* ‘цветок’), *хагъу-диъи* ‘подснежник Воронова’ (*хагъу* ‘лук’ + *диъи* ‘цветок’).

2. Словосложение грузинизмов и заимствованных из других языков слов: *варйа-хелеку* (гунз.) ‘цыпленок-петушок’ (груз.-авар.), *хами-аьдаьм* (бежт.) ‘бескультурный человек’ (груз.-араб.), *цланлел-булах* (зак.) – название источника (груз.-тюрк.).

3. Словосложение заимствованных и исконных слов: *даллакнус* (тив.) ‘бритвенный нож’, *даьллаьк-цлунл* (бежт.) ‘тупой нож’; *къадагъа-мукъо* (бежт.) ‘большой гвоздь’ (груз. *къадагъа* ‘крупный гвоздь’ – бежт. *мукъо* ‘гвоздь’), *суру-бох* (бежт.) ‘шалфей’ (груз. *суру* ‘шалфей’ – бежт. *бох* ‘трава’); *чликле-а^къу* (гунз.), *сикъе-а^къу* (нахад.) ‘белка’ (*чликле/сикъе* < *цикъви* ‘белка’ – *а^къу* ‘мышь’), *цлараки-боза* (бежт.) ‘кирка’ (груз. *цлеракви* ‘кирка’ и бежт. *боза* ‘мотыга’), *клалмах-ччугла* (тив.) ‘форель’ (груз. *клалмахи* ‘форель’ и авар. *ччугла* ‘рыба’), *дикла-хъибо* (бежт.) ‘безостая пшеница’ (груз. *дикла* ‘пшеница’ и бежт. *хъибо* ‘пшеница’), *санлуни-бох* (бежт.) ‘звездчатка зловидная’ (груз. *санлуни* ‘мыло’ – бежт. *бох* ‘трава’), *лапани-хоьхоь* (бежт.) ‘сусак’ (груз. *лапани* ‘сусак’ – бежт. *хоьхоь* ‘дерево’); *пара-рехъен* (тив.) ‘чужое животное, приставшее к стаду’ (груз. *пара* ‘стадо’ – тив. *рехъен* ‘стадо’); *балахтлен* (тив.) ‘скальная трава’ (груз. *балахи* ‘трава’ – тив. *тлен* ‘бутень’) и т.д. Во всех этих композитах обычно первым компонентом выступает грузинизм, а вторым – исконное слово. Однако иногда встречаются сложные имена существительные, где первый компонент – исконный, а второй – грузинизм: *абоцала* (бежт.), *абуцала* (гин.) ‘тесть, свекор’ (бежт., гин. *або/лабу* ‘отец’ – груз. *цала, цали* ‘вещь, подходящая под пару другой’); *ийоцала* (бежт., гин.) ‘теща, свекровь’ (бежт., гин. *ийо* ‘мать’ – груз. *цала* ‘вещь, подходящая под пару другой’), *нажи-хагъу* (бежт.) ‘овощи’ (букв. ‘чеснок-лук’), *сакло-зокло* (бежт.) ‘гриб-трутовик’ (бежт. *сакло* ‘трутовик’ – груз. *зокло*

'гриб'). Слова аналогичной структуры иногда называют 'гибридными заимствованиями, так как они образованы частично из родного, а частично из иностранного материала' (Хауген 1972: 352).

4. Словосложение исконных слов и грузинизированного (числительное + существительное): *оришабати* (груз.) > *пнәшабат* (удин.) 'понедельник' (груз. *ори* 'два', удин. *пнә* 'два' + *шабат*), *самишабати* (груз.) > *хибишамат* (удин.) 'вторник' (груз. *сами*, удин. *хиб* 'три' + *шабат*), *отхишабати* (груз.) > *бинлшамат* (удин.) 'среда' (груз. *отхи*, удин. *бинл* 'четыре' + *шабат/шамат*), *хутишабати* (груз.) > *хәошабат/хәошамат* (удин.) 'четверг' (груз. *хути*, удин. *хәо* 'пять' + *шабати/шамат*).

Копулятивные композиты состоят из а) взаимно дополняющих друг друга слов (бежт. *загәли-убани* 'название квартала' < *загәли* 'собака' + *убани* 'квартал'; тив. *цанлал-булах* 'название источника' < *цанлел* 'каштан' + *булах* 'родник') или б) синонимов или слов одного семантического круга, они доминируют среди копулятивных образований (гунз. *сикъе-а'ккъу* 'белка' < *сикъе* 'белка' + *а'ккъу* 'мышь'; бежт. *бали-диғы* 'синюха голубая' < *бали* 'черешня' + *диғы* 'цветок').

Встречаются сложные имена существительные-кальки и полукальки, образованные путем перевода грузинских сложных слов, например: груз. *хелисмоцера* 'подпись' – бежт., гунз. *кә* (коро) *чахийолғы* (*чахерлығы*) 'подпись'; груз. *гул-мклерди* 'грудь' – цез. *гьомо-роклу*, бежт. *хомә-йакло*, хварш. *хлел-локва* 'грудь'; груз. *джа-парикла* 'игра в "чижики"' (букв. *джа* 'дерево', 'палка' – *парикла*, *рики* 'стрела в игре "чижики"') – цез., гин. *гыбдриклу/гыбдлеклу* 'чижик' (букв. цез., гин. *гыбо/гыбо* 'палка' + *риклу/леклу* 'стрела') (Мегрелидзе 1955а: 236).

В рассматриваемых языках особый разряд сложных слов – имен существительных составляют копулятивные композиты (повторы), второй компонент которых рифмуется с основным (первым). При этом происходит замена анлаутного согласного сонантом м, в бежтинском: *гочли* 'поросенок' > *гочли-мочли*, *тохы* 'мотыга' > *тохы-мохы*, *гlexи* 'крестьянин' > *гелехи-мелехи*, *класри* 'выдолбленная бочка' > *класри-масри*, *сахъре* 'палка' > *сахъри-махъри*, *тливо* 'полотенце' > *тливо-миво*, *члади* 'кукурузная лепешка' > *члади-мавди* и т.д. Если в анлауте слова гласный, то в повторах наращивается м: *окко* 'деньги, серебро' > *окко-мокко*, *эзо* 'двор' > *эзо-мезо*.

Одним из признаков освоения грузинизмов дагестанскими языками является тот факт, что грузинские заимствованные глаголы входят в состав композита в сочетании с исконными лексическими элементами, образуя сложные гибридные глаголы.

Заемствованные глаголы употребляются в сочетании со вспомогательными глаголами: *бовал* (бежт.), *бува* (гунз., гин.), *бода* (цез.), *гьубузи* (анц.), *псун/бесун* (удин.) 'делать'; *бахьал* (бежт.), *бáхъа* (гунз.), *бихъа* (гин.), *бохъа* (цез.) 'становиться'. Например: *гацарса бовал* (бежт.), *гацарца бува* (гин., гунз.) 'раскулачить' < *гадзарцва* 'ограбить, ограбление'; *гацлхара йахьал* (бежт.) 'злиться, разгневаться' < *ганлкъроба* (ках. *гацлкърома*) 'разгневаться'; *дахъуца йовал* (бежт.), *дахъуца бува* (гунз., гин.), *дахъуца бода* (цез.) 'истреблять, уничтожать' < *а(гъ)хъоца* (др.-груз.) 'истреблять, уничтожать'; *клакла псун/бесун* (удин.) 'кудахтать' < *клаклани* 'кудахтать, кудахтание' и т.д. В качестве вспомогательного глагола в бежтинском языке выступает и глагол *члалеллал* 'заставить бросать': *пугурукли/патаракли члалеллал* 'портить' < *патаракли* (ках.) 'случай, приключение'.

Аналогичное явление отмечено Е.А. Бокаревым (1959: 46, 100, 129, 205) и Г.И. Мадиевой (1965: 114) при образовании сложных глаголов в цезских языках для заимствований из аварского, например: *цлумийовал* (бежт.) 'охранять' (ср. авар. *цлунизе*), *разиáхъа* (гунз.) 'радоваться' (авар. *разилъизе*), *хлалтлизеиохъа* (цез.) 'работать' (авар. *хлалтлизе*), *бакларзи рува* (гин.) 'собирать' при авар. *бакларизе*.

Как известно, исходная форма грузинского глагола совмещает свойства инфинитива и масдара: *пурчвна а* 'подчистка (виноградной лозы)', б) 'подчистить'; *ангарииши а* 'счет, расчет'; б) 'считать'; *гатохвна а* 'прополка' б) 'вскопать, прополоть' и т.д. В образовании сложных глаголов по семантике, на наш взгляд, участвует грузинский масдар: *пурчна бовал* (*бува*, *бода*, *гьубузи*) 'подчистить' (букв. 'подчистку делать', а не 'подчистить делать'), *гьангарииши бовал* (*бува*) 'считать, делать расчет' (букв. 'расчет делать', а не 'считать делать'); *гатлухъна бува* (гин.), *гатохна гьубузи* (анц.) 'прополоть' (букв. 'прополку делать', а не 'прополоть делать').

Словосочетания

Выделяются следующие модели: существительное в форме генитива + существительное; прилагательное+ существительное.

Первую модель, в свою очередь, можно дифференцировать таким образом: словосочетания, заимствованные из грузинского

языка целиком (груз. *топис цамали* 'порох' > груз. *топилос цамали*, бежт. *топилас цамали*; груз. *абрашулис клаба* 'шелковое платье' > тляд. *абрешулис клаба*; *топис клондахи* 'ложе' > бежт. *топилас клондах*); словосочетания, где первый компонент – грузинизм в форме генитива, а второй – исконное слово (*леггилас хоххов* 'инжировое дерево', *члупербас хоххов* 'дерево каштан', *атламийос хоххе* 'персиковое дерево'); словосочетания, где первый компонент – исконное слово в форме генитива, а второй – грузинизм (*ванас ачкло* 'деревянная люлька', *лџус лейби* 'шерстяной матрас', *гьелас цинго* 'ореховый околоплодник', *килос бози* 'железный столб', *гьџс биринжи* 'рисовый суп', 'молочный суп', *пудас састлули* 'пуховая подушка'). Отмечаются полукальки, где в качестве определения выступает заимствованное имя существительное в форме генитива: *балишис плури* 'наволочка' > *б'лишльџа гьџмер* (тив.) 'наволочка'.

Имя прилагательное + имя существительное (ед.ч., им.п.); можно выделить подгруппы: а) оба компонента грузинизмы (*цах. namlar уба* 'маленький квартал' < *namlara убани*); б) кальки, состоящие из имени прилагательного и существительного (бежт. *Ицџло аьл//гьлал* 'Новое село' < *Ахалсонели* (ср. анц. *Шяб росу*); в) словосочетания, в которых первый компонент – заимствованное имя прилагательное, а второй – исконное слово (бежт., гунз. *мажало эчи* 'дикое, лесное яблоко' < *мажало* 'дикая груша, дикое яблоко'); г) словосочетания, в которых в качестве прилагательного выступает исконное слово, а в качестве второго компонента – грузинизм [*лџатанаб арх* (тив.) 'оросительный канал' < *архи* 'канал'].

Как видно из иллюстраций, случаев калькирования составных наименований сравнительно меньше, чем полукалькирования. Калькирование и полукалькирование осуществляются по законам дагестанских языков, подчиняясь как его синтаксической, так и морфологической системе. Для грузинского и дагестанских языков нормативными являются атрибутивные составные наименования с препозицией атрибута (имя прилагательное + имя существительное).

КОНВЕРСИЯ

Одним из способов словообразования в дагестанских языках является конверсия – переход одних частей речи в другие. Грузинские этимоны при заимствовании в дагестанские языки переходят в разные части речи – наречия, существительные, прилагательные. Выделяются следующие модели конверсии: существительное → наречие, глагол → существительное, прилагательное

→ существительное, существительное → прилагательное, прилагательное → наречие. Рассмотрим их на примере грузинских этимонов и их форм в языках-реципиентах: существительное → наречие: *асли* 'подлинник, копия' > *асли* (бежт., сарус.) 'как раз'; существительное → прилагательное: *глехи* 'крестьянин' (кус.) 'грязный'; прилагательное → существительное: *орткьели* (диал. *прткьели*) 'плоский' > *птергьоли* (бежт.) 'плоский камень для игры', *дамлалы* 'гнилой, сгнивший, прелый' > *дамлалы* (бежт., гунз.) 'гнилой человек', *домлолы* (цез.) 'грузный человек', *клоцлахи* 'горький, кислый' > *клоцлахи* (цезск.) 'скорлупа'; *пумлурп* 'трухлявый' > *пурмту* (том.) 'гнилое бревно'; *синлу* (*ллушибу*) 'скользящий' > *синлу* (бежт.), *сынлу* (гунз.) 'каменная плита'; прилагательное → наречие: *мтели* 'целое' > *тели* (бежт.) *тели* (гунз.) 'много'; глагол → существительное: *бзулы* 'жужжать' > *бизилий* (цах.) 'пчела', *гаруджва* 'опалить' > *гардж* (цах.) 'лучина'.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

Многие грузинские лексические элементы в дагестанских языках получают дальнейшее семантическое развитие. Под семантическим развитием понимается приобретение заимствованными грузинскими словами новых значений или сужение значения по сравнению со значением лексемы языка-источника, а также переносное употребление заимствованного слова.

В контактировавших дагестанских языках грузинизмы часто заимствовались с одним или двумя, иногда даже с неосновным значением и приобретают терминологический характер. Сюда относятся прежде всего названия, связанные с человеком (*эжимо* 'врач', *мебагъ* 'садовник', *тлусахи* 'тюрьма, заключенный'; *клинтло* 'проходимец', *къема* 'раб, слуга' и др.), термины сельского хозяйства (*готани* 'плуг', *парцха* 'борона', *вази* 'виноградная лоза', *гатохъна* 'прополка', *саконели* 'скот', *заки* 'буйволенок' и др.), обозначения различных предметов домашнего быта, одежды, ткани и т.д. (*къавари* 'дранка', *клаба* 'платье', *забри/забру* 'лейка', *махат* 'большая мешочная игла', *хирих* 'пила', *пана* 'каша', *санлантлу* 'дробь', *нави* 'лодка').

Анализ соотношения значения этимонов и первоначального значения грузинизмов, вошедших в дагестанские языки, показал следующее: моносемантическим этимонам, как правило, соответствуют моносемантические грузинизмы. К таким однозначным лексемам относятся слова разной тематической группы: *клубе* (гунз.) 'лестница', *набад* (окт.) 'бурка', *зидадгари* (бежт.) 'треножник', *цараки* 'кирка', *топи* 'ружье', *лами* (сарус.) 'пе-

сок', *сакъдари* 'церковь', *гъудело* 'священник', *полади* 'сталь', *плараскли* 'пятница', *зигзаги* 'борона', *чипер* 'каштан' и т.д. Иногда слово, получая новое семантическое наполнение, настолько далеко уходит от своего первоначального значения, что даже трудно найти общее между ними, например: *блэбэла* 'подснежник' > *энжел* (бежт., сарус.) 'загон на пастбище', *цхиква* 'башка' > *гогра/гогга* (бежт.) 'звонок'. Отдельные грузинизмы заимствуются со всеми значениями: *парда* 'занавеска, штора, гардина' > *паърдаь* (удин.) 'занавеска, штора, гардина'; *кломбали* 'палка, дубина, посох' > *клобала* (бежт., гуыз.) 'палка, дубина, посох'; *уцбад* 'вдруг, сразу, внезапно' > *уцбат* (бежт., гуыз.) 'вдруг, сразу, внезапно'.

В семантическом плане для грузинизмов характерны изменение, расширение и сужение исторического значения лексем. Рассмотрим семантическое освоение подробнее.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ

В ряде грузинизмов уже на дагестанской почве происходит переосмысление значения грузинского этимона. Семантические переосмысления (изменения) дифференцируются следующим образом: полное изменение значения, частичное изменение значения, полное изменение с расширением значения, частичное изменение с частичным сужением значения слова, частичное изменение с расширением значения слова.

1. Полное изменение значения: *годори* 'корзина' > *годори* (бежт., гуыз.) 'деревянное ведро', *гlexи* 'крестьянин' > *гелехи* (бежт., гуыз.) 'нищий', *гъумели* 'печь' > *гъумели* (цез.) 'скрученная ветка', *кфула* 'узкогорлый сосуд для питья воды' > *кфула* (цах.) 'деревянный ковш', *лечаки* 'вуаль' > *лекаци* (бежт., гуыз.) 'марля', *мцевари* 'борзая собака' > *члевари* (цез.) 'плакса', *роши* 'крупа' > *роши* (бежт.), *реиони* (цез.), *рошонни* (гин.) 'мусор, хлам'; *сапантли* 'дробь' > *сапантли* (гуыз.) 'рогатка', *сидедри* 'теща' > *сидедрай* (цах.) 'золотка', *симамри* 'тесть' > *симамрай* (цах.) 'деверь', *тепиш* 'тарелка' > *тепиш* (авар.) 'накрытый стол', *тхили* 'лесной орех' > *хили* (бежт.) 'арахис', *цикъви* 'белка' > *цикъ* (варт.) 'ласка', *чала* 'солома' > *чала* (бежт., гуыз., окт.) 'камыш'.

2. Частичное изменение значения: *бидза* 'дядя' > *бизи* (анц.) – обращение к старшему брату, *бодзи* 'столб' > *бози* (гин.) 'жердь', *бухари* 'камин' > *бухари* (бежт., сарус.) 'дымоход', *варйа* 'курочка' > *варйа* (гуыз.) 'цыпленок'; *гъинли* 'брюшко' > *гъинли* (бежт.) 'толстяк'; *кlochлори* 'хромо́й' > *кlochлуний* (цах.) 'искривление', *леиби* 'тюфяк' > *лейби* (бежт., гуыз.) 'матрас'; *клатла* 'кошка' > *клатла* (бежт.) 'куцехвостая кошка', *нишани* 'отметка' > *ниса-*

ни (бежт.) 'метка'; *члотли* 'стручок' > *члотли* (цезск.) 'фасоль'; *члианери* 'пунцовый цвет' > *члийанари* (бежт.), *члийа* (гунз.) 'краситель'.

3. Полное изменение с расширением значения слова: *боло* 'хвост' > *боло* (бежт.) а) 'ряд, линия', б) 'лед'; *гъили* (для пуговицы) > *гъили* а) 'пуговица, кнопка', б) *бот.* 'примула' > *кливо* (бежт.), а) 'крюк (крючок) на плетеной люльке', б) 'металлическая часть на концах шнура'; *окро* 'золото' > *окро/окко* (бежт., гунз.) а) 'серебро', б) 'деньги'; *саклани* 'камера' > *саклан* (гунз.) 'сарай, амбар'.

4. Полное изменение с сужением значения слов: *бурдо* 'обмолот, остатки зерна (проса) 'после обмолота' > *бурдо* (тляд., гунз.) 'скирда'; *вели* 'поле, степь' > *Вели* (бежт., гунз.), *Вули* (гин.), *Вулаь* (кид.) 'Грузия'; *гогра* а) 'тыква', б) 'башка' > *гогра/гогга* (бежт.) 'звонок'; *дантари* а) 'книга', б) 'журнал' > *дантар* (цезск.) 'куча чего-л.'; *дедали* а) 'курица', б) 'самка', в) 'трус, баба' > *дедал* (цах.) 'петух', *дедали* (бежт.) 'пустоголовый человек'; *клави* а) 'крюк', б) 'полоз', в) *бот.* 'усик' > *клави* (бежт.) 'стропила', *клави* (гунз.) 'наклонная балка'; *клинтло* а) 'в старом Тбилиси: торговец фруктами с лотка, носил особый костюм, отличался остроумием', б) 'бездельник' > *клинтло* (бежт., гунз., тив., окт.) 'проходимец'; *клошкли* а) 'вышка', б) 'башня', в) 'минарет' > *къошкли* (бежт.) 'домик'; *лали* а) 'рубин', б) 'женское собственное имя' > *лали* (варт.) 'колыбель, люлька'; *парда* 'занавеска, штора, гардина' > *парда* (бежт.) 'коридор', *чланлани* 'гуж, постромка, тасма' > *чланлани* (цез.) 'веревка'; *члчулули* 'утенок, гусенок' > *члчулули* (бежт.) 'цыпленок'.

5. Частичное изменение с частичным сужением значения слова: *борклили* 'кандалы, оковы' > *бойклоли/борклоли* (бежт., гунз.) 'путы'; *дагъи* 'клеймо, печать' > *дагъи* (бежт.) 'след обуви', *дагъ* (гунз.) 'пятно'; *локо* а) 'сом', б) *перен.* 'бабак' > *локо* (бежт., сарус.) 'усач (рыба)'; *халха* 'дубинка, палка, длинный шест' > *халха* (гунз.) 'удочка'.

6. Частичное изменение с расширением значения слова: *клуди* 'хвост' > *клюда* (цах.) 'кончик, зад'; *тасма* 'ремень' > *тасма* (бежт.) а) 'полоска кожи', б) 'кожа человека'; *токли* 'веревка' > *токли* (бежт.) 'провода, канат'.

Как видно из представленного выше материала, изменения значений слов во всех возможных вариантах обнаруживаются в основном в именах существительных. Однако в редких случаях наблюдается переосмысление и в других частях речи, например в наречиях: *архейнад* 'спокойно' > *архийанат* (бежт.) 'надолго'; в прилагательных: *дамлали* 'гнилой, сгнивший, прелый' > *дамлали* (гин.) 'тяжеловесный'; в глаголах: *гамартва* 'выпрямить'.

устроить' > *гамартла йахъал* (бежт.) 'сильно укутаться, одеваться теплее'; *гагижеба* 'свести с ума' > *гагизда йахъала* (бежт.) 'горячиться'.

Представляет интерес процесс усвоения грузинской заимствованной лексики в семантическом плане в различных диалектах дагестанских языках. Здесь также наблюдается изменение значений слов, причем в разных языках нередко несовпадающих, но отличающихся от значений слов языка-источника: *бакли* 'загон' > *баькли* (бежт.) 'гурт овец', *баклуй* (цах.) 'овцеводческая ферма'; *белтли* 'глыба земли' > *белтлу* (бежт.) 'участок (кусок) земли', *белтлу* (окт.) 'грубая вспашка'; *нигози* 'ядро ореха' > *нигози* (бежт., гунз.) 'приправа из грецкого ореха', *нигозий* (цах.) 'ореховая халва'; *члика* 'стакан' > *члика/цлика* (бежт.) а) 'стекло', б) 'зеркало', *члика* (гунз.) 'разбитое стекло', *члика* (сарус.) 'стопка', *члика* (цах.) 'нож', *члика* (тив.) 'стакан'.

РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ

Целый ряд слов, усвоенных из грузинского языка, развили одно и более новых значений, не присущих этимонам. Они стали употребляться для обозначения признаков, не содержащихся в их семантической структуре в исходном языке, некоторые моносемантические слова становятся полисемантическими.

Грузинизмы с семантическим расширением значения можно подразделить на синонимические и омофонические. Иногда при расширении значения слова приобретают новые значения, которые не имеют никакой видимой связи с прежними значениями данной лексемы. Такое расширение значения можно квалифицировать как омофоническое. Напротив, когда значение заимствования новое, но близко к основному, подобный процесс можно назвать синонимическим расширением значения слова.

1. Синонимическое расширение значения слова: *абрешуни* 'шелк' > *абрешули* (бежт.) 'шелк, шелковые нитки'; *архи* 'канал' > *архи* (цез.) 'канал, яма'; *ботли* 'козел' > *ботлуй* (цах.) 'козел, вожак'; *бринджи* 'рис' > *биринжи* (бежт.) 'рис, рисовый суп', *биринжи* (гунз.) 'рис, плов'; *лобио* 'фасоль' > *лобийо* (бежт.) 'фасоль, фасолевый суп'; *лохи* 'грязь' > *лахи* (бежт.) 'грязь, мусор'; *мхали* 'овощное блюдо' > *хали* (бежт., гунз.) 'лебеда, блюдо из лебеды'; *пара* 'баранта, отара' > *бара* (цах.) 'отара маточного поголовья при доении, место доения'; *пимплули* 'черный перец' > *пимплул* (удин.) 'черный перец, красный перец'; *симгъери* 'мурлыканье' > *симгъэрий/симгъырий* (цах.) 'мурлыканье, пение'; *туши* 'тушинец' > *туший* (цах.) 'тушинец, бацбиец'; *херхи* 'пила' > *херех* (хварш.) 'пила, напильник'; *цамали* 'лекарст-

во' > *цамали* (бежт., тляд.), *цамал* (гунз., тив.) а) 'лекарство для виноградной лозы', б) 'порох'.

2. Омофоническое расширение значения слова: *букли* 'труба, рожок' > *бокI* (цах.) а) 'труба, рожок', б) 'поддувало'; *геджа* 'чан' > *геджий* (цах.) а) 'корыто, выдолбленное из цельного дерева', б) 'улей'; *дабари* 'вскопанный участок' > *дабара* (бежт.) а) 'вскопанный участок', б) 'веранда'; *кIундзи* 'чурбан, колода' > *кIунзи* (бежт.) а) 'что-л. короткое', б) 'твердая древесина с пнями'; *мгъебари* 'красильщик' > *гъебари* (бежт., цез.) а) 'красильщик', б) 'неряха'; *мцевари* 'борзая собака' > *члевари* (бежт.) а) 'охотничья собака', б) 'крикун'; *млани* 'тело' > *млани* (цах.) а) 'тело, туловище', б) 'корзина'; *млукли* 'бурдюк' > *млукли* (бежт.) 'бурдюк, грелка'; *гъала* 'оброк' > *гъала* (бежт.) а) 'добро, богатство', б) 'нектар', в) 'жировое отложение в области живота', г) 'оброк'.

Грузинизмов, в которых произошло расширение значения, сравнительно меньше, чем слов с изменениями и сужениями значений.

СУЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ

Довольно многочисленны грузинизмы, в которых произошло сужение значения. Грузинские этимоны, в которых имеется два и более значений, при усвоении сохраняют только одно из них, т.е. полисемантические лексемы становятся моносемантическими. Иногда в грузинизмах закрепляется неосновное значение. Здесь заимствовано не слово в полном объеме его лексических значений, а лишь отдельные его значения, в которых дагестанские языки испытывали потребность. Ср.: *агури* а) 'кирпич', б) *игр.* 'бубна' > *агури* (бежт., гунз., анц.) 'кирпич'; *зари* 'колокол, звонок' > *зари* (бежт., гунз.) 'звонок'; *зети* 'растительное (льняное, подсолнечное) масло' > *зети* (цез., тив.), *цетл* (удин.) 'подсолнечное масло'; *зома* 'мера, мерка; размер' > *зома* (бежт., гунз.) 'размер'; *кочори* 'волосы в темени, хохол, чуб, гребень' > *кучури/кочори* (цез.), *гочорI/гучур* (анц.) 'чуб'; *класри* 'бочка, параша' > *класри* (цез.) 'деревянная бочка'; *кIатха* 'деревянный бокал, деревянная чашка' > *кIотхо* (бежт., гунз.), *кIото* (гин.), *кIотли* (цез.) 'деревянная чашка'; *кIетли* 'дубина, палка', 'цепь' > *кIетли* (бежт.) 'палка'; *кIочли* 'катушка, бабка, балка' > *кIочли* (бежт., гунз.) 'катушка', *кIочли* (тив. 'перекладина'; *лали* а) 'рубин', б) женское собств. имя > *Лали* (бежт., сарус., тив.) *Лали* (имя); *мамали* а) 'петух', б) 'самец' > *мамали* (бежт.), *мамалай* (цез.) 'петух'; *машарани* а) 'кислый фруктовый сок для приправы', б) 'томатный соус' > *машарани* (бежт., гунз.) 'томатный со-

ус'; *сабани* 'одеяло, покрывало' > *сабани* (тляд., гин., цез.) 'одеяло'; *саконели* а) 'скот', б) 'товар' > *саконели* (бежт., еврус.) 'скот'; *тлаху* 'кабан, самец домашней свиньи' > *тлаху* (бежт.); *тлаху* (гунз., гин.) 'кабан'; *цихе* 'крепость, тюрьма' > *цихай/цихий/цехей* (цах.) 'крепость'; *цленго* а) 'зеленый несъедобный орех', б) 'околоплодник (зеленая наружная скорлупа грецкого ореха)' > *цленго* (бежт.) 'околоплодник'; *цлеси* 'правило, способ, порядок; обряд, чин' > *цлеси* (бежт.) 'обычай', *члала/члалаки* 'роща, кустарник', *члалаг* (цах.) *члавлаьг* (удин.) 'роща'; *члачла* а) 'виноградные выжимки', б) 'водка из этих выжимок' > *члачла* (аваро-андо-цез.) 'водка, самогон', *гуьнда* а) 'круглый кусок теста', б) 'комочек снега' > *гуьндаь* (удин.) 'круглый кусок теста'; *бургъи* 'бурав, сверло' > *бургъо* (бежт.) 'сверло'; *сантели* а) 'свеча', б) 'воск' > *сантели* (цез.) 'свеча'; *пларкли* а) 'шелкопряд', б) 'боб' > *пларкли* (бежт., гунз., тив.) 'шелкопряд'; *бибило* а) 'гребень петуха', б) 'мочка уха' > *бибикл* (удин.), *быбыл/бэлбэл* (цах.) 'гребень'.

Налицо также сужение с изменением значения слова: *буде* а) 'гнездо', б) 'футляр', в) 'кобура', г) 'ножны', д) 'оправа', е) *бот.* 'плюсна', ж) *филол.* 'гнездо', з) *перен.* 'очаг', и) *анат.* 'послед', к) *анат.* 'лунка' > *буде* (бежт.) 'ниша'; *тлабакли* а) 'поднос', б) 'низкий стол' > *тлабакли* (чад.) 'большая деревянная тарелка'; *тлילו* а) 'полотно', б) 'холст', в) 'тряпка', г) 'полотно (ткань)' > *тлילו* (бежт., гунз.) 'полотенце'.

В грузинизмах сужение значения слов в основном представлено в именах существительных, хотя встречаются случаи сужения и в именах прилагательных, например: *пицхи* а) 'быстрый, скорый на руку', б) 'горячий, жаркий', в) 'порывистый', г) 'горячий, вспыльчивый', д) 'ретивый, резвый', е) 'ломкий, хрупкий' > *пицхи* (бежт., гунз.) 'вспыльчивый, горячий'.

Как было отмечено, многие грузинские глаголы-этимоны в исходной форме совмещают инфинитив и масдар, а некоторые имена-этимоны (существительные и прилагательные) в своей основе совмещают признаки прилагательного и существительного или существительного и прилагательного. При заимствовании происходит лексико-грамматическое сужение, например в глаголах чаще всего происходит сужение за счет инфинитивной формы (а масдарная форма заимствуется), в именах – за счет прилагательного, в то время как существительное усваивается. Например:

1) сужение в глаголах: *ангариши* а) 'арифметика', б) 'счет, расчет', в) 'считать' > *гьангариши* (бежт.), *ангариши* (цез.) 'счет, расчет'; *гатохвна* а) 'прополка', б) 'прополоть, вскопать' > *гатохвна* (бежт., гунз.), *гатлухъна* (гин.), *гатохна* (тив.) 'пропол-

ка'; *пурчна* а) 'подчистка (виноградной лозы)', б) 'подчистить', > *пурчна* (бежт., гуыз., тив., окт.) 'подчистка'; *мизгъва* а) 'оплата/воздаяние', б) 'оплатить, воздать' > *мизги* (бежт.) 'плата';
2) сужение значения в именах: *боло* а) 'конец', б) 'хвост', в) 'конечный' > *боло* (сарус.) 'конец'; *пирпимла* а) 'пластик', б) 'тонкий' > *пирпимла* (гуыз., бежт.) 'пластик';

В именах и глаголах наблюдаются сужения с изменением значения слов: *ваглахи* а) 'трудный, тяжелый, плохой', б) 'горе, затруднение' > *ваглахи* (бежт.) 'неряха'; *дапантла* а) 'россыпь', б) 'рассыпать' > *дапантла* (бежт.) 'рассеивание'; *качали* а) 'плешивый, лысый', б) 'плешивец' > *качали* (бежт., гуыз.) 'парша'; *корна* а) 'младенец, малютка', б) 'свежий, молодой', в) 'грудной, молочный' > *корна* (чантл.) 'коротышка, прозвище'; *къамири* 'целинный', б) 'целина, новь' > *къамар/къамай* (бежт.) 'липкий глинозем красноватого цвета', *къамир* (окт.) 'целина'.

Таким образом, грузинизмы в дагестанских языках демонстрируют общие закономерности, характерные для семантики заимствований. При заимствовании слова, многозначного в языке-доноре, может происходить: 1) сужение круга значений до одного; 2) сужение до двух значений (такие примеры встречаются редко); 3) сужение круга значений с одновременным развитием нового значения.

Представляется весьма интересным выявление грузинско-дагестанских семантических схождений (параллелей), не затронутых до сих пор в подобных исследованиях. Разработка этой проблемы затруднена, так как отсутствуют полные толковые словари даже по дагестанским литературным языкам, не говоря уже об отсутствии двуязычных словарей по многочисленным бесписьменным дагестанским языкам.

В.И. Абаев справедливо отмечает, что 'как ни показательны материальные лексические заимствования, о глубине взаимных связей еще красноречивее говорят схождения в области семантики, идиоматики, фразеологии' (1973: 27). В этом плане на межгрупповом и внутргрупповом уровнях до сих пор не были выявлены семантические параллели. Заслуживает внимания то, что на уровне осетино-грузинских языковых отношений исследователями Г.С. Ахвледзиани (1960: 194–210), В.И. Абаевым (1973: 27–34) выявлены семантические параллели (схождения); ученые отмечают, что аналогичные параллели можно найти и в других языках и что такая близость могла быть только следствием особо длительных и тесных контактов.

Однако такие семантические параллели можно провести выборочно, например на уровне двух языков – между грузинским и бежтинским. Как правило, для семантических параллелей чаще

всего привлекаются полисемантические лексемы, участвующие во множестве образований – композитах, словосочетаниях, идиомах, фразеологизмах. К таким словам в грузинском и бежтинском (да и во многих языках) относятся некоторые соматические термины, в частности ‘голова’, ‘сердце’, ‘рука’, ‘ухо’, ‘нога’, ‘язык’ и т.д. Рассмотрим имеющиеся семантические схождения в словах *гули* (груз.) – *йаклол/ракло* (бежт.) ‘сердце’, *хели* (груз.) – *кō* (*коро*) (бежт.) ‘рука’, *тави* (груз.) – *къаьм* (бежт.) ‘голова’, *къури* (груз.) – *аьгъа* (бежт.) ‘ухо’, *пехи* (груз.) – *гъало*, *хьабъа* (бежт.) ‘нога’, *эна* (груз.) – *миц* (бежт.) ‘язык’.

1. Груз. *гули* а) ‘сердце’, б) ‘сердцевина’, в) ‘ядро – бежт. *йаклол/ракло* а) ‘сердце’, б) ‘сердцевина’, в) ‘ядро’; груз. *гулпицхи* – бежт. *йакло хехаьб* (или *пицхи йакло*) ‘вспыльчивый’; груз. *гулкьа* ‘жестокий’ (букв. ‘имеющий каменное сердце’) – бежт. *кьалис йакло* (*гаьгъийо*); груз. *гулгъиа* ‘откровенный’ (букв. ‘сердце открытый’) – бежт. *йакло йе^гъейо*; *гулциви* ‘равнодушный’ (букв. ‘сердце холодный’) – бежт. *йакло йаьчлчлов*; *гулцрпели* ‘искренний’ (букв. ‘сердце прямодушный’) – бежт. *йакло йеццацикйо*; *гулиемзарави* ‘ужасающий, страшный’ (букв. ‘сердце страшный’) – бежт. *йакло гьицлакъойо*; *авгули* ‘злой, злобный’ (букв. ‘имеющий дурное, плохое сердце’) – бежт. *чикейо йаклос*; *гулисрева* ‘тошнота’ (букв. ‘смещение сердца’) – бежт. *йакло багъарзийахъийолъи*; *дидгули* ‘высокомерный’ (букв. ‘имеющий большое сердце’) – бежт. *йукъо йаклос*; *ме-гул-еба* ‘я намерен’ бежт. *дил йаккъа гей* (букв. ‘на моем сердце есть’), *гулмкърди* ‘грудь’ (букв. ‘сердце-грудь’) – бежт. *йакло-хомъ* (ср. цез. *гьомороклу//гьамороклу*, хварш. *хлел-локъва*); *гулгъвидзли* ‘потроха’ (букв. ‘сердце-печень’) – бежт. *йакло-шебо* ‘потроха’ (букв. ‘сердце-печень’).

Как видно из сопоставлений, некоторые сложные образования (например, композиты) в бежтинском языке калькированы или же построены по принципу словосложения, аналогично грузинскому.

2. Груз. *хели* а) ‘рука’, б) ‘ручка’ – бежт. *кō* (*коро*) а) ‘рука’, б) ‘ручка’; *хелис агъеба* ‘отказаться’, ‘бросить, покинуть’ (букв. ‘руку взять, брать’) – бежт. *кō йагъал* ‘отказаться, бросить’; *хелис гадасма* ‘погладить’ (букв. ‘рукой гладить’) – бежт. *кōд кахал*; *хелис гамартва* ‘оказать помощь, пособить’ (букв. ‘выпрямить руку’) – бежт. *кōда йигъайувакълал*; *хелис данареба* ‘закрыть рукой’ – бежт. *кōд къаьхъаьл*; *хелис дачлера* ‘нажать, надавить’ (букв. ‘рукой нажать’) – *кōд гъаьл мейал*; *хелис кълра* ‘оттолкнуть, толкать’ (букв. ‘рукой толкать’) – бежт. *кōд зистохълал*; *хелис моцлера* ‘подписать’ – бежт. *кō чахал* (букв. ‘рукой писать’) (ср. гунз. *коро чаха*); *хелмоцлера* ‘подпись’ – бежт. *кō* (*ко*

ро) чахийолъи; хелис шецкѣоба 'посодействовать', 'пособить' (букв. 'руку положить, класть') – бежт. *кѣ тухълал* (тукал, гушолал) 'пособить'; хелис хлеба 'дотронуться' (букв. 'рукой дотронуться') – бежт. *кѣ йе'чал* (йе'къал) 'дотронуться'.

3. Груз. *тави* а) 'голова', б) 'глава', в) 'начало' – бежт. *къаъм* а) 'голова', б) 'глава', в) 'начало', г) 'долька чеснока'; груз. *тавис дадзвена* 'увильнуть' – бежт. *къаъм йагъал* (букв. 'голова вильнуть'); *тавис дадеба* 'положить жизнь' (букв. 'голову класть') – бежт. *къаъм гулал* 'положить жизнь'; *тавис дакнеба* 'кивнуть головой' – бежт. *къаъм каъзыйовал* 'кивнуть (махать) головой'; *тавис кала* 'череп' (букв. 'череп головы') – бежт. *къаъмис клоцо* 'череп'; *тавис ткливили* 'головная боль' – бежт. *къаъмис унти* 'головная боль'.

4. Груз. *къури* 'ухо' – бежт. *аь'гъа* 'ухо'; груз. *къурадгъеба* 'внимание' (букв. 'уходержание') – бежт. *аь'гъа тухъиллолы* 'слушание' (ср. гунз. *аь'гъа тухъерлы*, авар. *гъин тлами*).

5. Груз. *пехи* 'нога' – бежт. *гъало*, *хаъбаъ* 'нога'; *пехит* 'пешком' – *гъалакъа* > *гъакъа* 'пешком', *пехишивели* 'босиком' – *гъалошат'мло* 'босиком' (букв. 'нога голая'), *пехмдзие* 'беременная' – *хаъбаълакъа йаькъкъоъ* 'беременная' (букв. 'на ногу тяжелая').

6. Груз. *эна* 'язык' – бежт. *миц* 'язык'; *энабордзикли* 'заика' – *миц бохилдаги* 'заика' (букв. 'спотыкающийся на язык'), *энагдзели* – *миц бихало* 'болтливый' (букв. 'язык длинный'), *энамахвили* – *мицакъа ац'цло* 'остроумный' (букв. 'язык острый').

Не все из этих семантических параллелизмов могут оказаться следствием грузинско-дагестанского ареального контактирования. Их бо́льшая часть возникла, по-видимому, на базе сходных представлений их носителей о сущности психических и физиологических процессов. При наличии таких параллелизмов в неконтактировавших дагестанских и грузинском языках можно сказать, что здесь, видимо, речь идет об общекавказских явлениях. Если же в этих языках фразеологические свойства рассматриваемых сопоставлений не таковы, то можно допустить, что имело место грузинское влияние.

Так, при сравнении вышерассмотренных словосочетаний с материалами некоторых дагестанских языков, в частности аварского, лакского и лезгинского, обнаруживаем, что определенная часть фразеологического словаря обязана фактору калькирования с грузинского на бежтинский. Такими являются сложные слова и словосочетания, как груз. *гулмклерди* – бежт. *йакло-хомъ* 'грудь' (букв. 'сердце-грудь'), *гулгъвидзли* – *йакло-шебо* 'потроха' (букв. 'сердце-печень'), *хелмоц'ера* – *кѣ чахийолъи* 'подпись' (букв. 'руку писание'), *хелис гамартва* – *кѣда йигъайувак'лал*

‘оказать помощь’ (букв. ‘выпрямить руку’), *хелис моцера* – *кб чахал* ‘подписать’ (букв. ‘рукой писать’), *тавис жала* – *цъаьмис Клоц* ‘череп’ (букв. ‘верхушка головы’).

Такие семантические параллели можно обнаружить в других словах. Возможно, семантические сходства имеют некоторое распространение в прилагательных и глаголах. Между тем их специальное изучение, не только на уровне двух языков, способно составить одно из интереснейших направлений поиска общекавказских параллелизмов.

Много общего в грузинском и некоторых дагестанских языках в образовании моделей фразеологических и подобных им оборотов речи, т.е. и здесь налицо семантические параллели. Сравним бежтинский и грузинский языки: *твалис гамогъеба* (груз.) – *гъаьй йагъал* (бежт.) ‘выколоть глаза’ (букв. ‘вынуть глаза’); *саламис агъеба* – *салам бохал* ‘отвечать на приветствие’ (букв. ‘привет взять’); *сахелис дадеба* – *цъаь гулал* ‘дать имя (название); нарекать’ (букв. ‘класть имя’); *корцили кна* – *бейтен йовал* ‘сыграть свадьбу’ (букв. ‘делать свадьбу’); *сулзе мосула* ‘оживать; набраться сил’ – *ругь мокъал* ‘оживать’ (букв. ‘прийти духу’); *гзаши чагдewa* а) ‘отправлять, снарядить, послать’, б) ‘удовлетворить просьбу’ – *гьид уь'хоьлаьл* а) ‘отправлять; послать’, б) ‘удовлетворить просьбу’ (букв. ‘отправить в дорогу’). Аналогичные семантические параллели обнаруживаются и в других дагестанских языках. А модель “имя + ‘класть’” широко распространена во всех группах кавказских языков (Климов, Хайдаков, Шагиров 1978: 26).

Грузинизмы в дагестанских языках создают синонимические, омонимические и антонимические ряды. Синонимы, омонимы и антонимы с участием грузинских лексических элементов выступают в роли членов одного из рядов с исконными или заимствованными из русского или восточных языков словами. Хотя количество таких рядов невелико, они сами по себе представляют определенный интерес.

Синонимы. Лексическим значением обладают только знаменательные слова, к тому же в каждом языке одно понятие, явление, событие может быть передано не одним, а двумя, тремя словами или их группой. Возникновение в языке двух или более слов для обозначения одного понятия можно объяснить стремлением подчеркнуть оттенок значения или показать какие-либо особенности предмета.

Синонимы в языке возникают разными путями. Одним из них является заимствование из грузинского языка. При заимствовании значительной части грузинских слов сохраняется существующее слово, семантика которого более или менее точно совпадает

с семантикой заимствования. В таких случаях возникает явление лексической синонимии. Между грузинизмом и исконной лексикой при этом могут устанавливаться разные синонимические отношения. При классификации лексических синонимов выделяются две группы: абсолютные и относительные, или флеографические. Абсолютные синонимы – это слова тождественные и очень близкие по своему значению, обозначающие одно и то же понятие. Они имеют некоторые различия в большей или в меньшей степени употребительности. Основным источником появления абсолютных синонимов служат заимствования. Ср. *члоти* – *лобийо* (бежт.) ‘фасоль’. Следующей разновидностью лексических синонимов являются относительные синонимы: это стилистически нейтральные слова, различающиеся оттенками основного значения и служащие для более конкретного выражения мысли, например: *кlobзи* ‘металлическая ложка’ (бежт. < груз.) – *кетле* ‘деревянная ложка’ (бежт. < груз.).

По составу синонимы можно разбить на три большие группы. Первая группа – это синонимические пары, где оба члена – грузинизмы: *сабали* – *токли* ‘веревка’, *члоти* – *лобийо* ‘фасоль’, *кетле* – *кlobзи* ‘ложка’. Вторая группа – грузинизмы + заимствование из другого языка: *акламо* – *варани* ‘верблюд’. И третья самая большая группа – исконное слово + грузинизм: *мука* – *сабали* ‘веревка’, *урго* – *мошьокли* ‘мешок’, *гелокъас* – *уцбат* ‘вдруг’.

Синонимические пары образуются в рамках соответствующих частей речи. Наиболее продуктивным в этом отношении является имя существительное. Например:

1) имя существительное – имя существительное: *агури* – *кирнич* ‘кирпич’, *сайцори* – *йачсалаги* ‘весы’, *катами* – *гуьдаь* ‘курица’, *кархана* – *гъабой/гъабор* ‘мельница’;

2) прилагательное – прилагательное: *дагълă* – *утлакъойо* ‘сонный’, *дамлали* – *йавкъкъов* ‘тяжеловесный’, *лакъе* – *гъанлулас* ‘тухлое’;

3) глагол – глагол: *гахъурда йовал* – *гъавъавлоьклаьл* ‘раскалить’, *дагъупла йовал* – *йугъоал* ‘испортить’;

4) наречие – наречие: *тели* – *дйс*, *лади*, *овллоь* ‘много’, *архийанат* – *къодăлгид* ‘надолго’, *гелокъас* – *уцбат* ‘вдруг’;

5) междометие – междометие: *гацци* – *болъо* ‘уходи’.

С участием грузинизмов в дагестанских языках образуются двухчленные, трехчленные и четырехчленные синонимические ряды:

1) двухчленные синонимические ряды: *бози* (груз.) – *гъем* (бежт.) ‘столб’, *рачло* (груз.) – *рахас* (авар. < осет.) ‘цепь’, *члудули* (груз.) – *тлетлали* (груз.) ‘цыпленок’, *бурти* (груз.) – *киркал* (бежт. < авар.) ‘мяч’, *хьатлаь* (бежт.) – *жамы* (груз.) ‘тарелка’.

жангџи (груз.) – кьовџи (бежт.) ‘ржавчина’, кекџана (груз.) – кџо-
ва/кџора (бежт., гунз.) ‘дети’, клаба (груз.) – кушта (бежт.) ‘пла-
тье’, клалоши (груз. < русск.) – эмеркла (бежт.) ‘калоши’,
тлачікла/клатікла (груз. < русск.) – уруми (груз.) – арба, мартули
(груз.) – кил (бежт., гунз.) ‘проволака’, гџуд (анц.) – ковзи (груз.)
‘ложка’, пара (груз.) – рехџен (анц.) ‘стадо’, чџика (груз.) – тџака-
ни (русск. > груз. > бежт., гунз.) ‘стакан’, донча (груз.) –
кџурушкла (русск. > бежт.) ‘кружка’, дени (груз. > бежт., тив.) –
ток (русск.) ‘ток’, балиши (тляд.) – састџули (бежт.) ‘подушка’,
бадрижан (груз.) – помидор (русск.) ‘помидор’;

2) трехчленные синонимические ряды: сабани (груз. > тляд.)
йоргџан (авар. < тюрк.) – адийал (русск.) ‘одеяло’;

3) четырехчленные синонимические ряды: тели (бежт.,
гунз.) – оьллоь (бежт. < авар.) – лади, дџс (бежт.) ‘много’.

Как видно из приведенных примеров, синонимические ряды
по количеству синонимических пар разнообразны; встречаются
двухчленные, трехчленные и четырехчленные, однако наиболее
распространенными из них являются двухчленные, а трехчлен-
ные и четырехчленные представлены единично.

Посредством грузинизмов образуются лексические омонимы.
Они являются фактом лексической системы языка. Выделяются
только именные омонимичные пары, состоящие из двух, иногда
из трех членов: клаба (груз.) ‘платье’ – клаба (бежт., гунз.) ‘лысая
голова’, топџи (груз.) ‘ружье’ – топ(и) ‘кипа чего-л. (бежт.), чала
‘солома’ – чала ‘камыш’ – чала ‘ленточка’; билокџи/болокџи –
болокџи ‘шуга’, ‘редис’.

Отмечены также антонимичные пары, образованные посред-
ством грузинизмов, например: йокџкџав ‘мало’ – тели ‘много’
(бежт.).

Глава VI

ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА НА НЕКОТОРЫЕ ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Вопрос о фонетико-морфологическом воздействии грузинского языка на некоторые дагестанские языки представляется весьма важным и интересным, поскольку он до сих пор остается малоисследованным. В отличие от лексики, в области фонетики и морфологии такое воздействие незначительно, а в синтаксисе еще меньше подобных явлений или они вообще отсутствуют. Синтаксис в этом плане является более устойчивым, менее проницаемым.

Фонетическое и морфологическое влияние грузинского языка, в частности его кахетинского диалекта, на контактировавшие дагестанские языки более четко вырисовывается на примере некоторых цезских языков – бежтинского, гунзибского, цезского и гинухского. Незначительные влияния, зафиксированные в грамматическом строе удинского языка, достаточно подробно описаны исследователями (Панчвидзе 1946: 359–370; 1972; Джейранишвили 1971).

Рассмотрим подробнее возможное фонетическое и морфологическое влияние грузинского языка на цезские и другие языки.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Фонетические элементы грузинского языка проникли в цезские языки, главным образом, с лексикой, заимствованной как из грузинского, так и из других языков через грузинское языковое посредство. При анализе конкретных языковых данных выясняется, что под влиянием контактирующего языка в фонетической системе цезских языков произошли некоторые изменения, хотя фонетическая система в целом осталась неизменной. Фонетиче-

ское влияние первым долгом проявляет себя в фонологической системе языка.

Система фонем цезских языков, на наш взгляд, подверглась незначительному грузинскому влиянию. Следы этого влияния очерчиваются в фонетических закономерностях бежтинского, гунизбского, гинухского и цезского языков в отношении распреблении тех или иных фонем в той или иной позиции (в корнях, аффиксах, а также в анлауте, инлауте и ауслауте). Исконные и заимствованные слова в грузинском языке всецело подчиняются фонетическим (фонематическим) законам грузинского языка. Эти закономерности, проникая в цезские языки вместе с лексикой, закрепляются в них, становятся их органическим элементом.

В области фонетики такому воздействию можно приписать следующие явления.

1. В фонетической системе цезских языков отсутствуют усиленные звуки (геминаты), характерные для аварско-андийских и других дагестанских языков, которые, по-видимому, исторически были свойственны и этим языкам. Утрата усиленных звуков в них могла произойти под влиянием грузинского языка. В связи с этим Т.Е. Гудава пишет, что 'утрату сильных звуков в дидойских языках, видимо, можно объяснить влиянием грузинского языка, в котором также они не наличествуют' (1979: 25). Данное положение подтверждают и аварские заимствования в цезских языках. Аварские слова с геминированными согласными передаются, например, в бежтинском, негеминированными (простыми) согласными, ср.: *роххел* 'радость' > *рохел*, *ккeze* 'попасться' > *кезийахъал* 'встретиться', *цццуб* 'женский' > *цуб* 'женский, женоподобный' (Бокарев, Мадиева 1967: 467). Вместе с тем Т.Е. Гудава отмечает, что отсутствие геминированных согласных в батлукском говоре аварского языка трудно увязывается с грузинским воздействием на утрату усиленных согласных в цезских языках. Тем не менее наличие признака геминации в фонетической системе многочисленных говоров и диалектов аварского, андийских и других дагестанских языков еще раз подтверждает, что геминаты, возможно, были утрачены в указанных языках под воздействием грузинского языка.

2. Другим фонетическим влиянием грузинского языка является появление нехарактерного в целом для аваро-андийских языков вторичного абруптивного **пI** в фонетической системе цезских языков и анцухского диалекта аварского языка, и, соответственно, образование, как в грузинском, тройной системы взрывных: **б-п-пI**. Стройность этой системы в аваро-андийских языках нарушается из-за отсутствия абруптивного **пI**.

Билабиальный смычно-гортанный **пІ** исторически не был характерен для фонетической системы дагестанских языков. На современном уровне он представлен в основном в некоторых контактировавших дагестанских языках (в основном в грузинизмах) и является вторичным. «Этот звук, – пишет Т.Е. Гудава, – не распространен и имеется, в основном, в словах, заимствованных из грузинского языка (или проникших в язык посредством грузинского). Общеизвестно, что **пІ** повсюду вторичен. Вторичен **пІ** и в дидойских языках, где он наблюдается в словах, заимствованных из грузинского, или получен вследствие ассимиляции (скажем, абруптивизацией **б**, например *кьабизе* → *кьанлuze* ‘бить, ударить’). Примечательно, что в “исторических” словах, т.е. в таких основах, в которых в родственных языках имеются соответствия, **пІ** не встречается: *плантла* ‘дикая груша’, *чланлани* (цез.) ‘веревка’, *санлуни* (гин.) ‘мыло’, *нлланлал* (бежт., цез.) ‘перец’. В аварском – *паллал*, *санун*. Источник не грузинский» (1979: 81).

Абруптивный **пІ** отмечает и И.И. Церцвадзе (1948: 130–131) в заимствованных словах анцухского диалекта аварского языка (*пלאкловникл*, *пламатур*, *план* ‘план’, *чланлур* ‘каштан’). В некоторых случаях **пІ** получен путем ассимиляции звонкого **б** в соседстве с абруптивными согласными: *члабамл* ‘сера’ – *члабмлал* (авар. лит.) – анц. *чланлмлал* (ген.). Ш.И. Микаилов в этой связи пишет, что “**пІ** в анцухских говорах употребляется чаще, чем в других аварских говорах, в которых он существует... Анцухский диалект воспроизводит заимствованные из других языков слова со смычно-взрывной артикуляцией согласных звуков в большей степени, чем это мы наблюдаем в других диалектах аварского языка: *кленлекл*, *плайтлон*, *члунлу* ‘карман’, *кларпмыл* ‘картофель’ и др. Это явление проливает свет на один из фактов, характеризующих грузинско-аварские языковые связи” (1959: 54).

Наличие абруптивного **пІ** в заимствованиях (в основном из грузинского языка) отмечается М.Г. Исаевым в тлянадинском говоре анцухского диалекта (1975: 11).

В цезских языках, как известно, неравномерно представлены заимствованные слова из грузинского языка, и соответственно не во всех говорах и диалектах звук **пІ** встречается и употребляется одинаково. Наиболее многочисленны грузинизмы со звуком **пІ** в бежтинском и гунзибском. Он налицо и в других языках этой подгруппы. “В асахском и хуприйском говорах дидойского языка, – отмечает И.В. Мегрелидзе, – в отличие от сагадского диалекта и аварского языка, определено имеется звук **пІ**. Эта фонема в нем имеется лишь в немногих словах, почему ее и нельзя считать коренным, природным звуком; фонема **пІ** встречается преимущественно в заимствованных словах и там, где сильно сказыв-

вадается влияние грузинского языка, в котором этот звук «налицо» (1955а: 229).

В других дагестанских языках, в частности в лезгинских, звук **пI** является редким согласным в словах общелезгинского лексического фонда. Вторичный **пI**, возникший в результате фонетического изменения звонкого **б**, широко распространен (Талибов 1960: 14). В контактировавших же языках лезгинской группы, а именно в цахурском и удинском, фонема **пI** зафиксирована в грузинских лексических элементах, причем она наиболее распространена в удинских грузинизмах (Джейранишвили 1971; Панчвидзе 1972; Гукасян 1974; Ибрагимов 1990).

Таким образом, фонему **пI** можно считать усвоенной, по крайней мере, цезскими языками из грузинского. Она теперь отмечается и в некоторых исконных словах звукоподражательного и звукосимволического происхождения, например: *anla* (бежт., гуыз.) 'лапа', *kʷanlɫal* (бежт.) 'ругаться', *nlavle* (бежт.) 'кот', *gunl* (цез.) 'холм', *nlanlary* (цез.) 'лысый'. В гинухском и хваршинском языках в исконных лексемах абруптив **пI** не встречается. Однако не всё столь очевидно по поводу отсутствия исходного ***пI** в прадагестанском. Как отмечают С.Л. Николаев и С.А. Старостин, соответствие между аваро-андо-цезским **б**, лезгинским **пI**, даргинским **бI/пI**, лакским **пмI/пI**, хиналугским **пI** указывает на пранахско-дагестанское ***пI**: арч. *би*, удин. *nlu*, хин. *nlu*, дарг. *bezl*, авар. *би*, цез. *balʷa* ('горло, пищевод'), инх. *balʷu* ('кровеносный сосуд'); пранахск. *gunla, авар. *гиби*, лак. *ккунпи* 'кувшин'; лезг. *plagʷ*, агул. *plagʷ*, арч. *plagʷ-bos*, хин. *nla*, лак. *пнай*, дарг. *бай*, год. *оба-ди*, чеч. *оба*, *уба* 'поцелуй' (Николаев, Старостин. Рукопись: 7).

3. Некоторые иноязычные слова, проникшие через грузинский язык, представлены со смычно-гортанными звуками **пI**, **тI**, **кI**, **чI**, т.е. в них сохраняется фонетический облик грузинского языка. Так, вместо взрывных глухих **п**, **т**, **к**, **ч**, имеющих в русских словах, под влиянием фонетических законов грузинского языка появляются абруптивы **пI**, **тI**, **кI**, **чI**. Эти согласные вместе со словами вошли в бежтинский, гуызбский, цезский, цахурский и удинский языки, а также в анцухский диалект аварского языка. Такие лексемы, где представлены смычно-гортанные согласные, чаще всего являются по своему происхождению русскими, например: *nlalʷlo* 'пальто', *klalʷuʷi* 'калоша', *nloli* 'пол', *mlʷuʷi* 'тиф', *klapʷlonleluʷ* // *klapʷlynʷ* // *klʷpʷlynʷ* 'картофель', *nlanʷkla* 'папка', *mlaʷkʷla* // *klacʷkla* 'тачка' и т.д. Аналогично абруптивы **пI**, **тI**, **кI**, **чI** проникли из грузинского языка и в другие языки, в частности в нахские (Дешериев 1953: 23; Алироев 1962: 9; Утургайдзе 1966а: 113).

4. Говоры цезского языка, за исключением кидиринского, гласную основу оканчивают на *й* (Мегрелидзе 1955а: 229), в отличие от других языков цезской подгруппы. В цезском языке в словах с ауслутиным *й* звукокомплексы *-ай*, *-ой*, *-уй*, *-ей* можно рассматривать как дифтонги. В качестве дифтонгов их выделяют и некоторые исследователи цезского языка (Имнадзишвили 1963: 15). Они представлены в словах исконного и заимствованного происхождения, ср.: *олмой* 'осел', *гьвалу* 'собака', *мамалай* 'петух' (др.-груз. *мамали*), *чликай* 'стекло' (груз. *члика*), *цунтлай* 'чулок, носок' (груз. *цунда*) и т.д. Чем же объяснить, что в цезском языке, а именно в некоторых его говорах, сохранились в настоящее время дифтонги, т.е. сохранился полугласный *й*. Если сравнить с другими дагестанскими языками, то в аваро-индийских и остальных цезских языках на современном уровне согласный *й* в исходе слова встречается сравнительно редко. Возьмем для сравнения слова общецезского лексического фонда: *зей* (цез.) 'медведь' – *зе* (гин., инх., хварш.), *си* (бежт.), *сы* (гуыз.); *цей* (цез.) 'орел' – *целцен* (инх., хварш.), *цугьа* (бежт.); *хьалу* (цез.) 'заяц' – *хье* (инх., хварш.), *хьи* (бежт., гин.); *гьалу* (цез.) 'молоко' – *гьел* (инх.), *гьин* (хварш.), *гьи* (гин.), *гьин* (бежт., гуыз.); *гьвалу* 'собака' (цез.) – *гье* (хварш.), *гьве* (инх.), *гьве* (гин.), *ве* (гуыз.), *во* (бежт.). Аналогично, полугласный *й* налицо в цахурских и удинских словах независимо от источника их происхождения.

На наш взгляд, появление ауслутиного *й* после гласной основы объясняется возможным влиянием древнегрузинского языка, в котором он был представлен и были соответственно представлены и дифтонги (Март 1925а: 3; Дзидзишвили 1960: 438). М.П.Дзидзишвили отмечает, что "суффикс *й* при присоединении к имени существительному с гласным исходом основы превращается в неслоговой *й* и вместе с конечным гласным дает дифтонги *ай*, *ей*, *ой*, *уй*" (1960: 438).

Весьма интересно, что *й* наиболее широко представлен в контактировавших с грузинским языках – цахурском, удинском и цезском. Такое явление в этих языках скорее всего следует объяснить тысячелетними языковыми контактами в условиях адстрата. В эпоху древнегрузинского или среднегрузинского периода, т.е. в период активного влияния грузинского языка на дагестанские языки, цезы, цахурцы, удины стали оформлять слова полугласным *й*. Даже в тех древнегрузинских словах, где он отсутствует, уже на дагестанской почве появляется глайд. Ср.: *цундай* (цез.) 'чулки, носки' (др.-груз. *цунда*), *мамалай* (цез.) 'петух' (др.-груз. *мамали*), *чликай* (цез.) 'стекло' (др.-груз. *члика*). Это подтверждают и слова с древнегрузинской формой, которые сохранились и поныне в цахурском и некоторых цезских языках.

например: *квай* (др.-груз.) ‘камень’ > *кывай* (цах.), *кхьмай* (др.-груз.) ‘дождь’ > *хьмай(о)* ‘пасмурный’ (бежт.), *хьмайр* (гуыз.)

Однако имеет место и иное мнение. А.М. Аслашвили (1965: 6) “гласные *ы, и, у, ыь* в абсолютном конце олова в цахурском языке ке дифтонгизируются: *галайчы* > *кьалайчий* ‘лудильщик’, *гары* > > *гарий* ‘старуха’, *овчу* > *авчий* ‘охотник’. Это самое распространенное в цахурском языке явление наблюдается также и в других родственных языках, например, в удинском: *асой* ‘облако’, *лаикой* ‘свадьба’, *окьалай* ‘низкий’” (1965: 6). В этих и других исконных и заимствованных словах в цахурском языке ауслатные элементы *-ай, -ий, -уй, -ой* М.Е. Алексеевым (1985: 112–113) и Г.Х. Ибрагимовым (1990: 81–83) рассматривают ее как словообразовательные суффиксы.

И все же нет оснований отказываться от версии, что полугласный *й* в некоторых цахурских, цезских и удинских словах представляет собой элемент фонетики древнегрузинского языка.

5. “Положение о том, что в результате длительного контакта фонетические системы соседних языков, независимо от того, являются ли родственными или нет, имеют тенденцию сближения друг с другом, является твердо установленным фактом” (Гринберг 1972: 133). По-видимому, отсутствие согласного *xI* в бежтинском говоре можно объяснить следствием длительных и особо тесных контактов собственно бежтинцев с грузинами. В настоящее время в бежтинском говоре ларингальный *гь* является фонемой повышенной частотности, а фонема *xI* исчезла из фонетической системы, т.е. *xI* перешел в *гь*. ср.: *хьапе* (тляд.) – *гьаьй* (бежт.) ‘глаз’, *хьалдыро* (тляд.) – *гьаьлдийо* (бежт.) ‘белый’, *рахлай* – *раьгьаьй* ‘замок’, *йахI* – *йагь* ‘совесть, честь’. Однако нельзя исключить, что фонема *xI* могла исчезнуть спонтанно.

Вполне можно согласиться с Т.Е. Гудава, который отмечает, что “консонантная система дидойских языков сильно упростилась и стала близкой к консонантной системе грузинского языка” (1979: 33, 54). Так, из цезских языков исчезли усиленные согласные (геминаты), утрачен спирант *хь*, появляется и становится частотным вторичный *пI*.

6. Грузинские дагестанцы (бежтинцы, гуззибцы, анцухцы), живущие вот уже более 100 лет в Грузии, особенно молодое поколение, хорошо владеющее грузинским языком, чисто произносят грузинские звуки, отсутствующие в фонетической системе бежтинского, гуззибского и тивийском говоре анцухского диалекта аварского языка. У. Хауген такое явление отмечал в языке индейцев яки. Он, в частности, выделял “период детского двуязычия, для которого характерным является процесс фонологиче-

ского перенесения, т.е. в язык вводятся звуки совершенно нового типа. Индейцы яки, которые в первом поколении должны были поставлять (p) на место (f) в испанском *estufa* 'печь' говорили (*ehupa*), сейчас усвоили испанский язык в достаточной степени, чтобы без труда произносить слово *fonografo* 'магнитофон' (1972: 358).

К таким усвоенным из грузинского языка звукам относятся аффрикаты дз, дж; комплексы согласных **кв**, **хв**, **гъв**, **къв**, **тв**, **цв**, **цъв**, **чв**, **чъв**, **шв** (губно-губной в создает эффект лабиализации предыдущего согласного). Например: *акъвани* 'люлька', квиша 'крупный песок', ихви 'гусь', *гъвино* 'вино', *дзагъли* 'собака', *оджахи* 'семья' и др. Теперь аффрикаты дж и дз, появляются в некоторых бежтинских аваризмах, хотя они отсутствуют в этих аварских этимонах. Ср., бежт.: *биджийахъал*//*бидзийахъал* 'понять' при авар. *бичлузе* (**члз** > **дз**//**дж**). Правда, такой процесс аффрикатизации не носит регулярного характера и по своей природе бежтинские аффрикаты дж, дз являются более слабыми, чем грузинские.

В речи грузинских анцухцев, бежтинцев и гунизбцев, особенно в речи молодого поколения, в словах сохраняются комплексы согласных из трех и более звуков.

7. Под влиянием грузинского языка в некоторых дагестанских языках, в частности в цезских языках и в тивийском говоре анцухского диалекта, появились вместе с грузинизмами синтагматические модели консонантных комплексов **хвл**, **рцх**, **рчи**, **нцл**, неканонические для этих языков, например: *пурчна* 'очистка виноградной лозы' < *пурчвна*, *гланцли* 'бузина вонючая' < < *анцли*, *парцха* 'борона' < *парцхи*, *хвлик* 'ящерица' < *ихвлики*. Во всех этих консонантных комплексах налицо сонорный, а иногда и два сонорных **нцл**, поэтому, видимо, сохраняются комплексы без вставки гласного.

8. Для исконной лексики бежтинского, гунизбского и гинухского языков, в отличие от остальных цезских, наиболее характерным является открытый справа тип слога. Ср.: *цлицина* (бежт.) *чличину* (гуыз., гин.) – *чличан* (цез., инх., хварш.) 'подбородок'; *гъаъмов* (бежт.), *гъийаму* (гуыз.), *аму* (гин.) – *ам* (инх., хварш.), *глам* (цез.) 'древесный уголь'; *либу* (бежт.), *лебу* (гуыз., гин.) – *леб* (цез., хварш.) 'лист'; *хъи* (гуыз., гин.), *хъийа*//*хъийалатло* (бежт.) – *хъай* (цез.) 'заяц'. Как видно из иллюстраций, в сравниваемых лексемах бежтинскому, гунизбскому и гинухскому открытому слогу в цезском и хваршинском языках, за редким исключением, соответствует закрытый тип слога.

Аналогичная картина наблюдается и при сопоставлении общих для цезских языков грузинизмов: *багъи* (бежт., гуыз., гин.) –

багъ (цез.); *цухани* (бежт., гин.), *сухени* (гунз.), *чухени* (авар.) – *цехтѣн/цехден* (цез.) ‘чердак’; *чунгури* (бежт., гунз., гин.) – *чунгур* (цез.) ‘чонгури’. Вместе с тем в ряде случаев в этих языках встречаются усеченные варианты трехсложных и четырехсложных исконных слов и грузинизмов: *кьокъон* (гин.) – *кьакъал* (гунз.) – бежт. *кьакъало* ‘шапка’; *гьыл* (гин.) – *гьоло* (бежт.), *гьелу* (гунз.) ‘горох, пуля’; *цѣмал* (гунз.) ‘порох’, *чѣрхал* (гунз.) ‘свекла’ (ср. бежт. *цѣмали*, *чѣрхали*); *гланцил* (гин.) – *анцили* (бежт., гунз.) ‘бузина вонючая’, *бадрижан* (бежт.) ‘помидор’.

Наращение ауслатного **-и** особенно ярко прослеживается на материале гинухского языка, многие исконные и заимствованные слова гинухского языка в исходной позиции имеют гласный **-и**, так же как и в грузинском языке, например: *жилд* (авар. < араб.) > *жилди* (гин.) ‘переплет, обложка’; *париз* (авар. < араб.) > *парзи* (гин.) ‘обязанность’; *халкъ* (авар. < араб.) > *халкъи* (гин.) ‘народ’ (ср. груз. халхи); *чарх* (авар. > иран.) > *чархи* (гин.) ‘точильный камень’, *хъанч* (авар. < арм.) > *хъанчи* (гин.) ‘крест’; *цементли* (груз. < русск.) > *цементли* (гин.) ‘цемент’; *тланкл* (авар.) > *тланкли* (гин.) ‘точка, пятно’; харжи (груз. < араб.) > *харжи* (гин.) ‘зарплата’; *панкъ* (авар.) > *панкъи* (гин.) ‘лепешка’; *анкъ* (авар.) > *анкъи* (гин.) ‘неделя’; *кьуди* (гин.) ‘виноград’ (ср. бежт., гунз. *кьодо*), как и ‘мелкая вошь’ (ср. бежт. *какъаь*), *иши/гьеши* (гин.) ‘яблоко’ (ср. общеавар. *гьеч/эч/эчи*). Аналогичное явление наблюдается и в некоторых словах анцухского диалекта аварского языка, например: *кьуркьули* ‘кувшинчик’ (ср. авар. лит. *гулгун*), *кьоцхали* ‘челюсть’ (гьянад. говор).

Тенденция к оформлению заимствованных субстантивов ауслатным **-и** в указанных цезских языках коснулось даже тех грузинизмов, которые в самом грузинском оканчиваются на гласные. Ср.: *чадуна* (груз.) > *чадуни* (гин., гунз.) ‘папоротник’, *биркла* (груз.) > *биркли/бийкли* (бежт.) ‘репейник’, *цицѣакла* (груз.) > *цицѣакли* (гин.) ‘красный (стручковый) перец’, *мэвэ* (груз.) > *мэвли* (бежт.) ‘полевой сторож’, *кьомнлостло* (груз. < русск.) > *кьомнлойстли* (гунз.) ‘капуста’, *чурчхела* (груз.) > *чурчхели* (анц.) ‘чурчхела’.

Из вышензложенного вытекает вывод, что оформление номинатива грузинским формантом **-и** в бежтинском, гунзибском и гинухском и некоторых говорах анцухского диалекта, видимо, связано с влиянием грузинского языка. Такое явление могло произойти именно благодаря самым тесным контактам носителей этих языков с грузинами. Здесь основную роль сыграли двуязычные бежтинцы, гунзибцы, гинухцы и анцухцы, которые перенесли элементы фонемологии грузинского языка в родную речь.

9. Ударение в бежтинском языке динамическое, слабое. В двух-, трехсложных лексемах оно в основном падает на первый слог от начала слова. В аваро-андийских и некоторых цезских языках ударение падает на различные слоги и его место очень часто зависит от морфологического оформления слова. Возможно, в бежтинском языке ударение также было подвижным и определялось морфологической категорией слов. «Диакроническое сравнение, – отмечает Э.А. Ломтадзе, – позволяет предположить, что ударение в дидойских языках в основном характеризовалось теми же свойствами, что предполагаются для древнейших стадий развития картвельских языков, т.е. ударение, на наш взгляд, было интенсивным динамическим и стояло в начале слова или на втором слоге с конца» (1984: 163). Если рассмотреть ударение в новогрузинском языке, то получаем аналогичную картину. И в грузинских лексемах ударение динамическое, слабое, ударный слог резко не выделяется; в двух-, трехсложных словах оно падает на начальный слог (Чикобава 1967:28). Как нам кажется, многовековые языковые контакты грузинского и некоторых дагестанских языков, в частности бежтинского, оставили в какой-то степени свой след в системе акцентуации бежтинского языка.

Вышерассмотренные признаки влияния грузинского языка на фонетические системы некоторых контактировавших дагестанских языков в основном отражают характерные особенности грузинской фонетики. Нельзя, конечно, не допускать при этом, что источником влияния могли быть фонологические системы других соседних языков, однако многие из выделенных явлений можно приписать грузинскому языку.

Итак, отмеченные грузинские фонетические элементы в фонетике отдельных дагестанских языков говорят о том, что языковые контакты отразились не только в области лексики, но и в фонетической (фонологической) системе.

Вместе с тем обнаруживаются отдельные следы былого влияния фонетических систем дагестанских языков на фонетику одного из диалектов грузинского языка.

С ингилойским диалектом грузинского языка, который бытует на территории Азербайджана, контактируют некоторые дагестанские языки, в частности закатальский диалект аварского языка, удинский и цахурский языки. Многовековые контакты ингилойского диалекта с указанными дагестанскими языками оставили определенные следы и в области ингилойской фонетики.

Так, Г.И. Имнайшвили отмечает, что 'под влиянием иноязычного окружения в ингилойском диалекте выработались следующие особенности в фонетике: а) возникновение умлаутных глас-

ных **об, уь**; б) деаффрикатизация звуков **дз, дж**; в) ослабление гласных **у, и** после других гласных; г) обилие дифтонгов; д) возникновение мягкого **л'** и геминат; е) гласный раздел скопления согласных в начале слова; ж) склонность к чрезмерной геминичности" (1966: 162). В этой связи Г.А. Климов пишет: "Из уинизмы так или иначе заявляют о себе здесь на различных уровнях языковой структуры, например, в фонетической системе диалекта бросаются в глаза такие характерные черты удинской фонетики, как почти полное отсутствие аффрикат **з, ж** (ср. инг. *zagli* 'собака' – груз. *zagli*, *zma* 'брат' – груз. *zma*, *žuli* 'вера, религия' – груз. *ržuli*), процесс спирализации **в > в** в неначальной позиции слова, возникновение геминированных согласных, а также консонантного приступа в словах с вокалическим анлаутом" (1986: 187).

Среди исследователей отмечаются противоположные суждения по поводу деаффрикатизации фонем **дз, дж** в ингилойском диалекте. Если Г.А. Климов считает, что под влиянием удинского языка произошел процесс деаффрикатизации в ингилойском диалекте, то другие исследователи этот вопрос рассматривают иначе.

Характерная для некоторых дагестанских языков, в частности агульского, крызского, хиналугского и других, переднеязычная аффриката **дз** утратила свою фонематичность в цахурском языке и заменяется переднеязычным звонким щелевым согласным **з**: *дзидзилей* 'блюдо, приготовленное из кукурузной муки' > *зизилей* (цах.), *гандз* 'скала' > *ганз*, *одза* 'встань' > *оза* (Асланов 1965: 9). Деаффрикатизация **дз** налицо и в удинском языке, который, как известно, находится под сильным влиянием азербайджанского (Панчвидзе 1946: 8), но она не наблюдается в речи грузинских удин с. Октомбери, т.е. аффрикаты **дз, дж** сохраняются в словах, где они представлены. Переднеязычную аффрикату **дз** В.Л. Гукасян (1963, 1974) фиксирует в словах *гъандзил* 'черемша', *бириндз* 'рис', а Е.Ф. Джейранишвили (1971: 275) – в четырех заимствованных лексемах (*дзабри*//*забри* 'воронка', *маьндзил*//*маьнзил* 'расстояние', *хадзал*//*хазал* 'лист', *гъандзил*//*гъанзил* 'черемша').

Деаффрикатизацию звуков **дз, дж** А.С. Чикобава объясняет следующим образом: "...в этом диалекте (ингилойском. – М.Х.) отсутствуют фонемы **дз, дж**. Предполагается влияние аварского языка, его чарского диалекта. Отсутствие **дз** можно было приписать влиянию азербайджанского языка; ему чужда фонема **дз**, но отнюдь не фонема **дж**" (1977: 16).

Возникновение геминат в ингилойском диалекте, на наш взгляд, можно связывать с влиянием диалектов аварского и ца-

хурского языков, представленных на территории Азербайджана, в которых они наличествуют.

Появление в фонетической системе ингилойского диалекта мягкого л', чуждого грузинскому языку вообще, с полным основанием можно объяснить влиянием цахурского языка, в котором налицо палатальные согласные, и в том числе мягкого л' (Талибов 1967: 593; Ибрагимов 1990: 32–33 и др.).

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Наибольшее сопротивление внешним влияниям оказывает морфологическая система. «Более “сдержанно”, – пишет И.О. Гецадзе, – следы ареальных контактов проявляются на уровне морфологии и синтаксиса соприкасающихся языков, что еще раз подтверждает длительную устойчивость морфологической системы» (1978: 126). В этом плане “грамматический механизм наиболее успешно противостоит всякому вторжению благодаря тому, что он является наименее материальной и наиболее формальной частью языка” (Хауген 1972: 372). Но в последнее время все чаще высказывается мнение об ошибочности утверждения А. Мейе о непроницаемости системы склонения и спряжения (Меновщиков 1964: 103; Серебренников 1974: 334).

Многовековые языковые контакты на Кавказе, безусловно, не могли не отразиться на разных языковых уровнях. Следы этих ареальных контактов проявились неравномерно: по части лексики – больше, а в грамматике – значительно меньше или вообще отсутствуют. Представляют интерес некоторые встречи дагестанско-грузинских, нахско-картвельских, абхазско-адыгско-картвельских языков на уровне морфологии. Такие встречи на дагестанско-грузинских примерах отмечены в специальной литературе. В связи с этим Г.А. Климов пишет, что “заслуживают внимания такие встречи в морфологическом инвентаре, как *д картвельского обстоятельственно-эргативного и общедагестанского эргативного падежей, *-с картвельского и дагестанского дательного падежей, *-ис картвельского генитива и *-ес генитива и полных форм прилагательных ряда дагестанских языков и др.” (1964: 39). В перечень таких встреч можно включить совпадение формантов множественности грузинского и дагестанских языков – **-бе// -би** (ср. груз. **-еб(и)**, авар. **-би**, цез. **-би// -бе// -ба// -бо**, андийские – **-б// -би// -бе**, дарг. **-би**, рут. **-бе// -ба// -би**, цах. **-бы**, крыз. **-би**; буд., хин. **-бер**, агул. **-бур**). Или же совпадение словообразовательного суффикса **-кю// -кю** с уменьшительно-ласкательным

значением, встречающегося в грузинском и дагестанском языках, например: *швилкло* 'мальчик', *даикло* 'сестричка', *машикло* 'папочка', *дедикло* 'мамочка' (груз.) – *ождикло* 'мальчик', *шиббикло* 'девочка' (бежт.) – *васикло* 'кукла-мальчик', *ядукло* 'кукла-девочка' и т.д. Такие параллели выделяют на примере конкретных дагестанских – лакского и картвельских. В.Г. Топурия в грамматическом строе этих языков параллели находит в склонении имен, в составе указательных местоимений и в спряжении глаголов (1941: 16).

Морфологические встречи удинского и грузинских языков описаны В.Н. Панчвидзе (1946: 359–370). Например, в качестве параллели в глаголах удинского и грузинского языков В.Н. Панчвидзе рассматривает суффикс каузативности **-ев//в**. Он пишет, что “в виде пережитка в некоторых удинских глаголах мы имеем суффикс каузативности (т.е. переходности) **-ев//в**, который прибавляется к основе глагола перед вспомогательным глаголом (*бошсун* ‘есть’ → *бош-в-клесун* ‘заставить есть’). Суффикс **-ев//в** увязывается (функционально и генетически): а) с **-ев//ив** тематическим суффиксом в глаголах грузинского языка (исторически и этот суффикс должен представлять собой также суффикс каузативности, ср.: *ацлмевс* ‘заставляет есть’, *аквлевиневс* ‘заставляет убивать’); б) с суффиксом **-ив** творительного падежа в древнегрузинском языке (*прд-ив* ‘пешком’); в) с суффиксом творительного падежа в армянском языке. Он должен быть заимствован армянским языком... из картвельских (т.е. кавказских) языков” (1940: 494). Однако “сведение всех подобных параллелизмов воедино, – отмечает Г.А. Климов, – затруднено вследствие отсутствия в настоящее время сравнительно-исторических словарей как абхазско-адыгских, так и нахско-дагестанских языков. Должно быть очевидным, что оно составляет задачу специального исследования” (1964: 39).

Если на фонетическом уровне взаимовлияния были обоюдными, то на морфологическом уровне на нынешнем этапе исследования дагестанских и грузинского языков наблюдаем влияние последнего.

В некоторых исследованиях по вопросу грузинско-дагестанских языковых контактов сделаны попытки осветить влияния на уровне морфологии некоторых контактировавших дагестанских языков со стороны грузинского языка, при этом в них обнаруживают отдельные, недостаточно аргументированные и спорные положения. Подробнее остановимся на выявленных в специальной литературе изоглоссах морфологического характера, дополняя их по мере возможности новыми наблюдениями в этой области на материале некоторых цезских языков.

Одним из таких следов былого воздействия грузинского языка на дагестанские некоторые исследователи считают совпадение форм при склонении личных местоимений обоих чисел в именительном и эргативном падежах в бежтинском, гунзибском, гинухском и цезском языках. Так, К.Ш. Микаилов пишет, что "интересно с точки зрения исторической совпадение в гинухском при склонении личных местоимений обоих чисел форм именительного и эргативного падежей, они, как и в остальных дидойских языках (за исключением хваршинского), морфологически и не оформлены. Если обратиться к показаниям соседнего для дидойских языков грузинского языка, то и там личные местоимения I и II лица обоих чисел также не принимают никаких окончаний ни в именительном, ни в эргативном, ни даже в дательном падежах. Аналогичная картина, как известно, наблюдается в занском (мегрело-чанском) языке" (Ахмедов, Микаилов 1983: 268).

Сравним личные местоимения восточнодидойских языков:

	Бежтинские			
Им.п.	<i>до 'я'</i>	<i>ми 'ты'</i>	<i>иле 'мы'</i>	<i>миже 'вы'</i>
Эрг.п.	<i>до</i>	<i>ми</i>	<i>иле</i>	<i>миже</i>
	Гунзибские			
Им.п.	<i>дэ 'я'</i>	<i>мэ 'ты'</i>	<i>иле 'мы'</i>	<i>миже 'вы'</i>
Эрг.п.	<i>дэ</i>	<i>мэ</i>	<i>иле</i>	<i>миже</i>
	Гинухские			
Им.п.	<i>де 'я'</i>	<i>ме 'ты'</i>	<i>эли 'мы'</i>	<i>межи 'вы'</i>
Эрг.п.	<i>де</i>	<i>ме</i>	<i>эли</i>	<i>межи</i>

Гинухский язык в некоторых случаях тяготеет к восточноцезским, а в отдельных случаях – к западноцезским языкам.

А теперь сравним эти местоимения в западнодидойских языках (цезском и хваршинском):

	Цезские			
Им.п.	<i>ди 'я'</i>	<i>ми 'ты'</i>	<i>эли 'мы'</i>	<i>межи 'вы'</i>
Эрг.п.	<i>ди</i>	<i>ми</i>	<i>эли</i>	<i>межа</i>
	Хваршинские			
Им.п.	<i>до 'я'</i>	<i>мо 'ты'</i>	<i>ило 'мы'</i>	<i>мижо 'вы'</i>
Эрг.п.	<i>до</i>	<i>ме</i>	<i>иле</i>	<i>миже</i>

Такое явление объясняется К.Ш. Микаиловым тысячелетним сосуществованием цезских и грузинского языков в условиях адстрата, при котором сильное влияние на эволюцию цезских языков оказал грузинский.

А то, что формы личных местоимений в им. и эрг. падежах в хваршинском языке дифференцированы, исследователь обосновывает не тем, что он не контактировал с грузинским языком,

а тем, что он соседствовал с аварским и андийскими языками, которые оказали влияние на хваршинский язык (Ахмедов Михаил 1983: 269). То, что в цезском языке отмечается разграничение форм им. и эрг. падежей местоимения *межи* в эрг. падеже (им. *межи*, эрг. *межа*), объясняют частичным влиянием грузинского языка.

Но как же объяснить тогда совпадение форм именительного и эргативного падежей единственного числа в некоторых именах существительных в бежтинском, гунзибском, гинухском, хваршинском языках. Ср., например:

Бежтинские										
Им.п.	<i>або</i>	'отец'	<i>ийо</i>	'мать'	<i>иси</i>	'сестра'	<i>вайа</i>	'корова'		
Эрг.п.	<i>або</i>		<i>ийо</i>		<i>иси</i>		<i>вайа</i>			
Гунзибские										
Им.п.	<i>абу</i>	'отец'	<i>ийо//ийу</i>	'мать'	<i>кьэра</i>	'ребенок'				
Эрг.п.			<i>ийо//ийу</i>		<i>кьэра</i>					
Гинухские										
Им.п.	<i>або</i>	'отец'	<i>ийо</i>	'мать'	<i>сий</i>	'медведь'	<i>льи</i>	'вода'	<i>цфо</i>	'огонь'
Эрг.п.	<i>або</i>		<i>ийо</i>		<i>сий</i>		<i>льи</i>		<i>цфо</i>	
Хваршинские										
Им.п.	<i>кьыца</i>	'птица'	<i>миши</i>	'теленек'	<i>кьала</i>	'ребенок'	<i>Пали</i>	'Али'		
Эрг.п.	<i>кьыца</i>		<i>миши</i>		<i>кьала</i>		<i>Пали</i>	<i>Пали</i>		

На наш взгляд, такое совпадение форм именительного и эргативного падежей единственного числа в личных местоимениях и в именах существительных цезских языков можно объяснить не влиянием со стороны грузинского языка, а сохранением в некоторых словах до настоящего времени недифференцированных форм именительного и эргативного падежей. По-видимому, исторически формы этих падежей не разграничивались не только в цезских, но и в картвельских языках, где недифференцированность основных падежей личных местоимений считается архаичной (Климов 1962: 105–106; Чикобава 1967: 38), а со временем, в процессе развития, в отдельных языках произошла их дифференциация путем маркировки эргативного падежа в личных местоимениях и в именах существительных.

В этой связи М.Е. Алексеев пишет, что "нулевым показателем в общецезский период характеризовался, по-видимому, и эргатив, однако ныне его образование в ряде языков обрело некоторые специфические особенности" (1988: 140).

Таким образом, совпадение номинатива и эргатива личных местоимений в языках эргативного строя есть черта типологическая (Климов, Алексеев 1980: 30, 201).

Другим элементом морфологического влияния грузинского языка на аварский К.Ш. Микаилов (1987: 161–162) считает маркировку аварского номинатива и, в частности, пишет по этому поводу, “маркировка именительного падежа характерна уже для периода грузинско-занского единства (сванский в этом пункте оснований для серьезных номинаций не дает). Т.е. к периоду активного влияния грузинского языка на аварский мы уже имели все предпосылки для какой-то маркировки и т.н. *Nominativ'a*. Грузинский язык сыграл здесь решающую роль. Аварцы стали оформлять каждое назывное слово специальным аффиксом. Им послужило, как и в грузинском, местоимение **-ав** (I гр. кл.), **-ай** (II гр. кл.), **-аб//иб** (III гр. кл.) ‘этот, эта, это’ соответственно” (1987: 162). В подтверждение этого тезиса приведена иллюстрация: *Хлажи-й-ав* ‘Гаджияв’, *Хлажи-й-ай* ‘Гаджияй’ (мужчина и женщина, совершившие паломничество), *гечиб* (кус.) ‘яблоко’ – *геч* (общеавар.), *ген-иб* (кус.) ‘груша’ – *гени* (общеавар.), *калай-й-аб* ‘голова’ (кус.) < *кабле* (азерб.). Сохранение архаичных форм с аффиксами в личных именах и в некоторых существительных в кусурском диалекте аварского языка объясняется тем, что на протяжении веков кусурский диалект находится в окружении цахурско-рутульского и азербайджанского языков.

В кусурском диалекте аварского языка в вышерассмотренных лексемах элемент **-иб** И.А. Исаков трактует как классный показатель (1977: 167).

Рассмотрим теперь следы бывшего воздействия грузинского языка на морфологический инвентарь цезских языков. В количественном отношении они незначительны и в разных цезских языках (да и диалектах одного языка) проявляются по-разному. Но существенно то, что грамматический строй, а именно морфологическая система, не подвергся сколько-нибудь серьезным изменениям. Грамматический строй цезских языков остался неизменным, но обогатился новыми языковыми явлениями, не характерными для языков и диалектов цезской подгруппы в прошлом.

1. В качестве следов бывшего воздействия грузинского языка на грамматическую систему цезских языков можно предположительно назвать образование некоторых сложных слов и повторов, а также калькирование свободных (устойчивых) и фразеологических словосочетаний по аналогии с грузинскими образцами.

Так же как в грузинском, в цезских языках многообразны способы образования сложных слов (композигов). Прежде всего, это сложение функционально равнозначных основ, компоненты которого сохраняют порядок слов в сложении, например в бечтинском: *ахъо-къова* ‘семья’ (букв. *ахъо* ‘жена’ – *къова* ‘ребенок’) – груз. *цолшивили* ‘семья’ (букв. ‘жена-сын’), *ийо-або* ‘ро-

дители' (букв. 'мать-отец') – груз. дед-мама (букв. 'мать-отец'). Правда, такие словосложения встречаются и в родственном аварском языке.

А вот образование композитов, в которых первый компонент выступает как определение, более уверенно можно отнести на наш взгляд, на счет грузинского воздействия, так как такие словосложения в аварском языке встречаются только в некоторых диалектах, например: *оцдӕс билъо* 'олень-самец' (букв. 'быку подобный олень') – груз. *хар-иреми* (букв. 'бык-олень'), *вайадӕс билъо* 'самка оленя' (букв. 'корове подобный олень') – груз. *пер-иреми* 'самка оленя' (букв. 'корова-олень'), *Иццӕло ал* (букв. 'Новое село') – груз. *Ахалсопели* 'Ахалсопели' (букв. 'новое село'). Как видно из иллюстраций, в грузинских композитах-этимонах происходит усечение окончаний, а в бежтинском во многих сложных образованиях они еще сохраняются. Но есть немало случаев, когда и в бежтинском налицо упрощение падежных формантов в таких образованиях, ср.: *кӕ* (*коро*) *чахийолъи* (*чӕхерлъи*) 'подпись' (букв. 'рука писание') < *кӕс* (*корос*) *чахийолъи* (*чехерлъи*) 'подпись' (букв. 'руки писание') – груз. *хелисмоцӕра* 'подпись' (букв. 'руки писание'), або-иси 'тетя' (букв. 'отец-сестра') < *абос иси* (букв. 'отца сестра') – груз. *мамида* (< *мамис да*) 'тетя' (букв. 'отца сестра'), *ийо-иси* 'тетя' (букв. 'мать-сестра') < *ийос иси* (букв. 'матери сестра') – груз. *дедида* (< *дедис да*) 'тетя' (букв. 'матери сестра') (Чикобава 1977: 35).

Калькирование свободных и устойчивых словосочетаний, композитов, а также пословиц и поговорок обогащает словарный фонд заимствующих языков и делает разнообразнее грамматическую систему дагестанских языков в способах образования словосложений, фразеологических и других оборотов (более подробно см. главу IV, раздел "Структурно-грамматическая классификация [грузинизмов]").

2. В словообразовательном инвентаре некоторых контактировавших дагестанских языков, в частности в бежтинском, обнаруживаются деривационные суффиксы, аналогичные грузинским, например **-ни**.

Суффикс **-ни** в отглагольных именах в бежтинском и цезском языках, видимо, грузинского происхождения. В грузинском языке суф. **-ни** встречается в инфинитивно-масдарных формах, например: *кӕлӕлани* 'кудахтать, кудахтание'; *кӕакъани* 'галдеть, галдеж, шум'; *зузунни* 'жужжать, жужжание, свист' и т.д. Сравните бежтинские отглагольные имена: *кӕакъани* 'кудахтание' > > *кӕакъадӕл* 'кудахтать', *герни* 'ругание' > *гердӕл* 'ругаться', *гечни* 'драка' > *гечдӕл* 'драться' и т.д. Суффикс **-ни** является продуктивным и встречается чаще всего при образовании отглаголь-

ных имен, исходной основой которых, так же как в грузинском, выступают звукоподражательные и звуко-символические слова.

Однако предположение о грузинском происхождении суфф. **-ни** в бежтинском и цезском языках вызывает сомнения, так как аналогичный процесс образования масдара посредством этого суффикса представлен и в даргинском языке (Абулбаев 1962: 510) – влияние грузинского языка здесь трудно проследить. Данный суффикс в таком виде не сохранился и в других аваро-андо-цезских языках. Как пишет М.Е. Алексеев, «цезский показатель масдара **-ни** (*цахни* ‘писание’, *xlan-ni* ‘лай’) обнаруживают внешние параллели, ср. общезезгинский именной суфф. ***н**, лак. **-н** (*хлачла-н* ‘пить’, *ласу-н* ‘брат’). Суффикс масдара **-н** имеется и в андийских языках, однако здесь он восходит к **-р**. Как и анд. **-н**, аварский именной суфф. **-н** обусловлен назализацией глагольной основы” (1986: 200).

Возможно, суфф. **-ни** был характерен для прадагестанского языка. Затем, после распада прадагестанского состояния, в процессе длительного исторического развития во многих языках, и в том числе цезских, был утерян. А древние языковые контакты оставили свой отпечаток, одним из которых, на наш взгляд, можно считать заимствование словообразовательного суффикса **-ни** в указанных цезских языках. Еще одним основанием для предположения о грузинском происхождении суффикса может быть то, что образование новых слов в бежтинском и цезских языках происходит по аналогии с грузинским в сфере идеофонической лексики.

3. Можно предположить, что под грузинским влиянием в тлядальском говоре бежтинского языка произошло стяжение инлута в существительных, прилагательных, местоимениях, наречиях и глаголах. Ср.: бежт. *о'к'ьона гей//гели* ‘пришел’ → тляд. *о'к'ьонай*, *э'к'ьена гей//гели* ‘пошел’ → *э'к'ьенай*; *учител гей//гели* ‘учитель есть’ → *учителй*, *о'жьов гей* ‘сын есть’ → *о'жь*; *рук'ьо гей* ‘большой есть’ → *рук'ьой*, *йихало гей* ‘длинный есть’ → *рихалой*; *миже гей* ‘вы есть’ → *мижей*, *гьуги гей* ‘он есть’ → *гьугий*; *ахо гей* ‘хорошо есть’ → *ахой* (**и**, **й** – сокращенные формы вспомогательного глагола *гей*, *гели* ‘есть’, прибавляемые в конце слова в тлядальских словах; и присоединяется, если лексема имеет согласный исход, а **й** – если лексема имеет гласный исход). Такое стяжение представлено и в грузинском, где оно происходит в именах существительных, прилагательных, местоимениях и наречиях, например: *калаки арис* ‘город есть’ → *калакиа*, *чеми арис* ‘моя есть’ → *чемиа*, *адре арис* ‘поздно есть’ → *адреа*, *саинтлересо арис* ‘интересная есть’ → *саинтлересоа* (в грузинском языке **а** – сокращенная форма вспомогательного

глагола *арис* 'есть', добавляемая в конце слова). Если сравнить морфологическую систему цезских, в том числе и других говоров бежтинского языка, а также остальных дагестанских языков, то аналогичного явления (прибавление гласного *и* в конце слова) не обнаруживается. Оно характерно для тлядальского говора, влияние на который со стороны грузинского языка представляется несомненным.

В отличие от грузинского языка стяжение в инлауте в тлядальском говоре происходит и в глаголах. Это – новообразование в тлядальских глаголах.

4. Бежтинские и гунизбские глаголы с условными значениями имеют форманты, соответственно, **-да**, **-д//до**, как и грузинские глаголы условного наклонения **-да**, например: *эчкье-да* (бежт.), *эчкье-до* (гуниз.), *мидис-да* (груз.) 'если идет'; *йогь-да*, *руво-да*, *шенеб-да* 'если строил' и т.д. В бежтинском и гунизбском условное наклонение имеет одну форму, а в грузинском условное наклонение дифференцируется на условное, образованное от будущего времени, и условное-сослагательное. В других цезских языках условное наклонение имеет следующие форманты: цез. **-най//наьй//ней**, хварш. **-лъал**, **жогьоли**; гин-о, а шире – в остальных дагестанских языках – налицо самые разнообразные форманты. Поэтому едва ли можно объяснить случайностью совпадение формантов условного наклонения (с условным значением) **-да**, (бежт.), **-а//до**, (гуниз.) и груз. **-да**.

В картвельских данный формант налицо в трех языках (ср. мегр., чан. **-да**) и восходит к периоду грузинско-занского языкового единства (Климов 1964: 54).

5. Весьма интересно также совпадение формы настоящего времени и долженствовательной формы в грузинском и в бежтинских языках (формант **-с**, ср.: *цоллало-с* (бежт.) – *цлов-с* (груз.), *цлун-с* (мегр.) 'сосет'; *млукес//млукеш* – *амодис* 'восходит', *йѳс* – *аклемебс* 'делает' и т.д. Кроме форманта **-с//ш**, для бежтинских глаголов настоящего времени характерны и форманты **-ча//ца**. Они присоединяются к тем или иным глагольным основам в зависимости от типов их спряжения, наиболее употребительным является формант **-с//ш**. Е.А. Бокарев отмечает, что "в гунизбском языке настоящее время представляет собой чистую глагольную основу. В бежтинском настоящее время образуется с помощью окончаний **-с//ш**, **-ца//ча**. Нужно думать, что цезский, хваршинский и гинухский языки сохранили первичное выражение настоящего времени с помощью локальных показателей, а в бежтинском и гунизбском формы настоящего времени являются новообразованиями, типичными для каждого из этих языков в отдельности" (1959: 283). Однако и в гунизбских глаго-

лах настоящего времени 1 и 2 лица выделяют формант **-ч//чо** (Хельма ван ден Берг 1992: 93).

А теперь сравним форманты настоящего времени во всех цезских языках.

Языки	Гунз.	Бежт.	Гин.	Цез. 3	Хванс. 3
Форманты настоящего времени	-е, -ѳ, -у; -о, -а, -ѳ	-ца//ча; -(и)с, -(о)с, -с; -(е)ш, -(о)ш	-гьо, -йо	-хо, -х	-гьо, -ге, -исе

В тлядальском диалекте бежтинского языка мы имеем форманты, соответственно: **-ца//ча, -(о)ч, -(е)ч//ц, -(а)ч//ц, -(и)ч//ц**. Как известно, для тлядальского диалекта характерным является переход свистящих в шипящие: бежт. **з, с, ц, цI** → тляд. **ж, ш, ч, чI**. В данном случае вместо ожидаемых **-с** и **-ш** в тлядальском представлены **-ч** и **-ц**. А форманты **-ца//ча** присоединяются к тем глагольным основам, которые оканчиваются на согласный, и образованы они следующим образом: *хулос* (бежт.) – *хулоц//хулоч* (тляд.) ‘пьет’, *гулца* (бежт., тляд.) < *гулса* (*лца* < *лса*) ‘кладет’, *чаьлча* (бежт., тляд.) < *чахса* (*хч* < *хс*) ‘пишет’ и т.д.

Как видно из таблицы, в гунзибских глаголах настоящее время представляет собой чистую основу. Видимо, первоначально чистая основа была характерна для форм настоящего времени бежтинского языка, так как эти языки являются самыми близкородственными (некоторые исследователи рассматривают их даже как диалекты одного хванского или капучино-гунзибского языка). Со временем, в процессе отдельного развития бежтинский язык, по-видимому, усвоил грузинский формант 3 лица настоящего времени **-с**.

Глава VII

ДАГЕСТАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Многовековые языковые контакты в Кавказском регионе отразились и на грузинском языке. Поэтому углубленное исследование элементов нахско-дагестанских языков, нашедших свое отражение в картвельских языках, представляет большой интерес и научную ценность. Следы этого влияния на грузинский, особенно на его восточные диалекты (кахетинский, хевсурский, ингилойский), налицо прежде всего в области лексики, и не только. Их число в литературном грузинском значительно ниже.

Отдельные дагестанские лексические элементы в древнегрузинском и некоторых диалектах современного грузинского языка отмечены в исследованиях Н.С. Трубецкого, А.С. Чикобава, Г.А. Климова, С.А. Старостина, С.Л. Николаева, И.М. Дьяконова, Т.Е. Гудава, К.Ш. Микаилова, О.И. Кахадзе, Г.Х. Ибрагимова и др. В настоящей главе мы даем краткий обзор специальной литературы, посвященной дагестанизмам в грузинском языке, высказывая свои суждения и позиции по затрагиваемому вопросу. Дополнительно к известным предлагаются и некоторые новые сопоставления.

Заемствованный северокавказский слой лексики в картвельских, хотя он и незначителен, можно распределить по трем группам: слова, восходящие к нахско-дагестанскому (более широко — северокавказскому) лексическому фонду, а также специфические лексемы аваро-андо-цезской и лезгинской языковых групп.

При этимологической интерпретации картвельского словаря северокавказского происхождения происхождение многих лексем обосновывается исследователями с опорой на различные фонетико-морфологические и семантические критерии. Не подвергая подробному анализу данный слой лексики, ограничимся перечислением подобных лексем, внося при этом определенные коррективы в известные сведения.

Из лексических вкраплений нахско-дагестанского характера, зафиксированных еще в письменных памятниках древнегрузинского языка, можно назвать несколько следующих ниже.

Груз. *хе* 'дерево' (ср. бацб. *хе* 'дерево', чеч., инг. *хе*¹, бежт./*хоьхоь*, гуыз. *хо²хе* 'дерево' и т.д.) (Трубецкой 1973: 66-67; Климов 1984: 184; Чухуа 1989: 20 и др.).

Груз. *хъдал-и* 'самка лошади и осла' (ср. бацб. *хъдал* 'самка, кобыла', чеч. *хъёла*, инг. *хъал*, цез. *ахъйу//ахъони*, бежт., гуыз. *ахъона* 'самка'). Это и предыдущее слова имеют соответствия и в других дагестанских языках (Трубецкой 1973: 66-67; Климов 1971: 224; 1986: 184 и др.).

Груз. *бур(в)акл* 'подросший поросенок'. Ср. нах.-даг. *буртлкъ, авар. *бурутл* 'козленок'; бежт., гуыз. *було*, цез. *булли* 'свинья', лак. *буркл* 'свинья', арч. бокъ, удин. бохъ, лезг. вак 'свинья' (Климов 1971: 224-225). Однако эту основу некоторые исследователи (например, И.А. Джавахишвили) считают пракартвельской.

Лексемой нахско-дагестанского происхождения в картвельских языках является и *оболи* 'сирота'. Как отмечает Г.А. Климов, данная лексема не является исконной для картвельского словаря (1972: 351-352). Ср.: груз. *оболи*, мегр. *омболи* 'сирота' при чеч. *б̄оубо*, бацб. *бадо*, кист. *буа*; авар., анц., цез. *гьобол* 'гость, чужестранец' и т.д. Исходной формой признают авар. *гьобол* (мн. *гьалбал*), подвергнувшееся в дальнейшем фонетическому преобразованию. Исходя из формальной принадлежности аварского *гьобол*, Й. Бехерт (1966: 132) утверждает, что речь здесь идет о более старом названии аварцев – *гьалбол*. Не вызывает никакого сомнения, что в грузинский слово проникло из нахско-дагестанских языков. Однако И.Ю. Алироев рассматривает данную лексему как генетически общее слово нахско-картвельской лексикой (1978: 185).

Название дуба в грузинском языке восходит к нахско-дагестанскому источнику (Климов 1986: 184). Ср.: груз. *муха* 'дуб' – цах. *мохъ*, рут. *махв*, таб. *муьрх* 'дуб, желудь', тинд. *нихл//михи*, цез. *нахлу*, гин. *нигыи*, бежт. *нигъе* 'дуб, желудь' и т.д. Дагестанские формы С.А. Старостин (1988: 123) сближает с индоевропейскими.

Целый ряд лексических общностей, объединяющих картвельскую и нахско-дагестанскую языковые группы, как отмечает Г.А. Климов, сложился за счет проникновений из последней (1972: 353-355). К ним относятся такие лексические параллели, как:

1) мегр. *квела*, чан. *клули*, сван. *квил* 'маленькая скамья' – хварш. *къури*, бежт. *къōл/къоро*, дарг. *уркъули*, арч., лезг., рут.,

таб. *кьул*, цах. *кьува* 'доска'. Зафиксированное в осетинском языке, а именно в его дигорском диалекте, слово *к'ела* 'скамья' квалифицируется как картвелизм (Абаев 1949: 327);

2) груз. *к'учли*, мегр. *к'учли*, сван. *к'вичи* 'железудок', авар. *к'вачла* (мн. *к'учлиби*) 'бурдюк', лак. *к'уци* 'селезенка', гунз. *к'учли* 'зоб', бежт. *к'учла* 'бурдюк' и т.д.;

3) груз. *г'арт-и* 'бурка', мегр. *г'арт*, *г'аьрт* 'бурка' – чеч. *верта*, инг. *ферта*, авар. *буртина*, цез. *бутни*, хварш. *бутну*, бежт. *буртина*, лак. *варси*, дарг. *варси*, *дварси*, *дваргьи*, *в'ате* (< *варте*), арч. *вартти*, лезг., агул., рут., цах. *лит*, таб. *йурт* 'бурка, войлок'. Часть этих основ сопоставлена с картвельскими уже Ш.Г. Гаприндашвили (1954: 300). Для картвельских параллелей Г.А. Климов предполагает восточнокавказский источник. Здесь, впрочем, не исключается возможность возведения слова в конечном счете к древнеиранскому источнику (1972:354). Картвельские и восточнокавказские основы, по мнению С.А. Старостина (1988: 113), восходят к древним индоиранским языкам;

4) груз., мегр. *т'ливи*, сван. *т'лив* 'мост' – чеч. *т'лай*, инг. *т'луй*, бацб. *т'лив*, бежт. *т'луйол/т'лиро*, хварш. *т'леро*, авар. *к'о*, анд. *к'ыличу*, ахв. *к'ылича*, кар., тинд. *к'ылеру*, чам. *к'ыле*, багв. *к'ылер*. Это и другие слова Т.Б. Гониашвили относит к древнему лексическому фонду, унаследованному от периода нахского единства (1969: 24). Однако, судя по наличию генетической общности со словами дагестанских языков, можно предположить, что оно заимствовано еще раньше, в период нахско-дагестанского единства.

В качестве северокавказских заимствований в грузинском С.Л. Николаевым и С.А. Старостиным отмечены следующие лексические изоглоссы:

груз. *арциви* 'орел' – пранахск. *glarɕiɖib (чеч. *glärzu*, инг. *glärzi*, бацб. *арциб*) 'орел'; праавар. *ɕlʷmɔli (ахв. *ɕlʷim*, анд. *ɕлуй*); працез. **ɕiɰɣь(v)* (цез. *цей*, гин. *цой*, гунз. *цу*, бежт. *цуɰɣьа*, хварш. *це*), дарг. (чираг.) *glarɕime*, агул. *марцл*, лак. *барзу* 'орел'. При этом к наиболее архаичным среди северокавказских рефлексов С.Л. Николаев относит пранахскую и даргинскую формы (1985: 61).

груз. *аг'вири* 'узды' – прасеверокав. **ɸ̄x̄x̄w̄ɨr(v)* 'уздычка' пранахско-дагес. **ɸ̄x̄x̄w̄ɨr(v)* > лак. *хбури*, дарг. *ургьур*, чам. *р'ахьур* 'недоуздок', арч. *духьур*, таб. *фурун*, рут. *рыхн'а*, бежт. *рогьо/йогьо* 'уздычка'. Из грузинского, в свою очередь, слово заимствовано абхазским *а-г'в'ра* (Старостин 1985: 80).

груз. *к'омши* 'айва' – прасеверокав. **kkärɰuc(v) // *kkärɰuc(v) // *ккум'арс(v)* 'айва' > таб. *кумуш*, агул. *куршен*, дарг.

кмихле 'айва', лак. *кѳурмуз* 'мирабель' (по мнению С.А. Старостина, лакская форма послужила источником авар. *кѳермез*, арч. *гербец*); працез.-хварш. *кушухли 'персик' > цез. *кушух/и*, гин. *кушохли*; пранахск. **кам(v)-cil-p* 'виноград' > чеч. *келс*, инг. *коме*, бацб. *кануз*. Из грузинского оно вошло в осетинский – *кломси* (Абаев 1958: 636). Северокавказская основа близка с индоевропейской праосновой (Старостин 1988: 412).

картв. *вашил-и 'яблоко' – прасеверокав. **глатмсэ(-а)* 'яблоко', 'мушмула'; пралезг. *хлэмч 'яблоко' > арч. *алниш*, таб. *вич*, агул. *хлач*, лезг. *ич*, крыз. *йеч*, хин. *мыч*; дарг. **гынц(и)*, лак. *гывч*; працез. *ēī 'яблоко' > гин. *иши*, инх. *ēш*, бежт., гуыз. *эш*; праавар. *ымичи 'яблоко' > авар. *геч*, ахв. *ече*, анд. *иши*, чам. *мичи*; пранахск. *хламс 'мушмула' > чеч. *хламс*, инг. *хламиск//хламиск* (Старостин 1988: 126).

груз. *клаклат-и* 'камешек, гравий' – прасеверокав. **клеркел(и)//клерклен(v)* 'камешек, зернышко, яйцо'; пралезг. *кларклат 'гравий, камешек' > лезг. *кликлат*, таб. *клеклел*, рут. *клыклат*, цах. *клакалаи*, крыз. *клыклат*; прабежт.-гуыз. *клекле 'жареное зерно' (ср. гуыз. *клекле*, бежт. *клакла* 'косточка, капля', *клекле* 'жареное зерно'); анд. *кlorклон* 'яйцо' и др. Сходный корень налицо также в картвельских языках (картв. *клаклат 'грецкий орех', мегр. *клаклат* 'зерно, штука'). Для картвельской основы С.Л. Николаев и С.А. Старостин предполагают северокавказский источник (Николаев 1985: 69; Старостин 1988: 133), а из картвельского заимствовано армянское *клаклат* 'грецкий орех' (Капанцян 1975: 36–37). Однако лезгинские формы Г.А. Климов и О.И. Виноградова (1979: 158) выводят из армянского.

груз. *нахори* 'полова, мякина' – прасеверокав. **нех̄х̄л̄х̄в̄е* 'сено, солома': пранахско-дагест. **нех̄х̄л̄х̄в̄е* авар. *наку* 'мякина', праавар. **никв(v)* (ахв. *нихо* 'солома', кар. *нику* 'солома'), працез. **нох̄лу* 'солома' (цез. *нохлу*, гуыз. *нахлу*, бежт. *нахо*), лак. *нах*, дарг. *нег* 'мякина', хин. *ник*; пралезг. **нах̄в̄* 'мякина', рут. *нахлв* 'сено'; праабхаз.-адыг. ма *мах̄х̄ве* ве 'сено' (Старостин 1985: 81).

А.Л. Чинчараули, дифференцируя отраслевую лексику нахских языков, выделяет слова, заимствованные в грузинском из нахских, и слова, заимствованные нахскими языками из грузинского (1975: 210–214). Элементы нахской лексики представлены в основном в пшавском и хевсурском диалектах грузинского языка. При сравнении грузинских нахизмов обнаруживаются их параллели в некоторых дагестанских языках, в частности в цезских. Соответственно, эти слова по своему происхождению являются нахско-дагестанскими, но в грузинские диалекты проникли, види-

мо, из нахских языков. К таким лексемам, согласно автору, относятся:

1) хевсур. *гема* 'инструмент для размягчения кожи', пшав. *гемна* – нахск. *гэмаллхъема* (ср. бежт., гунз. *гемна* 'дегтярь мельницы');

2) хевсур. *чама* 'маленький бачок с ручкой' – чеч. *чāми*, инг. *чама* 'ковшик, половник, совок для муки' (ср. бежт. *чайамо* 'совок для муки'; в чеч., видимо, возмездительная долгота);

3) груз. *халул/хала* 'отрезанная ветвь', 'длинная палка' – нахск. *хал* 'стебель травы', 'отрезок нитки' (ср. бежт., гунз. *хало* 'колючка', 'шип');

4) хевсур., пшав. *муши* 'материал из липового дерева' – нахск. *муш* 'веревка, канат' (ср. бежт. *муши* 'веник, лопасть мельничного колеса').

К указанным лексическим заимствованиям можно добавить и нахско-дагестанскую лексему *чухта*, зафиксированную в современном грузинском языке. Ср.:

груз. *чихтлал/чихтлу* 'ободок, часть женского головного убора' – авар. *чохтлолл/чухтлу* (косв.осн. *чахтлул*) 'женский головной убор', анд. *чухтлу*, багв., тинд. *чухтлур*, авх. *чоххотлу*, кар. *чухду(р)*; цез., гин. *чухтлму*, бежт., гунз. *чохтло*, хварш. *чухтлурус*; лезг. *чуткьу* (*шуткьу*, *шуткьу*), таб. *чуткьа*, *чухта*, буд. *чутку*, крыз. *чокту*, арч. *чухтлу*; дарг. *чутхъа*, кубач., цудах., акуш. *чукл*. Ср. также азерб. *чутгу*, кум. *чуткьу*, чеч. *чохтла* (*чухта*, *чухт*).

Этот головной убор издревле был характерен для дагестанских народов, о чем свидетельствуют археологические материалы Бежтинского могильника (VIII–X вв.), в котором обнаружен головной убор, очень схожий с современной аварской чухтой (Атаев 1964б: 113).

Более того, по мнению некоторых дагестанских этнографов, родиной *чухту* считают Восточный Кавказ, в том числе и Дагестан (Агаширинова 1978: 231).

А его отсутствие в остальных картвельских языках и их диалектах и его фиксация в письменных источниках начиная с середины XIX в. дают основание предположить, что в грузинском слово заимствовано из дагестанских (точнее, аварского) языков. В свою очередь грузинский язык послужил посредником для языка тбилисских армян (*чихтлу*). В этой связи Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волкова отмечают, что до XIX в. грузинки носили не *чихтлу*, а высокую шапочку *шустак* (1990: 129).

Генетическим же источником данной изоглоссы считают тюркские языки (Джидалаев 1990: 120), ср.: азерб. *чутгу* 'чепец, чепчик', кум. *чуткьу* 'головная повязка в виде мешочка, куда

женщины прячут волосы'. Однако более древней основой, от которой образовались современные формы, видимо, является тюркский корень *чок//чох* ('холка, оставленная при стрижке три жеребят; кисточка; небольшой чуб на голове мальчика'), зафиксированный в киргизском, карачаево-балкарском и других языках. В законсервированном виде древняя форма сохранилась в акушинском, кубачинском, цудахарском диалектах даргинского языка (*чук* 'женский головной убор').

Как отмечалось выше, ареальные контакты с грузинскими диалектами имели аваро-андо-цезские и южнолезгинские языковые группы. Именно в этих языках наличествует значительное количество грузинизмов.

Соответственно, из этих языков, в свою очередь, проникло определенное число слов в контактирующий грузинский язык, в особенности в его восточные диалекты – кахетинский, хевсурский и ингилойский.

Из аваро-андо-цезской языковой группы на грузинский язык влияние оказали в лексическом плане аварский и цезские.

Из дагестанских языков в грузинский язык вошли некоторые лексемы. К ним относится общедагестанское слово *хинкл*, заимствованное грузинским языком из аварского во множественном числе, ср. *хинкл* (мн. *хинклал*) – груз. *хинклали* 'пельмени' (Гудава 1954: 703; Микаилов 1977: 162; Климов 1986: 194). Оно представлено также в бацбийском, рутульском, удинском (*хинклал*), лезгинском (*хинклал//хинклар*), ингушском (*хингал*). Через посредство грузинского языка проникло в мегрельский (*хинклали*), в абхазско-адыгские языки (адыг., каб. *хънчлълъ//хънчлълъ* 'суп-лапша'), а также и в некавказские языки Кавказа (Климов 1986: 194). В ингилойском же диалекте засвидетельствована удинская форма названия хинкали: ингил. *гириц* 'хинкал (ритуальное)' < *гэриц* (удин.) 'хинкали'.

Из дагестанского языкового мира идет грузинское слово *харча* 'наложница'. По мнению Т.Е. Гудава, грузинское *харча* восходит к аваро-андийским *гьарчи*, *гьаркIкIу* 'жена' (1954в: 703; 1954б).

Грузинский этноним *лекли* 'лезгин' (*resp.* 'дагестанец'. – М.Х.) является древним дагестанским заимствованием: *лекли* – *лакк, *лек*, *лад* 'человек'. Из дагестанского языкового мира он проник в кавказский и другие ареалы через посредство иранских, тюркских, грузинского (ср. из груз. > арм. *гъекI*) языков (Абдуллаев, Микаилов 1971: 13–25). Данный этноним У.А. Мейланова (1964: 5) связывает со словом *ладз* 'белая глина для обмазки'.

Грузинское слово *цел-и* 'коса' этимологически связывают с аварским *бе-ц-и-зе* 'косить' (Гасанов 1968а: 123). Однако оно вос-

ходит пракартвельскому *цел со значением 'отдамывливать, срезать'. Аварский композит харицел 'коса' по своему составу является двухсложным и образован от аварского хер 'трава' и грузинского цели 'коса'. Ср. цез. хер+цели, бежт. харицел, харицел [хари] – косвенная основа от хер, заимствована из аварского языка) далее имеет место гармония гласных в основе: хари > хара → → бежт. хара-чин).

Грузинское цалди 'кухонный топор (в виде большого ножа с крючкообразным загнутым концом)' восходит к аварскому цалта (Абаев 1959: 329). Однако бежтинское цалди 'большой нож (с вогнутым лезвием для снятия коры с дерева)', видимо, заимствовано уже из грузинского языка.

Нахско-дагестанское происхождение некоторых грузинских слов предполагает А.С. Чикобава (1975: 31). Так, например, груз. цали 'козленок (в возрасте до года)' увязывается с авар. цле (мн.ч. цлани) 'коза'. Или же 'кошка' – по-грузински звучит клатла (ср. авар. кето, эрг. катица). Основа напоминает определенные основы индоевропейских языков (русск. кот, нем. Katze, фр. chat, англ. cat...). В хевсурском диалекте грузинское слово клатла замещено словом цица, что естественно тяготеет к названию кошки в чеченском языке цициг (ср. инг. циск) (1975: 32). Однако лексема цици/цица 'кошка' (ср. сван. цицв 'кошка') представлена и в литературном грузинском языке (Чубинов 1984). Возможно, из хевсурского диалекта она вошла в литературный грузинский язык, однако нельзя не принимать во внимание и другой вариант: что цици/цица 'кошка' – элемент дескриптивной лексики грузинского языка. Как обычно, во многих языках такой пласт лексики бывает близким в фонетическом оформлении, и чаще всего слова звукоподражательного и звуко-символического характера не заимствуются. В речи бежтинцев лексема цици 'кошка' (ср. англ. цици/цица 'кукла'; зак., гин., гунз., цез., цах. цици 'кукла') параллельно употребляется со словом гедо 'кошка', правда, первая менее частотна и встречается чаще всего в детской речи.

К вышеперечисленным аваризмам в грузинском можно прибавить и груз. важи 'отрок, парень'. Оно встречается во всех дагестанских языках и в грузинский язык проникло из аваро-андоцезских языков (Климов 1986: 186; Чикобава 1987: 10). Ср.: гин., цез. ужи, бежт., гунз. ожолложе, хварш. ужа 'сын, мальчик', анд. вошо, чам. воша, год. ваиа, авар. вас, дарг. уриш. Или же груз. ахо 'подсека, чащоба' – также заимствовано из аваро-андоцезских языков. Ср.: авар. рохь, карт. рохьо, болт. рухью, анд. рушу, дид. ажо 'лес'. Как отмечает А.С. Чикобава, «слово ахо 'подсека, чащоба' засвидетельствовано в древнегрузинской рукописи

XI века, а *важ-и* 'парень, сын' встречается с XII века (в поэме Ш. Руставели "Витязь в тигровой шкуре")» [Чикобава 1987: 10].

К.Ш. Микаилов как аваризмы в литературном грузинском выделяет следующие слова (1977: 161–162): *барбацц* 'шататься', *цотла* 'немного, мало', *клюдрачла* 'плутовка', *чанчлури* 'венгерка' (сорт сливы), *кларакц* 'сливочное масло' и дает этимологическое происхождение каждого слова.

Груз. *барбацц* 'шататься, нетвердо стоять на ногах, пьяная походка', по мнению К.Ш. Микаилова, получено из аварского *бербецав* 'слепой' (букв. 'слепоглазый'). Как отмечает К.Ш. Микаилов, в словаре древнегрузинского языка И.В. Абуладзе и в остальных картвельских языках слово не представлено.

Груз. *цотла* 'немного, мало' выводится из аварского *цодагы/цодагыаб*, где *цо* 'один' и *дагы/дагыаб* 'мало, немного'. И эта лексема не зафиксирована в древнегрузинском и других картвельских языках. По мнению К.Ш. Микаилова (1977: 161), в грузинском варианте ауслатный *гы* утрачен.

Груз. *клюдрачла* 'плутовка' этимологически ученый связывает с аварским *рачл* 'хвост' и выделяет в нем два компонента: груз. *клуди* 'хвост' и авар. *рачл* 'хвост', что буквально означает 'хвост – хвостатая'.

Груз. *чанчлури* 'венгерка (сорт сливы)' он сравнивает с аварским *чанчлур* 'алыча, дикая слива' и отмечает, что оно проникло в Кахетию из Аварии и оттуда получило распространение по всей Грузии. Ср. формы этого слова в других андо-цезских языках: кар., инх. *чанчлул*, ботл., год. *чанчлур*, чам. *чанчлар/чанчлур* 'дикая слива'; андийские и хваршинские слова заимствованы из аварского. Данная лексема зафиксирована и в других кавказских родственных и неродственных языках, в частности в осетинском, кабардинском (*чанчлур*), азербайджанском (*джанджыр* 'венгерка') и т.д. На наш взгляд, она по своему происхождению является грузинской и распространилась в те языки Кавказа, которые контактируют с грузинским. Многие исследователи, в частности Ф.Д. Техов (1979: 112) в осетинском, А.М. Асланов (1982: 31) в азербайджанском, рассматривают ее как грузинизм.

В предполагаемом генетическом источнике, а именно в аварском языке, она наличествует не во всех диалектах, такая же картина наблюдается в андо-дидойских языках. По этому поводу К.И. Гарунова пишет, что «название *чанчлури* (келебский смешанный говор и авар. лит. язык) является грузинским заимствованием со значением 'слива', 'один из сортов сливы', и при переходе в аварский язык оно подверглось семантическому изменению, став названием 'дикий алычи'. В литературный аварский и

некоторые его диалекты, по-видимому, слово попало через келебский смешанный говор, носители которого непосредственно контактировали с грузинами» (1989: 64).

И, наконец, груз. *klaraki* 'сливочное масло', но К.Ш. Микаилову, восходит к аварскому *mloraxh* 'сметана'. Как пишет К.Ш. Микаилов, – непосредственно контактируя с жаро-белоканскими аварцами, заимствовали это слово, которое было адаптировано согласно всем законам грузинской фонетики и морфологии. Ударение, естественно, перешло на второй от начала слог (*mloraxh* > *kloraxh* > *kloraxhi*), в результате чего слабый безударный *o* ассимилятивно перешел в *a* (*kloraxh-u*). Чуждый грузинскому передневелярный спирант *xh* перешел в смычно-взрывной придыхательный передневелярный *k...* Слово, естественно, вошло в литературный грузинский язык, ибо именно в Кахетии и Картлии оно формировалось, отсюда попало в осетинский и армянский языки' (1977: 162). В тлядальском диалекте бежтинского языка оно заимствовано из грузинского языка: *къаракли* 'сливочное масло' < *klaraki*.

В качестве аваризма в грузинском К.Ш. Микаилов (1999а: 97) выделяет и слово *махвили* 'сабля', связывая его с дагестанскими лексемами, ср.: авар. *махх* 'железо', таб. *мукуу*, лезг., агул., крыз., хин. *кэу* 'лемех' и т.д.

Грузинское *цленго* 'околоплодник, зеленая кожура грецкого ореха' имеет параллели в аваро-андийских языках, ср. авар. чинква, гид., анц., кал. *чинкир/ченкер*, н.-батл. чинкер, анд. чинква, кар. *чункура*, чам. *чинква* (ср. дарг. *чахъа*), ботл. *кенчер*. Этимологически эти формы связаны с глаголом чункизе 'растолочь' (Гарунова 1989, 67). От этого глагола образовано существительное *чинква* > *чинква*, а затем, видимо, заимствовано грузинским языком: *чинква* > *чинква* > *цленго* (здесь налицо, во-первых, абруптивизация: *ч* > *чI* > *цI*; во-вторых, делабиализация или переобразование с озвончением: *кв* > *ко* > *го* или *ва* > *о*). А бежтинско-гунзибский вариант слова *цлинго* 'околоплодник' проник уже непосредственно из грузинского языка.

Отмеченное в словаре А.А. Глonti (1974: 161) диалектное слово *гохи* 'необработанное возвышенное место, холм' (гудам., мтиул., картл.), на наш взгляд, восходит к аварскому источнику (шире, аваро-андо-цезским языкам). Ср. авар. *гохI*, анд. *гогъ* 'холм, возвышенное место' и др. Оно наличествует только в указанных горских диалектах грузинского языка, а в картвельских и древнегрузинском не зафиксировано.

Лексему *битла* 'пятилетний тур' хевсурского диалекта грузинского языка можно возводить к цезскому источнику: *билъо* (бежт., гунз.), *булъи* (гин., цез.), *белъа* (хварш.) > *битла* (хевсур.).

Во-первых, в хевсурском вытеснено исконно грузинское название тура *джихви*; во-вторых, сочетание неканонических для грузинского языка консонантных комплексов – тл – этимологически можно возвести к аваро-андо-цезскому тл, т.е. фонемы кь и лъ передаются в иноязычном произношении через тл. ჯღ [tʰ] ჯღ [tʰ] ჯღ [tʰ]

Другим общецезским словом в грузинском, *მლინლო* *mliṇlo* 'жижа, жидкая грязь'. В цезских языках оно имеет следующие параллели: цез. *кьонло* 'коровий навоз', гин. *кьонлолоко* 'навоз', бежт., гунз. *кьонло* 'коровий навоз'. И здесь налицо передача нехарактерного для фонетической системы заимствующего языка кь через тл, причем абруптивность исконного согласного сохраняется в тл. Ввиду наличия вторичного пI в лексеме несколько проблематично, на первый взгляд, отнесение ее к исконно цезскому словарному фонду. Однако и здесь можно предположить, что данное слово в цезском имело архетип *кьобо*, в котором впоследствии б перешел в пI. Таких звукопереходов отмечено немало, напр.: авар. *кьабизе* 'бить' > анц. *кьанлзи*; налицо и обратный процесс: удин. *mlumlunl* 'гранат (дикий)' > ингил. *mlumlub* 'кожура граната'.

Зафиксировано определенное количество слов в грузинском литературном, а также в его ингилойском диалекте, по своему происхождению восходящих к языкам лезгинской группы.

Так, например, О.И. Кахадзе для несколько обособленно стоящих грузинских слов находит параллели в лезгинских языках (1988: 349). Ср.:

- 1) груз. *тирклум-ел-и* – лезг. *дирклуи, тIурклуи/тIукуи* (лезгин. диал.) 'почка' (анат.);
- 2) груз. *навгъ-ел-и/нагъв-ел-и* 'желчь' – таб. *невгъ*, лезг., рут. (мухад.) *нагъв*, рут. (ихрек.) *навгъв*, цах. *нагъ*, агул. *негъв*, удин. *негъ* 'слеза';
- 3) груз. *пац-и* (мн. *пац-еб-и*) 'кисть руки, лапа' – лезг. *бац/пац* 'лапа, лапка';
- 4) груз. *цIубицIа/цIунлцIа* 'косточка винограда' – лезг. *цIунуцI-ар, цIуппицI* (<*цIунпицI <*цIубицI) 'виноград'. Данную лексему С.Л. Николаев (1985: 72) возводит к пранахско-дагестанскому *[c'c'] *ymbilv* 'виноград' (ср.: прааварск. *c'ibil, пралезгинский *t'umbul).

"Надо полагать, эти основы, – пишет О.И. Кахадзе, – были представлены и в соседнем, ныне вымершем, албанском языке, откуда, скорее всего, они могли попасть в древнегрузинский язык. Выявленные грузинско-лезгинские (resp. древнегрузинско-лезгинские) лексические параллели имеют значение как для истории грузинских слов, так и для определения давности фактов лезгинских языков" (1988: 349).

Отмечены также отдельные факты фиксации лексических элементов лезгинских языков, в частности удинского, в литературном грузинском языке. Так, Г.А. Климов в качестве удинизма в литературном грузинском выделяет лексему *боквени* 'пах' при удин. *бухъун* 'живот, брюхо' (1986: 187). Или же к удинскому *бегъ* 'солнце' не без основания возводят древнегрузинское *бгъвар* (< *бе-гъв-ар-и*) 'юг, солнечная сторона', в котором А.С. Чикобава выделяет также детерминатив основы **-ар**, а 'оставшаяся часть естественно увязывается с удинским *бегъ* 'солнце' и однозначными основами таб. *регъ*, лезг. *рагъ*, лак. *баргъ*, авар. *бакъ* и т.д.' (1953: 71).

Особый интерес в этом плане представляют яркие лексические удинизмы ингилойского диалекта грузинского языка, локализующегося в северо-западном регионе Азербайджана. Довольно очевидные лексические параллелизмы ингилойского диалекта и удинского языка нашли свое отражение в исследованиях Г.М. Имнайшвили (1966), В.Т. Джангидзе (1978). Г.А. Климова (1986: 188). Ср., в частности, следующие параллели:

Ингилойский диалект	Удинский язык
<i>арчан</i> 'дерево (строевое)'	<i>арчан</i> 'ель'
<i>гириц</i> 'хинкали (ритуальное)'	<i>гэриц</i> 'хинкали'
<i>гьетар</i> 'как'	<i>гьетаър</i> 'как'
<i>клан</i> 'порог'	<i>клан</i> 'порог'
<i>клатлар</i> 'кокошник'	<i>клатлар</i> 'кокошник'
<i>клоклой</i> 'хлебце (круглый)' (груз. лит. <i>клоклори</i>)	<i>клоклоли</i> 'кусоч хлеба'
<i>кломлман</i> 'стог'	<i>кломлман</i> 'стог' (< арм.)
<i>магъай</i> 'иди сюда'	<i>магъай</i> 'иди сюда'
<i>майзар</i> 'передник' (ср. груз. <i>мазари</i> 'шинель')	<i>майзар</i> 'передник'
<i>мархали</i> 'груда снега'	<i>мархал</i> 'груда снега'
<i>тлакъай</i> 'род сосуда'	<i>тлакъхъа</i> 'мера, вместитель'
<i>тланклеми</i> 'корзина'	<i>тланклуми</i> 'корзина'
<i>тлумтлуб</i> 'кожура граната'	<i>тлумтлунл</i> 'гранат (дикий)'
<i>тлогъанагъ</i> 'крючок, игла'	<i>тлогъанахъ</i> 'крючок'
<i>члигай</i> 'колышек'	<i>чликл</i> 'сучок'
<i>шитлприкл</i> 'легкомысленный'	<i>шитлприкл</i> 'легкомысленный'

Указанные ингилойские удинизмы встречаются в цахурском и рутульском, а отдельные из них – в цезских и других дагестанских языках. Ср., например, лак. *марххала*, бежт. *мархъали* 'вязанка дров' при удин. *мархал*, ингил. *мархали* 'груда снега'.

В качестве дагестанизмов в ингилойском диалекте грузинского языка можно отметить следующие слова: ингил. *магаши* 'творог, полученный из сыворотки овечьего молока' < *маъгъаши*

(азерб. диал.) 'свернувшееся молоко', *магаи* (анц.) *мабъаби* (бежт.), *магаиш* (гуниз.) 'творог', *мажис* (лак.) 'творожная масса'; ингил. *гъарацлий* 'глиняная посуда' < *гъарацлий* (зак.), *гъарацли* (авар.), *гъарацли* (лак.) 'глиняный кувшин', *гъарцли* (арч.) 'глиняный горшок' и т.д.

Отдельные цахурские лексические элементы, отмечаясь Г.Х. Ибрагимов (1977: 204–205), хотя и являются заимствованными так называемых 'цахуризмами', на наш взгляд, скорее всего следует рассматривать, напротив, в качестве грузинизмов в цахурском.

Так, Г.Х. Ибрагимов пишет, что 'здесь (в грузинском литературном. – М.Х.) в основном представлены некоторые названия посуды из дерева, а также строительные термины, например: *тепиш* 'тарелка' – *тессий* (цах.) 'деревянная миска' (в старину, основная посуда у цахурцев); *класри* 'бочка' – *класри* (цах.) 'деревянный сосуд (для хранения молочных продуктов, а также сыпучих веществ, 30–40 кг)', *клула* 'узкогорлый сосуд для питья вина' – *клула* (цах.) 'деревянный ковш'; *кловзи* 'ложка' – *клуки* в цах., видимо, редупликация основы и последующее усечение; в картвельских языках, по мнению Г.А. Климова (1964: 113), основа усвоена из других языков; *саклани* 'камера' – *саклан* (нах.) 'камера, хранилище зерна, муки' (представлена и в других родственных языках); *геджа* 'чан' – *геджий* 'корыто, выдолбленное из цельного дерева, улей'; *цихе* 'крепость' – *цихей/цехей* 'крепость', в цахурском постепенно выходит из употребления, взамен закрепляется тюркское *хъала*, часто *цихей* встречается в топонимике' (Ибрагимов 1977: 204).

Эти лексические параллели цахурского и грузинского языков, вероятнее всего, следует рассматривать как грузинизмы в цахурском, так как почти все эти словарные единицы наличествуют в аналогичном фонетическом облике во многих контактировавших дагестанских, северокавказских, осетинском и других языках, получая квалификацию у различных исследователей в качестве грузинизмов. Во-вторых, для обоснования тезиса об их цахурском происхождении в грузинском необходимо выделить веские аргументированные критерии на уровне фономорфологии и семантики, а также этимологические характеристики слов, а не ограничиваться их сопоставлением в чисто лексическом плане на уровне двух языков.

Итак, грузинский язык, а также некоторые его диалекты испытали определенное лексическое воздействие со стороны контактировавших нахско-дагестанских языков, хотя следы этого влияния значительно ограничены в количественном отношении по сравнению с грузинизмами в нахско-дагестанских языках. По-

этому невозможно согласиться с мнением Н.Я. Марра, явно преувеличивавшего масштабы такого воздействия и усматривавшего в нем отражение бывшего сильного влияния дагестанской культуры на грузинскую и даже армянскую (1917: 316-317).

Дальнейшие глубокие исследования этимологического характера словарного фонда всех дагестанских, картвельских и других кавказских языков, возможно, приведут к выявлению новых лексических вкраплений дагестанских языков в картвельских и, в частности, в грузинском.

საქართველოს
ზნობრივი მემკვიდრეობის

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народы Дагестана и Грузии в течение длительного исторического периода поддерживали экономические, политические и культурные взаимоотношения. Дагестанско-грузинские торгово-экономические связи на всех этапах развивались не в одинаковой степени и зависели от внутривосточного и внешнеполитического положения Дагестана и Грузии. Значительной помехой на этом пути была раздробленность Дагестана и Грузии, междоусобные войны, нашествия иноземных завоевателей и т.д. Однако в целом эти контакты носили регулярный характер и отражали интересы дагестанского и грузинского населения.

Культура дагестанцев не развивалась изолированно от культуры соседних народов. Дагестанские народы поддерживали тесные культурные связи с населением Северного Кавказа и Закавказья. Влияние закавказской культуры было значительным и разносторонним. На основе развивавшихся торгово-экономических и политических связей строились дагестанско-грузинские связи. Грузинская культура проникала в страну гор прямо и опосредованно, запечатлеваясь в искусстве, архитектуре, материальной и духовной жизни, устнопоэтическом творчестве дагестанских народов и т.д. Обогащение лексического фонда контактировавших дагестанских языков грузинскими культурно-историческими терминами, а также проникновение в грузинский язык, особенно в его приграничные с Дагестаном диалекты, слов из дагестанских языков, распространение в западных районах Дагестана христианской религии и древнегрузинской письменности – это результат многовекового культурного влияния этих народов друг на друга.

В условиях современного Кавказа различается взаимодействие его автохтонных и неавтохтонных языков, а также их внутривосточное и межвосточное взаимодействие, в котором значительное место принадлежит грузинскому языку, длительные ареальные контакты которого с другими языками Закавказья и Се-

верного Кавказа оставили свои многочисленные следы. Выделяется четыре региона межгруппового соприкосновения с грузинским языком: абхазско-адыгский, чечено-ингушский, аваро-цезский и южнолезгинский.

В истории грузинско-дагестанских языковых контактов выделяются два основных этапа взаимодействия — до и после XVIII в. На первом этапе контакты были слабыми. Влияние грузинской культуры усиливается в XI–XIII вв., когда Грузия достигает высокого культурного, политико-экономического уровня развития. На втором этапе (XVIII–XX вв.) связи между регионами становятся более тесными и, соответственно, языковые контакты усиливаются. Этот период отличается интенсивностью проникновения лексических и других языковых единиц и большей степенью проникновения грузинских лексических элементов в дагестанские языки. В течение всей истории взаимоотношений языковые контакты носили в основном маргинальный характер, но в последнее столетие контакты были и интрарегиональными. На втором этапе нередко происходит повторное заимствование, когда лексемы заимствуются из новогрузинского языка.

В истории языковых контактов в силу повседневных жизненных потребностей двуязычными были носители некоторых дагестанских языков. Грузинский язык в какой-то степени выполнял функцию языка межэтнического общения. Факторами двуязычия в условиях Дагестана являются: торгово-экономические связи, отходничество, чрезвычайное многоязычие, потребность в языке межнационального общения, проникновение христианства в Западный Дагестан.

Грузинско-дагестанские языковые контакты носили региональный характер, и, соответственно, можно выделить три региона: грузинско-аварский, грузинско-цезский и грузинско-южнолезгинский ареалы.

Среди них наиболее тесными и длительными можно считать грузинско-цезские и грузинско-удинские связи, что нашло отражение в многочисленных заимствованиях, в основном в области лексики и частично в фонетике и морфологии.

Начало аварско-грузинских языковых контактов восходит к XI–XIII вв., когда Грузия начала распространять христианство. В развитом средневековье влияние грузинского языка на аварский было заметным. Если в целом Авария имела наиболее тесные контакты в основном в этот период, то пограничная с Грузией зона расселения анцухцев поддерживала эти связи с древнейших времен.

Из всех дагестанских народов и народностей цезы в наибольшей степени имеют непрерывные тесные контакты с грузинами.

Связь цезских языков с грузинским, в частности с его кахетинским и тушинским диалектами, то усиливаясь, то ослабевая, поддерживалась на протяжении около двух тысячелетий. Однако не все цезские языки имели одинаково тесные контакты с грузинским языком. Наличие тесных языковых связей подтверждает большое количество лексических и грамматических заимствований.

Наиболее интересная этнолингвистическая ситуация сложилась в ходе многовековых ареальных контактов грузинского языка с некоторыми из лезгинских языков – цахурским, рутульским и удинским. Цахурцы, рутульцы и удины, как древние племена Кавказской Албании, также имели непосредственные контакты с грузинами восточного региона. Эти связи отразились и в языках народов. Прежде всего следы взаимоотношений отчетливо выразились в лексике, особенно в удинской, поскольку значительная часть удинского населения в течение нескольких столетий была связана с Грузией, причем в силу конфессиональных соображений и в пределах Восточного Кавказа престижную роль играл староудинский – древний язык Кавказской Албании.

Большинство дагестанских грузинизмов являются контактными. Контактную природу имеют заимствования в цезские, рутульский, цахурский, удинский языки, а также анцухский и закательский диалекты аварского языка. К неконтактным, видимо, можно отнести отдельные факты заимствований в андийских языках, вошедшие через чеченский или цезские языки, или некоторые грузинизмы закательско-кахских говоров азербайджанского языка – через посредство цахурского языка.

В дагестанских языках многочисленны заимствования из восточных, русского и других языков. Некоторые из них заимствовались непосредственно из языка-источника, другие же – опосредованно, в том числе и в процессе грузинско-дагестанских языковых контактов.

Наиболее распространенной классификацией заимствованных слов является предметная, или тематическая, классификация, позволяющая делать выводы и предположения о сферах воздействия языка-источника на язык-рецептор, а также о характере их употребления. Анализ грузинизмов в дагестанских языках позволяет выделить следующие тематические группы и подгруппы слов по сфере их употребления:

I. Имена существительные: 1) Общественно-политическая терминология; 2) Лексика, связанная с человеком; 3) Сельскохозяйственная лексика; 4) Лексика, связанная с неживой природой; 5) Лексика животного мира; 6) Лексика растительного мира;

7) Предметная номенклатура; 8) Ономастика. II. Имена прилагательные. III. Глаголы. IV. Наречия. V. Служебные части речи.

Выделенные грузинизмы объединяются примерно в 50 лексико-тематических подгрупп, число лексем в которых варьирует от одного до трех десятков. По своему удельному весу довольно значительное место в тематических группах занимают предметная номенклатура, названия животного и растительного мира и общественно-политические термины. Среди подгрупп в количественном отношении наиболее широкими являются названия различных хозяйственных построек, названия предметов домашнего обихода, термины сельского хозяйства, названия овощей и фруктов.

В процессе освоения в иноязычных словах происходит разноструктурный процесс адаптации. Грузинские лексические элементы приспособляются к фонетическим и морфологическим нормам, некоторые видоизменяются в структурно-морфологическом плане, т.е. происходят изменения в структуре слов, заключающиеся в том, что производные слова, какими они были в грузинском языке, становятся простыми, или же простые по своей структуре лексемы служат базой для образования новых слов путем аффиксации или входят в состав композитов.

Слова, заимствованные из грузинского языка, относятся к разным периодам, отличаясь различной хронологической характеристикой. Основной пласт грузинизмов в дагестанских языках составляет лексика, заимствованная в более поздний – новогрузинский период (XVIII–XX вв.) – время самых интенсивных контактов. Однако, некоторые из них, по-видимому, восходят к периоду существования древнегрузинского (V–XI вв.) или среднегрузинского (XII–XVII вв.) языка. Отмечены более ранние лексические проникновения, восходящие к периоду грузинско-занского и працезского единства.

Хронологические рамки заимствований устанавливаются на основе сопоставления лингвистических и экстралингвистических факторов. К лингвистическим факторам относятся: оформление некоторых грузинизмов фонемой *хъ* и ауслатными *-й*, *-в*, характерными для древнегрузинского языка; сохранение в отдельных грузинизмах суф. *-акI// -кI* с уменьшительно-ласкательным значением, также характерным для древнегрузинского языка. Некоторые удинские и цезские грузинизмы хронологически можно отнести к более древнему периоду, так как наиболее ранние заимствования претерпели сильные фонетические изменения. Экстралингвистическим критериям хронологизации заимствований, – особенно если речь идет о ярко выраженных культурных словах, – служат данные исторических наук. Естественно опреде-

лять примерную хронологию фактов, связывая лингвистические факторы с экстралингвистическими (распространение христианства, период расцвета Грузии, период жизни дагестанской диаспоры в Грузии и т.д.).

Иноязычные заимствования, проникшие через грузинское языковое посредство, также можно подразделить на ранние и поздние. Арменизмы, иранизмы из грузинского языка проникли на раннем этапе языковых контактов, тюркизмы и арабизмы – начиная с XI в., русизмы – с XVIII в., когда между Россией и Грузией были установлены тесные взаимоотношения.

Многочисленны и разнообразны в тематическом плане грузинизмы, усвоенные дагестанскими языками на втором этапе контактирования (XVIII–XX вв.).

Попав в дагестанские языки, грузинская заимствованная лексика подвергается фонетической адаптации. В области вокализма здесь встречаются: субституция гласных, выпадение гласных, умлаутизация, уподобление гласных, вставки гласных в консонантных комплексах, фарингализация, редукция и т.д. В области консонантизма представлены: субституция сонорных и спирантов, наращение **гI** на гласный анлаут слова, абруптивизация и дезабруптивизация, аффрикатизация спирантов и смычных, дезаффрикатизация, спирантизация, палатализация, ассимиляция, метатеза, афerezис, выпадение инлаутного согласного в консонантном комплексе, вставка согласного, геминация, ротацизм и др.

В заимствованиях также налицо многочисленные фонетические изменения комбинаторного характера: выпадение слогов или группы слогов в анлауте, инлауте и ауслауте; наращение слогов или группы слогов в инлауте и ауслауте.

Многие указанные фонетические процессы являются общими для всех дагестанских языков, контактировавших с грузинским. Однако можно отметить процессы, свойственные для каждой языковой группы в отдельности, например цезским грузинизмам присущи назализация, переход гласных в полугласные, дезаффрикатизация, ротацизм, наращение **гI** на анлаутный гласный слова; цахурским – палатализация; анцухским – редукция и т.д.

Грузинские лексические элементы подчиняются морфологическим нормам дагестанских языков: они распределены по частям речи, с соответствующими признаками каждой части речи, которым подчиняется усвоенная лексика. Подавляющее большинство грузинизмов составляют имена существительные, а остальные части речи – прилагательные, глаголы, наречия и служебные части – представлены сравнительно небольшой группой слов.

Заемствованный лексический материал реализует словообразовательную потенцию путем суффиксации, словосложения и конверсии.

В семантическом плане для них характерны различные изменения, в том числе расширения и сужения исторического значения лексем. Представляются весьма интересными выявленные грузинско-дагестанские семантические схождения (параллели) на примере некоторых имен существительных и глаголов. Благодаря грузинизмам образуются синонимические, омонимические и антонимические ряды.

В отличие от лексики, в области фонетики и морфологии воздействие грузинского языка незначительно, а в синтаксисе оно вообще отсутствует.

В области фонетики такому воздействию можно приписать следующие явления: 1. Утрата усиленных звуков в цезских языках. 2. Появление нехарактерного в целом для аваро-андийских языков абруптивного **пl** в анцухском диалекте и в цезских языках. 3. Появление смычно-гортанных **пl**, **тl**, **кl**, **чl** в некоторых дагестанских языках вместе с грузинизмами. 4. Отсутствие **xl** в бежтинском говоре, видимо, можно объяснить на основании длительных и особо тесных контактов с грузинами (**xl** > **гъ**). 5. Появление в речи представителей молодого поколения, живущих в Грузии, грузинских звуков, не характерных для фонетической системы бежтинского, гунзибского языков и анцухского диалекта аварского языка (**дз**, **дж**, **кв**, **хв**, **шв**, **кlв** и др.). 6. Модели консонантных комплексов, неканонические для цезских языков (**хвл**, **рцх**, **рчи**, **нцl**). 7. Сохранение открытого типа слога в бежтинском, гунзибском и гинухском, выражающееся чаще всего в появлении гласного **и**, как и в грузинском. 8. Сохранение полугласного **й** в некоторых цахурских, цезских и удинских словах, видимо, можно объяснить возможным влиянием древнегрузинского языка.

В области морфологии также можно отметить некоторые следы воздействия грузинского языка на отдельные дагестанские языки:

1. Маркировка номинатива в староаварском языке (К.Ш. Микаилов). 2. Заимствование словообразовательных аффиксов. 3. Образование некоторых сложных слов и повторов по аналогии с грузинским. 4. Под влиянием грузинского языка, видимо, произошло стяжение инлаута в именах существительных, прилагательных, местоимениях, наречиях, глаголах. 5. Едва ли можно объяснить случайностью совпадение формантов условного наклонения (с условным значением) **-да** (бежт.), **-доll/-д** (гунз.) и **-да** (груз.). Или совпадение форм 3-го лица настоящего времени и

долженствительной формы в грузинском и в бежтинском языках (формант -с).

Следствием влияния грузинского языка явились положительные, эквивалентные и отрицательные результаты. К положительным относятся результаты, проявившиеся в контактировавших дагестанских языках в виде новых лексических, фонетических и морфологических инноваций, например: появление **пн** и консонантных комплексов, неканонических для цезских языков, или же фиксация целого ряда новых грузинских лексических элементов. Как эквивалентный результат можно квалифицировать функционирование языковых элементов, равноценных по своей значимости исчезнувшим элементам дагестанских языков, например: употребление в бежтинском и гунзибском языках аффиксов условного наклонения, настоящего времени и долженствительной формы и т.д. И, наконец, отрицательные результаты – это выпадение или исчезновение тех или иных языковых элементов, характерных для заимствующего языка: утрата усиленных согласных (геминат), заднеязычного спиранта **хь** и т.д.

Многовековые языковые контакты отразились и на грузинском языке. Следы влияния некоторых дагестанских языков на грузинский, особенно на восточногрузинские диалекты (кахетинский, пшавский, хевсурский и ингилойский) заметны в основном в области лексики. Их число в литературном грузинском значительно меньше.

Северокавказский слой лексики в картвельских языках, хотя он и незначителен, можно подразделить на три группы: слова, восходящие к нахско-дагестанскому лексическому фонду, а также слова аваро-андо-цезской и лезгинской языковых групп.

Вместе с тем, обнаруживаются отдельные следы бывшего влияния фонетики дагестанских языков на грузинский, точнее на один из его диалектов – ингилойский: а) дезаффрикатизация звуков **дз**, **дж** под влиянием аварского и удинского; б) возникновение геминат можно связать с влиянием аварского и цахурского языков; в) появление в фонетической системе ингилойского диалекта мягкого **л'**, чуждого грузинскому языку, с полным основанием можно объяснить влиянием цахурского языка; г) процесс спирализации **w > v** в неначальной позиции слова; д) появление консонантного приступа в словах с вокалическим анлаутом.

Таким образом, мы стремились нарисовать некоторую целостную картину грузинско-дагестанских языковых контактов с глубокой древности до настоящего времени. Хотя в кавказоведении до сих пор доминировали исследования сравнительно-типологического и генетического плана, в последнее время получило широкое распространение направление, нацеленное на выявление

ние структурных и материальных параллелизмов, имеющих ареальную природу. Сопоставление результатов исследования кавказских языков в трех фундаментальных аспектах – генетическом, типологическом и ареальном – будет способствовать прогрессу кавказоведения в целом.

Перед исследователями открывается широкое поле деятельности для дальнейшего, более углубленного и детального анализа языковых контактов. Такие лингвоареальные исследования должны пролить свет на вопрос о возможных языковых союзах в пределах этого региона. Имеются основания предполагать, что некоторые из результатов контактного взаимодействия языков представляют определенный интерес для теории лингвистики. Вполне очевидна ценность этого материала и в плане возможности целого ряда выводов экстралингвистического порядка.

Данное исследование в какой-то степени восполнит пробел в обобщающем изучении ареального воздействия картвельских языков на остальной языковой мир Кавказа, Западной Европы и Передней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. I.
- Абаев В.И.* О некоторых осетинских элементах в грузинском языке // Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1956. Т. VI.
- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.: 1958. Т. I.
- Абаев В.И.* Осетино-вейнахские лексические параллели // Изв. Чеч.-Инг.НИИ ИЯЛ. Языкознание. Грозный, 1959. Т. I. Вып. 2.
- Абаев В.И.* Некоторые осетино-грузинские семантические параллели // ИКЯ. Тбилиси, 1973. Т. 18.
- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1989. Т. 4.
- Абакарова Ф.О.* Дагестанско-грузинские фольклорные связи и параллели // Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтничским фольклором. Махачкала, 1985.
- Абдуллаев А.К.* Словообразование в цезском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1981.
- Абдуллаев З.Г.* Даргинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Абдуллаев И.Х.* К истории названия Пророка в дагестанских языках // Этимология. 1970. М., 1972.
- Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш.* К истории дагестанских этнонимов *лезг* и *лак* // Этнография имен. М., 1971.
- Абдуллаев И.Х.* К истории одного миграционного культурного термина в языках Кавказа // Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов: Тез. докл. Грозный, 1989.
- Абдуллаев И.Х.* Новые материалы по алаано-дагестанским языковым взаимоотношениям // Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992.
- Абдушелишвили М.Г.* К вопросу антропологии удин // Сообщ. АН ГССР. Тбилиси, 1965. Т. 17. № 5.
- Абуладзе И.В.* Труды. Тбилиси, 1976. Т. II.
- Абуладзе И.В.* Инверсионный указатель "Словаря древнегрузинского языка". Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Авдиев В.И.* Кавказ и древний Восток // Вестник МГУ. М., 1948. № 4.

Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начала XX в. М., 1978.

Алавидзе М.Н. Лексика лечхумского диалекта грузинского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1955.

Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М., 1985.

Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-индийских языков. М., 1988.

Алексеев М.Е., Загиров В.М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1992.

Алироев И.А. Кистинский диалект чеченского языка // Известия. Т. 3. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1962.

Алироев И.А. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительная лексика нахских языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Грозный, 1972.

Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

Алиханова А.А. Сюжет дагестанской народной песни о Камалил Башире и его литературная обработка Р. Эривани // Дагестанская литература во взаимодействии с литературами народов СССР. Махачкала, 1985.

Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

Анчабадзе З.В., Цинцадзе М.В. Грузия и народы Северного Кавказа в XII – нач. XIII в. // Грузия в эпоху Ш. Руставели. Тбилиси, 1966.

Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. М., 1990.

Аристова В.М. К истории английских слов в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967.

Арсаханов И.А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушских языков. Грозный, 1959.

Асатиани Л. Лексика виноградарства в древнегрузинском и в диалектах современного грузинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1950.

Асланикашвили Ш. Грузинская народная песня: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Л., 1964.

Асланов А.М. Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков (на материале закатальско-кахских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.

Асланов А.М. Термины овцеводства у цахур // ЕИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. 2.

Асланов А.М. Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1982.

Асланов А.М. Азербайджанский язык в орбите языкового взаимодействия. Баку, 1989.

Атаев Б.М. Аварцы: история, язык, письменность. Махачкала, 1996.

- Атаев Д.М.* Христианские древности в Аварии // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4.
- Атаев Д.М.* Галлинский могильник средневековой Аварии (Серира) // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1959а. Т. 6.
- Атаев Д.М.* Каменные кресты из окрестностей Хунзаха // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959б.
- Атаев Д.М.* Новые данные о металлообработке в средневековом Дагестане. М., 1964а.
- Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1964б.
- Ахведиани Г.С.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.
- Ахмедов А.А., Микаилов К.Ш.* О некоторых разрядах местоимений в гинухском языке // ЕИКЯ. Тбилиси, 1983. Т. 10.
- Ахунзянов Э.* Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.
- Ачарян Гр.* Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1971. Т. I; 1973. Т. II; 1977. Т. III; 1979. Т. IV (на арм.яз.).
- Бакыханов А.-К.А.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1991.
- Балкаров Б.Х.* Лексические встречи адыгских языков с дагестанскими // Ученые записки КБНИИ. Сер. филол. Нальчик, 1964. Т. 20.
- Балкаров Б.Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.
- Балкаров Б.Х.* Адыго-вейнахские языковые встречи // Изв. Чеч.-Инг. НИИ ИЯЛ. Грозный, 1966. Т. VIII. Вып. 2.
- Беляев В.И.* Очерки по истории музыки народов СССР. М., 1963.
- Бердзенишвили Н.А.* История Грузии. Тбилиси, 1950 (на груз.яз.). (Бехерт 1966) – *Bechert I.* Awarisch hobil und halmag // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München, 1966. Heft 10.
- Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бокарев Е.А.* Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
- Бокарев Е.А.* Материалы к словарю гунзибского языка // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.
- Бокарев Е.А.* Дагестанские языки. Введение // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967а.
- Бокарев Е.А.* Цезские языки // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967б.
- Бокарев Е.А., Мадиева Г.И.* Бежтинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Боцвадзе Т.Д.* Из истории грузинско-дагестанских взаимоотношений в XV–XVIII вв. Тбилиси, 1968 (на груз.яз.).
- Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М., 1958.
- Бутина Р.М.* К проблеме контактов языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке): Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
- Вандриес Ж.* Язык. М., 1937.

Вахушти Б. География Грузии // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. 24. Вып. 5.

Виноградова О.И. Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Виноградова О.И., Климов Г.А. Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология. 1977. М., 1979.

Вопросы языковых контактов (Северокавказский ареал). Черкесск, 1982.

Гаджиев В.Г. Исторические связи Дагестана с Россией // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1964. Т. 13.

Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

Гаджиев М.Г., Корневский С.Н. Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.

Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966.

Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекавказской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Гамрекели В.Н. Из истории социальной борьбы в горной Картли в XIII–XIV вв. // Сообщ. АН ГССР. Тбилиси, 1957. Т. 19. № 2.

Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра. истор. наук. Тбилиси, 1972.

Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968; Ч. 1. 1977. Ч. 2.

Ганиева Ф.А. Хиналугско-русский словарь. Махачкала, 2002.

Гаприндашвили Ш.Г. О лакско-даггинских звукосоответствиях // ИКЯ. Тбилиси, 1954. Т. 6.

Гарунова К.И. Названия некоторых деревьев, кустарников и их плодов в южном наречии аварского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, кустарников и трав. Махачкала, 1989.

Гасанов М.Р. Из истории дагестанско-грузинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.): Дис. ... канд. истор. наук. Махачкала, 1968а.

Гасанов М.Р. Из истории дагестанско-грузинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Махачкала, 1968б.

Гасанов М.Р. Некоторые данные о древних путях из Дагестана в Грузию // Тез. докл. конференции, посвященной 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Махачкала, 1979.

Гасанов М.Р. Взаимоотношения народов Дагестана и Грузии в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... д-ра. истор. наук. Тбилиси, 1986а.

Гасанов М.Р. Топонимические названия как результат связей Дагестана и Грузии // Тез. докл. конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1986б.

Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991.

Гванцеладзе Т.Н. К истории грузинских основ *bat'k'laši* 'ягненок' и *mičevari* 'борзая' // Этимологические разыскания. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.)

Генко А.К. О названиях "плуга" в северо-кавказских языках // Докл. АН СССР. М., 1930. № 7.

Гецадзе И.О. К лингвогеографическому обзору кавказского языкового ареала // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

Гецадзе И.О. Следы ареальных контактов в грамматических явлениях // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978.

Гецадзе И.О. Особенности ареального распределения лингвистических явлений в условиях языкового взаимодействия: На материале иберийско-кавказских языков // Взаимодействие лингвистических ареалов: Теория, методика и источники исследования. Л., 1980.

Глонти А.А. Картвельские собственные имена. Словарь антропонимов. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

Глонти А.А. Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1974. Т. I; 1975. Т. II (на груз. яз.).

Голетиани Г.Г. Грузинская лексика в русском языке. Тбилиси, 1972.

Гониашвили Т.Б. Словарные схождения чеченского и картвельских языков // Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. Н.Я. Марра. Тбилиси, 1940. Т. 5-6 (на груз. яз.).

Гониашвили Т.Б. Термины, обозначающие строения в нахских языках // Тез. докл. Грозный, 1969.

Горнунг Б.В. К вопросу о типах и формах взаимодействия языков // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1952. № 2.

Гримберг Д. Изучение языковых контактов в Африке // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.

Гудава Т.Е. Абхазский послелог в занском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. Тбилиси, 1947. Т. VIII. № 3.

Гудава Т.Е. О грузинско-аварских встречах // Сообщ. АН ГССР. 1954а. Т. 15. № 10 (на груз. яз.).

Гудава Т.Е. К вопросу о генезисе латерального /ʃ/ в языках аварско-андийско-дидойской группы и его фонетическом соответствии в картвельских языках // ИКЯ. Тбилиси. 1954б. Т. 6.

Гудава Т.Е. К составу аварского слова *č'č'uju* 'женщина, жена' // ИКЯ. Тбилиси, 1954в. Т. 6.

Гудава Т.Е. Две надписи (грузинская и грузинско-аварская) из Дагестана // Материалы из истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1954г. Вып. 30 (на груз. яз.).

Гудава Т.Е. Сравнительный анализ глагольных основ аварского и андийских языков. Махачкала, 1959.

Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков (сравнительно-исторический анализ). Тбилиси: 1964.

Гудава Т.Е. Багвалинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

Гудава Т.Е. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979.

Гукасян В.Л. Ниджский диалект удинского языка // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. обществ. наук. Баку, 1963. № 3.

Гукасян В.Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1973.

Гукасян В.Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

Гукасян В.Л. Древние тюркизмы в удинском языке // Изв. АН Азерб. ССР. Баку, 1978. № 2.

Гуриев Т.А. Аферезис в осетинских картвелизмах // XI региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Тез. докл. Нальчик, 1986.

Гусейнов Г.-П. А.-К. Тюркизмы в чеченском языке // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.

Датикашвили К.В. Грузинско-русский словарь. Тбилиси, 1953. Т. 1; 1959. Т. 2; 1967. Т. 3.

Дебиров Ф.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
(Деетерс 1926) – *Deeters G. Armenisch und Sübkaukasisch // Caucasia. 1926. N 3.*

Десницкая А.В. К теории языковых контактов // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.

Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953.

Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Кн. первая и вторая. Тифлис, 1913 (на груз. яз.).

Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).

Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Дидоэтии и России // СМОМПК. Тбилиси, 1899. Вып. 26.

Джанашиа С.Н. Адыгейские элементы в топонимике Грузии // Изв. Груз. филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Т. I. № 8.

Джанашиа С.Н. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи (грузинско-адыгейские параллели) // Известия ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. XII (на груз. яз.).

Джанашиа С.Н. Об одном искажении исторической правды: (По поводу книги Н.Токарского "Архитектура древней Армении"). Тбилиси, 1947.

Джанашиа С.Н. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Картвельско-адыгейские параллели // Труды Тбилисс. гос. ун-та. Тбилиси, 1959.

Джанашиа С.Н. Очерк истории горских народов Северного Кавказа с I в. до н.э. по X в. н.э. // Труды. Тбилиси, 1988. Т. 4.

Джангидзе В.Т. Грузинские лексические элементы в дманисском говоре азербайджанского языка // Труды Ин-та языкознания АН ГССР. Сер. вост. языков. Тбилиси, 1957. Т. 2.

- Джангидзе В.Т.* Грузинские заимствования в азербайджанском // Труды Тбилисс. гос. ун-та. Тбилиси, 1967. Т. XVIII.
- Джангидзе В.Т.* Ингилойский диалект в Азербайджане: (вопросы грамматической и лексической интерференции). Тбилиси, 1978.
- Джаукян Г.Б.* Заметки о некоторых картвельско-армянских исторических совпадениях // ИКЯ. Тбилиси, 1973. Т. XVIII.
- Джейранишвили Е.Ф.* Удийский язык. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Джидалаев Н.С.* К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1972.
- Джидалаев Н.С.* Хваршинско-русский словарь // Рук. фонд ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. 1980. Ф. 3. Оп. 4.
- Джидалаев Н.С.* Предисловие // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982.
- Джидалаев Н.С.* Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990.
- Джикия С.С.* О грузинско-азербайджанских языковых взаимоотношениях // Труды Ин-та языкознания АН Груз.ССР. Сер. вост. языков. Тбилиси, 1957. Т. II.
- Дзидзигури Ш.В.* О некоторых осетинских элементах в диалектах грузинского языка // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.
- Дзидзигури Ш.В.* Фонетические процессы в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Дидебулидзе З.Ш.* Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья в X–XII веках. Тбилиси, 1983.
- Дирр А.М.* Список имен, фамилий, названий народов и имен животных у абхазов, мингрельцев и дагестанцев // СМОМПК. Тифлис, 1915. Вып. 44.
- Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.
- Дондуа К.Д.* Адыгейского типа эргатив в сванском: К проблеме морфологического заимствования // Дондуа К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975.
- Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
- (Есперсен 1930) – *Jespersen O.* A new science: Interlinguistics. Cambridge, 1930.
- Забитов С.М., Эфендиев И.И.* Словарь арабских и персидских заимствований в лезгинском языке. Махачкала, 2000.
- Забитов С.М.* Арабизмы в лексике восточнокавказских языков. М., 2001.
- Загиров В.М.* Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.
- Ибрагимов Г.Х.* Цахурско-грузинские лексические параллели // Материалы Пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

- Ибрагимов Г.Х.* Рутульский язык. М., 1978.
- Ибрагимов Г.Х.* Диалекты цахурского языка. (Рукопись) // Рук. фонд ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. 1981. Ф. 3. Оп. 4.
- Ибрагимов Г.Х.* Диалектная лексика как сокровищница генетических и историко-культурных связей народов // X региональная научная сессия "Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей": Тез.докл. Грозный, 1983.
- Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М., 1990.
- Иванишвили Х.Г.* Из топонимии аварцев в Кахетии // Дагестанская ономастика. Махачкала, 1991.
- Иванишвили Х.Г.* Грузинские заимствования в тивийском говоре аварского языка // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1992.
- Иванов А.* О связях Грузии и Дагестана в XIV–XV вв. Тбилиси, 1977.
- Иванов В.В.* Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.
- Имнайшвили Г.И.* Особенности ингилойского наречия грузинского языка. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Имнайшвили Д.С.* К закономерности заимствования слов в кистинском говоре чеченского языка // ИКЯ. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Имнайшвили Д.С.* Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963.
- Ионова С.Х.* Лексические связи абазинского языка с кабардино-черкесским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1982.
- Исаев М.Г.* Особенности тлянадинского говора анцухского диалекта аварского языка: Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Махачкала, 1975.
- Исаков И.А.* Иноязычный элемент в кусурском говоре аварского языка // Материалы Пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Ordjonikidze, 1977.
- Исаков И.А.* Гунзибский язык: (Фонетика. Морфология. Лексика.) // Рук. депон. в ИНИОН АН СССР. № 45532 от 5.11.1991.
- Исаков И.А., Халилов М.Ш.* Гинухско-русский словарь. (Рукопись) // Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. 1990. Ф. 3. Оп. 4.
- История Грузии. Тбилиси, 1963.
- История Дагестана. М., 1967. Т. I.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
- (Йоб 1977) – *Iob D.M.* Probleme eines typologischen, Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme in Kaukasus. Frankfurt / M.; Bern, 1977.
- Кавтарадзе И.И.* История грузинского языка. Тбилиси, 1964. Т. I (на груз. яз.).
- Калинин А.В.* Лексика русского языка. М., 1971.
- Канкава М.В.* Краткий грузинско-русский словарь. Тбилиси, 1975.

Капанян Г.А. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков // Капанян Г.А. Историко-лингвистические работы. Ереван, 1975. Т. II.

Картлис Цховреба. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).

Кахадзе О.И. О некоторых терминах хлебных злаков в грузинском языке // ЕИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. 2 (на груз. яз.).

Кахадзе О.И. Грузинско-лезгинские лексические встречи // ЕИКЯ. Тбилиси, 1988. Т. 15 (на груз. яз.).

Керкадзе И.К. Лексика, обозначающая животных в древнегрузинском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков: Глагол. М., 1988.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков: Имя. Фонетика. М., 1990.

(Клапрот – 1814) – *Klaproth. Geographisch-historische Beschreibung des ostlichen Kaukasus.* Weimar, 1814. S. 117.

Кленин И.Д. Заимствования в современном китайском языке (на материале военной лексики) // Лексические заимствования в языках зарубежного Востока. М., 1991.

Климов Г.А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.

Климов Г.А. О лексике осетинского происхождения в сванском языке // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Климов Г.А. Кавказские языки. М., 1965.

Климов Г.А. Абхазо-адыгско-картвельские лексические параллели // Этимология 1967. М., 1969.

Климов Г.А. Кавказские этимологии // Этимология. 1968. М., 1971.

Климов Г.А. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков // Этимология. 1970. М., 1972.

Климов Г.А. Дополнения к Этимологическому словарю картвельских языков. I // Этимология 1971. М., 1973.

(Климов 1984) – *Klimow G.A. Lexikalische Zeugnisse ältester indoeuropäisch-kartvelischer Kontakte // Sprachen Kaukasiens.* Iena, 1984.

Климов Г.А. Дополнения к "Этимологическому словарю картвельских языков". II // Этимология 1983. М., 1985а.

Климов Г.А. К семантической реконструкции (по материалам кавказской этимологии) // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985б.

Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.

Климов Г.А. Дополнения к "Этимологическому словарю картвельских языков". III // Этимология 1985. М., 1988.

Климов Г.А. О задачах ареального кавказоведения // Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов: Тез. докл.: Грозный, 1989.

- Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.
- Климов Г.А., Хайдаков С.М., Шагиров А.К. Лексические общности // Структурные общности кавказских языков. М., 1978. (Климов, Халилов 1987) – *Klimov G.A., Khalilov M.Sh. Über Georgische Lehnwörter in der Beschitischen Sprache // Georgica. 1987. Heft 10. 111-112*
- Климов Г.А., Халилов М.Ш. К арабизмам в бежтинском языке // Восточная филология. Тбилиси, 1983. Т. 5.
- Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М., 2003.
- Климов Г.А., Шагиров А.К. Общекавказское название плуга // Лексико-грамматические особенности языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.
- Кобычев В.П., Робакидзе А.И. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа // Советская этнография. 1967. № 2.
- Котович В.Г. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1964. Т. 12.
- Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1958. № 68.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Кубатов А.М. Лексические взаимоотношения азербайджанского и лезгинского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1973.
- Кудрявцев А.А., Шихсаидов А.Р. Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
- Куранян А.А. Влияние языковых контактов на антропонимию удинов // План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1983.
- Курбайтаева Н.Б., Эфендиев И.И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лакском языке. Махачкала, 2002.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. I.
- Лежава Г.И. и др. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940. (Локер 1963) – *Locker E. Georgisch und Kaukasisch // Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Rendiconti. Classe di Lettere, 1963. Vol. 97.*
- Ломтадзе Э.А. Гинухский диалект дидойского языка. Тбилиси, 1963.
- Ломтадзе Э.А. Словесное ударение в дидойских (цезских) языках: (Сравнительно-исторический анализ). Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Ломтадзе К.В. К вопросу о картвельских лексических заимствованиях в убыхском языке // ИКЯ. Тбилиси, 1974. Т. XIX.
- Магомедов Д.М. Из истории экономических и политических взаимоотношений народов Западного Дагестана с Грузией // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982.

- Магомедов Д.М.* История заселения Алазанской долины народами Дагестана // Тез. докл. конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1986.
- Магомедов И.Г.* Аварские географические названия внутригорного Дагестана: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Баку, 1974.
- Магомедова П.Т.* Чамалинско-русский словарь. Махачкала, 1999.
- Магомедова П.Т., Халидова Р.Ш.* Каратинско-русский словарь. Махачкала; СПб., 2001.
- Магометов А.А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1985.
- Мадиева Г.И.* Грамматический очерк бежтинского языка. Махачкала, 1965.
- Макашвили А.К.* Ботанический словарь (названия растений). Тбилиси, 1949.
- Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989.
- Марианов А.А.* Взаимоотношения народов Дагестана и Восточной Грузии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Махачкала, 2000.
- Марковин В.И.* О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // Учен. зап. Кавк.-Балк. НИИ. Нальчик, 1956. Т. 16.
- Март Н.Я.* Древнегрузинско-русский словарь: (К 1–2 главам Евангелия от Марка). СПб., 1913.
- Март Н.Я.* Непочатый источник истории кавказского мира // Изв. Академии наук. Пб., 1917.
- Март Н.Я.* Грамматика древнелитературного грузинского языка // Материалы по яфетическому языкознанию. М., 1925а. Т. 12.
- Март Н.Я.* Краеведение. Л., 1925б.
- Мартине А.* Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.
- Мартirosов А.Г.* Имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами в древнегрузинском языке // ИКЯ. Тбилиси, 1978. Т. 20.
- Мартirosов А.Г., Имнайшвили Г.М.* Кахетинский диалект грузинского языка. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Матиане Картлиса. Летопись Картли. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Мацев А.Г.* Очерки лексикологии современного чеченского языка. Грозный, 1973.
- Мегрелидзе Д.Г.* Из истории грузинско-дагестанских взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1953.
- Мегрелидзе И.В.* Из дидойско-грузинских языковых взаимоотношений // За марксистское языкознание. Тифлис, 1934 (на груз. яз.).
- Мегрелидзе И.В.* Дидойцы и название Дидо // Труды Тбилис. гос. учит. ин-та им. А.С. Пушкина. Тбилиси, 1942. Т. 1.
- Мегрелидзе И.В.* Археологические раскопки в Дидо // Советская этнография. М., 1951. Т. 15.
- Мегрелидзе И.В.* Из дидойской диалектологии // Труды Цхинвальского гос. пед. ин-та. Цхинвали, 1955а. Т. 1.

- Мегрелидзе И.В.* Числительные дидойского языка // Труды Цхинвальского гос. пед. ин-та. Цхинвали, 1955б. Т. 2.
- Мегрелидзе И.В.* Из истории изучения некоторых вопросов дидойской группы // Труды Цхинвальского гос. пед. ин-та. Цхинвали, 1959. Т. 7. (Мейе 1921) – *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique generale. Collection linguistique publiee par la Societe de linguistique de Paris 1920
- Мейланова У.А.* Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964.
- Мейланова У.А.* Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.
- Мейланова У.А.* Будухско-русский словарь. М., 1984.
- Меликишвили Г.А.* О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952.
- Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Мельников Г.П., Курбанов А.И.* Логические основания именной классификации в цахурском языке // Вопросы структуры языка. М., 1964.
- Меновицков Г.А.* К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // ВЯ. М., 1964. № 5.
- Меретуков К.Х.* О некоторых лексических встречах грузинского и абхазского языков с адыгейским языком // Учен. зап. АНИИ ЭЯЛИ. Языкознание. Майкоп, 1974. Т. XIX.
- Микаилов К.Ш.* Еще несколько дагестанских аланизмов // Этимология 1970. М., 1972.
- Микаилов К.Ш.* Об аварских прозвищах // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- Микаилов К.Ш.* Несколько грузинских этимологий (заимствованный фонд) // Материалы Пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
- Микаилов К.Ш.* Грузинские названия на географической карте Дагестана // Тез. докл. конференции, посвященной 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Махачкала, 1979.
- Микаилов К.Ш.* О маркированном *Nominativ'e* в староаварском языке // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987.
- Микаилов К.Ш.* К истории названий ранних металлов в картвельских языках // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 6. М., 1999а.
- Микаилов К.Ш.* Картвельские этимологии IV. Некоторые термины родства и свойства // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 6. М., 1999б.
- Микаилов Ш.И.* Очерки аварской диалектологии. М., 1959.
- Микаладзе М.Г.* К морфологической адаптации звуковой оболочки грузинских заимствованных слов в бацбийском языке // Сообщ. АН Груз.ССР. Т. 88. № 3.
- Милитарев А.Ю., Старостин С.А.* Общая афразийско-северокавказская культурная лексика // Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тысячелетиях до н.э.: Тез. докл. М., 1984. Ч. 3.

Михайлов М.М. Двужычие и взаимодействие языков // Проблемы двужычия и многоязычия. М., 1972.

Мурадян П.М. Грузинская эпиграфика в Армении: Источниковедческое исследование. Ереван, 1977. Ч. 1, 2.

Мусукаев Б.Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик, 1984.

Муталов Р.О., Темирбулатова С.М. Названия съедобных растений в даргинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, кустарников и трав. Махачкала, 1989.

Нерознак В.П. Языковой союз // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хетском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М., 1985.

Николаев С.Л., Старостин С.А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тысячелетиях до н.э.: Тез. докл. М., 1984. Ч. 3.

(Николаев, Старостин 1994) – *Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian Etimological Dictionary. M., 1994.*

Николаев С.Л., Старостин С.А. Очерк сравнительной фонетики северокавказских языков. (Рукопись).

Нуриев А.Г. Лексическое взаимоотношение азербайджанского и грузинского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1983.

Опельбаум Е.В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971.

Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I.

Панчвидзе В.Н. Суффикс каузативности (*resp.* переходности) -ев/-в в удинском языке // Сообщ. Груз. филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Т. I. № 6.

Панчвидзе В.Н. Морфологические встречи удинского языка с грузинско-картвельскими языками // ИКЯ. Тбилиси, 1946. Т. I (на груз. яз.).

Панчвидзе В.Н. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1972 (на груз.яз.).

Папуашвили Т.Г. Царство ранов и кахов. Тбилиси, 1982.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

(Пизани В. 1959) – *Pisani V. Sostrati anarii e indoeuropeo occidentale // Pisani V. Saggi di linguistica storica. Torino, 1959.*

Пиотровский Б.Б. Урарту – древнейшее государство Закавказья. Л., 1939.

Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

(Полак 1946) – *Polak V. K problemu lexikalnich shod mezy jazyky kavkazskymi a jazyky slovanskymy: Kriticky a historicky prehled dosavadni prace // Listy Filologicke a Pedagogicke. Rocnik 70. Praha, 1946.*

(Полак 1950) – *Polak V. L'etat actuel des etudes linguistiques Caucasiennes // Archiv Orientalni. 1950. Vol. XVIII. N 1–2.*

(Прицвальд 1938) – *Pritzwald K.S. Sprachwissenschaftliche Minderheitenforschungen, ein Arbeitsplan und eine Statistik. Wörter und Sachen. 1938. N 1.*

- Птолемей.* Географическое руководство // ВДИ. 1948. № 2.
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки по истории народов южного Дагестана с древнейших времен до XX века. Махачкала, 1964.
- Розава В.И.* Греческая и романская лексика в картвельских языках // ЕИКЯ. Тбилиси, 1978. Т. 5.
- Розава Г.В.* К истории грузинской основы ихв-буль // ЕИКЯ. Тбилиси, 1966. Т. 15 (на груз. яз.).
- Розава Г.В.* Некоторые адыгские слова в картвельских языках // Этимологические разыскания. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Розенцвейг В.Ю.* О языковых контактах // ВЯ. 1963. № 1.
- Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Л., 1972а.
- Розенцвейг В.Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. М., 1972б. Вып. 6.
- Росетти Э.А.* Смешанный язык и смешение языков // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.
- Ростиаивили Н.М.* Словарь ингилойского диалекта грузинского языка. Тбилиси, 1978.
- Рот А.М.* Венгерско-восточнославянские языковые контакты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.
- Рот А.М.* Особенности взаимодействия языков и диалектов карпатского ареала. Ужгород, 1973.
- Саидов М.-С. Д.* Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. 1.
- Саидов М.-С.Д.* Аварско-русский словарь. М., 1967.
- Саидов М.-С.Д., Микаилов Ш.И.* Русско-аварский словарь. Махачкала, 1951.
- Саламова З.М.* Животноводческая лексика в говорах анцухского диалекта аварского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г", "Д". М., 1980.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й". М., 1989.
- Селимов А.А.* Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала, 2001.
- Серебrenников Б.А.* Взаимодействие языков. (Проблемы субстрата) // ВЯ. М., 1955. № 1.
- Серебrenников Б.А.* Проблемы субстрата // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1956. № 9.
- Серебrenников Б.А.* Теория волн И. Шмидта и явления аттракций // ВЯ. 1957. № 4.
- Серебrenников Б.А.* и др. Общее языкознание. М., 1970.
- Серебrenников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Серебряков С.Б. Древнегрузинско-русский словарь (по двум древним редакциям Четвероглава). Тбилиси, 1962.

Сихарулидзе Т.Т. О лексическом составе удийского языка // ИКЯ. Тбилиси, 1990. Т. XXIX.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90 гг. XIX в.). М., 1965.

Старостин С.А. Праенисейская реконструкция // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. Т. 16, № 1, 2012. С. 10–12.

Старостин С.А. Праенисейские языки // Кетский сборник. Л., 1982.

Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985.

Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.

Страбон. География // ВДИ. М., 1947. № 4.

Сулейманов Я.Г. Познаваемость лингвистической непрерывности // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала, 1981.

Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский лексикон. 1. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).

Такайшвили Е. Грузинские надписи на археологических предметах, хранящихся в Кавказском музее г. Тбилиси // Известия Кавказского отделения императорского московского археологического общества. Тифлис, 1904. Вып. 1.

Талибов Б.Б. Цахурский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980а.

Талибов Б.Б. Консонантизм лезгинских языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980б.

Талибов Б.Б., Гаджиев М.Г. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.

Тедеева О.Я. Очерки по грузинско-осетинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).

Техов Ф.Г. Кавказский слой в терминах растений в осетинском языке // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

Техов Ф.Г. Названия растений в осетинском языке. Цхинвали, 1979.

Топурия В.Т. Лексические и грамматические параллели картвельских и лакского языков // Тезисы научной сессии. Отд. обществ. наук АН ГССР. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).

(Трубецкой 1928) – Acts du 1-er Congrès international de linguistes a la Haye, du 10–15 April 1928. Leiden, 1928.

(Трубецкой 1973) – *Trubetzkoy N.* Ostkaukasische Wörter für Frau, Weibchen, Gattin // Die Sprache. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 1973. Bd. XIX. H. 1.

Туманян Э.Г. Об армяно-аланских историко-лингвистических связях // Материалы Пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

Тюркско-дагестанские языковые контакты. Исследования и материалы. Махачкала, 1982.

(Уитней 1981) – *Whitney W.D. On Mixture in Language Transactions of the American Philological Association. 1981. N 2.*

Утургаидзе Ф.Г. Некоторые особенности горских говоров грузинского языка. Тбилиси, 1966а (на груз. яз.).

Утургаидзе Ф.Г. Фонематическая структура горских диалектов грузинского языка в соотношении с литературным языком. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Тбилиси, 1966б.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I–IV.

Фенрих Г., Сарджвеладзе З.А. Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси, 1990 (на груз.яз.).

Филин Ф.П. Современное общественное развитие двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

Хабичев М.А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980.

Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961.

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

Халиков К.Г., Эфендиев И.И. Словарь ориентализмов в аварском языке. Махачкала, 2002.

Халилов М.Ш. О лексико-грамматических классах в бежтинском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981а.

Халилов М.Ш. Бежтинские названия для обозначения Грузии // Тез. докл. науч. конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане, Махачкала, 1981б.

Халилов М.Ш. Суффиксальное словообразование в субстантивах бежтинского языка // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986.

Халилов М.Ш. К вопросу о грузинизмах в цезском языке // Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ за 1986–1987 гг. Махачкала, 1988.

Халилов М.Ш. Вопросы лексики бежтинского языка // Рук. депон. в ИНИОН АН СССР. № 40450 от 14.12.1989.

Халилов М.Ш. О грузинско-дагестанских языковых контактах: (К постановке проблемы) // ВЯ. 1991. № 6.

Халилов М.Ш. Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1995.

Халилов М.Ш. Цезско-русский словарь. М., 1999.

Халилов М.Ш. Хронологическая стратификация грузинских лексических элементов в дагестанских языках // ВЯ. 1999. № 6.

Халилов М.Ш., Исаков И.А. Гунизбско-русский словарь. М., 2001.

Ханмагомедов Б.Г.-К., Шалбузов К.Т. Табасаранско-русский словарь. М., 2001.

Ханукаев Х.М., Плодкин М.И. Дагестанская народная музыка. Махачкала, 1948.

(Хауген 1950) – *Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // Language. 1950. Vol. 26. N 2.*

(Хауген 1958) – *Haugen E. Language Contact // Proceedings of the 8th International Congress of Linguistics. Oslo, 1958.*

Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.

Хельма ван ден Берг. Образование вопросительных форм в языках гунзибского языка // Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992.

(Хельма ван ден Берг 1995) – *Helma Everdina van den Berg. A grammar of Hunzib (with text and Lexicon). München; Lincoln, 1995.*

Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках // Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965.

Церетели Г.В. О языковом родстве и языковых союзах // ВЯ. 1968. № 3.

Церцадзе И.И. Анцухский диалект аварского языка // ИКЯ. Тбилиси, 1948. Т. 2.

Цулая Г.В. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей // Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979.

Цулая Г.В. Летопись Картли. Тбилиси: Мецниереба, 1982.

Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI века Мровели Леонти // История СССР. М., 1987. № 4.

Чикобава А.С. Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщ. Груз. филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Т. I. № 4 (на груз. яз.).

Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Известия ИЯИМК. 1942. Т. XII.

*Чикобава А.С. К этимологии древнегрузинского *bgwar-i-samxar-i* 'юг' // ИКЯ. Тбилиси, 1953. Т. 5 (на груз. яз.).*

Чикобава А.С. Грузинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

Чикобава А.С. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // ЕИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. 2.

Чикобава А.С. К вопросу о контакте языков (по материалам картвельских бесписьменных языков) // Материалы Пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.

Чикобава А.С. К этимологии слов ахо 'подсека, чацоба' и важи 'парень, сын' в грузинском языке // Этимологические разыскания. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).

Чинчараули А.Л. Особенности хевсурского диалекта грузинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1961.

Чинчараули А.Л. Грузинско-нахские схождения в отраслевой лексике // ЕИКЯ. Тбилиси. 1975. Т. 2.

Читая Г.С. Грузинская обувь с "носом" // Сообщ. Груз. филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Т. I. № 4 (на груз. яз.).

- Читая Г.С.* Новая этнографическая выставка "Грузия" // Вестник государственного музея им. акад. С.Н. Джанашиа. Тбилиси, 1976. Т. 19.
- Чрелашивили К.Т.* Об одном грузинском суффиксе в бабийском языке // Труды Тбилис. гос. ун-та. Тбилиси, 1963. Т. 96.
- Чрелашивили К.Т.* О морфологической интерференции в бабийском // Труды Тбилис. гос. ун-та. Тбилиси, 1977. Т. 187.
- Чубинашвили Н.Д.* Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961.
- Чубинов Д.И.* Грузинско-русский словарь. Тбилиси, 1984.
- Чухуа М.Д.* О нахско-картвельских языковых контактах // Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов: Тез. докл. Грозный, 1989.
- Шавхелишвили А.И.* Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Шавхелишвили А.* Тушины: (историко-этнографическое исследование цова-тушин). Тбилиси, 2001.
- Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.
- Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазско-адыгских языков. М., 1989.
- Шанидзе А.Г.* [Рецензия] // Зап.-Вост. отд. русск. археол. об-ва. Тифлис, 1915. Т. 22. Вып. 3-4 (на груз.яз.). Рец. на кн.: *Джанашивили М.Г.* Санигило.
- Шанидзе А.Г.* Две древних редакции грузинского Четвероглава по трем шатбердским рукописям (897, 936, 937). Тбилиси, 1945.
- Шанидзе А.Г.* Язык и письмо кавказских албанцев // Вестник отд. обществ. наук АН ГССР. Тбилиси, 1960. № 1.
- Шанидзе А.Г.* Тушины // Мнатоби. Тбилиси, 1972. № 2 (на груз.яз.).
- Шахрай О.Б.* К проблеме классификации заимствованной лексики // ВЯ. 1961. № 2.
- Шиллинг Е.М.* Дагестанская экспедиция в 1945 // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. М.: Л., 1945.
- Шихсаидов А.Р.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Учен. зап. ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. Махачкала, 1957. № 3.
- Шмерлинг Р.О.* Церковь в сел.Датуна в Дагестане // Мацне: (Вестник). Тбилиси, 1969. № 2.
- Эдельман Д.И., Климов Г.А.* Из истории одной древнеперсидской лексической изоглоссы // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.
- Эфендиев И.И.* Иранизмы в лезгинском языке. Махачкала, 2000.
- Эфендиев Т.Н.* Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1973.
- Якубовский А.Ю.* К вопросу об исторической топографии Итиля и болгар в IX-X вв. // Советская археология. 1948. Т. 10.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ДАГЕСТАНСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

Список построен следующим образом: а) грузинские лексические элементы группируются по дагестанским языкам, они приводятся в алфавитном порядке; б) варианты слов даются через параллельные косые линии; в) все грузинизмы снабжены переводом; г) в список включены и иноязычные слова, вошедшие в дагестанские языки через грузинское языковое посредство, а также некоторые композиты, образованные от слов грузинского и дагестанских языков; д) для грузинизмов в скобках конкретизируется ареал их распространения путем указания языка (диалекта или говора), в котором они наличествуют.

БЕЖТИНСКО-ГУНЗИБСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

абано (сарус., чантл.) 'курорт'	баба (бежт.), баба (гуыз.) 'хлеб'
абрашули (бежт.) 'шелк', გაბრაშუნ (гуыз.) 'шелковая нить'	баგъи 'сад'
агури 'кирпич'	бадрижан 'помидор'
акламо (бежт.), აკლამუ (гуыз.) 'верблюды'	бебункა (бежт.) 'повозка'
албали 'вишня' (сарус., чантл.)	базихъ (бежт.) 'синица'
ангарши (гуыз.), гъангарши (бежт.) 'счет, расчет'	бакли 'гурт овец'
антеба (сарус., чантл.) 'воспаление'	балгъунжа (бежт.) 'клоп'
анцили (бежт.) 'бузина вонючая'	бали 'черешня'
аракъи (бежт.) 'водка'	балиша (тляд.), балиши (гуыз.) 'подушка'
архийанат (бежт.) 'надолго'	бамба 'вата'
асли (бежт.) 'как раз'	бамбази 'бязь'
атавли (чантл.) 'десять в кучу сложенных снопов'	барги (сарус.) 'груз'
атлами (бежт.), გატლამი (гуыз.) 'персик'	бари (бежт.) 'лопата'
абъаъшникI (бежт.) 'лесничий'	баришари (бежт.) 'ссора'
აკლუშკლავ (бежт.) 'окошко'	батли 'гусь'
	бацлар//бацаი 'веревка'
	бебункა (бежт.) 'повозка'
	багъи 'сад'
	бадрижан 'помидор'

бeбхи (бeжт.), бeвхи (гуыз.) 'леопард'
 бeгай//бeгари (бeжт.) 'коллективная помощь'
 бeдурe (бeжт.) 'трус'
 бeлти (бeжт.) 'кусок земли'
 бeгари//бeгар 'пряжа'
 бeликi 'тропинка'
 бeрki//бeйki (бeжт.), бeрkiли (гуыз.) 'репейник'
 бeринжи 'рис'
 бeйтлани (бeжт.) 'грядка'
 бoзи 'столб'
 бoло (бeжт.) 'линия, лед', бoло (сарус.) 'конец'
 бoлокi 'редис'
 бoлотави 'неразбериха'
 бoрkiОли//бoйkiОли (бeжт.), бoрkiОли (гуыз.) 'путы'
 бoротi 'забота'
 бoстлани 'медведка'
 бoудe (бeжт.) 'ниша'
 бoргъo (бeжт.) 'сверло'
 бoрдo (бeжт.) 'скирда'
 бoрти 'мяч'
 бoхари 'дымоход'
 бoглахи (бeжт.) 'неряха'
 бoзи 'виноградная лоза'
 бoрди (сарус., чантл.) 'роза'
 бoрйа (гуыз.) 'цыпленок', бoрийа (чантл.) 'курочка'
 бoрйа-хлeлeкy (гуыз.) 'цыпленок-петушок'
 бoли 'Грузия'
 бoнахи//бoнахъи (бeжт., тляд.), бoнахи (гуыз.) 'виноградник'
 бoскiОзи (бeжт.) 'вискоза'
 бoвa 'тазобедренная кость'
 бoгиздa йахъал (бeжт.), бoгиздa йахъа (гуыз.) 'горячиться'
 бoлa (бeжт.) 'моток ниток', бoлa (гуыз.) 'сплетенный лук'
 бoлами 'толстая веревка'
 бoмaгyр (бeжт.) 'куча мала'
 бoмaртлa йахъал (бeжт.), бoмaртa бaхъа (гуыз.) 'укутаться'

бoнaзгъa йoвал (бeжт.), бoнaзгъa увa (гуыз.) 'оскорбить'
 бoрaвли (бeжт.) 'детвора'
 бoтoхънa 'продолка'
 бoхъурдa йoвал (бeжт.), бoхъурдa йувa (гуыз.) 'шарик, шарик-шарик'
 бoцарсa йoвал (бeжт.), бoцарсa бyвa (гуыз.) 'раскулачить'
 бoцци 'ступай, уходи'
 бoцxарa йахъал 'злиться'
 бoшинзa 'обследование'
 бoлeхи 'нищий'
 бeмo 'вкус'
 бeрдeнa (бeжт.) 'валун, глыба'
 бeрвaнкa (бeжт.) 'мера веса'
 бeгирди (чантл.) 'лекарство для опрыскивания'
 бeгли-мoгли (бeжт.) 'гоголь-моголь'
 бeгpa//бeггa (бeжт.) 'звонок'
 бeдoр (бeжт.), бeдoри (гуыз.) 'деревянное ведро'
 бeзинaxи (бeжт.) 'ореховая приправа'
 бeлo (тляд.) 'барабан'
 бeми 'яма, хлев'
 бeтани (бeжт.), бeтани (гуыз.) 'плуг'
 бeчи 'поросенок'
 бeдьoбълaк (бeжт.) 'темно-зеленая масса некоторых плодовых деревьев'
 бeдa (бeжт.) 'мешочек'
 бeдpи 'горящие угли'
 бeзa (бeжт.) 'рвение, стремление'
 бeгaлa (бeжт.) 'добро, нектар, жировое отложение', бeгaлa (гуыз.) 'нектар'
 бeгъaнe (бeжт.) 'безрогий олень'
 бeгъанзил 'черемша'
 бeгeбари (бeжт.) 'красильщик'
 бeгли (бeжт.) 'цепочка на сергах'
 бeгино 'вино'
 бeгинцили (бeжт.), бeгинчили (гуыз.) 'название растения'
 бeгипи (бeжт., сарус.) 'толстяк'

гъудело 'священник'
гъайри (бежт.) 'воздух'
гъени (бежт.) 'марь белая'
гъормо (гуыз.) 'яма'
гъэру (гуыз.) 'пила'

дабара (бежт.) 'вскопанный участок, веранда', дабара (гуыз.) 'вскопанный участок'
дагъи (бежт.), дагъ (гуыз.) 'след обуви'
дагълă (бежт., сарус.) 'сонный'
дагъупă йовал (бежт.), дагъупă йува (гуыз.) 'испортить'
дажиза йахъал (бежт.), дажиз//дажиза йахъа (гуыз.) 'ушибить-ся'
даклетă бовал (бежт.) 'занять'
дампăли 'ленивый человек'
дапантă йовал (бежт.), дапантă йува (сарус.) 'расточить'
дарди 'безразличие'
дапăи 'избиение'
дахаржа йовал (бежт.), дахаржа бува (гуыз.) 'растратить'
дахъуца йовал (бежт.) 'истреблять'
даца (бежт., сарус.) 'занято'
даънаъ (бежт.) 'большой нож'
девари (бежт.) 'преследователь'
дедали (бежт.) 'плохой человек', дедали (гуыз.) 'пустоголовый человек'
дени (бежт.) 'ток'
депă (бежт.) 'высокий человек'
дигъовба (чантл.) 'праздник'
дикă//дикă-хъибо (бежт.) 'пшеница яровая'
дигъи (бежт.) 'цветок'
доки 'кувшин'
донча (бежт.) 'кружка'
дукарди (гуыз.) 'ножницы для стрижки овец'
жабо (бежт.) 'прозвище'
жаги 'колючка'
жами 'чашка'
жангъи 'изморось'

жангъи (бежт.) 'ржавчина'
жестги 'кровельное железо'
жибе (гуыз.) 'карман'
жохи (гуыз.) 'палка'

забри 'лейка'
загъли-убани (бежт.) 'квартал'
заки (бежт.), заке (гуыз.) 'буйволенок'
залакъани 'рычаг из жердей'
зари 'звонок'
зера (бежт.) 'коршун'
зети 'подсолнечное масло'
зецлари (гуыз.), рецлари (бежт.) 'простыня'
зигзаги (бежт.) 'борона'
зидадгари 'треножник'
зокă//сокă (бежт.), зокă//шикă (гуыз.) 'гриб'
зонти (бежт.) 'грузный человек'; 'флегматик'
зумари//зимари (гуыз.) 'уксус'

икейпо 'веселье, компания'
икнеба 'может быть'
илаз (бежт.) 'настрой, состояние духа'
имеди (бежт.), умуд (гуыз.) 'надежда'
индаври (гуыз.), эндаври (бект.) 'индюк'
иху 'утка'
иштопе (чантл., сарус.) 'емкость в 10–20 литров'

калмали 'кавказские лапти'
кархана (бежт.) 'мельница', кархана (сарус.) 'завод'
катами (чантл., сарус.) 'курица'
катă (бежт.) 'прием в вольной борьбе'
качали 'парша'
кеври 'большой глиняный сосуд'
кекъана (бежт.) 'дети'
кера//ке"йа" (бежт.) 'волосы'
кетге (бежт.) 'деревянная ложка'
килаври (бежт.), килияври (гуыз.) 'слива'

ким (бежт.), кым (гуыз.) 'ляжка'
китіаман (бежт.), китіаман
(гуыз.) 'сундук'
коки (бежт.) 'хлопоты, заботы'
корпа (бежт.) 'коротышка (о
мужчине)'
кохи//кюхи (бежт.), кохи (гуыз.)
'лачуга'
кудар//куьдай (бежт.), кудари
(гуыз.) 'кувшин'
кура (бежт.), курахана (гуыз.)
'печь для обжига извести'
кучури//кочори (бежт.), кучури
(гуыз.) 'чуб'
къвари 'дранка'
къадагъа-мукъо (бежт.) 'боль-
шой гвоздь'
къажа (бежт.), къожа (сарус.) 'то-
пор'
къайкъатіо (бежт.) 'кадык'
къакъачо (чантл., сарус.) 'поле-
вой мак'
къалби (бежт.) 'форма для литья'
къамар//къамай (бежт.) 'липкий
глинозем'
къаракіи (гляд.) 'сливочное мас-
ло'
къаціицо (бежт.), къачіи (сарус.)
'бурдюк'
къема (бежт.) 'раб, слуга'
къопа (бежт.) 'бытие, положе-
ние'
къошкіи (бежт.), кіошкіи (сарус.)
'домик'
къути 'коробка, ящик'
кѡба (гляд., гуыз.) 'платье'
кѡви (бежт.) 'стропила', кѡви
(гуыз.) 'наклонная балка'
кѡлатіа (бежт.) 'корзина'
кѡлоши (бежт., сарус.) 'кало-
ша'
кѡраматіи (бежт.), кѡраметіи
(гуыз.) 'черепица'
кѡртопели//кѡату (бежт.), кѡрту-
пели 'картофель'
кѡсри (бежт.) 'бочка'
кѡтіа (бежт.) 'куцехвостая'
кѡцѡахи 'скорлупа'

кѡчѡа (бежт.) 'вещало'
кѡчѡкѡ//тѡчѡкѡ (бежт.), кѡчѡкѡ
(гуыз.) 'тачка'
кѡри (бежт.) 'бурдюк'
кѡтѡи (бежт.) 'пиджак'
кѡци (хаш.) 'сковорода'
кѡибе (гуыз.) 'лестница'
кѡинтѡ (бежт.) 'непостоянный
человек'
кѡира (чантл., сарус.) 'неделя, вос-
кресенье'
кѡиркѡтѡи 'грецкий орех с твер-
дой скорлупой'
кѡиртѡи (чантл., сарус.) 'почка де-
рева'
кѡитѡри 'огурец'
кѡицири (бежт.), кѡисери//кѡицири
(гуыз.) 'шея'
кѡобала (бежт.) 'палка, дубинка'
кѡобзи (бежт.) 'металлическая
ложка'
кѡокѡ 'кувшин'
кѡолопа 'коробка'
кѡомойтѡ (бежт.), кѡмпѡстѡи
(гуыз.) 'капуста'
кѡмри (сарус.) 'клубок дыма'
кѡона 'вязанка'
кѡоркѡтѡи (бежт.) 'пшеничная
крупа', кѡоркѡтѡи (гуыз.) 'ка-
ша'
кѡотхо (бежт.), кѡотохо (гуыз.) 'де-
ревянная чашка'
кѡотѡси (бежт.) 'пустоголовый
человек'
кѡочіи 'катушка с ниткой'
кѡубо (бежт.) 'гроб'
кѡулухи (бежт.) 'домик, курят-
ник', кѡулухи (гуыз.) 'наседка'
кѡунзи (бежт.) 'что-л. короткое',
'твердая древесина'
кѡунули 'боярышник'
лакъе (чантл.) 'тухлое'
лами (чантл.) 'песок'
лампа 'потолок'
ланда 'рубанок'
лапани-хъохъ (бежт.) 'сусак'
лахи (бежт.) 'мусор, хлам'

легъи (бежт.), легъи//легъу 'ин-
 жир'
 легъи-чири (сарус., чантл.) 'суше-
 ный инжир'
 лейби 'матрас'
 лекаци 'марля'
 лила (бежт.) 'краситель'
 лобио 'фасоль'
 локо 'усач (рыба)'
 лукіма 'кусочек хлеба'
 лъацар//лъацай (бежт.) 'сито'
 маграм (чантл., сарус.) 'но'
 мажало-э'ш 'дикое яблоко'
 майклица (бежт.) 'сидение по-ту-
 рецки'
 майц (бежт., сарус.) 'все же'
 мамазагъли – ругательно-ласка-
 тельное слово
 мамали (бежт.) 'петух'
 марани (бежт.), моран (гунз.)
 'винный погреб'
 мартули 'провода'
 масала 'материал'
 маціони 'простокваша'
 мац'ари 'молодое бродящее вино'
 машарапи 'томатный соус'
 мевли 'полевой сторож'
 мезези 'капризы'
 мет'рика 'метрика'
 мехъре 'слуга'
 мизги (бежт.) 'плата за помол'
 мизна (бежт.) 'граница'
 минди 'плата за помол'
 мит'к'али 'миткаль'
 море 'бревно'
 моцда бовал (бежт.) 'задержать,
 препятствовать'
 мошьоьк'и (бежт.), мешок'и
 (гунз.) 'мешок'
 музгури (бежт.) 'коротышка',
 музгур (сарус.) 'дети'
 мужомагари (гунз.),
 музьоьмаьгаьри (бежт.) 'услу-
 жение'
 мужи 'немой'
 мутака 'валик'
 муша (сарус.) 'рабочий'

мушт'ари (бежт.) 'покупатель,
 клиент'
 нави 'лодка'
 наьк'и (бежт.), наьк'и (гунз.)
 зинец'
 наьп'чи (бежт.), немси (гунз.)
 'иголка'
 нахир (гунз.) 'стадо, табун'
 нач'ари (бежт.), нач'ери (гунз.)
 'лоскуток'
 нашури (бежт.) 'ткань'
 неси (бежт.), несу//несо (гунз.)
 'дыня'
 нигози 'приправа из грецкого
 ореха'
 нисани (бежт.) 'межа'
 огъонт (бежт.) 'только бы'
 ожахи 'семья'
 ойноба (бежт.) 'скандал', 'драка'
 окро (гунз.), окро//окко (бежт.)
 'серебро, деньги'
 опопи (бежт.) 'удод'
 оршабат (чантл., сарус.) 'поне-
 дельник'
 отахи (бежт.), утахи (гунз.) 'ком-
 ната'
 отхшабат (чантл., сарус.) 'среда'
 вапа (бежт.) 'каша'
 парахи 'кошара'
 парда (бежт.) 'коридор'
 пари (бежт.) 'быстрая ходьба'
 парц'а 'борона'
 патарак'и (//путурук'и) ч'алеллал
 (бежт.) 'портить'
 пет'ли (бежт.) 'соты без меда'
 пехбурти (сарус., чантл.) 'футбол'
 пийт'ли//пирт'и (бежт.), пырт'и
 (гунз.) 'легкие' (анат.)
 пили 'пестик'
 пирпит'а (бежт.) 'пластинка'
 пиц'хи (бежт.), пич'хи (гунз.)
 'вспыльчивый (человек)'
 полади 'сталь'
 почочи//попочи (бежт.), поччи
 (гунз.) 'кукурузный стебель'

пурчина//пурчина (бежт.), пурчина
 (гунз.) 'очистка от растений'
 пущуькӀи (бежт.) 'молочный
 суп'
 пӀало 'кол'
 пӀалтӀо 'пальто'
 пӀантӀа 'дикая груша'
 пӀаразонкӀа (бежт.) 'сумка'
 пӀарасклеби (чантл., сарус.) 'пят-
 ница'
 пӀаркӀи 'шелкопряд'
 пӀепӀела (бежт.) 'слепень'
 пӀеранги (гунз.), пӀеранкӀи (бежт.)
 'нижняя рубашка'
 пӀергъоли (бежт.) 'камень для иг-
 ры'
 пӀерези//пӀережи 'шпагат'
 пӀилпӀил (бежт.), пӀирпӀил (гунз.)
 'черный перец'
 равици 'не знаю'
 рачӀо (бежт.) 'цепь'
 сабали (бежт.) 'толстая веревка'
 сабани (тляд.) 'одеяло, покрывало'
 садгъобели 'кувшин для варки
 фасоли'
 саканела (гунз.), сакандела (бежт.)
 'качели'
 саконели 'скот'
 сакъдари 'церковь'
 самшабат (чантл., сарус.) 'втор-
 ник'
 сантели 'свеча'
 сапантӀи (бежт.), сапантӀи//са-
 пӀантӀи (гунз.) 'дробь'
 сапӀуни 'мыло'
 састӀули (бежт.) 'подушка'
 сахъри (бежт.) 'большая палка'
 симилди//симинди 'кукуруза'
 сипӀи (бежт.), сыпӀи (гунз.) 'ка-
 менная плита'
 супра 'скатерть'
 сурула//сурула-бох (бежт.) 'шал-
 фей'
 таммако (бежт.), тамбаку (гунз.)
 'табак'

таразо (бежт.), таразу (гунз.) 'ба-
 лансир, ватерпас'
 таси (тляд., гунз.) 'кружка'
 тасма 'полоска кожи, кусочек ко-
 жи'
 татара 'сухая масса из сливового
 сока'
 тели (бежт.), теяли (гунз.) 'мно-
 го'
 тепси//тепши 'тарелка'
 тесли 'семена'
 токӀи 'канат'
 тони (бежт.) 'печь'
 топ (бежт.) 'кипа чего-л.'
 топи (бежт., гунз.) 'ружье'
 топи-йарагъ 'оружие'
 тохъи 'мотыга'
 тунги 'медный кувшин'
 туттайа (бежт.) 'алюминий'
 тӀабакӀо (бежт.), тӀабакӀу (гунз.)
 'поднос'
 тӀавутӀи 'солидол'
 тӀакани 'стакан'
 тӀаро (бежт.) 'початок'
 тӀахи 'кабан'
 тӀенкӀи (гунз.) 'войлочный подсе-
 дельник'
 тӀетӀали (бежт.) 'курочка'
 тӀикъи (бежт.), тӀыкъамали//
 тӀыкъемали 'дикая алыча'
 тӀикӀи (бежт.) 'грелка'
 тӀило 'полотенце'
 тӀипӀи 'тиф'
 тӀирикӀо (бежт.) 'трусы'
 тӀитӀо (бежт.) 'колючка, осот'
 тӀолба 'столб'
 тӀусагъи (бежт.), тӀусахи (гунз.)
 'тюрьма'
 уба//убани 'квартал'
 уплеба (чантл.) 'власть'
 уру-бох (бежт.) 'овсяница жело-
 бочная'
 уруми (бежт.), ырӀами (гунз.) 'ар-
 ба'
 уто (бежт.) 'утиог'
 уцбат 'вдруг, внезапно'

хагъу (бежт.), хăгъу (гуыз.) 'лук'
хали 'лебеда'
халха (гуыз.) 'удочка', халха
(бежт.) 'прозвище'
хамути (бежт.), хамутӀи (гуыз.)
'хомут'
харбули (бежт.) 'толокно мелко-
го помола'
хатами (бежт.) 'слякоть'
хаши 'закваска'
хевани 'виноградная лоза на де-
ревьях'
хили (бежт.) 'арахис', хили (гуыз.)
'фундук'
хикӀи 'кочерыжка'
хорхо//хоргъо//хойгъо (бежт.),
гъэру (гуыз.) 'пила'
хутшабат (чантл., сарус.) 'чет-
верг'
хъапча (бежт.) 'мастерок'
хъимайо (бежт.) 'пасмурный'
хъерхъи (бежт.) 'тактика'
хъинцири 'сорт картофеля'

цѣцхизи йахъал (бежт.) 'взбесить-
ся'
цикъи (бежт.), сикъе-а"къу (гуыз.)
'белка'
цини (чантл., сарус.) 'лекарство
для опрыскивания'
циркӀоба 'цирк'
цицили (чантл.), цирцил (сарус.)
'цесарка'
цноба (чантл.) 'справка'
цоми-аьдаьм (бежт.) 'ленивый че-
ловек'
цугъри (бежт.) 'берег'
цухани (бежт.) 'чердак'
цави (бежт.) 'наст, гололед'
цади 'шашлык, шомпол'
цакӀа (бежт.) 'рассол'
цаaldi (бежт.) 'большой нож'
цараки-боза (бежт.), цараки
'кирка'
цебо 'клей'
цени (чантл.) 'сок'
цѣси 'обычай'

цика//чи́ка (бежт.) 'стекло, зер-
кало', чӀика (гуыз.) 'разбитое
стекло, стопка'
цима (бежт.) 'гнида'
цинго 'околоплодник'
цинда 'чулок, носок'
цинили 'квашеная капуста'
ципер//чӀипер (бежт.), цыбэли
(гуыз.) 'каштан'
цицӀакӀа 'красный перец'
цӀула 'жребий'
цӀурбела 'пиявка'

чадуна (бежт.), чадуни (гуыз.) 'па-
поротник'
чала (бежт.) 'камыш'
чамичи 'изюм'
чангали 'скоба'
чардах (бежт.) 'навес'
чени//цени 'воск'
чирдили (бежт.) 'плохое вино'
чири 'сухофрукты'
читӀи 'ситец'
чочо 'лошадь'
чочхала (бежт.), чучхела (гуыз.)
'чурчхела'
чунгури 'чонгури'
чустӀи (бежт.) 'тапочки'
чухени//сухени (гуыз.) 'чердак'
чӀади (бежт.), чӀаде (гуыз.) 'куку-
рузный хлеб'
чӀархали (бежт.), чӀерхал (гуыз.)
'свекла'
чӀачӀа 'самогон'
чӀевари (бежт.) 'охотничья соба-
ка'
чӀийӀапари (бежт.), чӀийа (гуыз.)
'краситель'
чӀикъантӀи (бежт.) 'болото'
чӀири (бежт.) 'нехватка, нужда'
чӀотӀи 'фасоль'
чӀочӀи (бежт.) 'цепкость'
чӀучӀули (бежт.) 'цыпленок'

шабат (чантл., сарус.) 'суббота'
шаби 'квасцы'
шалахо – 'грузинский танец'
шалтӀами (тляд.) 'свисток'

шашу 'дрозд'
шойни//шовли (бежт.) 'отвес'
шота (чантл.) 'кактус'
шоти 'грузинский хлеб'
шулди (бежг.), шилди (гунз.) 'ки-
зил'
шуна (бежт.), шимар (гунз.) 'мо-
гила'
шурдамани (бежт.) 'кашметал-
ка'
шушамантI (сарус.), шушьаьмаьн-
ди (бежт.) 'веранда'

эбирицкIицхи (бежт.), эбуркIецхе
(гунз.) 'яичница'
эзо 'двор'
экимо (чантл., сарус.) 'врач'
энжел (бежт.) 'загон на пастбище'
энциклури 'орнамент'
эртоба 'хаос, безобразие'
эшмакIи (бежт.) 'черт'

ГИНУХСКО-ЦЕЗСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

абрашун 'шелковая нить'
акIвани (гин.) 'люлька'
аклушкIа (гин.) 'окошко'
ангарши (цез.) 'счет, расчет'
арихели//айрихели (цез.) 'один'
(в игре)

бамба 'вата'
бамбазIи (гин.) 'бязь'
баIли (цез.) 'черешня'
бебхи (гин.) 'леопард'
биликIи (гин.) 'тропинка'
бози (гин.) 'жердь'
болокIи 'редис'
буркIули (цез.) 'замок'
бостIани (гин.) 'медведка'
бурти (цез.) 'мяч'
бухари (гин.), мухари (цез.) 'ды-
моход'

вази 'виноградная лоза'
Вила//Вулаь (цез.), Вуле (гин.)
'Грузия'
вискIози (цез.) 'вискоза'

галами (цез.) 'тодстая беревка',
ганаби (гин.) 'крепкая веревка'
гамаркIели//гамеркIели (цез.) 'че-
тыре' (в игре)
гамзарати//гамзуреди//гамзурали
(цез.) 'три' (в игре)
гатIухъна (гин.) 'прополка'
гиму 'вкус'
гутан 'плуг'
гучIи 'поросенок'
гъанзил (гин.) 'черемша'
гъанцил (гин.) – 'название расте-
ния'
гъебарIи (цез.) 'красильщик'
гъипIи (гин.) 'нерасторопный че-
ловек'
гъумели (цез.) 'крученая ветка'
гъуни (цез.) 'безрогий козел'
гIалазан (гин.) 'озеро'
гIанцил 'бузина вонючая'
гIаракъи (гин.) 'водка'

дабара 'вскопанный участок'
дампIали (гин.) 'тяжелый', дом-
пIоли (цез.) 'неуклюжий'
дапIи 'избиение'

жами 'чашка'

забру 'лейка'
зети 'подсолнечное масло'
зекIу 'гриб'

индоври 'индюк'
ихирахъ (гин.), ихурахъ (цез.) 'ут-
ка'

калаки (гин.) 'город'
кохи (гин.) 'лачуга'
кудари (гин.) 'кувшин'
кучури//кочори 'чуб'
къавари 'бранка'
къути 'коробка, ящик'
кIаба (гин.) 'платье'
кIараметIи//кIараметI (цез.), кIа-
раметIи//кIамартIи (гин.) 'че-
репица'
кIартупели (гин.) 'картофель'

класри (цез.) 'бочка'
кIацIахи 'скорлупа'
кIемотI 'сундук'
кIитIри 'огурец'
кIищу (цез.), кIечIу (гин.) 'зуб'
кIонели (цез.) 'боярышник'
кIонкIа (цез.) 'велосипед'
кIоркIот (цез.), кIоркIотIи (гин.)
'сорт грецкого ореха с твердой
скорлупой'
кIоркIотIи (гин.) 'пшеничная кру-
па'
кIотIю (гин.), кIотIи (цез.) 'дере-
вянная чашка'
кIюцхи (цез.) 'яичница'

лампа 'потолок'
легъви 'инжир'
лечаки (цез.) 'вуаль'
лоби (гин.) 'фасоль'
лукIма (цез.) 'ломтик'

мамалай 'петух'
матIи 'гусь'
марихели (цез.) 'два' (в игре)
мезези (гин.) 'капризы', мезламо
(цез.) 'капризник'
мокIортIи 'ножницы'
мошокIи 'мешок'

накIила//лакIила 'мизинец'
неси 'дыня'

отохи 'комната'

почочи (гин.) 'кукурузный сте-
бель'
пIилIил 'черный перец'

рози (гин.) 'провода'

сабани 'одеяло, покрывало'
сакъдари 'церковь'
сантели (цез.) 'свеча'
сопIон 'мыло'
састIури (гин.) 'подушка'
симилди 'кукуруза'
супра 'скатерть'

тири (цез.) 'бревно'
тупи 'ружье'
тохъи (гин.), тоIхъи (цез.) 'моты-
га'
тунги 'медный кувшин'
туткара//туткIара, (цез.) 'игра'
тушури (цез.) 'баран с курдюком'
тIабакIи (гин.) 'поднос'
тIакани (гин.), тIакан (цез.) 'ста-
кан'
тIики (гин.), тIики//кIитIи (цез.)
'грелка, бурдюк'
тIилокъатIи (гин.) 'название тка-
ни'

укру 'серебро'
уреми (гин.) 'арба'

хатоми (гин.) 'слякоть'
хирих 'пила'
хъема 'дождь'

цIихоли 'лесное яблоко'
цухани (гин.), цехтIен (цез.) 'чер-
дак'
цIараки (гин.), цIераки//цIара-
ки//цIараки-биза (цез.) 'кирка'
цIеген (цез.) 'религиозная книга'
цIепу (гин.) 'клей'
цIикай (гин.), цIикай (цез.) 'стек-
ло'
цIинда (гин.), цIинтIай (цез.) 'чу-
лок, носок'
цIинили (гин.) 'квашеная капуста'
цIицIакIи 'красный перец'
цIурбила (гин.) 'пиявка'

чадуни (гин.) 'папоротник'
чардахIи (цез.) 'навес'
читIи 'ситец'
чочо 'лошадь' (дет.)
чочхала 'чурчхела'
чунгур (цез.), чунгури (гин.) 'чон-
гури'
чIади 'кукурузный хлеб'
чIапIани (цез.) 'веревка'
чIархала 'свекла'

ч'ац'а 'самогон'
ч'евари (цез.) 'плакса'
ч'от'и 'фасоль'

шаби (цез.) 'квасцы'
Шаури (цез.) 'название села'
шоти 'грузинские хлеб'
шунди (гин.) 'кизил'

ХВАРШИНСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

бурки 'мяч'
жок'о 'гриб'
зети 'подсолнечное масло'
кит'омол 'сундук'
коде 'волосы'
туби 'ружье'
херех 'пила'
цел 'коса'
ч'анч'ул 'дикая слива'
ч'ац'а 'самогон'

ГРУЗИНИЗМЫ АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

бадрижан (чам.) 'баклажаны'
зок'о (багв.), сек'лу (чам.), ссек'лу
(тинд.) 'гриб'
мук'гали (ахв.) 'ежевика'
талгам (анд.) 'репа', таргам (чам.)
'репа, редька'
ц'абел-г'гал (чам.) 'чина'
ч'анч'ур (ботл., год.),
ч'анч'ар//ч'анч'ур (чам.) 'ди-
кая слива'
ч'ац'а 'самогон'
шахв (чам.) 'лук'

АВАРСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ (анцухский, закатальский, кусурский диалекты)

агури (анц.) 'кирпич'
анц'или (зак.), г'анц'или (анц.)
'бузина воиющая'
арх (тив.), архи (зак.) 'канал'
астами (анц.) 'лопаточка'
ашк'ара (анц.) 'открыто'

бадрижан (анц.) 'помидор'
балиш (анц.) 'полушка'
бат'ли (анц.) 'гусь'
бебунк'а (тив.) 'пучечки'
бизи (анц.) 'обращение к старше-
му брату'
били//б'ли (анц.) 'черешня'
болок'и//болок'ли (анц.) 'редис'
бочоч//пучечи (анц.) 'кукурузный
стебель'
бринжи (тив.) 'рис'
були (анц.) 'гусь'
бурти (тив.) 'мяч'

вазиб (кусур.), важийаб (чад.) 'ви-
ноградная лоза'
вард (тив.) 'роза', варди (кусур.)
'цветок шиповника'

гатохна (тив.) 'прополка'
гашинза//гашинжа (тив.) 'обсле-
дование'
гелехаб//гилихаб (анц., кусур.)
'грязный'
гелехзи (анц.) 'стать грязным'
гема (анц.) 'вкус'
гозинак'ъи (тив.) 'ореховая при-
права'
готан (анц.) 'плуг'
гочор//гучур//гочори//кочори
(анц.) 'чуб'
г'андзил (анц.) 'черемша'
г'ино//г'вину (анц.) 'вино'
г'ип'ли (тив.) 'толстяк'
г'ат'ам (анц.) 'персик'
г'ормо (тив.) 'яма'

давла (авар.) 'добыча при набе-
гах'
даг'умаб (тив.) 'сонный'
дени (тив.) 'ток'
джами (анц.) 'чашка'
дзаг'гли (//заг'гли) (анц.) – прене-
брежительное обращение к
старым людям
дзаг'у (анц.) 'очень старый'
дулча (карах.) 'кружка'

жагъи//жангъи (тив.) 'туман'
жвардин (тив.) 'поперечная доро-
га'
жими//джиби (анц.) 'карман'
жоло (тив.) 'облепиха'

забр (тив.), забру (зак.) 'лейка'
зети (анц.) 'подсолнечное масло'
зецар (тив.) 'простыня'
зкло (анц.) 'гриб'

индаури (тив.), индорняб (чад.)
'индюк'
ихви (тив.) 'утка'

калман//карман (тив.) 'лапти кав-
казские'
килави//килав (тив.) 'слива'
кох (тив.) 'лачуга'
кудари (анц., гидск.), квадари
(кел.) 'кувшин (для воды)'
кура (анц.) 'печь для обжига изве-
сти'
къавари (анц.) 'дранка'
къакъачо (тив.) 'полевой мак'
къирмади//къирмай (анц.) 'дикая
алыча'
къути//къутийа (том., тив.),
къутйа (бухн., кусур.) 'короб-
ка, сундук'
кълмах-ччугла (тив.) 'форель'
кълалуш (тив.) 'калоша'
къламич (тив.) 'буйвол'
кълараметйи//кълараметйи//кълерметйи
(анц.) 'черепица'
кълартйупйи//кълартйупйи//кълартйу-
пелйи//кълартйупйи (анц.), кълур-
тйупйи//кълортйопйи (кусур.)
'картофель'
кълациахи (кусур.) 'зеленая орехо-
вая кожура'
кълачха (чад., том.) 'вешало'
кълвали (тив.) 'борозда'
къленчи (тив.) 'камешек'
кълерметйи (кусур.) 'черепица'
кълехи (анц.) 'седло'
кълимутйи (тив.) 'сундук'

кълиркълитйи (анц.) 'грецкий орех с
твердой скорлупой'
кълисрияб (кусур.) 'мера веса'
кълитйири (анц.) 'огурец'
кълюбз//кълюз (анц.) 'металлическая
ложка'
кълюлоп (тив.) 'коробка'
кълон (тив.) 'вязанка'
кълючи (тив.) 'перекладина'
кълюлени//кълюлениб (кусур.) 'боя-
рышник'
кълумпйустйи//кълумуштйи (анц.) 'ка-
пуста'

ландар (тив.) 'рубанок'
легъу//легъви (анц.) 'инжир'
легъу-чал (анц.) 'связка сушеного
инжира'
локйо//л'окйо (кусур.) 'щенок'

мамазагъйи (анц.) – ругательно-
ласкательное слово
маран (тив.) 'винный погреб'
мачйар (анц.) 'молодое бродящее
вино'
машарап (тив.) 'томатный соус'
мезези (тив.) 'причина'
мехър (тив.) 'слуга'
мешикйи (анц.) 'мешок'
мукъали (зак.), мукъали//мокъо-
ли (кусур.) 'ежевика'
мутаку (анц.) 'валик'
муштйар (тив.) 'клиент, покупа-
тель'

нави (анц.) 'корыто для водопоя',
нави (зак.) 'желоб'
невс//небси (анц.) 'дыня'
ниахур (тив.) 'сельдерей'
нигози (тив.) 'очищенный орех'

нарда (тив.) 'коридор'
парцхи (тив.) 'борона'
питри (зак.) 'омела'
пичхи (тив.) 'хворост'
пурутйи (том.) 'гнилое бревно'
паркйи (тив.) 'шелкопряд'
пйепйела (тив.) 'слепень'

пѣранкI (тив.) 'ночная рубашка'
пѣултѣ (анц.) 'пальто'

рави (анц.) 'каменный загон'

сапѣун (анц.) 'мыло'
симинди (анц.) 'кукуруза'
ссакIани (тив.) 'ларь'

талгам (авар.) 'репа'
тамбако (анц.) 'табак'
тараз (анц.) 'балансир'
тебси (авар.) 'накрытый стол',
тебши (чад.) 'тарелка'
тири (кусур.) 'бревно', тIири
(бухи., таш., чад.) 'желоб'
тони (тив.) 'печь'
топ (анц.) 'ружье'
тохъи//тухи (анц.) 'мотыга'
тухна (таш., кусур.) 'мотыга'
тIабакIи (чад.), тIабакI (тив., ан-
дал.) 'поднос'
тIакан (тив.) 'стакан'
тIенкI 'войлочный подседельник'
тIикI (тив.) 'грелка, бурдюк'
тIило (тив.) 'тряпка, полотенце'

уба//убани (анц., зак.) 'квартал'

хави (зак.) 'лук'
хаш (тив.) 'суп из конечностей
крупного рогатого скота'
хашхаш (авар.) 'полевой мак'
хъили (тив.) 'фундук'

цѣкъи//сикъи (анц.) 'белка'
цицили (тив.) 'цесарка'
циоба (тив.) 'справка'
циантI (тив.) 'дробь'
циухан (тив.) 'чердак'
циапѣур (анц.), циупѣули//циупѣулиб
(кусур.) 'каштан'
цииндакI (авар.) 'носок', чулок'
ципели (зак.) 'бук'
цинил (тив.) 'маринад'
цирубел//циурубел//циурумели
(тив., чад.) 'пиявка'

чаки (тив.) 'платок'
чангал (анц.) 'вилка'
чардах (тив.) 'навес'
чит (анц.) 'сито'
чунгур (анц.) 'чонгур'
чурчхел//чучхели (анц.) 'чурчхе-
ла'

чIала (тив.) 'овраг'
чIанчIур (авар.) 'дикая слива'
чIархъал (тив.) 'свекла'
чIачIа (авар.) 'самогон'
чIикIа (тив.) 'стекло, зеркало'

шалахо (тив.) – 'грузинский та-
нец'
швинди (тив.) 'кизил'
шоти (анц.) 'грузинский хлеб'

экимо (тив.) 'врач'
эпъэп (авар.) 'удод'

УДИНСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

абрешIум//абрашIум 'шелк'
акIошкIа 'окошко'
анбан (окт.) 'азбука'
ангарши (окт.) 'счет'
андаз (окт.) 'поговорка'
анкIар (окт.) 'уж'
апIрил (окт.) 'апрель'
аракъи//арьакъи 'водка'
арх 'канал'
арцIив (окт.) 'орел'
астIам (окт.) 'скребок'

бадакIи 'виноградный сок'
бамбази 'бязь'
бебункIа (окт.) 'тачанка'
бей (окт.) 'задаток'
белга 'калым'
белтIи 'грубая вспашка'
бза 'самшит'
бибик//бибикI 'гребень петуха'
боран (окт.) 'паром'
болокI (окт.) 'редис'
бухарикI 'дымоход'

вард 'роза'
вискIюз (окт.) 'вискоза'

гагимаржос (окт.) 'здравствуйте
(ответ)'
гамарджоба (окт.) 'здравствуйте'
гамгеоба (окт.) 'правление колхо-
за'
гед//гедар 'лебедь'
гер 'пасынок'
гилав (окт.) 'залог'
годор 'корзина'
гозинакъ//гознакъ 'ореховая при-
права'
голва (окт.) 'засуха'
гуьндаь 'круглый кусок теста'
гуьрдуьм 'глыба'
гъанзил//гъандзил 'черемша'
гъили (окт.) 'перевал'
гъино 'вино'

дабара 'вскопанный участок'
дадал 'петух'
дайра 'бубен'
деклембер (окт.) 'декабрь'
джаьраь 'пряильный станок'
джаьчъв 'цепь'
джиб//дзуб 'карман'
дзабури//цаьпири 'лейка'
дзу (окт.) 'грива лошади'
дуьргаьр 'плотник'

замбах 'ирис, касатик'
замтари (окт.) 'зима'
зарбазан (окт.) 'пушка'
зиндан (окт.) 'наковальня'
зоко 'гриб'

индаур 'индюк'
ихви (окт.) 'утка'

каламан//калам 'лапти кавказ-
ские'
квендебар (окт.) 'подлежащее'
кор (окт.) 'ястреб'
кури//кураь 'печь для выпечки
хлеба'
курк (окт.) 'теплое пальто'
куьркуьрт 'лекарство для опры-
скивания'
къавар 'бранка'

къакъачо 'полевой мак'
къамир (окт.) 'целина'
къоран (окт.) 'ворон'
клуба 'платье'
клякв 'крючок, застежка'
клялмах 'форель'
клялош (окт.) 'калоша'
кляракл (окт.) 'сливочное масло'
кляртюпил//кляртюпили//кляртюп
ли 'картофель'
клявал (окт.) 'борозда'
клявери (окт.) 'лепешка'
клявира (окт.) 'неделя, воскрес-
нье'
кляех (окт.) 'сосуд для воды'
клядобан 'сундук'
кляркинтI 'грецкий орех с твердой
скорлупой'
кляраклан (окт.) 'загон для телят'
клялбал (окт.) 'палка, дубинка'
клялкотI (окт.) 'каша'
клярамитI//клярамутI//кляраьмитI
'черепица'

лами (окт.), ша (варт.) 'песок'
лаьли 'люлька, колыбель'
лаьмбаькуь//лаьмбаьку 'посуда
для фруктов'
ляйб 'матрас'
ликлер 'тропинка'
лил 'краситель'
локо (окт.) 'сом'
локьма 'ломтик'
лом 'лев'

мавтул 'провода'
маграм (окт.) 'но'
майц (окт.) 'все же'
макъар (окт.) 'шафер'
маран (окт.) 'винный погреб'
махат-бекI//махат 'игла'
мацон (окт.) 'простокваша'
мачанкIал (окт.) 'доносчик'
мачIар//маьчIаьри 'молодое вино'
маьсаьла 'материал'
мебагъ (окт.) 'садовник'
мех (окт.) 'молния'
мехре (окт.) 'слуга'

мешикІ (окт.) 'мешок'
мзити (окт.) 'приданое'
митІкал (окт.) 'миткаль'
мули (окт.) 'невестка'
муцІукІ (окт.) 'оспа'
муша (окт.) 'рабочий'
муштІар 'покупатель, клиент'
муътатка 'валик'
мэвэле 'полевой сторож'

набад (окт.) 'бурка'
над (окт.) 'подкова'
надзв 'ель'
нам (окт.) 'иней'
намгал//маьнкаьл 'инструмент
для рубки'
нерцІкъв (окт.) 'слина'
нигози (окт.) 'очищенный орех'

оноп 'удод'
отах (окт.) 'комната'

парех 'зимняя овчарня'
паршеванг (окт.) 'павлин'
паърдаь 'занавеска'
пехбурти (окт.) 'футбол'
пичІв (окт.) 'сосна'
полад (окт.) 'сталь'
пон 'брод'
пурчвна (окт.) 'очистка от расте-
ний'
пучечи (окт.) 'кукурузный сте-
бель'
пІалтІон//пІаьлтІоь 'пальто'
пІантІа 'дикая груша'
пІараскІи//параки 'пятница'
пІилпІил//пІимпІил 'черный пе-
рец'

рукІа (окт.) 'карта'
руш (окт.) 'оборка'

сазагол 'запас'
сапантІ 'дробь'
сапІон 'мыло'
саркал (окт.) 'староста при отаре'
сахре 'палка (пастуха)'
сацвал (окт.) 'нижнее белье'

сацер 'сито'
сацІив (окт.) 'студень'
сектІембер (окт.) 'сентябрь'
скІа (окт.) 'улей'
стІапило (окт.) 'морковь'
тавад (окт.) 'князь, барин'
тавмІвдомаре (окт.) ' председа-
тель'
тавтав (окт.) 'колос'
таразо 'балансир'
тебервал (окт.) 'февраль'
тони 'печь'
тохи 'мотыга'
тудж 'чугун'
тунги//туьнг 'медный кувшин'
тутикъуш (окт.) 'попугай'
тІакан (окт.) 'стакан'
тІакнеце 'сидение по-турецки'
тІапІакІ 'корыто'
тІаро (окт.) 'початок'
тІнкІ 'бурдючок'
тІолча 'кружка'
тІуссагъ 'заключенный'

уба//убани 'квартал'
умуд 'неуважение'
уплеба (окт.) 'власть'
утховар 'красное дерево'
уш 'дрова'

хаверд (окт.) 'бархат'
хаз (окт.) 'линия, черта'
хаш (окт.) 'суп из конечностей
крупного рогатого скота'
хашал (окт.) 'чесотка'
хашхаш (окт.) 'мак снотворный'
хвликІ (окт.) 'ящерица'
хеван (окт.) 'виноградная лоза на
деревьях'
херхи (окт.) 'способ, прием', 'хит-
рость'
хорбал (окт.) 'пшеница'

цел (окт.) 'коса'
цискІар 'заря'
ци'къ (окт.) 'белка'
цІабул 'каштан'

цлалд 'удлиненный топор с "нос-ком"

церакв 'кирка'

цлетI 'подсолнечное масло'

цлив (окт.) 'кизяк'

цликъ//цлигъкъ 'ласка'

цликлан (окт.) 'козленок'

цлил (окт.) 'жребий'

цлиндак 'носок'

цнил (окт.) 'маринад'

цурбела (окт.) 'пиявка'

чамич (окт.) 'изюм'

чир (окт.) 'сухофрукты'

чирчил (окт.) 'моль'

чонгур (окт.) 'чонгури'

чурчхел (окт.) 'чурчхела'

чустI (окт.) 'тапочки'

члад (окт.) 'кукурузный хлеб'

члархал (окт.) 'свекла'

члаьлаьг//ччалаг//ччалай 'лес'

члартIл (окт.) 'сажа'

члотI (окт.) 'филин'

члочи (окт.) 'нагоняй'

чачу 'дрозд'

шабатI//шабат-гъи//шабат 'суббота'

шалашин (окт.) 'тесак'

шап 'квасцы'

шоти 'грузинский хлеб'

шрошан (окт.) 'скворец'

шурдули (окт.) 'каменеталка', 'праца'

шущаьмаьнд 'веранда'

шэмасменел (окт.) 'сказуемое'

ЦАХУРСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

астIамий//истIами 'скребок'

ат'авли 'десять в кучу сложенных снопов'

аIнцилий 'бузина вонючая'

баджитра 'прилежно'

баклий 'овцеводческая ферма'

бакIстав//бакIсдав 'барановод'

балахи 'вид травы'

бали 'черешня'

бара 'отара маточного поголовья;

место доения'

биринз 'рис'

бокI 'труба, рожок'

боран 'паром'

ботий 'вожак'

быбыл//бэбэл 'гребень петуха'

гардж 'лучина'

геджий 'корыто, выдолбленное из дерева'

гирдабил 'поперечная пила'

гирдым 'глыба'

гъала 'припасы у мышей'

давла (цах.) 'добыча, трофей'

дагъ 'тавро'

дадал 'петух'

дарapan 'навес, крыльцо'

дикки 'цветок'

дикI//дыкI 'просо'

долче 'кружка'

кывай 'камень'

кьонелий (гельм.) 'костяника'

кIараметI 'черепица'

кIасрий//кIасрэ //кIасры 'мера сыпучих веществ'

кIомрий 'густой дым, чад'

кIонзий 'треножная табуретка'

кIох 'ленчик'

кIочIунний 'искривление'

кIуда 'кончик'

кIула 'деревянный ковш'

кIунелай (цах.), кIунилий (джын.)

'боярышник'

лакьна 'тухлое'

лаквий 'щенок'

лобе 'фасоль'

махат 'большая игла'

мачIарий 'молодое вино'

маIмыц 'трус'

мутакка//миттака//митакка 'валик'

муштҭарий 'клиент, покупатель'
муькҭали (цах.д.), мыкҭалий
(гельм.), мэкҭалий 'ежевика'

наив 'желоб в стволе дерева'
нерги 'саженец'
нигозий 'ореховая халва'

питри//питрий 'омела'
пыталай 'вид лианы'

рыза 'щеколда'

самамрай 'деверь'
самарев 'котлован'
сакҭан 'хранилище зерна, муки'
сапән//сапҭын 'мыло'
сидедрай 'золовка'
симгҭэрий//симгҭырий 'мурлы-
кание, пение'
совдагар 'купец'

тасма 'подтяжки, ремень'
терезуг 'балансир'
тессий 'тарелка'
тир 'бревно'
тудж 'чугун'
тҭанкҭий 'тело, туловище'
тҭенкҭи 'конусообразная корзина'
тҭикҭи//тҭикҭий 'бурдючок, грел-
ка'

уба//убани 'квартал, тухум'

хавсий 'мох'
хочҭи (гельм.) 'поросенок'

цикҭый 'белка'
цихей//цихий//цехей 'крепость'
цҭабел//цҭабил//цҭабыл//цҭабыл'
'каштан'
цҭакҭарай 'родник'
цҭипел 'бук'
цҭуҭгҭеҭр 'чувяки'

чач 'самогон'
чуст 'туфля'

чҭалаг 'лес, роща'
чҭика 'нок'
чҭуҭк 'грязь'

шалахо – грузинский танец
шоти 'грузинский танец'
шешей 'дрова'

ГРУЗИНИЗМЫ ДРУГИХ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Азнаур (лак., лезг.) 'Азнаур'
бакҭакҭи (лак.) – прозвище
бургҭу (лак.) 'труба'
гҭанзи (кубач., хайд.) 'черемша'
давла (лак., лезг.) 'добыча, тро-
фей'
дадал (рут.) 'петух'
дикҭ//дукҭ (таб.), дукк (агул.),
дуькҭ (рут.) 'просо'
забри (лак.) 'лейка'
кҭачҭа (лак.) 'бурдюк'
кҭараметҭи (рут.) 'черепица'
кҭинтҭо (лак.) 'непостоянный че-
ловек, жулик'
луби (лак.), лубуен (рут.) 'фасоль'
мамазагҭи (лак.) – ругательно-
ласкательное слово
межил (хайд.) 'кислый'
миштҭари (рут.) 'покупатель, кли-
ент'
муша-ниц (лак.) 'рабочий вол'
невш (бухъу) 'сурепка' (хайд.)
питри (таб.) 'омела'
пҭури (лак.) 'прозвище'
пҭыри (рут.) 'просяной хлеб'
пҭантҭаракҭ (ицар.) 'тотенам-
бур'
тават (лак.) 'статный'
терезук (рут.) балансир'
харахура (лак.) 'старая вещь'
чугур (лак.) 'чонгури'
чҭачҭи (рут.) 'самогон', чҭачҭа-
чҭаракҭи (лак.) 'спиртное'
шалахо (рут.) 'грузинский танец'

II. ГРУЗИНИЗМЫ В ЯЗЫКАХ КАВКАЗА

НАХСКИЕ ЯЗЫКИ

Чеченские грузинизмы

აკლამ (чеч.), анкал (чеч.), энкал (кист.) 'верблюд'
 ანკლარა (кист.) 'уж'
 ატლამ (кист.) 'персик'
 ბაზ (акк., итум.), база (чеч., чеч.) 'самшит'
 ბარგოლ (акк.), багуол (чеч., чеч.) 'путы'
 ბორ (кист.), бурам (чеч., чеч., итум.) 'паром'
 ბურკი (чеч.), бурт (кист.), буърка (чеч.) 'мяч'
 ვაზ (кист.) 'виноградная лоза'
 ვერიე (кист.) 'курочка'
 გუაგარ (кист.) 'тыква'
 ძაბერ (кист.), дзабур (чеч.), дзйббар (чеч.), дзузам (итум.) 'лейка, воронка'
 ძიედიგ (кист.) 'треножник'
 ინდაურ (кист.) 'индюк'
 იხო (кист.) 'утка'
 კალბ (чеч., чеч., итум.), კალბ (кист.) 'лапоть'
 კევრ (кист.), кивр (чеч.), куыйра (чеч.), კუბრ (итум.) 'маслобойка'
 კუახ (кист.) 'шалаш, палатка'
 კუორი (итум.), კუბრი (чеч.), куыйр (кист.), куыйра (чеч., акк.) 'ястреб'
 კუოტამ (чеч., кист.), კუოტამ (итум., чеч.) 'курица'

კვოვრამ (кист.) 'суп, бульон'
 კლამახ (кист.) 'форель'
 კლირ (итум.), კლირა (чеч.) 'воскресенье'
 კლუაჩი (кист.) 'катушка'
 კლუდალ (чеч., кист., итум.) 'кувшин'
 ლა (акк., кист., итум., чеч.), ლან (чеч.) 'подкова'
 ლეიბ (кист.) 'матрас'
 ლუკლუმ (кист.) 'ломтик'
 მუაზღარ (кист.), მოზღარ (чеч., чеч.), მოცღარ (итум.) 'священник'
 მუტაგ (кист.), მუტახ (чеч.) 'валик'
 ნადჯახ (кист.) 'топорик'
 ნობს 'дыня'
 ორჩოტ (кист.), ორშატ (итум.), ორშაუტ (чеч.), ორшуоте (чеч.) 'понедельник'
 ობურ (кист.) 'кирпич'
 პარშავანგ (кист.) 'павлин'
 პო (кист.) 'брод'
 პონდარ (чеч.), პхонდარ (акк.), პანდურ (чеч.) 'скрипка'
 პურიე (кист.), პური (чеч.) 'печь'
 პარკი (кист.) 'шелкопряд'
 პერასკლა (акк., итум., чеч.), პერასკი (кист.), პარისკინი (кист.) 'пятница'
 რუშ (кист.) 'оборка'
 საპანტი (кист.) 'дробь'
 საყნტალ (кист.) 'свеча'
 საღიდარ (кист.) 'церковь'
 ტაბიგ (кист.) 'поднос'
 ტიროლა (кист.) 'жаворонок'

муцлукI 'оспа'
 нав 'лодка'
 надзви 'ель'
 намгал 'серп'
 окр 'золото'
 оршабати 'понедельник'
 пичIв 'сосна'
 полад 'сталь'
 поцхвер 'рысь'
 пIараскI 'пятница'
 пIъеранг 'нижняя рубашка'
 сапIо" 'мыло'
 сацвали 'нижнее белье'
 симинд 'кукуруза'
 сирсил 'цесарка'
 сихашI 'чахотка'
 сноб 'справка'
 стIапило 'морковь'
 тавад 'князь, помещик'
 тавтав 'колос'
 телгам 'репа'
 тIохI//тоькхиш 'мотыга'
 тудж 'чугун'
 тунг 'кувшин для воды'
 урем 'арба'
 хаз 'линия, черта'
 хликI 'ящерица'
 хорбол 'пшеница'
 цер 'берег'
 цикъва 'белка'
 цискIул 'заря'
 цIаибл 'каштан'
 цIве" 'сок'
 цIев 'порядок'
 цIеге болокI 'редис'
 цIицIег 'стручковый перец'
 цIицил 'цыпленок'
 цIурбел 'пиявка'
 чарка 'деревянный кувшинчик'
 чирчил 'моль'
 чIархал 'свекла'
 чIачIа 'выжимки'
 чIотI 'филин'
 шабат 'суббота'
 шалт 'кнут'
 швинд 'кизил'
 шлам 'песок'

АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

абер (абх.) 'монах'
 акватани//акIватан 'луг'
 акIымытIыр (абх.) 'огонь'
 амаркIатIыл (абх.) 'пожирец'
 амартакI//амыртак (абх.) 'валик'
 амзыз (абх.) 'причина'
 апIаркIь (абх.) 'шелкопряд'
 атIами (абх., адыг.) 'персик'
 атуджъ//атIыджъ (абх.) 'чугун'
 ауард (абх.) 'роза'
 ахъвархъ//ахъвархъ (абх.) 'пила'
 бIэрэске//бIэрэскIэжъый (адыг.),
 бIраскIэ (убых.) 'среда'
 чIархъал (адыг.) 'свекла'
 шIэмбIэт//шIэбIэт (адыг.), шIэбIэ
 (убых.) 'суббота'

ОСЕТИНСКИЕ ГРУЗИНИЗМЫ

агури 'кирпич'
 адли 'метр'
 аклеми 'верблюд'
 атIами 'персик'
 белтI 'кусочек, участок'
 бза//буза 'самшит'
 вази 'виноградная лоза'
 ванцIульуль 'бузина'
 варди 'роза'
 гогра 'тыква'
 годор 'корзина'
 гом 'домик'
 гIалех 'крестьянин'
 гъала 'оброк'
 дадали 'самка'
 дзабри 'лейка, воронка'
 дзера 'коршун'
 дзмари 'уксус'
 зачIи 'буйволенок'
 зети 'растительное масло'
 индаур 'индюк'
 калмани 'лапоть'
 камари 'пояс'
 кIлаул 'слива'
 кIаба 'платье'

кIалата 'корзина'
 кIвурьинсхуь 'терновник'
 кIобала 'палка'
 кIовси 'ложка'
 кIомбостIо 'капуста'
 кIона 'пучок'
 кIунела 'боярышник'
 лобиа 'фасоль'
 локо 'сом'
 макъали 'ежевика'
 мачIари 'молодое вино'
 минди 'плата за помол'
 мураба 'варенье'
 надзахи 'топорик'
 неси 'дыня'
 онопа 'удод'
 пахса 'грабли'
 питри 'омела'
 пIенIела 'бабочка'
 сабантIы 'порох'
 сантели 'свеча'
 симинди 'кукуруза'
 соти 'чурек'
 стIашило 'морковь'
 султIуь 'полоса сухой кожи'
 тоне 'печь'
 тохи 'мотыга'
 туджи 'чугун'
 тунджи 'мера жидких тел'
 тIаро 'початок'
 херх 'пила'
 цIабли 'каштан'
 цIалды 'шашлык'

цIамалжI 'порох'
 цIанда 'носок, чулок'
 цIицIакIа 'стручковый перец'
 цIнили 'маринад'
 чIачIа 'выжимки'
 чIеки 'глиняная сковорода'

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ
 ГРУЗИНИЗМЫ
 (закатальско-кахские
 говоры)

анцIили 'бузина воночая'
 бакIи 'овцеводческая форма'
 год 'мера сыпучих тел'
 денки//дэнки 'корзина'
 джанджыр 'венгерка (сорт сли-
 вы)'
 кох 'изба, крытая соломой'
 кIатха 'глазница, скорлупа'
 мачIарий 'молодое вино'
 мукъалий 'ежевика'
 нерги 'семенной лук'
 питри 'омела'
 саган//сэган 'ларь'
 сапел//запел//зепел 'бук'
 сикъий 'суслик'
 тIикIий//тIикIи 'бурдюк'
 цIикъи 'белка'
 цIанда 'носок, чулок'
 чIечI 'самогон'
 чIуькъ 'грязь'

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЯЗЫКИ, ДИАЛЕКТЫ И ГОВОРЫ

абж. – абжуйский д-т (абх.)
абх. – абхазский яз.
авар. – аварский яз.
агул. – агульский яз.
адыг. – адыгский яз.
азерб. – азербайджанский яз.
акк. – аккинский д-т (чеч.)
анг. – английский яз.
андал. – андалальский д-т (авар.)
анц. – анцухский д-т (авар.)
анцр. – анцросухнадинский говор (анц.)
араб. – арабский яз.
арм. – армянский яз.
арч. – арчинский яз.
ахв. – ахвахский яз.
багв. – багвалинский яз.
балк. – балкарский д-т (кар.-бал.)
бацб. – бацбийский яз.
беж. – бежтинский говор
бежт. – бежтинский яз.
ботл. – ботлихский яз.
бухн. – бухнадинский говор (анц.)
варт. – варташенский д-т (удин.)
гельм. – гельмецкий д-т (цах.)
гид – гидский д-т (авар.)
гин. – гинухский яз.
год. – годоберинский яз.
груз. – грузинский яз.
гунз. – гунзибский яз.
дагест. – дагестанские яз.
дарг. – даргинский яз.

джав. – джавахский д-т (груз.)
др.-груз. – древнегрузинский яз.
зак. – закатальский д-т (авар.)
зак.-ках. – закатальско-кахские
 говоры (азерб.)
зан. – занский яз.
ингил. – ингилойский д-т (груз.)
инг. – ингушский яз.
иран. – иранские яз.
итум. – итумлинский д-т (чеч.)
ицар. – ицаринский д-т (дарг.)
каб. – кабардинский яз.
кар. – каратинский яз.
карах. – карахский д-т (авар.)
кар.-бал. – карачаево-балкарский
 яз.
картв. – картвельские яз.
картл. – картлийский д-т (груз.)
ках. – кахетинский д-т (груз.)
кел. – келебский смешанный го-
 вор (авар.)
кид. – кидиринский говор (цез.)
кист. – кистинский д-т (чеч.)
кубач. – кубачинский д-т (дарг.)
кум. – кумыкский яз.
кусур. – кусурский д-т (авар.)
лак. – лакский яз.
лат. – латинский яз.
лезг. – лезгинский яз.
мегр. – мегрельский д-т (зан.)
мок. – мококский д-т (цез.)
мтиул. – мтиульский д-т (груз.)
мышл. – мышлешский говор (цах.)
нахад. – нахадинский говор (гунз.)
нахск. – нахские яз.

н.-батл. – нижебатлухский говор (авар.)
нем. – немецкий яз.
нидж. – ниджский д-т (удин.)
общеавар. – общеаварский яз.
окт. – октомберский говор (варт.)
осет. – осетинский яз.
перс. – персидский яз.
пшав. – пшавский д-т (груз.)
русск. – русский яз.
рут. – рутульский яз.
сарус. – сарусойский говор (гунз.)
сван. – сванский яз.
таб. – табасаранский яз.
таш. – ташский говор (анц.)
терк. – теркский д-т (кум.)
тив. – тивийский говор (анц.)
тинд. – тиндинский яз.
тляд. – тлядальский д-т (бежт.)
том. – томуринский говор (анц.)
удин. – удинский яз.
фр. – французский яз.
хайд. – хайдакский д-т (дарг.)
хаши. – хашархотинский говор (бежт.)
хвари. – хваршинский яз.
хевсур. – хевсурский д-т (груз.)
цах. – цахурский яз.
цахд. – цахский д-т (цах.)
цез. – цезский яз.
цезск. – цезские яз.
черб. – чеборлейский д-т (чеч.)
чад. – чадаколюбский говор (анц.)
чам. – чамалинский яз.
чан. – чанский д-т (зан.)
чантл. – чантлискуринский говор (бежт.)
чеч. – чеченский яз.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

ген. – генитив
гл. – глагол

гов./г-р – говор
дат. п. – дательный падеж
диал./д-т – диалект
ед.ч. – единственное число
им.п. – именительный падеж
мн.ч. – множественное число
нареч. – наречие
прил. – прилагательное
род. I – родительный I падеж
род. II – родительный II падеж
суф. – суффикс
сущ. – существительное
твор. п. – творительный падеж
числ. – числительное
эрг. п. – эргативный падеж

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ

ВДИ – Вопросы древней истории
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКА – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ИКА – Иберийско-кавказское языкознание (языки)
СМОМПК – Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах
УЗ ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
УЗ АНИИ ЭЯЛИ – Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы, истории

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (И.Х. Абдуллаев)	3
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ВЗАИМО- ОТНОШЕНИЙ	17
ГЛАВА II. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ НА КАВКАЗЕ	32
ГЛАВА III. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУЗИНСКО-ДАГЕСТАН- СКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ	43
ГЛАВА IV. КЛАССИФИКАЦИЯ ГРУЗИНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ	60
Тематическая классификация	60
Структурно-грамматическая классификация	116
Хронологическая стратификация	121
ГЛАВА V. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ГРУЗИН- СКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫ- КАХ	138
Фонетическое освоение	139
Морфологическое освоение	172
Синтаксическое освоение	181
Лексико-семантическое освоение	182
ГЛАВА VI. ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ГРУ- ЗИНСКОГО ЯЗЫКА НА НЕКОТОРЫЕ ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ	205
Фонетическое влияние	205
Морфологическое влияние	215
ГЛАВА VII. ДАГЕСТАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ	224

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
ЛИТЕРАТУРА	245
ПРИЛОЖЕНИЕ	263
Дагестанские грузинизмы	263
Грузинизмы в языках Кавказа	279
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	283

ՅԳՐՅԵՅԸՈՈ
ՅՈՅԸՆՈՐՈՅՅՅ

Научное издание

Халилов Маджид Шарипович

**ГРУЗИНСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ**

*Утверждено к печати
Институтом языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *М.Л. Береснева*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *О.В. Аредова*

Корректоры *З.Д. Алексеева,*

Г.В. Дубовицкая, М.Д. Шерстенникова

Подписано к печати 23.12.2003

Формат 60 × 90^{1/16}, Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 18,0. Усл.кр.-отт. 18,5. Уч.-изд.л. 18,6

Тираж 800 экз. (РНФ – 300 экз.)

Тип. зак. 3000

Издательство “Наука”

117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”

199034 Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

2004029348

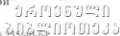
АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 255-46-64

Магазины "Академкнига" с указанием "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3432)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU

220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akademkniga@voxnet.ru <http://akadkniga.nm.ru>

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)

630901 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой");

(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 277) 3-38-80

443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга-почтой"); (код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57 (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru

199164 Санкт-Петербург, Таможженный пер., 2 (код 812) 328-32-11

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т; 4 (код 812) 247-70-39

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-74

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru

akadkniga@voxnet.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

По вопросам приобретения книг

государственные организации

просим обращаться также

в Издательство по адресу:

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90

тел. факс (095) 334-98-59

E-mail: initsiat @ naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ГРУЗИНСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ АЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

ქართული
ლინგვისტიკა

ХАЛИЛОВ Маджид Шарипович – заведующий отделом лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г.Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Дагестан; автор более 110 научных публикаций по проблемам лексикологии и лексикографии дагестанских языков и языковых контактов, среди которых монографии, словари и переводы: «Вопросы лексики бежтинского языка». М., 1989; «Бежтинско-русский словарь». Махачкала, 1995; «Библиография по дагестанскому языкознанию». Махачкала, 1998 (отв. ред. и один из составителей); «Евангелие от Луки» на бежтинском языке. М., Стокгольм, 1999; «Цезско-русский словарь». М., 1999; «Гунзибско-русский словарь». М., 2001 (в соавторстве); «Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики». М., 2003 (в соавторстве); «Русско-аварский словарь». Махачкала, 2003 (в соавторстве); «Книга «Притчей Соломоновых»» на бежтинском языке. М., 2003; ответственный редактор ряда монографических исследований и словарей: «Бежтинцы: Историко-этнографический очерк». Махачкала, 1994; «Каратинско-русский словарь». СПб., 2001, и т.д.

ISBN 5-02-032680-1

9 785020 326804

НАУКА